

18260к.

На заре
Октября

Дн

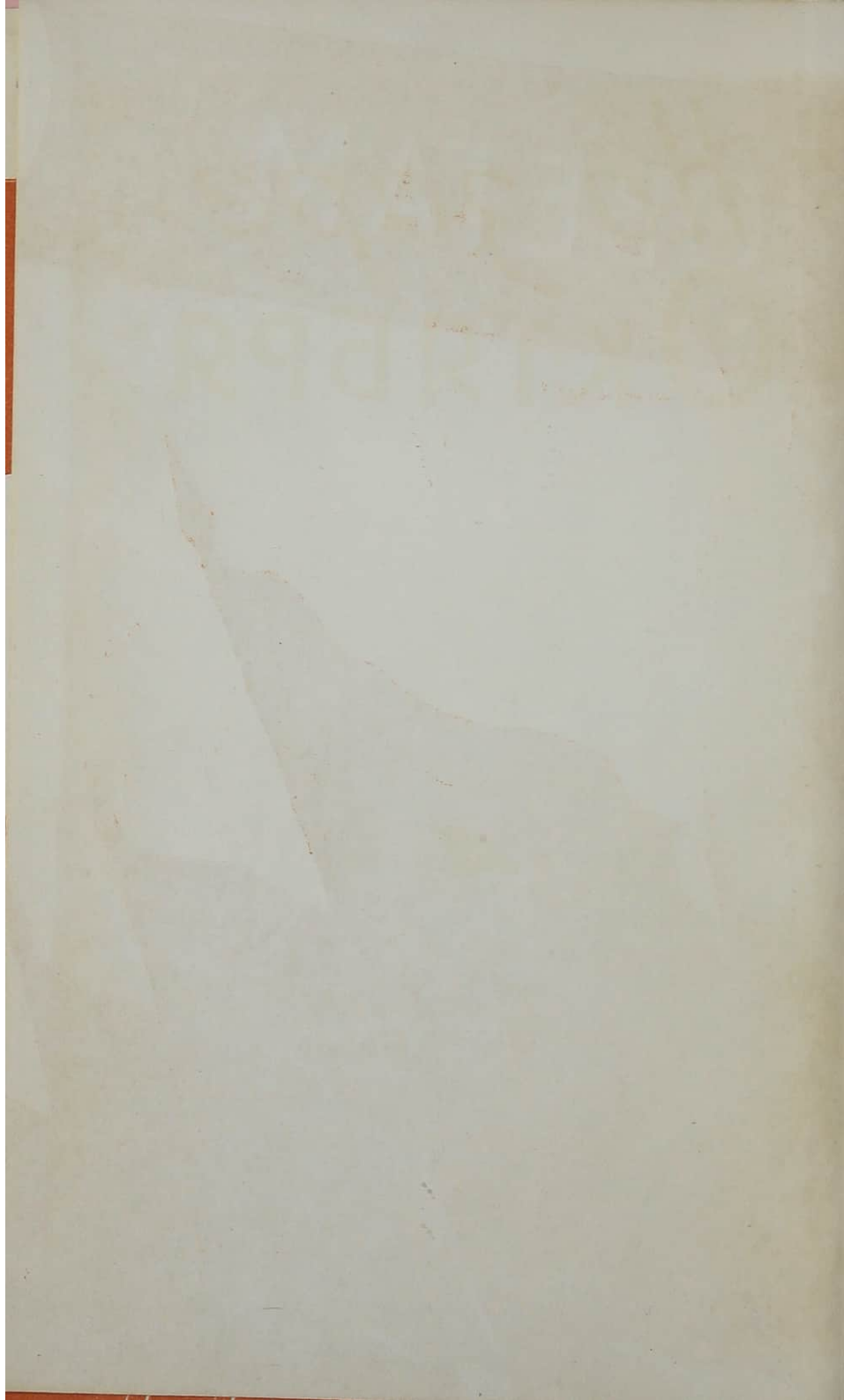
И 922

ВСЯ ВЛАСТЬ

СОВЕТАМ!

На заре ОКТАБРЯ

Очерки и воспоминания

Ивановское книжное издательство
1957

2010

12260к
1958

94

ОКТАВРА
1926

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

1926.10

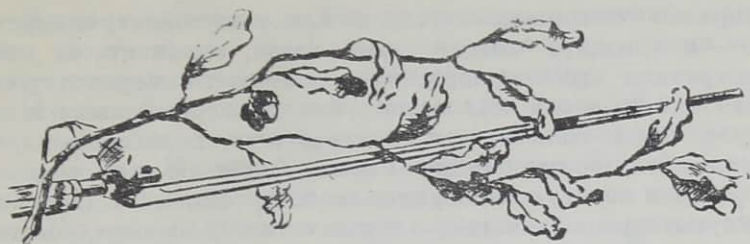
1926

1926

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящий сборник вошли очерки и воспоминания о событиях и участниках Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Выпуская этот сборник, издательство далеко не претендует на исчерпывающее освещение событий того периода. Издательство считает его лишь началом большой работы, которая будет продолжена путем издания книг, посвященных революционным деятелям нашего края.

Дм. ФУРМАНОВ

М. В. ФРУНЗЕ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Помню я — Иваново-Вознесенск, 1917 год, жуткий голод, неисходную безработицу, армию голодных, раздетых ткачей. А наряду с тем — кипучая работа в фабзавкомах, укреп советской власти, строительство новой, красно-ткацкой Иваново-Вознесенской губернии: из кусочков Владимирской, Ярославской и Костромской надо было шить свою, текстильную. Фрунзе в те дни работал председателем Шуйского Совета. И его вызывали в Иваново — на это новое большое дело. В конце года были съезды, — на этих съездах и решали вопросы организации губернии, — в работах съездов первая роль принадлежала Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Я первый раз увидел его на заседании и запечатлел в памяти своей добрые серые глаза, чистое бледное лицо, большие темно-русые волосы, откиннутые назад густоволнистой шевелюрой. Движения Фрунзе были удивительно легки, просты, естественны — у него и жестикуляция, и взгляд, и положение тела как-то органически соответствовали тому, что он говорил в эту минуту: говорит спокойно — и движения ровны, плавны, и взгляд покоен, все

существо успокаивает слушателей; в раж войдет, волнуется — и вспыхнут огнями серые глаза, выскочит на лбу поперечная строгая морщинка, сжимаются нервно тугие короткие пальцы, весь корпус быстро перематывается на стуле, голос напрягается в страстных высоких нотах, и видно, как держит себя Фрунзе на узде, как не дает сорваться норову, как обуздывает кипучий порыв. Прошли минуты, спало волнение — и вошли в берега передражавшие страсти: снова кротки и ласковы серые глаза, снова ровны и покойны движения, только редко-редко вздрогнет в голосе струнка недавнего бурного прилива.

Я запечатлел образ Фрунзе с того памятного первого заседания в семнадцатом году, и сколько потом ни встречался с ним в работе, на фронтах ли — я видел всегда его таким, как тогда, в первый раз: простым, органически цельным человеком.

От общения с ним, видимо, у каждого оставался аромат какой-то особой участливости, внимания к тебе, заботы о тебе — о небольших даже делах твоих, о повседневных нуждах.

Недаром и теперь, когда встал он на высочайшем посту народного комиссара, — и теперь ходили к нему на прием вовсе запросто и блузники-ткачи и крестьяне-лапотники, шли к своему старинному подпольному другу Мише, которого еще по давним-давним дням знали и помнили как ласкового, доброго сероглавого юношу.

КАК СОБИРАЛСЯ ОТРЯД

Иваново-Вознесенск. Конец 1918 года. Заседает бюро губкома — обсуждают вопрос о необходимости создать срочно рабочий отряд, пустить его на колчаковский фронт. Говорит Фрунзе:

— Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешнейшем порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят — ЦК проводит партийную мобилизацию... А нам, иваново-вознесенцам, колчаковский фронт важен вдвойне — там пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынущие в безработице корпуса...

Я помню — всё мы, верно, до последнего человека, заявили о готовности своей идти на фронт. Но нельзя же отпустить целый губком, — стали делать отбор.

И какое было жадное соревнование: вперевод каждый рвался, чтобы отпустили именно его, высказывал доводы, соображенья. В личной беседе, еще раньше, Фрунзе говорил мне, что берет с собой; он уже назначался командовать IV армией. И каков же был удар, когда я узнал, что вместо меня едет Валериан¹. Я устроил сцену и Валериану и Фрунзе.

— Ну, как-нибудь там уладьте... может и отпустят, — посоветовал Михаил Васильевич.

Переборол. Согласились. Уже много позже дали бумагу в том, что являюсь:

«...уполномоченным Иваново-Вознесенского губернского комитета Российской Коммунистической партии по przeprowadению отряда особого назначения при IV армии в район действий этой армии».

На этом же заседании постановили и про отряд. У меня сохранился самый документ. Вот он:

«Выписка из журнала заседания бюро губернского Иваново-Вознесенского комитета Российской Коммунистической партии от 26 декабря 1918 г.

1. Ввиду особой важности для нашего промышленного текстильного района скорейшего завоевания Оренбурга — Ташкентского направления.

2. Ввиду необходимости поднять настроение стоящих там красноармейских частей и

3. Принимая во внимание отъезд на этот участок фронта председателя губернского комитета партии товарища Фрунзе — постановляется:

организовать отряд особого назначения из рабочих Иваново-Вознесенского текстильного района и отослать его в район действия IV армии».

Мы дружно взялись за отряд — рабочие шли охотно, в короткий срок набралось как надо. Придтели из последнего, добыли с трудом оружие — кажется, сносились с Москвой, свезли оттуда.

Наташили литературы; в гарелинских казармах, где стояла часть отряда, вечерами занимались культурной работой, готовились к фронтовой борьбе, — понимали, что придет-

¹ Наумов.

ся действовать не только штыком, но и дельным, нужным словом. Особенно помнится мне в эти дни близкий друг Фрунзе — Павел Степанович Батурин. Он заведовал тогда губернским отделом народного хозяйства. Но при организации отряда всё время возился с оружием, отовсюду собирал его, раздавал отряду.

Позже, в конце 1919 года, прислал его Фрунзе вместо меня, отозванного на другую работу — комиссаром Чапаевской дивизии. Но недолго проработал он на этом посту — казацкий налет изрубил штаб, изрубил политический отдел, погиб тогда в жестокой сече и славный комиссар Павел Батурин.

Мне помнится, он всё рассказывал про Фрунзе, как тот сидел во владимирской централке, как ему Павел Степанович переправлял туда книги; рассказывал диковинные вещи про смертника Фрунзе: в заключении он не потерял бодрость настроения, много занимался собой, изучал, что можно было, для товарищей являлся лучшим образцом, подбадривая их своим примером.

Отряд был готов. Погрузились. Проводили нас тысячные толпы рабочих, наказывали не посрамить красную губернию ткачей, клялись не забывать наших семей, помогать им в трудные дни.

Мы приехали в Самару, там ждали приказа Фрунзе — направляться немедленно в Уральск.

Так началась боевая история славного Иваново-Вознесенского полка — он бился с Колчаком, потом ходил на польский фронт — в рядах героической Чапаевской дивизии.

И в самые тяжкие минуты помнили бойцы своего командира Фрунзе, воодушевлялись одною мыслью, что он где-то здесь, около них, что он руководит борьбою...

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

В конце восемнадцатого года, когда решен был вопрос об отправке на фронт из Иваново-Вознесенска рабочего отряда, мы, группа партийных тамошних работников, собрались на разлуку: многие из нас уезжали вместе с отрядом.

Собрались запросто посидеть, потолковать, обсудить обстановку, создавшуюся в губернии в связи с отъездом

ответственных партийцев... Мы понимали, что собираемся, может быть, в последний раз, что больше в таком составе не собратся уже никогда: открывалась перед нами новая полоса жизни. Вот мы рассыплемся по фронту, вот перекинемся на окраины, зацепимся на боевых, командных, на комиссарских постах, может быть, застрянем где и по гражданской работе в прифронтовой полосе.

Так думали, так оно и случилось, мы уже потом, через годы, совсем неожиданно сталкивались друг с дружкой где-нибудь на Урале, в Сибири, в Поволжье, даже в далекой окраине Туркестана, в Джетысуйской области. Иные уж и совсем не воротились назад: в первых же боях с уральскими казаками погиб старейший большевик Мякишев; потом зарубили казаки же под Абищенском Павла Батурина, а где-то под Пугачевом, окружив и искрошив наш полк, озверевший враг надругался над трупом расчеченного в бою, забываемого бойца и комиссара Андреева.

Да, мы знали тогда, в этот прощальный вечер, что собираемся в последний раз. С нами был и Фрунзе — он вскоре принимал командование армией, уезжал в Самару. Сколько там выхлестнуто было пламенных речей, сколько было пролито дружеских настроений, сколько раскатилось гневных клятв, обещаний на новые встречи, какая цвела там крепкая, здоровенная уверенность в счастливом исходе боевой страды!

Помню, Фрунзе говорил всё про своё, про заветное:

— Ну, что ж, тяжело, может быть и тяжелее... Нам бы вот теперь эту пробку откупорить, что под Оренбургом, — там прямая дорога к туркестанскому хлопку...

Эх, хлопок, хлопок, как бы ты разом на ноги встряхнул наши притушенные корпуса!..

И когда мы потом очутились на фронте, казалось — самая острая мысль, самое светлое желание Фрунзе устремлены были именно к Туркестану.

Лишь только «откупорили оренбургскую пробку», Фрунзе сам помчал в Ташкент, и с какой он гордостью, с какой радостью сообщал тогда о первых хлопковых эшелонах, тронутых на север; видно, в этот момент осуществлялась лучшая, желаннейшая его мечта...

Сидели и толковали мы тогда в Иванове про разное, говорили много и про город рабочего района.

— Будем оттуда помогать, — сказал уверенно Фрун-

зе.— Как только малейшая возможность — глядишь, десяток-другой вагонов хлеба можно и дослать!..

И помню, уже с фронта сколько раз отсылал он голодным ткачам хлебные составы, сколько положил он тут забот, сколько выдержал осад из Наркомпрода, сколько крови попортил на спорах, на уговорах, на всей этой сложнейшей возне с заготовками и самостоятельной переправкой эшелонов к Иваново-Вознесенску: в те дни задача эта была исключительно трудна.

И вот о чем, о чем только ни говорили мы в тот памятный вечер — все зарубал Фрунзе в своей памяти, все осуществлял потом среди адской работы, несмотря ни на какую сложную обстановку.

Он свой северный край, Иваново-Вознесенский край, любил какой-то особенной, нежной любовью. Даже и теперь, в эти дни, перед смертью, перед операцией, он называл кому-то из ближайших друзей:

— А помру — похоронить меня в Шуе... там — знаешь, что на Осиновой горке...

И всё, всё припомнилось мне теперь из того незабываемого прощального вечера.

Мы пели песни, запели его любимую:

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зеленый мой...

Мы хором подхватывали, дружно вели мелодию прекрасной печальной песни. Пел и Фрунзе. Он положил голову на ладонь и подтягивал. Пел, а серые умные глаза были свежи и трезвы, видно было, что и за песней все работает — работает без перебоя его мысль, не оставляют его какие-то тревожные думы.

Уже давно и далеко вглубь ушел тот вечер, ему восемь диковинных и великих годов. Уж многих нет из тех, что пели тогда про зеленый сад, а теперь вот ушел и лучший, первый между нами, — нет любимого Михаила Васильевича, нет прекрасного и редкостного человека с мудрой головой и с нежным и детским сердцем.

ВСТРЕЧА В УРАЛЬСКЕ

Иваново-Вознесенский рабочий отряд временно задержали в Самаре. Нас четверых Фрунзе спешно вызвал в Уральск. Стояла глухая зима 1919 года. Красная линия

М. В. ФРУНЗЕ,

фронта была под самым Уральском, что-то верстах в двадцати-тридцати. Мы ехали степями, на перекладных и дивились на сытую жизнь степных богатств сел и деревень. После голодного Иваново-Вознесенска, где месяцами не давали хлеба ни единого фунта, где жили люди картофельной шелухой, а картошку ели взасос и на закуску, нам, после этого сурового голода, степная жизнь показалась сказочно-привольной, удивительной и не похожей ничуть-ничуть на ту жизнь, которой жили мы вот уже полтора голодных года.

Было здесь и другое, что отличало степную жизнь от нашей северной: близкое дыхание фронта. Степь была — как вооруженный лагерь: она полна была и людьми, и лошадьми, и скотом, и хлебом — мобилизована для фронта. Здесь и разговоры были особенные — все про полки, про казачьи сотни, про недавние бои, про смерть близких людей. Попадались то и дело раненые, приехавшие в семьи на поправку. Мы остро чувствовали, что едем на новую жизнь.

Приехали в Уральск. Уральск — просторный степной город, в нем сгрудилось в те дни огромное количество войск: отсюда уходили полки на позицию, сюда приходили со смены, здесь отдыхали, чинились, подкреплялись и уходили снова. По городу грохотала непрерывная пальба, нето учебная, нето случайная — на удаль, как здесь в то время говорили: «огонь по богу!». Помнится, встретились с одним из ближайших помощников Фрунзе, с Новицким Федором Федоровичем, он с ужасом заявил:

— Черт знает чего палят! И поверите ли, за сутки больше двух миллионов патронов ухлопают... Не взять еще сразу нам в руки — ну, да посмотримся, остепеним...

И в самом деле остепенили: пальбу и весь этот вольный разгул утишило скоро, особенно же, когда влились сюда иваново-вознесенские ткачи.

Мы, как только приехали в Уральск, заторопились увидеть Фрунзе, а он — на позиции. Мы его увидели только ввечеру. И, помню, рассказывал тот же Федор Федорович:

— Насилу его удержишь, Михаила Васильевича; все время выскакивает вперед... Мы уж спрятались за сарай, оттуда и наблюдали... а его все поддерживали около себя... Да и бой-то вышел нам неудачный... чуть в кашу не попали...

Мы входили в комнату Фрунзе. Он сидел, склонившись над столом, на столе раскинута карта, на карте всевозможные флажки, бумажки, пометки... Кругом в почтительных позах старые полковники — военные специалисты — обсуждали обстоятельства минувшего неудачного боя, раскидывали мысли на завтрашний день.

Фрунзе принял нас радостно, приветливо, сжал руки, кивнул на диван, показал глазами, что надо обождать, когда окончится совещание. И потом, когда спецы ушли и мы остались одни, он подсел к нам на диван, обернулся из командующего — старым, милым товарищем, каким знали, помнили его по Иваново-Вознесенску, завел совсем иные разговоры — про родной город, про наши фабрики, расспрашивал, как живут рабочие, как мы ехали с отрядом, узнавал, какое настроение в степи, как мы сами тут устроились, в Уральске. Рассказывал про сегодняшний неудачный бой, про новую, замышляемую нами операцию, прикидывал, кого из нас куда послать... Мы просидели, проговорили до глубокой ночи. Шли к себе в номер, беседовали:

— А под глазами-то кружки... осунулся.

— Пожелтел...

Мы не видели его всего-навсего два месяца, а перемена была уж так заметна. Дорого доставалась ему боевая работа.

Скоро мы все разъехались к действующим частям, утеряли из виду Михаила Васильевича на долгие месяцы.

ДЕСЯТЬ МИНУТ

Иной летучий, крошечный фактик так врезается в память, что не забыть его во всю жизнь. Это значит, что фактик этот по существу своему был не мелочью, что действие его было глубокое, что смысл его был серьезен, и только внешняя форма — летучесть, краткость, внезапность — отпечатлели его как мелочь.

Как-то в 1919 году, в апреле — мае, полки 73-й бригады расколотили колчаковскую часть. Уж не помню, насколько значительна и важна была эта победа, не помню, были ли какие трофеи, выигрывалось ли особо серьезное положение. Но после удручающих весенних неудач и этот выигранный бой был на виду. Штаб бригады стоял в ка-

кой-то татарской деревушке. Маленькая закуренная комната, телефоны, аппараты на столе, склонённые чирикающие телеграфисты. То и дело взвизгивает дверь в избу — командиры ли, вестовые входят, иной раз в латанной шапке, в ватном балахоне прорвется житель — татарин с жалобой на теленка, за утащенные неведомо кем лопату, бадью, оглоблю...

В штабе шум и гул, в штабе чирикающий непрерывно говор аппарата... И вдруг тихо:

— Фрунзе приехал...

— Как Фрунзе, где?

— Сюда не смог — машина встала в грязи... Подходит пешком. С ним какой-то усатый... Ну, уж конечно, усатый этот — первый его боевой соратник, Фёдор Фёдорович Новицкий.

И в штабе вмиг всё подтянулось, встало и село на свои места — словно и комната стала просторней, и аппарат заработал отчетливей, и взгляды у всех посвежели, забодрились, засветились.

Короткой и крепкой походью, как всегда, чеканно отступившая каблуками, Фрунзе вошел в штаб. Мы хотели было рассказать про удачу, а он уже всё знал; ему хотели рассказать про общее положение, настроение татар-сельчан, про трудности с перевозкой артиллерии по этакой глинистой вязкой дороге, про медленный подвоз патронов, про нехватку, а он сам, прежде чем скажут, подсказывает то же самое: видно сводки и отчеты не соскальзывали у него с памяти, а зацеплялись там какими-то крючочками и цепко держались до нужной минуты. Он пробыл недолго. Тут же, за этим штабным столом, наметал благодарственный приказ и передал его:

— Распространить... Прочсть... Молодцы, ребята!..

Он пробыл всего, может быть, десяток минут — заглянул только по пути, торопился в другое место.

И после этого короткого визита — отчего же стало всем так легко, словно набрали полной грудью свежего воздуха и дышат-не могут надышаться?

Простые нужные слова, этот освежающий, бодрящий приказ, эта весть по полкам, что Фрунзе тут, около и сказал спасибо ребятам за удачу, — все это освежающей волной прокатилось по полкам, и полки помолодели, повеселели. Кажется, и крошечный фактик, а, видимо, важен, нужен был он в те дни и часы. Только весть о приезде и

только дружеское слово любимого командира, — а сколько от этого жизни, сколько заново уверенности в себе, какой подъем!

ПРИМИРИТЕЛЬ

Близкие друзья когда поспорят, так крепко: наотмашь, сплеча, не жалея самого дорогого — свою дружбу.

Как-то, злые и нервные до предела, ехали мы в степи с Чапаевым. Он слово — я слово, он два — я четыре. Распалились до того, что похватались за наганы. Но вдруг поняли, что стреляться рано — одумались, смолкли. И ни слова не говорили весь путь — до штаба 73-й бригады. Отношения переменились как-то вдруг, и мы ничего не могли поделаться с собой. Экспансивный и решительный, мало думая над тем, что делает, Чапаев написал рапорт об отставке. Дал телеграмму Фрунзе, что выезжает к нему для доклада. А я знал, о чём будет этот доклад, — Чапаев вгорячах может наделать всяких бед. И я послал Фрунзе поперечную телеграмму: не разрешайте, мол, Чапаеву выезжать на доклад, скоро приедем вместе, тогда выясним дело.

Фрунзе Чапаеву воспретил приезд. Прошли дни горячих боёв, — мы собрались, поехали в Самару.

Звоним из штаба на квартиру:

— Михаил Васильевич дома?

У телефона жена Фрунзе, Софья Алексеевна.

— Дома, лежит больной, но вас примет. Только, пожалуйста, недолго, не утомляйте его...

Приехали. Входим. Михаил Васильевич бледный, замученный, лежал в полумраке, улыбнулся нам приветно, усадил около, стал расспрашивать. Говорит о положении на фронте, о величайших задачах, которые поставлены нашим восточным армиям, справляется о наших силах, о возможностях, рассказывает про Москву, про голод северных районов, про необходимость удесятерить наш нажим, столкнуть Колчака от Волги. Говорит-говорит, а про наше дело, про ссору нашу ни слова — будто ее и не было вовсе. Мы оба пытаемся сами заговорить, наталкиваем его на мысль, но ничего не выходит — он то и дело уводит беседу к другим вопросам, переводит разговор на свой, какой-то особенный, нам мало понятный путь. И когда расска-

зал, что хотел, выговорился до дна, кивнул нам, улыбаясь:
— А вы ещё тут скандалить собрались! Да разве время, ну-ка, подумайте... Да вы же оба нужны на своих постах — ну, так ли?

И нам стало неловко за пустую ссору, которую в запальчивости подняли в такое горячее время. Когда прощались, мы почувствовали оба себя словно прибитые дети, а он ещё шутил, напугивал:

— Ладно, ладно... Сживётесь... вояки!..

Мы с Чапаевым уходили опять друзьями: мудрая речь дорогого товарища утишила наш мятежный дух.

ФРУНЗЕ ПОД УФОЙ

В весенние месяцы девятнадцатого года черной тучей повис над Волгой Колчак. Мы сдали Уфу, Белебей, Бугуруслан, — в панике красные части россыпью катились на волжские берега. У Бузулука, под Самарой, у Кинели взад и вперед металась эшелоны, мялись на месте разбитые, упавшие духом полки.

Казалось, ничего уж не может теперь вдунуть дух живой этим войскам, потерявшим веру в себя.

Передовые разъезды Колчака рыскали в сорока верстах от Бузулука, выщупывали Поволжье, шарили наши части. Близилась дни драматической развязки.

Накругло сутки — в кабинете Фрунзе, в оперативном отделе, в штабе наших войск — кипела страстная работа. Быстро снимались красные полки туда, где теплилась чуточная надежда, вливали свежие, здоровые роты, ставили новых, крепких командиров из тыла в строй, отправляли отряды большевиков, целительным бальзамом оздоравливали недужный организм армии; с других участков, с других фронтов перекидывали испытанные части, в лоб Колчаку поставили стальную дивизию чапаевских полков. Гнали на фронт артиллерийские резервы, ящики патронов, винтовки, пулеметы, динамит, продовольствие хозяйственным частям: тыл в эти дни фронту служил, как никогда. «Всё для фронта» — и железной рукой проводили в жизнь этот мужественный лозунг.

У Фрунзе в кабинете совещание. Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи никнет над прямым проводом, Фрунзе тонкой палочкой водит по огром-

122601K

ным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булавочек, плавает по тонким нитям рек, перекидывается по горному горшку, идёт шоссейными путями, тонкой палочкой скачет по селам-деревням, задержится на мгновение над черным пятном большого города — и снова стучит-стучит-стучит по широкому пространству красочной, причудливой, многоцветной карты...

Около — Куйбышев чуть крепит бессонные темные глаза, встряхивает лохматую шевелюру; они советуются с Фрунзе на лету, они в минуты принимают исторические решения, гонят по фронту, по тылу, в Москву; гонят тучи запросов, приказов, советов... И вместе с ними — неразлучные, верные, лучшие, которых только выбрал, знал и любил Фрунзе. Они в те дни провели работу, которую еще не узнала и не оценила история; это они ночи насквозь сидели над мучительно-вздорными сводками фронта, вылавливали оттуда крупницы правды, отмечали паническую или восторженную ложь, из этих крупниц составляли какую-то свою, особенную и мудрую правду, это они давали сырье Фрунзе и Куйбышеву, чтоб из этого многоценного сырья крепкие головы отжимали самое нужное, из отжатого строили свои планы, из планов свивали сеть, в которую должен был попасть Колчак. Кипел неугомонный пламенной работой штаб.

Все понимали, какой момент, какая ответственность; здесь не здоровье, не отдых, не жизнь человеческая были дороги, здесь ставилась на карту сама советская Россия. Бешеным потоком хлестала здесь через края творческая энергия этих удивительных людей; Фрунзе умел подбирать своих помощников. С Фрунзе не задремлешь — он разбередит твоё нутро, мобилизует каждую крупинку твоей мысли, воли, энергии; вскинет бодро на ноги, заставит сердце твоё биться и мысль твою страдать так, как бьется сердце и мучается мысль у него самого. Кто с Фрунзе работал, тот помнит и знает, с какой мукой и с какой нестойвой радостью он всего себя, целиком, до последнего отдавал — и мысль, и чувство, и энергию — в такие решающие дни.

Крепко сжат был для удара по Колчаку кулак Красной Армии.

Фронт почувствовал дыхание свежей силы. Вздрогнул фронт в надежде, в неожиданной радости. Вдруг и неве-

домо как перестроились смятенные мысли — полки остановились, замерли в трепетном ожидании перемен.

И вот наступили последние дни. Фрунзе повел полки в наступление...

Как, неужели вперёд? Неужели конец позорному бегству, неужто Красная Армия двинулась к новым победам?

В необузданном восторге, круто обернувшись лицом к врагу, вдохновенные, строгие, выросшие на целую голову и не узнавшие себя,— бурной лавиной тронули вперед наши войска...

Вот сошлись с передовыми отрядами врага — легко и уверенно сбросили их назад. Крепла вера в себя. Вот снова ударилась с грудью грудь — и снова отшибли вспять. Выросла вера в огромную силу. Вот первые трофеи, первые партии пленных, вот вести, что к нам перешел неприятельский полк, что дрогнул враг по всему фронту...

Вот они, первые вестники побед. О, какой радостью прокатились по красным полкам эти громовые раскаты первых победных дней! Все настойчивей, стремительней мчит вперед неудержимая красная лава. Уже за нами Бугуруслан, за нами Белебей, Чишма, мы выходим на берег бурной Белой, перед нами высоко на горе раскинулась красавица Уфа. Вот он, ключ к сибирским просторам, вот он, город, который открывает широкую дорогу новым победам.

— Уфа должна быть во что бы то ни стало взята!

Колчак ушел за реку, он на нашем пути взорвал переправы, зажег запасы хлебов, фуража, изуродовал селенья — красные полки шли пепелищами, голой ровенью уфимских просторов. Враг оцетинился на высоком берегу жерлами английских батарей, офицерскими полками, стальной изгородью крепких, надежных войск.

Фрунзе дал клятву взять Уфу, Колчак дал клятву въехать в Москву: две исторические клятвы скрестились на уфимской горе. Уфу стремительно надо вырвать из цепких лап врага. Но как перейти эту бурную Белую, когда нет ни баржей, ни плотов, ни пароходов? Что эти лодочки, что эти бревнышки, стащенные нами к берегам, против уфимского моста! Нет, главным ударом надо бить не здесь.

Где-то у Красного Яра, верстах в двадцати повыше Уфы, наша кавалерия остановила в пути два пароходишка, груженные офицерами: пароходы взяли, офицеров утопили

в Белой. Эти пароходишки должны были сыграть невиданную роль. Живо построили плоты, стянули к Яру дивизии; первой пойдет Чапаевская, первым полком из Чапаевской пойдет на тот берег Иваново-Вознесенский.

Вечером в Красном Яру совещание всех командиров, комиссаров из стянутых к берегу частей. На совещании Фрунзе. Он тщательно взвешивает каждую мелочь, высчитывает, сколько часов в короткой июньской ночи, когда упадет в вечернем сумраке и снова займется заря, сколько можно бойцов вбить битком на пароходы и плоты, во сколько минут перебросят они на тот берег один, другой, третий полк... Взвешено всё, узнана каждая мелочь — как на ладони весь план, как на ладони наши силы, наши возможности, выверены тонко и точно силы врага, предусмотрены жуткие случайности.

— Ну, ребята, разговорам конец, час пришел решительному делу!

И ночью, в напряжённой сердитой тишине, когда белесым оловом отливали рокотные волны Белой, — погрузили первую роту иваново-вознесенских ткачей... По берегу в нервном молчании шныряли смутные тени бойцов, толпились черными массами у зыбких, скользких плотов, у вздыхающих мерно и задушевно пароходов, таяли и пропадали и снова грудились к берегу и снова медленно, жутко исчезали во тьму...

Отошла полночь. Тихой походью, в легких шорохах шел рассвет. Полк уже был на том берегу.

Полк перебрался, неслышным врагом, — торопливо бойцы полегли цепями; с первой дрожью сизого, мутного рассвета они, неожиданные, грохнут на вражьи окопы.

Здесь, на берегу, всю команду вел Чапаев; командовать полками за рекой услали Чапаев комбрига Сизова. За ивановцами вслед должны были плыть пугачевцы, разинцы, Домашкинский полк.

Наши батареи, готовые в бой, стоят на берегу, — они по чапаевской команде ухнут враз, вышвырнут врага из окопов и нашим заречным цепям расчистят путь... Время жало свой ход, каждый миг долог как час. Расплетались последние кружева темных небес. Проступили спелые травы в изумрудной росе. По заре холодок. По заре тишина. Редющий сумрак почти ползет с реки.

И вдруг — команда! Охнули тяжело гигантские жерла, взвизгнула страшным визгом утренняя тишина: над рекой

и звеня, и свистя, и стоная, шарахались в бешеном лёте смертоносные чудовища, рвалась в глубокой небесной тьме гневная шрапнель, сверканьем и огненным веером искр рассыпалась в жидкую тьму.

О-х... Ох-х... Ох... — били орудия.

В ужасе кинулся неприятель прочь от окопов.

Тогда поднялся Ивановский полк и ровным ходом заковыхался вперёд... Артиллерия перенесла огонь — была дальнюю линию, куда отступали колчаковские войска. Потом смолкла, — орудия снимали к переправе, торопили на тот берег.

Переправляли Пугачёвский полк, — он берегом шел по реке, огибал крутой дугой неприятельский фланг. Иваново-вознесенцы стремительно, без остановки гнали перед собой вражью цепь и ворвались с налёту в побережный посёлок Новые Турбаслы. И здесь встали, — зарываться вглубь было опасно. Чапаев быстро стягивал полки на том берегу. Уж переправили и четыре громады броневика — запыхтели тяжко, зарычали, грузно поползли они вверх — гигантские стальные черепахи. Но в зыбких колеях, в рыхлом песке побережья сразу три кувырнулись — лежали бессильные, вздернув вверх чугунные лапы. Отброшенный вверх неприятель пришёл в себя, осмотрелся зорко, оправился, повернул к реке сомкнутые батальоны и, сверкая штыками, дрожа пулеметами, пошел в наступление. Было семь утра.

В четырехчасовом бою иваново-вознесенцы расстреляли запас патронов, новых не было, с берега свозили туго: пароходики грузили туши броневиков, артиллерию, перекидывали другие полки.

Сизов отдал приказ:

— Ни шагу назад. Помнить бойцам: надеяться не на что — сзади река, в резерве только... штык!

И когда неприятель упорно повел полки вперед, когда зарыдали Турбаслы от пулеметной дробы, — не выдержали цепи, сдали, попятись назад. Скачут с фланга на фланг на взмыленных конях командир, комиссар, гневно и хрипло мечут команду:

— Ни шагу... Ни шагу назад! Принять атаку в штыки! Нет переправ через реку!

Видит враг растерянность в наших рядах, — вот он мчится, близкий и страшный, цепями к цепям... Вот нахлынет, затопит в огне, сгубит в штыковой расправе...

В этот миг подскакали всадники, спрыгнули с коней, вбежали в цепь...

— Товарищи! Везут патроны... Вперёд, товарищи, вперёд! Ур-ра!

И близкие узнали и крикнули дальним:

— Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи!

Словно током вдруг перевернуло цепь. Сжаты до хруста в костях винтовки, вспыхнули восторгом бойцы, рванулись смело вперёд, опрокинули, перевернули, погнали недоуменные, перепуганные колонны. Рядом с Фрунзе в атаке Тронин, начальник Поарма. И первая пуля сразу пробила смелому воину грудь; теперь, на том месте, где чёрная ранка,— золотой звездой горит на груди у него орден Красного Знамени.

Сизов вслед Фрунзе послал гонцов, наказал под дулом нагана:

— Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя, к переправе, на пароход!

Берегом уже гнали повозки патронов,— их ползком, волоча в траве, разносили по цепям, как только полегли они за Турбаслами. И когда осмелели, окрепли наши роты,— скакал обратно к пароходу Фрунзе. Вдруг грохнуло над головой, и он вместе с конём ударился оземь: коня — наповал, Фрунзе сотрясся в контузии. Живо ему на смену другого коня, с трудом посадили, долго не могли сговорить-совладать, чтобы справиться к пароходу,— он, полубеспамятный, уверял, что надо остаться в строю...

Чапаев командовал на берегу: всю тонкую, сложную связь событий держал в руках. Скоро и он выбыл из строя,— пуля пробила голову. Взял командование Сизов. Жарок шел до вечера бой. Ночью искрошили офицерские батальоны и лучший у врага Каппелевский полк. Утром грозно вступили в Уфу.

Из двух клятв, что скрестились на уфимских холмах,— сбылась одна: ворота к Сибири были распахнуты настезь.

СМЕРТЬ

В начале этого года¹ погиб драматической смертью старый большевик, иваново-вознесенский ткач Семён Балашов, «Странник»,— как звали его в подполье. И мы тог-

¹ 1925 год.

да, иваново-вознесенцы, живущие в Москве, собирались, обсуждали, как отозваться на эту смерть, как хоронить.

Прошло почти полгода,— и снова собираемся за тем же столом, те же, что тогда, но обсуждаем иной вопрос: как отозваться на смерть дорогого земляка — Михаила Васильевича Фрунзе. Тот раз и сам Фрунзе ходил к балашовскому гробу, теперь надо его хоронить.

У каждого так много, много есть что вспомнить и что сказать, но больше молчим, не вяжутся речи, обрывками слов толкуем про делегацию из Иваново-Вознесенска в пятьсот человек, про комиссию по увековечению памяти, про сборник, что-то ещё...

Вот сидит — поникшая, печальная — старая когорта подпольщиков. Они помнят мальчика Мишу, совсем безусого юнца, когда держал он пламенные речи на людных рабочих митингах, знают его по каторжным централам, где юный большевик «Арсений» воодушевлял, заражал товарищей своей бодростью, свежестью, непоборимой верой в победу, — победу великого дела борьбы.

Они его помнят по тюрьмам, по ссылке, знают, как он спокойно, мужественно ожидал виселицу... Летучие мысли, памятки, воспоминания...

Потом пошли в Колонный зал.

Там траурной сетью обвиты стены, там в тысячах огней горит зал, но не весело его сиянье, тускл этот похоронный свет пустых огромных комнат.

Склонились знамёна, в черных лентах замер портрет красного полководца. Тихи разговоры, задушены горечью, болью стиснуты речи, — так тихо бывает только в комнате труднобольного, когда близка смерть.

Уж полночь, — скоро из больницы привезут гроб. Мы выстроились в ряды, ждем. И вот — заплакал оркестр похоронным маршем, вздрогнули ряды, головы обернулись туда, где колыхалась красная гробница. Внесли, поставили, первый караул встал на посту — члены Политбюро ЦК. За ними новый караул и новый и новый — бессменные караулы у гроба полководца...

Вот Надежда Константиновна, — скоро два года, как первый раз стояла она здесь у изголовья другого гроба. Как сложны должны быть чувства, как мучительно должно быть теперь ее состояние, — не прочтешь ничего в глубоких морщинах лица: так оно много вобрало в себя страданья, что застыло в сосредоточенном, недвижимом выра-

женьи, — лучатся только горем выцветшие очи верного друга великого человека.

Мы дежури́м в третьем часу.

Стою, смотрю в это мертвое лицо, на черную ленту волос, на просек ресниц, на глаза, закрытые смертью навек, на сомкнутые крепко губы — и вспоминаю всю свою жизнь, встречи с этим бесконечно дорогим человеком, сыгравшим в жизни моей большую роль. Но об этом не теперь, будет время — вспомним.

Проходят вереницы в почетные караулы, — до утра не редет толпа. А с утра приливают новые волны, отряд за отрядом, — идет Москва к праху воина.

Г. ГОРБУНОВ

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ

Дмитрий Андреевич Фурманов — один из прославленных героев гражданской войны, комиссар славной Чапаевской дивизии, был вместе с тем одним из талантливых зачинателей советской журналистики и жанра историко-революционных романов. На самых ответственных участках революционной борьбы он с одинаковой силой использовал против врагов революции как боевую винтовку, так и не менее боевое перо, которое в его руках позволяло стать ему пламенным пропагандистом идей коммунистической партии. Вместе с тем путь Фурманова к революции был извилистым, ему пришлось испытать чашу горечи ошибок и колебаний, однако, его любовь к народу и органическая связь с ним позволили довольно быстро определить правильный путь и с честью пронести знамя стойкого, мужественного, принципиального и чуткого коммуниста.

1. ЮНОСТЬ МИТЯЯ

В детские и юношеские годы близкие товарищи обычно звали Дмитрия Фурманова простым, но ласковым именем Митяй. Митяй был общителен с друзьями, не давал

в обиду тех, кто по бедности своей подвергался унижительным насмешкам. В нем рано проснулось чувство любви к литературе, он пробовал писать стихи, а отец готовил ему, как выражались тогда, другую карьеру, определив сына учиться в Иваново-Вознесенскую торговую школу. Однако стать приказчиком Митяю не улыбалось, и он после учения в торговой школе взялся за подготовку к экзаменам в реальное училище.

Одним из ближайших друзей в юные годы Фурманова была Наташа Соловьева, дочь городского брендмейстера. С нею он познакомился в не совсем обычной обстановке, в канун нового 1908 года, на маскараде, в одном из городских клубов, куда Митяй заявился в костюме деревенской девушки. С этого времени между ним и Наташей завязалась дружба. Фурманов полюбил Наташу, часто встречался с нею, писал ей много самых пылких, взволнованных писем и стихов.

Бывая в доме Наташи, Фурманов являлся душой группы молодых людей, проводивших здесь часто свои вечера. На этих вечерах молодежь разыгрывала домашние спектакли, нередко тут пели и декламировали.

Фурманов любил исполнять роли из чеховских пьес, много шутил, аккомпанировал на гитаре, с жаром декламировал стихи. В кругу молодых людей часто бывала девушка ткачиха Нина, обладавшая прекрасным голосом, но очень больная, изнуренная тяжелым трудом на фабрике. Когда она начинала петь, Митяй слушал ее, затаив дыхание, а потом говорил:

— Тебе бы, Нина, быть на сцене Большого театра, а не чахнуть в корпусах ивановских купцов,— и с грустью добавлял строчки из своего стихотворения, высмеивающего капиталистические нравы:

Для жизни нужны золото и шпоры,
Без денег умница — дурак...

Свою любимую девушку Наташу Соловьеву Фурманов звал поехать в Сибирь. Он убеждал ее:

— Поедем туда, там томятся лучшие люди России, а мы — люди грамотные и могли бы принести им какую-то пользу.

Но Наташа не вникала в подобные просьбы своего друга, и, может быть, это и явилось потом причиной того, что их пути разошлись навсегда.

В 1909 году Фурманов уехал в Кинешму, поступил в

реальное училище, а Наташа переехала в село Новинское, стала учительницей начальной школы, и, поскольку село Новинское находилось недалеко от Кинешмы, встречи друзей продолжались.

В Кинешемском реальном училище интерес Фурманова к общественным вопросам значительно возрос. Ранее увлекавшийся стихами поэтов-декабристов, Некрасова, Никитина и Надсона, он начинает зачитываться теперь произведениями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, и они пробуждают в нем мучительные размышления о том, где искать истину и как определить свое место в обществе. Гуманизм, вера в народ, желание во что бы то ни стало быть полезным народу — такова была его цель жизни.

Живя в Кинешме, Фурманов пользовался большим уважением товарищей по реальному училищу. Нередко с группой друзей он посещал концерты в гимназии и там близко познакомился с двумя девушками — Марфушей Хазовой и Марусей Гавриловой, которые позднее стали педагогами. Обе девушки писали рассказы и, зная, что Фурманов организовал в реальном училище литературный кружок, питали к нему особенные симпатии.

На концертах в гимназии Фурманов нередко выступал. Однажды после декламации стихотворения «Арина — мать солдатская» к нему подошла Маруся Гаврилова и, краснея, призналась:

— Знаете что, Митяй, я много раз читала «Арину», а вот после того, как ее прочитали вы, — она особенно дошла до моего сердца.

После концерта затеяли веселую игру в «почту». Когда очередь дошла до Маруси, она написала Митяю: «Твои голубые глаза свели меня с ума». Фурманов, получив записку, свернул ее и положил в карман светло-серой гимнастерки, из-под воротничка которой выглядывал обычно еще воротничок с белоснежной каймой.

Через несколько минут Митяй встретил на лестнице Марусю и, глядя на нее в упор, строго спросил:

— Ты писала? Эх ты, голубые глаза! Смотри хорошенько!

Маруся растерялась, вспыхнула, увидев совсем не голубые, а карие-карие глаза.

— То-то же, а в литературный кружок просишься, наблюдать надо, — шутил Фурманов.

Литературный кружок, руководимый Фурмановым, находился на полулегальном положении. Все знали, что силами кружка выпускается рукописный журнал, но мало кому было известно то, о чем, собираясь, говорили кружковцы.

Из всех гимназисток в кружок была принята только Марфуша Хазова, как серьезная, способная хранить тайну, девушка. Позднее к кружку стала близкой и Маруся Гаврилова, ее рассказы из жизни рабочих Фурманов охотно помещал в журнале. На заседаниях кружка зачитывались Белинским и Чернышевским, шли жаркие споры о современном положении, и скоро кинешемские Беликовы насторожились по отношению к Фурманову, а у дома, где жил будущий автор «Чапаева», стал появляться надзиратель и заглядывать в окно крошечной комнаты, которую снимал тогда Фурманов у домохозяев.

В Кинешме Фурманов жил в разных местах. Но больше всего он прожил в домике Василия Михайловича Гаврилова, слесаря-машиниста, работавшего на кинешемских фабриках по монтажу паровых машин.

Гаврилов приходил домой усталым и нередко жаловался Фурманову с горькой обидой:

— Как ты думаешь, Митяй, долго ли русский народ будут держать неграмотным, долго ли на русских фабриках будут хозяйничать иностранные специалисты, разные англичане? Неужели русскому человеку техника не по плечу?

Митяй, задумываясь, отвечал:

— Не знаю, Василий Михайлович, долго ли это будет, но уверен в одном: придет время — русские будут владеть техникой так, как никогда не владели разные англичане, о которых ты говоришь.

Беседы старого слесаря с Митяем шли часами, и они обычно оставались довольны тем, что находили общий язык в оценке разных сторон жизни.

Однажды Фурманов пришел на квартиру расстроенным, тяжело опустился на стул, уперся руками в колени и, не дожидаясь вопросов, сказал:

— Исключили... Исключили из училища.

— За что? — спросили его.

— За правду. Я заступился за бедного товарища, над которым издевался учитель потому, что мой товарищ беден и не имеет возможности хорошо одеваться.

Две недели Фурманов, подавленный оскорбленными чувствами, отсиживался на квартире, он не решался ехать к родителям в Иваново-Вознесенск, боясь их расстроить. Через две недели все обошлось: его снова зачислили в училище, но он скоро расстался с Кинешмой, поступив в Московский университет вольнослушателем. Москва приветливо встретила Фурманова. Он увидел в этом старинном громадном городе все те же социальные контрасты, какие видел в Иваново-Вознесенске и Кинешме, с той лишь разницей, что в Москве эти контрасты еще резче бросались в глаза.

Слушая лекции профессоров, он много узнавал нового, но не находил в них ответа на наболевшие вопросы.

И вот, когда началась империалистическая война 1914 года, Фурманов покинул стены университета, несмотря на то, что ему оставалось лишь сдать государственные экзамены. Он становится братом милосердия, и это так увлекает и захватывает его, что ему начинает казаться, будто цель жизни определялась. В те дни он писал Наташе Соловьевой, не без восторга говоря о своем выборе:

«Скажу тебе новость... записался в братья милосердия и работаю теперь при лазарете в городской больнице. Дела много и потому не скучаю. Приходится иногда сидеть напролет ночи подле раненых. По окончании занятий я уеду на войну, это будет, вероятно, недели через две-три... Жаль маму, тебя... Это самое дорогое, самое близкое... Но что-то влечет меня туда неудержимо. Мысль теперь созрела и окрепла и не изменю я ей. Увидела бы ты меня теперь в белом братском халате — немало подивилась бы. Создалась какая-то хорошая, святая цель, и я отдался ей всей душой. Так и чувствуешь каждую минуту, что здесь вот, за работой, ты приносишь какую-то слишком необходимую, слишком нужную пользу. Понимаешь всем существом своим, что сделался вдруг хоть и маленьким, но необходимым винтиком в этой огромной машине общественной жизни».

С таким же увлечением и восторгом о своих делах брата милосердия он писал и матери, предупреждая ее, чтобы она не отговаривала его, так как решил он «это дело твердо».

Но прошло совсем немного времени, как Фурманов разочаровался в избранной им цели. Буквально через не-

сколько месяцев он написал Наташе письмо, в котором чувствуется резкое изменение в его недавних выводах. Вот что он, в частности, заявлял:

«К моему глубокому сожалению, все помыслы и мечты, кажется, потерпят крах... Ты говоришь о широком поприще. Сам я жил только им одним, только и мечтал всё, когда дотронусь до настоящего, живого дела. И странно получилось, словно я ошибся в выборе, пошел не туда... Я говорил тебе, что лазаретная работа захватила, что душу всю заполнила, так это, кажется, я только сам себя уверил и обманул, на деле — не то...»

Что же произошло с Фурмановым? Какие мысли завладели им?

Об этом он рассказывает в письме к матери:

«Сидишь вот и гадаешь, словно старушка на бобах, а на деле ничего-то я не знаю, ничего-то не понимаю я в этой драме. Да и кто что знает?.. Вам гадать не приходится — вас питают газеты, поющие, словно поломанная шарманка, всё одну и ту же фальшивую песню о нашем благополучии... Эта песня, как усыпляющая коварная песня сирены, завела нас в Карпаты, откуда миллионы страдальцев выбрались только потому, что они — русские и привыкли ко всякому горю. Будь на нашем месте другой народ — погиб бы целиком. Изумляюсь я терпению русского народа».

Однако терпению русского народа приходил конец. В России надвигалась революция. Фурманов понятия не имел, во что выльются назревающие события, но он все более ощущал неизбежность больших событий.

В середине 1916 года он записал в свой дневник:

«Скорей, скорей в Иваново! Где-то буду я на будущий год? Неужели к тому времени все уже кончится и наладится мирная, студенческая жизнь? Нет, не верю. Одну бурю сменит другая, и я умчусь в этом вихре, в этом водовороте, еще более неудержимом и страстном».

Так в предчувствиях бури он спешит приехать в Иваново-Вознесенск, где прошла значительная часть его детских и юношеских лет. Но Иваново-Вознесенск привлекал его не только по этой причине. Город фабрик, громадной армии текстильщиков, рабочий город мог стать действительной политической колыбелью для Фурманова. И стал. Правда, произошло это не сразу. Не связанный с револю-

ционнм движением, не искушенный в марксистско-ленинском учении, Фурманов не сумел разобраться в событиях Февральской революции и оказался на распутье.

По приезде в Иваново-Вознесенск в середине 1916 года Фурманов, движимый все тем же желанием ближе стать к народу и приносить ему пользу, организовал в городе курсы для рабочих, выступал с лекциями и докладами, которые носили культурно-просветительный характер. Именно с этого времени и началось общение Фурманова с представителями иваново-вознесенских текстильщиков, вписавших своей героической борьбой еще в 1905 году славные страницы в историю революции в России, когда они, текстильщики, в ходе всеобщей политической стачки создали первый Совет рабочих депутатов.

Тесное общение с рабочими позволило Фурманову многое понять, во многом убедиться, что прежде ему казалось призрачным или туманным. И все-таки Февральская революция застала Фурманова врасплох: он был еще далек от тех выводов и действий, которыми характеризовались десятки тысяч иваново-вознесенских текстильщиков, умудренных опытом борьбы в эпоху первой русской революции. И если текстильщики, руководимые крепко спаянной большевистской организацией, ясно себе представляли, как и с кем надо вести борьбу, то Фурманов очень многого не представлял, и для него начался новый период поисков, заблуждений и надежд.

2. НА РАСПУТЬЕ

Разные люди шли разными путями к социалистической революции.

В 1917 году Дмитрию Андреевичу Фурманову исполнилось 26 лет. Это был человек зрелого возраста, но далеко еще не зрелых взглядов на жизнь. В отличие от других революционных деятелей Иваново-Вознесенска, путь Фурманова к революции, к большевикам был связан с тяжелыми политическими колебаниями и даже ошибками. Но сознание своих ошибок и помощь товарищей позволили Дмитрию Андреевичу выйти на твердый революционный путь.

Юность Фурманова была наполнена романтическими поисками правды, бесконечными стремлениями занять в

общественной жизни такое место, которое бы ставило его в одну семью с трудовым народом.

Какими-то глубокими внутренними силами Фурманов понимал, что именно в Иваново-Вознесенске он найдет почву для того, чтобы стать настоящим борцом за народ.

С восторгом интеллигента встретил он Февральскую революцию, решив, что она-то именно и является венцом свободы. 2 марта 1917 года он записал в дневник стихи Надсона и своё добавление к ним:

«О, мой друг; не мечта этот светлый приход.
Не пустая надежда одна.
Оглянись, зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна.
Мир устанет от мук,
Захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой —
И поднимет к любви, к беззаветной любви
Очи, полные скорбной мольбы.

Вот оно пророчество молодого чуткого поэта. Мир устал от мук и поднялся могучей волной добывать украденное счастье».

Так представлялась Фурманову Февральская революция, якобы олицетворявшая собой всё хорошее, за что боролся народ.

Политическая растерянность и незрелость Фурманова приводят его в лагерь чуждых народу партий. Он за очень короткий срок примыкал то к эсерам, то к максималистам, то к анархистам. Эти антинародные партии стремились вербовать в свои ряды русскую интеллигенцию. Но Фурманов принадлежал к лучшей части интеллигенции, которая не могла не придти к революции, к большевикам. Одни из них пришли к революции через очень сложный и длительный путь колебаний и ошибок, другие, как Фурманов, скоро сумели распознать врагов революции, не только порвав с ними всякие связи, но и перейдя вместе с народом в решительное наступление против них.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Фурманов начинает сотрудничать в органах пролетарской печати. На страницах Иваново-Вознесенской газеты «Рабочий город» он публикует стихи и другие литературно-художественные произведения, раскрывая в них свою поэтическую душу, полную счастья от ощущения своей близости к тому всемирно-историческому перевороту, который совершился в России.

25 ноября 1917 года он печатает свою замечательную «Легенду об унглах», в которой рассказывается о том, как кровожадный Крафт и его прислужники пигмеи веками истязали племя великанов-унглов. Но настал час и измученные унгли поднялись за свое освобождение «грозной, неудержимой лавиной».

«Много унглов сорвалось по откосам и срывам в черные бездны... но те, что добрались к вершине — навеки остались жить в светлом царстве свободы».

«Легенда об унглах» была навеяна Фурманову лучшими революционно-романтическими произведениями А. М. Горького и, прежде всего, его «Старухой Изергиль» с пламенным образом Данко.

«Легенда об унглах» явилась страстным поэтическим откликом Фурманова на Великую Октябрьскую революцию. Легенда заканчивалась словами:

«Остановились унгли, покачали огромными лохматыми головами и задумались. Задумались и никак не могли понять — почему они, такие огромные и сильные, — целые века отдавали свою горячую кровь этим крошечным, жалким трупикам? Долго стояли они с поникшими головами. Потом повернулись и, молча, все в том же глубоком раздумье стали подыматься в свое новое царство».

Через месяц, в декабре 1917 года, Фурманов опубликовал в газете «Рабочий город» стихотворение «Клич», в котором призывал:

Смыкайте ряды, поднимайте знамена,
Решительный час настает.
Под грозную песню мучений и стона
Смыкайся, страдалец-народ.
Под красное знамя, за вольную волю,
За мир, обновленный в крови,
За новое счастье и новую долю
В чертогах вселенной любви.

Своими учителями жизни Фурманов считал иваново-вознесенских текстильщиков и незабвенного М. В. Фрунзе, который впервые перед ним раскрыл могучую силу учения марксизма-ленинизма, а практическая работа Фурманова в Совете изо дня в день убеждала его в правоте социалистической революции и большевистских идей.

Дневники Фурманова 1917—1918 годов являют собой своеобразную суровую и беспощадную исповедь, в которой он сам с присущим ему духом смелой самокритики дал

анализ своих ошибок. Эти же дневники являются ценным и волнующим документом, рассказывающим о революционных событиях в Иваново-Вознесенске, о происках врагов революции, о саботаже почтовых работников, о банде головорезов, скрывавшейся в подземелье особняка буржуя-старовера, и о многом другом, что записывалось с присущей Фурманову темпераментностью. В записях 1918 года Фурманов говорит о полном разрыве с антинародными партиями и о его приходе к коммунистам:

«2 июля

Снова и снова эти мучения и неопределенности! Снова распутье. Снова поиски. Знакомое тревожное, лучезарное чувство. Оно было первый раз тогда, когда я стоял на распутье и не знал, кому отдать свое революционное сердце... Борясь все время с рабочими и за рабочих, — я был в то же время оторван от них, разгорожен какой-то формальной фальшивой стеной названий, наименований, принадлежности... От этого всё время было тяжело, неясно на душе. И снова пришла эта ломка... Снова я на распутье. Не хочу лукавить перед собою, не могу учить тому, чему учил... Анархизм питается контрреволюционными чаяниями... Погромные статьи, что были за последние недели в «Анархии», всё поведение анархистов — сплошная ставка на контрреволюционное восстание. Оставаться там дальше нет никаких сил.

3 июля

...Хороший урок я получил от этих братаний по партиям и группам. Шарахаюсь из стороны в сторону. Теперь прибило меня к мраморному, могучему берегу-скале. (Речь идет о вступлении Фурманова в Коммунистическую партию. Автор.) На ней построю я свою твердыню-убеждение. Только теперь начинается моя сознательная работа, определено классовая, твердая, уверенная, нещадная борьба с классовым врагом. До сих пор она была плодом настроений и темперамента; отныне она будет плодом научно-обоснованной, смелой теории.

5 июля

«Заявляю о своем выходе из группы анархистов и о вступлении в организацию коммунистов большевиков».

Это заявление сегодня появится на страницах «Рабочего края». Будут вопросы, запросы, насмешки, подозрения, восхищения... Всё будет. Но раз твердо решившись, — я сделал своё. Были и колебания, была неуверенность. Но

На заре. Октября,

события, думы и разговоры гнали меня неизбежно к берегу коммунизма. Нехватало только смелости заявить открыто. Теперь всё кончено. Теперь Дм. Фурманов — коммунист-большевик... Хочется работать, работать, работать. Откуда-то взялись новые силы, свежая бодрость, огромное желание без усталости трудиться».

Так с июля 1918 года Фурманов становится коммунистом, придя в партию с рекомендацией М. В. Фрунзе.

В тяжелые дни для молодой советской страны вступил Фурманов в Коммунистическую партию. Контрреволюция и иностранная интервенция грозились в зародыше уничтожить диктатуру пролетариата. И однако теперь уже ничто не могло остановить железной поступи рабочего класса.

Еще в январе Фурманов записал в свой дневник строчки об угрожающем характере голода: «Голодуха смертная... Отраднo лишь то, что в эти страшные и величественные дни вся наша семья нуждается так же, как самый последний бедняк. Весьма и весьма часто не бывает ни пылинки муки. Боремся за скопленные огрызки-сухари... Мы голодаем. Голодаем и молчим... Рабочие за истекший месяц получили всего 4 фунта ржаной, а сахару получили только в ноябре по 1 фунту. И молчат. Ведь это просто поразительное явление. Как же не поклониться нашему рабочему. А на железной дороге, где каждая кучка могла бы ехать бесплатно, там я почти не вижу зайцев, все исправно берут билеты... Много есть этой внутренней порядочности в нашем рабочем и крестьянине».

Из этих и многих других дневниковых записок видно, как Фурманов учился стойкости и выдержке, прежде всего, у иваново-вознесенских текстильщиков, подававших пример молчаливого героизма в трудные дни революции. Но, кроме угрозы голода, над страной сгустились и другие мрачные тучи. Об этом Фурманов записал в дневник 7 июля следующее: «Носится в воздухе дыхание смерти — нашей смерти, нашей гибели. Все против нас: международная злая сила, германские победы на Западе, голод, недомогание... Нас должны сдавить и сокрушить. К этому ведут события. Уж кажется и выхода нет никуда... А все-таки горит, горит в душе и не потухает, живая вера в то, что мы победим». Вера в рабочий класс, практика работы в губисполкоме бок о бок с М. В. Фрунзе вселяли в Фурманова всё новые силы; близились к концу его поли-

тические заблуждения, его мучительное распутье; с каждым новым днем он всё более понимал, что только коммунистам можно «отдать своё революционное сердце», что только большевики во главе с В. И. Лениным способны противостоять революции и вывести народ на широкий простор строительства социализма.

С каждым новым днем Фурманову становилось всё более ясно, что для революции мало только одного темперамента, одних возвышенных настроений. Революция требовала от таких людей, как Фурманов, их органической связи с рабочим классом и решительного размежевания с авантюристскими наклонностями в рабочем движении.

Те, кто не понимал этого, — оставались по другую сторону баррикад, пребывая в гнилом болоте демагогов, крикунов, презренных позёров и предателей.

В наши дни это особенно важно вспомнить и подчеркнуть, так как и сегодня за рубежом есть еще немало представителей интеллигенции, для которых жизнь Фурманова могла бы стать поучительным уроком того, как беспощадно нужно рвать связи с буржуазной и мелкобуржуазной демагогией, если они действительно хотят отдать свои силы делу мира, демократии и социализма.

3. ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Дмитрий Андреевич Фурманов был первым человеком в Иваново-Вознесенске, который узнал о свержении Временного правительства.

Стоял тревожный день двадцать пятого октября 1917 года. В шесть часов вечера в Иваново-Вознесенске открылось заседание городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бурно, с революционным накалом разбирались очередные вопросы, не требующие отлагательств. Махорочный дым, возбужденные прения и реплики, люди с воспаленными глазами от бессонницы — всё это было не впервые, но в этот день, двадцать пятого октября, заседание Совета проходило в особенной обстановке. В Петрограде с выстрелами «Авроры» началась последняя битва за торжество Советской власти. В Иваново-Вознесенске узнали об этом, но исход борьбы оставался еще неизвестным. Вот почему на заседании Совета люди были особенно возбуждены и, забывая бессонные ночи и голодные дни, дея-

тельно решали текущие вопросы, а сами напряженно, с минуты на минуту ждали такого известия, которое должно было изумить весь мир. Несмотря на жаркие споры по повестке дня, минуты ожиданий радостных известий тянулись медленно. И вдруг в самый разгар горячих прений на заседании Совета не вошел и даже не вбежал, а, можно сказать, стремительно ворвался Дмитрий Фурманов; темпераментным жестом руки и силой необыкновенно горящих карих глаз он в одно мгновение оборвал споры депутатов и, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Временное правительство свергнуто!..

Несколько лет спустя он написал для газеты «Рабочий край» очерк «Незабываемые дни», в котором рассказал, как были встречены его слова 25 октября. «Через мгновение зал стонал,— писал Фурманов.— Кричали, кому что вздумается: кто проклятия, кто приветствия, жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топтали ногами, били палками о скамьи, и стены зычно ревели: «Товарищи... товарищи... товарищи...»

Уханье, выкрики, зачатки песен — всё сгрудилось в густой бессвязный гул... Кто-то выкрикнул: «Интернационал!» И вдруг из хаоса родились, окрепли и помчались звуки священного гимна. Певали мы свой гимн до этого, певали и после этого многие сотни раз, но не помню другого дня, когда его пели бы, как теперь: с такую раскрывшейся внутренней силой, с таким горячим захлёбывающимся порывом, с такую целомудренной глубокой верой в каждое слово»...

В городе был наведен революционный порядок. Всё делалось для того, чтобы укрепить советскую власть — власть, когда главным хозяином жизни стал народ и его избранные люди.

В марте 1918 года из Шуи в Иваново-Вознесенск приехал Михаил Васильевич Фрунзе. Его хорошо здесь знали еще по событиям первой русской революции. Теперь революционные ткачи избрали своего бывалого вожака председателем губисполкома. Фурманов был избран членом губисполкома, а в Совете работал товарищем председателя или, как бы сказали теперь, — заместителем председателя.

В это время Фурманов еще не состоял в рядах Коммунистической партии, однако, теперь, под влиянием такого выдающегося человека ленинской закалки, как Фрунзе, он

всем своим горячим сердцем отдается работе в Советах. Не проходило и дня, чтобы Фурманов не выступил со своими яркими, зажигающими словами на фабриках и заводах, он часто выезжал в Кинешму, Шую, Вичугу, Лежнево и другие рабочие города и поселки новой красной губернии, и текстильщики нередко с любовью говорили: «Вот как наш Митяй вырос, молодец!» В то время, по заданию Фрунзе, Дмитрий Андреевич возглавляет губернский комиссариат просвещения, принимает самое деятельное участие в ликвидации контрреволюционных элементов, выступает в местной газете «Рабочий край» со статьями на жгучие, животрепещущие темы, а в краткие перерывы работы и чаще всего глубокой ночью сочиняет стихи или делает наброски рассказов. Литературный талант у Фурманова проснулся рано. Еще мальчишкой он сочинял стихи, но прославленным писателем ему суждено было стать после того, как он обогатил себя опытом партийно-политической работы, побывал на бескрайних фронтах гражданской войны, не раз глядя в глаза смерти. Но где бы ни бывал Фурманов, он не мог забыть родной город, ткачей и своего старшего друга Фрунзе.

Однажды, увидев Фрунзе, Фурманов вынес о нем неизгладимое впечатление. Облик выдающегося полководца Фурманов впоследствии запечатлел в романе «Чапаев», потом он решил написать о нем специальный роман, и только безвременно оборвавшаяся жизнь писателя не позволила осуществить ему этот благородный замысел. Работая товарищем председателя, Фурманов стремился перенять у Фрунзе его деловые и революционные качества. Еще тогда он записал в свой дневник немало самых теплых строчек о Михаиле Васильевиче, в которых хорошо подмечены черты выдающегося государственного деятеля ленинского типа. Вот одна из таких дневниковых записей: «Я проникнут к нему глубочайшей симпатией... Взгляд неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова просты, точны, ясны; речи короткие, нужны и содержательны; решения смелы и сильны; доказательства убедительны и тверды. С ним легко. Когда Фрунзе за председательским столом,— значит что-нибудь будет сделано большое и хорошее». Фурманов считал Фрунзе своим духовным отцом. Об этом он в первую очередь сказал и в короткой автобиографии: «Жизнь толкнула работать в Совете рабочих депутатов (товарищем пред-

седателя), дальше — в партию к большевикам; в этом моём повороте огромную роль сыграл Фрунзе».

Работа в губисполкоме становилась день ото дня все более сложной. Да и как могло быть иначе, если на сотни повседневно возникающих непредвиденных фактов и событий не было готовых форм в руководстве. Надо было на ходу взвешивать обстоятельства, незамедлительно принимать решения, проявляя при этом гибкость, инициативу и принципиальность. Фурманов со всей революционной страстью стремился поступать именно так. 25 февраля, например, состоялось экстренное заседание Совета, на котором должен был обсуждаться вопрос о военной угрозе молодой советской республике.

На заседание явилось двое эсеров, матерых защитников Керенского. Они попытались оказать влияние на Совет. Тогда Фурманов взял слово, потребовав удаления эсеров. Рабочие его поддержали. Об этом эпизоде он записал в дневник: «В Совете они (эсеры) с нами не работают уже в течение многих месяцев. И тут вдруг... свалились, как снег на голову. Меня возмутила эта подлость и лицемерие... Теперь, когда мы, усталые, собрались, быть может, в предпоследний раз, чтобы решить вопрос, которая смерть славнее и нужнее великому делу — на фронте или здесь... — теперь они, как крысы, прокрались к нам сюда, в наше святилище, подкрались подслушать, подсмотреть, собрать «материалы», чтобы потом бросить нам в лицо неизбежные ошибки и на этих наших ошибках утверждать свою подлую клевету. Я первый восстал против присутствия этих лицемеров в нашем святилище — Совете».

Фурманов считал работу в Совете первостепенной и отдавал ей полные напряжения дни, а нередко и бессонные ночи. «Чтобы работать в Совете,— записал он в дневник 9 марта,— надо быть универсальным человеком. Мы этот универсализм часто заменяем смелостью... Пряжи, ткань, суровьё, уголь, финансы, конфликты, кража, дела бракоразводные, школьные, церковные— всё «это разрешается у этого дубового стола». В каждом новом деле нужно было много проявлять находчивости и смелости, чтобы решать массу таких вопросов, с которыми никогда не приходилось сталкиваться.

Иногда в практической работе допускались ошибки, перегибы, но что было делать, если наши первые работники советского аппарата трудились в новой, неизведанной об-

становке, если на их долю выпала роль прокладывать пути советской государственности, накапливать опыт.

В сентябре 1918 года Фурманов был выдвинут на партийную работу. 1 октября он записал в дневник: «Несколько недель уже состою секретарем окружного комитета партии. Веду широкую работу и чувствую себя так, словно занимаюсь ею долгие годы». Неутомимый пропагандист идей Коммунистической партии, человек с горячим сердцем, Фурманов то и дело выступает на партийных собраниях и конференциях, анализируя промахи и недостатки.

В те дни он записал в дневник:

«...13 сентября было партийное собрание в Шуе... Настроение приподнятое, ощущается желание расширить, раздвинуть партийную работу... Заседание было прервано известием о каких-то выстрелах... Тревога оказалась ложной, напрасной, фальшивой. Закончилось заседание только ночью...

...22-го был уездный съезд коммунистов в Кинешме... Заседание длилось почти непрерывно 17 часов — с 2 часов до 7 утра. Вопрос об арестах занял десять часов.

...27-го в Лезневе было проведено партийное заседание ячейки, которая существует вот уже несколько месяцев и до сих пор не утверждена. Я им обещал утвердить ячейку в ближайшие дни, и в понедельник 30-го делегаты были уже в Комитете...

30-го был в Кохме.

Собрались человек 60. У них много народу ушло со всевозможными отрядами, равно ушли и мобилизованные коммунисты. Ребята производят впечатление хорошо спевшегося хора — всё у них складно... Среди них хорошо чувствуется твердость, спаянность, готовность».

Так жили и работали в ту пору партийные работники, полуголодные и полураздетые, в бездорожье и ненастье пробиравшиеся к месту назначения и подстерегаемые открыто действующими или затаившимися контрреволюционерами. В таких условиях несли они в массы правдивые идеи Коммунистической партии, разделяя с трудовым народом невзгоды и лишения.

День за днем из Иваново-Вознесенска и его большой рабочей округи уходили на фронт лучшие люди. Работая в конце 1918 года секретарем губкома РКП(б) (председателем губкома был М. В. Фрунзе), Фурманов все чаще

задумывается над тем, чтобы с винтовкой в руках стать в ряды защитников советской родины.

«Мало теперь только одной любви к рабочим, — заявлял Фурманов, — мало одного сознания, что у тебя всё самое святое и дорогое в защите угнетенных и обездоленных людей. Надо на деле показать, что ты во всякую минуту с ними и всегда готов бороться за их дело, на служение которому теперь ушло всё, что есть честного и благородного. Вчера вдохновенный Фрунзе своими огненными словами укрепил во мне правдивость моих взглядов и стремлений».

Особенной угрозой для молодой советской страны явилась колчаковщина. Восточный фронт становится главным фронтом. В конце декабря Центральный Комитет нашей партии принимает решение об откомандировании М. В. Фрунзе командующим IV армией Восточного фронта. 27 декабря Иваново-Вознесенский губком РКП(б) постановил «создать особый отборочный коммунистический отряд» и предоставить его в распоряжение М. В. Фрунзе. В январе 1919 года Фрунзе выехал из города текстильщиков, а накануне отъезда он провел прощальную встречу со своими боевыми товарищами в деревянном домике, принадлежавшем Фурмановым.

Дмитрий Андреевич вспомнил эту картину трогательного расставания и запечатлел ее в очерке, написанном в 1925 году, после смерти Фрунзе.

«... Мы понимаем, что собираемся, может быть, в последний раз, что больше в таком составе не собраться уже никогда...

Так думали, так и случилось...

Помню, Фрунзе говорил всё про свое, про заветное.

— Ну что ж тяжело, может быть и тяжелее, — нам бы вот теперь эту пробку откупорить, что под Оренбургом, — там прямая дорога к туркестанскому хлопку.

Эх, хлопок, хлопок, как бы ты разом на ноги встряхнул наши притушенные корпуса...

И когда мы потом очутились на фронте, казалось — самая острая мысль, самое светлое желание Фрунзе устремлены были именно к Туркестану.

Лишь только «откупорили оренбургскую пробку», Фрунзе сам помчал в Ташкент, и с какой он гордостью, с какой радостью сообщал тогда о первых хлопковых эшелонах, тронутых на север».

Д. А. ФУРМАНОВ.

«Уже давно и далеко вглубь ушел тот вечер... Уж многих нет, что пели тогда про зеленый сад, а теперь вот ушел и лучший, первый между нами, — нет любимого Михаила Васильевича, нет прекрасного и редкостного человека с мудрой головой и с нежным лицом».

Вслед за Фрунзе, в конце января, Фурманов выехал на фронт с отрядом ткачей-коммунистов. В романе «Чапаев» писатель потом суровыми, но яркими красками изобразил проводы отряда, его славный путь на фронт и беззаветные героические подвиги ивановцев в рядах Чапаевской дивизии, в битвах против Колчака.

Покидая родной город, Фурманов записал в дневник: «... Оставляю дорогое Иваново. Сколько тут былоложено труда, сколько тут было пережито радостей и страданий! Здесь впервые получил я политическое крещение, здесь понял правду жизни, осветил ею свою юную душу и загорелся...

Прощай же, мой черный город, город труда и суровой борьбы! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим на фронте твое славное имя, твое геройское прошлое».

Вместе с лучшими сынами и дочерьми текстильного города Фурманов самоотверженно сражался на многочисленных фронтах гражданской войны, богата военная биография Фурманова. Об этом написаны книги, о ней рассказал и он сам в произведениях «Красный десант», «Чапаев», «Мятеж» и многочисленных очерках. Комиссар Чапаевской дивизии, уполномоченный Реввоенсовета Туркестанского фронта по Семиречью, начальник политотдела IX Кубанской армии, начальник редакционно-издательского отдела XI армии на Кавказе — таковы главные этапы, которые с честью и достоинством прошел Фурманов в годы гражданской войны. За боевые действия в тылу белогвардейских войск генерала Улагая на Кубани Дмитрий Андреевич был награжден орденом Красного Знамени.

Бывший военный комиссар 220-го Иваново-Вознесенского полка Б. И. Голяков, которого Фурманов описывает в романе «Чапаев» в образе Лопаря, рассказывает о боевых делах:

«В апреле 1919 года наш полк вливается в 25-ю Чапаевскую дивизию, комиссаром её был назначен Фурманов.

22 апреля на реке Кинели завязался бой, противник питал надежду на то, что Самара будет через три дня

взята. Оставалось всего 90 километров, и вот к нам в полк приехали Чапаев и Фурманов, так как приказом по дивизии ивановцы должны прорвать фронт врага и не только остановить его наступление, но и взять инициативу в свои руки. В этот день, часа в три утра, ко мне пришел Фурманов и сказал: «Смотрите, операция серьезная, противник сильный, а у вас в полку много новичков-рабочих, никогда еще не воевавших, особенно женщины». Я посмотрел на него и ответил: «Ведь они все члены партии, а мы клятву дали ивановским ткачам, что отступать не будем». Дмитрий Андреевич улыбнулся, сказав: «Ладно, я постараюсь и сам к вам в цепь заглянуть».

При овладении городом Кинель я пошел на левый фланг по цепи, меня окликнул кто-то, я оглянулся и увидел Фурманова. Около него лежала винтовка, а он в этот момент что-то писал в маленький блокнот. «Андрейч, да ты и в болоте чего-то записываешь»? «Ты же ведь видел, как наши ткачихи красноармейки отличились, надо в приказ по дивизии отметить Марусю Рябинину и Лиду Челнокову», — ответил Фурманов.

Много боевых дней мне пришлось провести с ним, был он чутким товарищем, наблюдательным человеком.

Когда позднее мы прочитали его книгу «Чапаев», то увидели свою жизнь и борьбу. Я, например, сразу узнал себя в образе Лопаря, узнал и многих других ивановцев, которые вместе с Фрунзе, Чапаевым и Фурмановым насмерть били врагов советской власти и очищали дорогу к Туркестану, к хлопку, в котором так нуждались ивановские фабрики».

1919 год. Туркестанский фронт. Дмитрий Андреевич уполномоченный Реввоенсовета фронта. Его соратник по боевым делам Лидия Отмар-Штейн вспоминает этот период. В скупых, но выразительных словах она очень верно и проникновенно передает внешний облик Фурманова, выразивший собою человека, собранного по характеру, способного сразу возбудить благородные симпатии.

Лидия Отмар-Штейн познакомилась с Фурмановым в 1919 году в политуправлении Туркестанского фронта. «Когда впервые я переступила порог рабочей комнаты Фурманова, — пишет она, — меня встретил взгляд глубоких темных глаз на красивом молодом лице. Высокий духовный облик Фурманова прекрасно воплощался во всей его внешности. Карие выразительные глаза, грустные, глу-

бокие, светились умом и энергией. Чуть вьющиеся каштановые волосы как-то светло оттеняли открытый лоб, тонкий волевой рот придавал лицу выражение силы.

Черный, военного покроя, френч хорошо сидел на стройной, крепкой фигуре. Фурманов был необыкновенно аккуратным, подтянутым человеком. Неряшливость никогда никому не прощалась. Помню, в период напряженных дней верненского мятежа, когда смерть стучала нам по вискам, когда проводились ночи без сна — Фурманов как всегда был подтянут, и каждый ремешок на его костюме сидел на своём месте».

Да, смерть не раз стучала по вискам Фурманова и его товарищей, которые нередко оказывались в самых необычных, неожиданных обстоятельствах, грозивших страшными последствиями. Вспомнить хотя пребывание Фурманова в г. Верном, когда ему с маленькой горсточкой коммунистов в 15—20 человек пришлось противостоять многотысячной толпе мятежников, возглавляемых белогвардейцами и иностранными шпионами. И из этих катастрофических условий Фурманов и его боевые друзья вышли победителями. Они крепким разумом большевиков сумели доказать основной массе мятежников, что их толкнули на мятеж злейшие враги советской власти, продажные лакеи иностранного капитала и ненавидящая народ белогвардейщина.

Среди героев гражданской войны имя Фурманова остается одним из светлых и памятных, но вместе с тем он был одним из деятельных зачинателей советской литературы. Блокнот и карандаш находились всегда при нем. Он не покидал их даже в те минуты, когда угроза гибели стояла с ним рядом.

Книги Фурманова «Чапаев» и «Мятеж» ныне хорошо известны не только читателям нашей страны, но и далеко за её пределами.

В труднейших условиях первых лет советской власти и гражданской войны в Фурманове вызревал большой талант писателя, журналиста.

4. ТРИБУН НАРОДНОГО СЧАСТЬЯ

Фурманов высоко и честно нес знамя коммуниста. Об этом сегодня всего лучше свидетельствует его публицистическая деятельность, полная революционного огня. Он ста-

новился мастером публицистики в самой неприхотливой, иногда невероятно трудной обстановке для творчества, но это нисколько не смущало его. Наоборот, трудности рождали в нем упорство и закаляли волю к достижению цели. А цель у него была одна — служить народу. В народе он сам черпал силы и был неутомимым пропагандистом тех народных качеств, которые вырабатывались под влиянием идей Коммунистической партии и в силу этого становились непобедимыми.

4 декабря 1919 года в иваново-вознесенской газете «Рабочий край» Фурманов опубликовал свое выступление, присланное им с фронта, под заголовком «Сознательные герои», в котором, в частности, говорилось: «Их героизм вытекает с неизбежностью из глубокого убеждения в правоте своего дела. Они тверды и мужественны, пламенны и решительны, они стойки и боеспособны, ибо сознательно вступили в борьбу. Один такой сознательный боец дороже сотни, хотя и удалых, но бессознательных храбрцов».

Понятие о народе как о двигателе всех исторических событий сложилось у Фурманова еще в дореволюционные годы. Тогда он писал: «Народ двигает и порождает события. Народ является причиной и паром, поддерживающим ход деятельности, а великие люди являются только носителями идей, регулирующими самый ход, направляющими его по известной дороге». Фурманов еще яснее увидел роль народа в годы революции и всеми силами своей души стремился показать, на какие титанические дела способен раскрепощенный народ, борющийся за коммунизм. Описывая позднее в романе «Чапаев» путь иваново-вознесенских ткачей-коммунистов на фронт, на Колчака, он выразительно рассказал, как эти ткачи шли воевать не только штыком, «но и умным светлым словом, здоровенной головой».

Фурманов принадлежит к первому поколению тех советских журналистов, которые даже мысли не имели о том, чтобы превратить журналистику в профессию и сделать её источником материального существования; их участие в печати не мыслилось без основной и постоянной борьбы на том или ином участке революционного фронта: их корреспонденции, очерки, публицистические выступления органически сочетались с практикой общественно-революционной деятельности.

Всюду, где бы он ни был, острое перо журналиста оставалось с ним.

Активная журналистская деятельность Фурманова началась в Иваново-Вознесенске в газете «Рабочий город», переименованной в 1918 году в «Рабочий край». Уже в то время он сумел поднять много больших, важных вопросов. Его статьи «Цепь испытаний», «Женщины и дети Парижской коммуны», «Дисциплина коммунистов» и др. раскрывали перед читателями волнующие мысли о судьбах социалистической революции, требующей максимальной организованности и железной дисциплины для того, чтобы отстоять завоевания этой революции перед лицом взбесившейся международной буржуазии и внутренних врагов.

Особенно много Фурманов уделял внимания вопросам партийного строительства, организации коммунистических ячеек, авангардной роли коммунистов, он выступал страстным пропагандистом идей партии, умел найти меткие слова для выражения своих чувств и мыслей. В статье «Дисциплина коммуниста» он писал: «Партийной дисциплине должны быть подчинены все остальные дисциплины, как личная так и общественная. Перед голосом партийного центра должны умереть все другие голоса». Эти настоятельные, образно изложенные требования диктовались накаленной атмосферой борьбы за спасение революции.

Отличительной чертой Фурманова-журналиста является то, что он, начиная с юных лет и кончая последними годами своей жизни, вел дневниковые записки. Известны, например, его богатые по объему и содержанию дневники периода первой мировой войны, когда он разъезжал по фронтам с земским санитарным поездом № 209 в качестве брата милосердия, дневники 1917—1918 годов. Обширные записи Фурманов вел, будучи и в Чапаевской дивизии, и на других участках гражданской войны. Такое методически последовательное фиксирование жизни в дневниках приучило его отбирать интересные факты, гибко реагировать на всякие события и уметь подметить в калейдоскопе событий самое главное.

В дневниковых записях Фурманова нередко появлялись стихи, наброски рассказов и очерков, описания природы, взаимоотношений людей, боевых действий и многое другое. Для него ведение дневника было неотъемлемым делом. Вот

почему он вел дневник даже в таких условиях, в которых не было возможности ежедневно умываться или принимать пищу. Известно, как напряженно трудился и воевал Фурманов в Чапаевской дивизии. Дивизия шла вперед в непрерывных боях. На долю комиссара ложилось бесконечно много забот по воспитанию бойцов, и все-таки он находил время, правда, в кратких перерывах между боями или за счет бессонных ночей, занести свежие впечатления в дневник. Накаленная фронтовая обстановка не снизила, а наоборот, повысила активность Фурманова, как журналиста. Он сотрудничает в ближайших местных газетах и органах военной печати, но по-прежнему больше связан с родной газетой «Рабочий край». В 1919—1921 годах он посылал в «Рабочий край» письма, корреспонденции, очерки с Восточного фронта, из Туркестана, с Кубани и других мест, где ему приходилось воевать. Особая его любовь к Иваново-Вознесенску была вполне понятной. Он прекрасно понимал, что в родном городе остались матери, жены и сестры тех, кто, не жалея крови своей, отстаивал завоевания революции в уральских и оренбургских степях и на самых далеких окраинах страны.

В те годы Фурманов спешил послать читателям «Рабочего края» короткие заметки о героических поступках иваново-вознесенцев, печатавшиеся обычно под рубрикой «Вести с фронта» или «Вести с позиций». Туда же он направлял статьи и нередко очерки, которые писались по следам сражений, когда еще не успевала остынуть кровь, пролитая в боях.

Ряду очерков, например, «Пилюгинский бой», «Уфа и Уральск», «Уфимский бой», опубликованных в «Рабочем крае», суждено было воскреснуть прекрасными страницами в романе «Чапаев». Но в то время у Фурманова не было даже замысла, чтобы написать этот роман. Он направлял свои журналистские труды в иваново-вознесенскую газету, думая об одном: поведать текстильщикам, старым борцам за революцию, что дело революции непобедимо. Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский «доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции».

Фурманов считал своим первоочередным долгом держать читателей «Рабочего края» в курсе фронтовых событий и побед.

Кроме информационных заметок и очерков, он посылал в «Рабочий край» статьи: «В Семиреченской области», «Кубанская и Семиреченская контрреволюция», «На китайской границе», «Ликвидация уральского фронта» и другие, в которых сообщалось много волнующих фактов, изложенных с присущей Фурманову горячей публицистичностью.

Как мог он, например, не написать в «Рабочий край» о героической гибели Чапаева. Сам Фурманов был до глубины души потрясен этим страшным событием. Ведь с Чапаевым он прошел славный путь, полюбил его, как родного брата. Да и Чапаев, этот выдавший виды герой, герой суровый и непреклонный, расставаясь с Фурмановым, проронил слезы. Анна Никитична, жена Фурманова, прошедшая с ним тяжелые пути-дороги гражданской войны, вспоминает о расставании начдива с комиссаром:

«25 августа в небольшой комнате собрались командиры и комиссары 25-й дивизии проводить Фурманова. Мрачно настроенный Чапаев ходил из угла в угол, заложив руки за спину. Вдруг, резко повернувшись, он подошел к Фурманову и крепко его обнял:

— Прощай, Митяй. Во многих боях мы с тобой были. Полюбил я тебя крепко и жаль расставаться... Спасибо за всё. Многому ты меня научил.

Горячо расцеловались друзья. На глазах у Чапаева выступили слезы».

И вот, уже находясь в Ташкенте, Фурманов получает известие о гибели Чапаева. Подробностей о смерти героя-полководца было очень мало, но Дмитрий Андреевич поспешил собрать всё, что мог, и написал в «Рабочий край» взволнованную корреспонденцию: «Как погибли тт. Чапаев и Батурин». В этой корреспонденции сообщалось: «В ночь с 4 на 5 сентября, часа приблизительно в четыре, казаки огромной массой налетели на Лбищенск... В общей суматохе сначала трудно было что-либо разобрать... Чапаев все еще крепился. В одной руке держит винтовку, в другой — револьвер. Выхода совершенно никакого нет, но он всё еще не сдаётся. Уже много трупов полегло вокруг него, много бойцов утонуло в холодных волнах, а Чапаев, словно привидение, все еще стоит на обрыве. Кто видел, — говорит, что это была замечательная, сильная, душераздирающая картина. Он был уже ранен в руку и в лицо. По щеке струилась кровь, он вытирал ее рукавом ру-

бахи. Потом видели, как он опустился на землю, может быть, раненный еще раз. Снял сапоги и кинулся в волны. Больше его не видели. Раненый и обессиленный он не мог переплыть широкий и беспокойный Урал».

В этой же корреспонденции Фурманов рассказал о том, как погиб т. Батуриной, видный деятель Иваново-Вознесенской большевистской организации, сменивший Фурманова на посту комиссара Чапаевской дивизии.

В феврале 1922 года Фурманов еще раз вернулся к этому событию, опубликовав в «Рабочем крае» очерк под названием «Абищенская драма».

От большинства газетных выступлений Дмитрия Андреевича веет страстью и взволнованностью человека, который находился в самой гуще революционных событий и мог рассказывать о них так, что и до сих пор они сохраняют свой публицистический огонь.

В других своих выступлениях на страницах «Рабочего края», таких, как «Партийный мусор», «Значение первого опыта», «Продовольственные перспективы», Фурманов писал о шкурниках, примазавшихся к партии, о первых шагах в восстановлении народного хозяйства, о снабжении рабочих центров продовольствием. Несколько выступлений в газете он посвятил тому, чтобы вызвать интерес к сбору драгоценного материала о героическом пути советских людей в годы гражданской войны. Так, в статье «Помните про исторический материал» он писал:

«Мы видим героизм великой армии, видим и меньший героизм многострадального и глубоко солидарного тыла. Мы жили в неведомой дотеле экономической обстановке, которая готова была вот-вот обрушиться и загубить нас... Но мы из каждой новой битвы выходили победителями. Пора подводить итоги минувшему периоду. Факты и цифры этих итогов, конечно, надо будет брать от мельчайших ячеек, с самого низу». Эти же мысли Фурманов развивал в «Письме к партийным товарищам».

Иваново-Вознесенская газета «Рабочий край» хотя была и главной трибуной для выступлений Фурманова-журналиста, но далеко не единственной. Он сотрудничал в самарской газете, в семиреченской «Правде», в «Красном воине», органе XI армии. 1 декабря 1920 года его яркое публицистическое выступление появилось на страницах «Известий» под заголовком «Слава черному городу» (об Иваново-Вознесенске).

Журналистская деятельность Фурманова плодотворно развивалась и в то время, когда он, демобилизованный из армии, посвятил себя созданию историко-революционных романов «Чапаев» и «Мятеж».

Поглощенный объемной работой над крупными художественными произведениями, он выступал в газетах «Правда», «Известия», «Гудок», не забывая и про «Рабочий край». Имя Фурманова можно было видеть на страницах журналов «Красный балтиец», «Спутник коммуниста», «Красная печать», «Пролетарская революция» и других. Его имя появилось и в таких литературно-художественных журналах, как «Новый мир», «30 дней», «Молодая гвардия», «Октябрь».

Фурманов отличался исключительной работоспособностью и оперативностью. Материала для выступлений накопилось, как он выражался, «целые горы», нужно только было неустанно обрабатывать его, не терять времени.

5. ПЕВЕЦ РАБОЧЕГО КЛАССА

Среди многих произведений литературы, созданных в годы советской власти, «Чапаеву» Фурманова принадлежит одно из видных и заслуженных мест.

Эта книга выдержала десятки изданий, обошла многие миллионы читателей и, как всякое истинное творение искусства, волнующее силой жизненной правды и глубокой идейной убедительности, каждый раз пробуждает к себе новый интерес и становится книгой для поколений.

Раскрывая неповторимый характер легендарного героя-полководца, чья жизнь сгорела в титанических битвах с врагами молодой советской родины, писатель создал произведение, которое, став величественным памятником суровой эпохи гражданской войны, продолжает волновать умы и чувства читателей.

С момента выхода в свет романа «Чапаев» советская литература далеко шагнула вперед, она давно вышла на широкую мировую арену, став самой передовой литературой мира. Ее будущее еще более прекрасно, а между тем, «Чапаев» навсегда останется в ряду выдающихся достижений советской литературы. «Чапаев» — это книга о могучей организующей и направляющей роли большевистской партии в ту пору, когда десятки миллионов простых тру-

жеников, раскрепощенных от звериной эксплуатации помещиков и капиталистов Великой Октябрьской социалистической революцией, ринулись защищать свои завоеванные права от бесчисленных банд внутренней контрреволюции и военного похода международного империализма.

Эти грандиозные события в жизни советского народа Д. Фурманов передал на конкретно-историческом материале, связанном с судьбой Чапаевской дивизии и одним из передовых отрядов рабочего класса — иваново-вознесенских большевиков.

Много дорог прошел Д. Фурманов по фронтам гражданской войны, со многими людьми сталкивался на своем пути, но всюду: в Чапаевской дивизии или в далеком Семиречьи, на Кубани или на Дону — в иваново-вознесенских ткачах он видел один из передовых отрядов рабочего класса, способных отстоять завоевания Октября. Торжественным гимном звучат слова Д. Фурманова, когда он говорит об ивановцах в романе «Чапаев»:

«И где их, бывало, где не встретишь: у китайской ли грани, в сибирской тайге, на польских рубежах, на Сиваше у Перекопа, — где они не были красные ткачи, где они кровью не полили поле боя? То-то их так берегли, то-то их так стерегли, то-то их так любили и так ненавидели: оттого им и память, как песня сложена, по бескрайним просторам советской земли».

В 1925 году Дмитрий Андреевич опубликовал в ивановской газете «Рабочий край» статью «Что вспомнилось», где еще раз дал меткую характеристику тем, среди кого он вырос.

«Потом я встречался со своими земляками, — писал он, — по самарской работе, в Ташкенте, в Верном, в Туркестане, в Грузии, на Кубани, на Дону. Всюду они вели большую работу, пользуясь неизменным уважением, их считали как бы старшими по революционной работе, по боевому стажу».

Осмысливая ход быстро развивающихся событий, порой неожиданных и противоречивых, Дмитрий Андреевич, вооруженный сознанием большевика, мог хорошо отличать ведущее от случайного, представлял себе то, что определяло исход этих событий. Ведь и в Иваново-Вознесенске, где Д. Фурманов получил политическое крещение и стал руководящим партийным работником, жили не одни только революционные ткачи, но именно они решали судьбу го-

рода, именно они снаряжали отряды в помощь вооруженному восстанию в Москве в 1917 году, а потом посылали своих лучших сынов и дочерей на битву против вооруженных до зубов кровавых армий международного империализма и внесли свой неоценимый вклад в разгром врага.

Д. Фурманов был талантливым сыном иваново-вознесенских текстильщиков и, всегда оставаясь органически связанным с ними, и в минуты тяжелых невзгод и в минуты побед, по праву и достоинству описал их в своей книге как бесстрашных и мужественных борцов за советское государство, за социалистическое воспитание человека, за строительство коммунизма.

Д. Фурманов сделал то, что мог сделать только писатель, вставший на путь социалистического реализма и понимающий все великое значение перемен, происходящих в жизни человека, в его морально-политическом поведении с приходом советской эпохи. Великая Октябрьская революция, положившая начало новой эры в истории человечества, раскрепостила народы нашей страны от алчного порабощения эксплуататоров, подняла их на такую высоту, на какой до сих пор не стоит ни один народ буржуазных государств.

С первых лет революции в дыму и пламени самоотверженных сражений с врагами, под мудрым водительством большевистской партии, в характере советского человека уже начинали формироваться те изумительные качества его души, та нравственная красота и политическая зрелость, которые сделали его носителем передовой экономики, культуры и искусства. Героизм стал не поведением одиночек, а массовым явлением: партия, советская власть сплотили миллионы людей в единой целеустремленной воле к строительству коммунизма. Человек стал носителем типичных достоинств всего лучшего и прекрасного, а это дало право дальновидным художникам слова, прошедшим путь борьбы бок о бок с народом, обратиться непосредственно к живой, конкретной действительности и писать о людях, не прибегая к вымышленным явлениям и фактам. Когда Д. Фурманов работал над романом, он пользовался много раз пережитым, крайне содержательным и убедительным материалом, и не боялся называть героев действительными именами (был ли то легендарный полководец Чапаев или ивановская ткачиха Маруся Рябинина), глу-

боко понимая в то время все значение характера советского человека, налагающего новые обязанности на литературу. Лишь очень немногие люди в «Чапаеве» даются под вымышленными именами, а среди главных героев только за собой не захотел Дмитрий Андреевич оставить подлинное имя, назвав комиссара Чапаевской дивизии Федором Клычковым. В данном случае сказалась исключительно большая скромность писателя, присущая ему в течение всей жизни.

Д. Фурманов начинает роман картиной проводов отряда ткачей на иваново-вознесенском вокзале. В голодный год в многоликой массе провожающих раздаются разные голоса:

«— Да... как-то и дела наши ныне пойдут... — пожаловался скучный, печальный голосок.

Ему отвечали серьезно и строго:

— Кто ж их знать может: дела сами не ходят, водить их надо. А и вот тебе первое дело — тыща-то молодцов!.. Это, брат, дело, и большое дело, бо-ольшое! Слышно в газетах вон — рабочих мало по армии, а надо... Рабочий человек — он толковее будет другого-прочего»...

Так уже в самом начале «Чапаева» намечается глубокий идейный замысел книги, в котором подчеркнута, что дела сами не совершаются, что вершить их должны люди, закаленные опытом революционной борьбы. «Тысяча молодцов», о которых упоминается здесь, — это самые испытанные в делах иваново-вознесенские текстильщики-коммунисты, это юная ткачиха Маруся Рябинина, самоотверженно сложившая свою голову в рядах Чапаевской дивизии, это пожилая ткачиха Марфа, «посовавшая детей в приюты», чтобы с лучшими товарищами добровольно идти на фронт, это, наконец, видный партийный работник Федор Клычков (Фурманов), будущий комиссар Чапаевской дивизии. Их не обескураживает плохонькая военная амундация, которая на некоторых по-смешному «топорщится», подымается, как «тесто в квашне», им не портят настроение старые, изношенные виды оружия; они сильны духом и непреклонной верой в свое правое дело. «С гордостью, любовью, с раскрытым восторгом глядела на них и говорила про них могучая, черная рабочая толпа», и каждое слово прощальной речи Федора Клычкова глубоко западало в сердце провожающих людей. А Федор Клычков говорил им тогда простые, ясные слова большевика:

«— Товарищи рабочие! Остались нам вместе минуты: пробьют последние звонки — и мы уедем. От имени красных солдат отряда говорю вам: прощайте. Помните нас, своих ребят, помните, куда и на что мы уехали, будьте готовы и сами за нами идти по первому зову...

И еще вам одно слово на разлуку: работайте! Дружнее работайте! Вы — ткачи и знать про то должны, что чем больше соткете в Иванове, тем будет теплее в уральских, оренбургских снежных степях — везде, куда попадет отсюда ваше добро. Работайте и накрепко запомните, что победа не только в нашем штыке, но еще и в нашем труде. Увидимся ли снова когда? Станем верить, что да! Но если и не будет встречи — что тужить: революция не считает отдельных жертв...

Словно буйным бураном завывала снежная степь, — толпа зарыдала ответным гулом:

— Прощайте, ребята! Счастливо... Не забудем...»

Неушима прочность тыла и фронта, вера в победу и торжество советских людей помогли потом полураздетым, подчас голодным ткачам-воинам выстоять под напором сильного и хитрого врага, разгромить его отборные каплевские полки.

Д. Фурманов, рассказывая о героизме и бесстрашии ткачей, рисует в своем романе много ярких эпизодов, картин и характеров, показывающих, как иваново-вознесенцы определяли события, вершили на фронте большие дела. Известно, что Чапаев и чапаевцы были не менее храбры и бесстрашны в боях, чем ткачи. Одна из великих заслуг Д. Фурманова в том и состоит, что он показал, как миллионы выходцев из крестьянских низов железной стеной поднялись на защиту советской власти, как они выдвигали из своей среды талантливых полководцев, в сознании которых лютая ненависть к врагам определяла неустойчивый наступательный дух. Но по своей морально-политической зрелости ткачи стояли выше других бойцов Чапаевской дивизии. Поэтому на их долю выпала честь и задача личным примером и политическим опытом влиять на всех окружающих. Ведь известно, например, что рядом с храбростью и бесстрашием в борьбе у Чапаева и чапаевцев были элементы ненужного ухарства, молодечества, иногда очень дорого обходившиеся им самим. Д. Фурманов не боялся раскрывать в романе слабые стороны Чапаева и чапаевцев, ибо знал, что это суровая

правда, о которой нельзя не писать, а еще больше знал он, что это отпадет как шелуха, как отживающие пережитки, так как в Чапаевскую дивизию пришли ткачи, коммунисты, ставшие, по меткому выражению М. В. Фрунзе, «цементом дивизии», ее движущей морально-политической силой. «Дела сами не ходят, водить их надо» — это хорошо понимали ткачи и с честью выполняли свой долг.

Где бы ни были иваново-вознесенцы, они всюду выступали знающими, толковыми агитаторами, к авторитетному голосу которых прислушивались все, кому суждено было с ними повстречаться. Еще на пути в Чапаевскую дивизию в многочисленных городах, на станциях и полустанках они неутомимо вели агитационную работу среди разноликой массы людей, с жадностью воспринимавших их правдивые уверенные слова. «Что ни остановка, — читаем в «Чапаеве», — у эшелона бойкая работа. Весь долгий путь перемечен митингами, собраниями, заседаниями, самодельными лекциями, говорливыми беседами... Отряд ткачей-большевиков — толковых, строгих до себя ребят — весь путь пробороздил глубоким и неожиданным впечатлением... В этой тысяче большевиков-ткачей увидели сермяжники, жители малых городов, попросту сказать, хороших людей, которые их внимательно, спокойно выслушивали, на все вопросы мирно отвечали, что надо, объясняли умно и просто, не вспарывали подвалам животы, ничего не брали, а что брали — за то платили. И крестьяне дивовались. Было это ново. Было это странно. Было это любо. Иной раз к полустанку, где эшелоны задерживались сутками, сползались жители из дальних сел-деревень, «послушать умного народу». Так эшелоны иваново-вознесенцев превращались в красные агитационные поезда, где бурно кипела жизнь. Ткачи-коммунисты ехали воевать и хорошо «знали, что надо быть готовыми ко всему. И надо войну вести не только штыком, но и умным, свежим словом, здоровенной головой, знаньем, уменьем»...

Д. Фурманов просто и вместе с тем ярко рассказал о боевом пути Чапаевской дивизии и о том, как в ее рядах ивановские ткачи всюду, идя первыми, вырывали у Колчака один советский город за другим, как в боях брали они Бугуруслан, Бугульму, Белебей, Уфу, Уральск. М. В. Фрунзе, Чапаев, комиссар Федор Клычков (Фурманов) поручали ткачам самые ответственные военные опера-

ции, зная, что ткачи выполняют их со всем большевистским мужеством и умением. «Когда готовилось наступление на Уфу в «Красном Яру», — пишет Д. Фурманов в романе, — собрались вожди дивизии, надо было учитывать, помимо техники и бойцов, еще и качество их, касаясь именно этой исключительной обстановки. Выбор пал на рабочий Иваново-Вознесенский полк. Этот выбор сделан не случайно. Полки бригады Сизова покрыли себя бессмертной победной славой, они были в отношении боевом на одном из первых мест, но для данного момента (подчеркнуто Д. Фурмановым) надо было остановиться на полку высокоосознательных красных ткачей — здесь одной беззаветной удали могло оказаться недостаточно».

В разгаре боя за Уфу много пришлось испытать тяжелых часов. Силы хорошо вооруженного противника во много раз превосходили силы чапаевцев.

«Да у них, у ткачей, — читаем в романе, — теперь, кроме штыка, ничего не осталось. И вот, когда вместо демонстрационных атак неприятель повел широкое настоящее наступление, дрогнули цепи, не выдержали бойцы, попятись... В это время к цепям подскочило несколько всадников, они поспрыгивали на землю. Это — Фрунзе... Он с винтовкой забежал вперед: «Ура, товарищи!» Все те, что были близко, его узнали. С быстротой молнии весть промчалась по цепям, бойцов охватил энтузиазм, они с бешеным бросились вперед. Момент был исключительный! Редко-редко стреляли, патронов было мало, неслись со штыками на лавины наступавшего неприятеля. И так велика сила героического подъема, что дрогнули теперь цепи врага, повернулись, побежали»...

Такие бойцы с такими командирами могли преодолевать любые препятствия. И Д. Фурманов рассказал об этом так взволнованно и художественно, что каждая страница его книги оставляет неизгладимое впечатление в памяти читателей.

Сотни километров прошел с боями 220-й Иваново-Вознесенский полк в рядах Чапаевской дивизии. Молча они переносили физические страдания, голод и многие тяжелые невзгоды военных походов. В. И. Ленин неоднократно отмечал величайшие заслуги передовых отрядов рабочего класса, принимавших самоотверженное участие на полях сражений в 1919—1920 годах. «Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие, — писал В. И. Ленин, —

перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах»¹.

Д. Фурманов описывает Чапаева как одного из любимых народных героев, вышедших из крестьянских низов, из среды тех многих миллионов людей, которых царизм обрекал на нищету, бескультурье и несправедливость. В колоритном характере Чапаева, как в капле воды, отражающей солнце, сказались все сильные и слабые стороны крестьянской массы, готовой до последней капли крови драться с врагами революции, но вместе с тем политически незрелой, нуждающейся в учителях жизни. Такими учителями новой социалистической жизни и были в Чапаевской дивизии ткачи-коммунисты, пользующиеся заслуженной любовью.

Представитель партии, умеющий понять и оценить мудрым разумом большевика всю сложность конкретно-исторической обстановки, комиссар Клычков во имя революции вёл терпеливую, трудную работу, будучи в дивизии бойцом и воспитателем.

Комиссар и ткачи сделали очень многое. Скоро они в глазах Чапаева и чапаевцев стали самыми авторитетными, самыми умными товарищами в боевых походах. Этому немало посвящено страниц романа.

* * *

Фурманов выступал в своих произведениях как талантливый и страстный пропагандист идей Коммунистической партии, он видел в ленинском Центральном Комитете руководящую и направляющую силу, которая способна привести страну к невиданному расцвету материальных и духовных сил народа. В его дневниках имеется такая запись о ЦК нашей партии: «Какая гордость и какой восторг охватывает тебя, когда увидишь, услышишь, почувствуешь эту несокрушимую мощь своего штаба. Эх, ЦК, ЦК! в тебе побудешь три минуты, а зарядку получишь на три месяца, на три года, на целую жизнь».

Творческую деятельность Фурманова ценит А. М. Горький. Не будучи знакомым с автором «Чапаева», он, однако, очень верно подметил его характерные черты. В письме к жене умершего писателя А. М. Горький заявлял о том, что Фурманов «много видел, хорошо чувствовал, у него был живой ум».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 465.

Дмитрий Андреевич умер на 35 году жизни. Он многое мог бы ещё рассказать о боевых походах революционных лет. У него остались богатые, но незавершённые творческие замыслы.

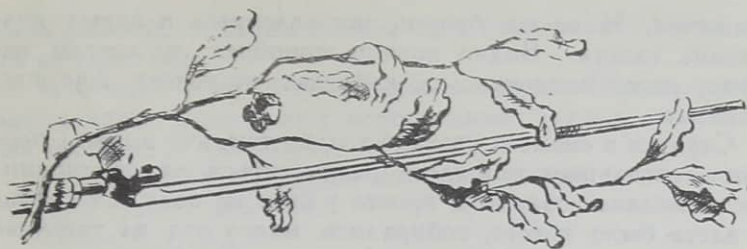
Выдающийся советский писатель А. Серафимович назвал Д. Фурманова художником революции и в «Правде» писал: «Что нужно от большевика? Чтоб он был закалён, как сталь, чтоб в принципиальных вопросах он не умел поддаться ни на волос.

Таков был тов. Фурманов...

Что нужно от большевика? Чтоб он во всякой работе, во всякой деятельности был одним и тем же — революционным работником, революционным борцом.

Таков был тов. Фурманов».

Быть может, эти слова лучше всего характеризуют Фурманова, героя гражданских битв, трибуна идей Коммунистической партии, прекрасного человека и писателя.

Н. ЛОБКО

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

О том, что Семен Иванович Балашов возвратился в Иваново-Вознесенск, друзья узнали очень быстро. По старой конспиративной привычке передали они эту новость друг другу «по цепочке» и тут же с разных концов города поспешили к нему на квартиру.

Семен Иванович встречал гостей радушно, каждого обнимал, целовал, крепко жал руки.

— Ну вот и свиделись. А вы, небось, тут думали: замела пурга дорожки, не вырвется Семен из Сибири.

— Не из тех ты людей, Семен Иванович, что пурги страшатся,— отвечали гости.— Только «царь-батюшка» по тупости своей мог додуматься вечной ссылкой тебя пугать.

— Не получилось это у него, верно,— смеялся Балашов.

Невысокого роста, коренастый, слегка сутулящийся, он, казалось, как-то по-особому крепко стоял на ногах. Простое, открытое лицо его с большим выпуклым лбом, пылливо прищуренными глазами, доброй, слегка лукавой улыбкой, затаившейся в уголках губ, сразу располагало к себе. Одет он был в черную, застегнутую на все пуговицы сатиновую косоворотку, серый, выдавший виды, короткий

пиджачок, такие же брюки, заправленные в новые солдатские сапоги. Видно хозяин приобрел их совсем недавно, даже подковки на каблуках не успели еще подноситься.

Стульев и скамеек хватало только тем, кто пришел первыми, остальным пришлось разместиться на подоконниках, чемодане хозяина и просто у стен на полу. Стесняться здесь было некого, собирались много раз за тяжелые годы подполья испытанные товарищи. Вместе бастовали, вместе голодали, кровь свою проливали на берегах Талки, в одних тюрьмах сидели.

Семен Иванович, глядя на друзей, невольно вспоминал события, связавшие их крепкими узами.

Расплывчато, словно затянутая дымкой, всплыла в памяти старенькая, покосившаяся набок избушка в деревне Сальцево, Кохомской волости, Шуйского уезда.

Здесь в 1874 году родился Семен Иванович Балашов.

Отец — забитый нуждой крестьянин, хотя и трудился не покладая рук на своем крошечном клочке земли и на фабрике, но никогда ни он, ни его семья не были сыты. Представление Семени Ивановича о своем детстве неразрывно связано с постоянным чувством голода.

О еде он забывал только, когда садился за книжку.

Но учиться в школе ему пришлось немного.

Нужда погнала двенадцатилетнего мальчика на заработки.

И он тогда был рад этому. Думалось, станет хоть чуть-чуть полегче.

Но надежды не оправдались. К голоду добавилось еще одуряющее чувство чрезмерной усталости.

Не по годам повзрослевший, Семен пытливо приглядывался ко всему окружающему его миру и мучительно старался найти ответы на терзавшие душу вопросы:

«Неужели так оно и должно быть? Неужели из таких бесконечных страданий состоит вся жизнь? Почему хозяин всегда сыт и весел, а рабочий — голодный и злой? Почему рабочий много трудится, но у него нет ничего, хозяин бездельничает, а у него всё, что он захочет?..».

И вдруг стачка.

Возмущенные ткачи били стекла в корпусах фабрик, в которых они работали, громили окна господских особняков, перед хозяевами которых они только вчера снимали шапки и гнули спины. Казаки нагайками безжалостно по-

роли рабочих, полиция сажала их в тюрьмы. Но стачечники не сдавались.

«Почему? — волновал Семена вопрос. — Откуда у этих истощенных, измученных непосильным трудом людей такая стойкость, решимость?»

— Всем хорошей жизни хочется, — объяснил ему как-то один старый рабочий.

Семен задумался.

— Хорошей жизни... Но где она? Как найти её?..

Он попробовал переходить с фабрики на фабрику, но это ничего не дало. Всюду было одно и то же. Шли годы. Отвращение к фабрике усиливалось всё больше, а фабричный режим становился невыносимым.

«Где же эта хорошая жизнь?» — спрашивал он себя.

— Её добыть надо, — подсказал человек, который на много лет потом стал самым близким другом.

Это был «Отец» — Федор Афанасьевич Афанасьев — известный революционер-рабочий, за которым охотились царские ищейки не только в Иваново-Вознесенске, но и в Москве, Петербурге, Туле и других городах России. Он успел уже побывать и в тюрьмах и в ссылке.

Его простые бесхитростные слова западали в самое сердце Семена, волновали его, находили горячий отклик и словно открывали глаза. По-новому стал смотреть он на жизнь, начал различать друзей и врагов, видеть путь к счастью народа.

Всё, что узнавал от своего наставника, Семен пересказывал на фабрике товарищам.

Родной отец заметил это и пригрозил:

— Не бросишь путаться с политиками, сам донесу на тебя жандармам...

Угроза не испугала Семена. Его неудержимо влекло к другому, не родному, но более близкому «Отцу», на стороне которого, он чувствовал всем сердцем, была правда.

Полиция заметила молодого рабочего, почуяла в нем опасного, непримиримого врага самодержавия и установила за ним слежку.

Семену пришлось уехать в Ригу.

Он поступил там на фабрику и с еще большей энергией отдался пропаганде революционных идей.

В 1899 году царская охранка арестовала его и, после короткого тюремного заключения, выслала в Шую под надзор полиции.

Эта мера наказания не поколебала Балашова. Голос его увереннее зазвучал на рабочих сходках.

Жандармы, взбешенные твердостью передового рабочего, заключили его на полтора месяца в тюрьму, затем на два года выслали в Царицын. Они не сомневались, что им удастся запугать и покорить Балашова.

Но царские сатрапы просчитались.

В борьбе он мужал, креп, учился ненавидеть врагов и безгранично любить простого рабочего человека. Тюрьма и ссылка были для него школой революционной борьбы.

В 1904 году Семен Балашов возвратился в Шую, затем переехал в Иваново-Вознесенск и сразу стал в первые ряды революционеров рабочего края. Вместе с «Отцом», «Арсением» (М. В. Фрунзе), «Станко» (И. Н. Уткиным), «Ермаком» (В. Е. Морозовым), «Громобоем» (Р. М. Семенчиковым), Е. А. Дунаевым и другими товарищами он принимает деятельное участие в подготовке и проведении славной всеобщей стачки иваново-вознесенских рабочих в 1905 году.

На собраниях, митингах, сходках, в рабочем университете на берегу Талки бастующие ткачи не раз слышали волнующие речи Семена Ивановича Балашова, известного под партийной кличкой «Странник».

Тогда же рабочие избрали его своим депутатом в Иваново-Вознесенский Совет.

После трагической гибели «Отца» Семен Иванович Балашов возглавил руководство городской партийной организации.

— Знамя борьбы мы понесем дальше, поднимем его еще выше, еще смелее! — поклялся он на могиле своего лучшего друга.

Преследования полиции усилились.

Но Семен Иванович не сдавался. Он перешел на нелегальное положение. Покинув Иваново-Вознесенск, переехал в Шую, вел агитационную работу в Родниках, Тейкове, Кохме.

И все же царской охранке удалось напасть на его след.

Семен Иванович, почувствовав это, уехал в Москву, поступил на работу в Сокольнический трамвайный парк, пропагандистской деятельности не прекратил. Он словно знал, что на воле ему жить осталось недолго, и пользовался каждым удобным случаем, чтобы поведать рабочим ту правду жизни, которой он сам глубоко верил.

В 1908 году жандармы схватили Балашова и посадили его на два года в тюрьму, а Московская судебная палата по делу Московской окружной конференции РСДРП приговорила в вечной ссылке в Сибирь. В памяти пронеслись одно событие за другим.

Семен Иванович подошел к столу, покрытому чисто выстиранной розовой скатертью с белыми разводами по краям, медленно поднял глаза на лица своих товарищей и улыбнулся.

Сколько раз, бессонными ночами, под заунывный вой метели за окном, пытался он представить себе тот момент, когда снова будет дома, среди близких и дорогих ему людей. И вот свершилось всё то, о чем он мог лишь мечтать. И странно, словно не было томительно долгих десяти лет разлуки, будто он не расставался с друзьями ни на один день.

Сдерживая охватившее вдруг волнение, он непривычно дрогнувшим голосом глухо произнес:

— Ну, рассказывайте, как тут живете.

Но товарищи запротестовали:

— Мы пришли тебя послушать, Семен, ты и начинай.

— Было бы с чего, — передернул плечами Семен Иванович. — О ссылке вспоминать нечего, с ней покончено. Могу только сказать, что не сладко приходилось там. Спасибо сибирякам — помогли, а то бы верная гибель. Сибирь — край богатый и народ там хороший, но с «волчьим билетом» всюду тяжело.

— Дело известное. Наверно обрадовался, когда про революцию услышал.

Семен Иванович оживился.

— А про это, пожалуй, и рассказать стоит.

Он выпрямился, одернул полы своего серого пиджачка с аккуратными заплатами на локтях и потер рукою лоб, словно желая этим ярче воскресить в памяти недавние события.

Товарищи ближе придвинулись и насторожились.

— Февральская революция, — негромко начал Балашов, — застала меня в деревне Терской, Канского уезда, Комаровской волости. Несмотря на то, что деревня находилась в сорока верстах от города Канска, о свершившемся перевороте я узнал на третий день.

Друзья сочувственно качнули головами. Три дня, в сравнении с десятью годами тюрьмы и ссылки, срок

небольшой, но всё же радость могла прийти пораньше.

— А дело было так, — продолжал Семен Иванович. — Служил я там сельским писарем. Придя вечером со службы, я застал только что приехавшую из города хозяйку квартиры, которая рассказывала своему мужу, что в городе творится что-то непонятное. Ходит громадная толпа народа по улицам с красными флагами, и говорят, что свергли царя. Я сначала не поверил и думал ослышался, но из дальнейших расспросов понял, что это революция!

Балашов скользнул взглядом по лицам друзей, опустил свой тяжелый кулак на стол и улыбнулся.

— Меня сразу потянуло в город. Но было уже поздно, около девяти часов вечера, лошадей достать трудно, да и нанять их не на что. Пришлось дожидаться утра. Но, не теряя даром времени, я решил пойти к десятнику, чтобы рано утром достать лошадей и немедленно отправиться в город. Десятник заинтересовался принесенной мною новостью и решил запрячь свою лошадь, чтобы с рассветом отправиться со мной в путь.

Среди внимательно следящих за рассказом слушателей пронесся довольный смешок:

— Тоже, видать, не терпелось.

— На другой день, — продолжал Балашов, — часов около десяти утра мы уже подъезжали к городу. Издали услышали какой-то отдаленный гул. Сердце начало усиленно биться. Я гляжу на своего спутника, а тот сосредоточенно прислушивается и усердно погоняет маленькую сибирскую лошадку, которая, несмотря на большой пройденный путь, бежала мелкой рысцой... Но вот мы в городе, въезжаем в центр его... Не верю своим глазам. Всюду развеваются красные флаги с надписями: «Да здравствует русская революция!», «Долой монархию!». Соскакиваю с лошади, спешу по направлению к городскому театру, куда направляется вся публика. Около театра стоит милиция, но вход туда свободный.

Возбуждённый воспоминаниями пережитого, Семен Иванович прошелся по комнате и остановился в углу.

Кто-то из товарищей зажег керосиновую лампу и повесил её на гвоздь, вбитый в стену.

— В театре тихо, — приглушенно заговорил Балашов, но вслед затем сразу повысил тон. — И в тишине отчетливо и ясно раздается голос оратора. Зная, что кроме ссыльных вряд ли кто будет выступать, иду прямо за ку-

лисы. Смотрю, на сцене сидит вся головка ссылки. Я среди своих! Жмут руки, целуют...

Семен Иванович вдруг часто заморгал глазами, смущенно смахнул пальцем наверхнувшую слезу, закашлялся и полез в карман пиджака за табаком.

Товарищи, сидящие вокруг, тоже потупились и, стараясь не глядеть друг на друга, торопливо начали крутить сигарки и «козьи ножки».

Когда охватившее всех волнение немного улеглось, Балашов возобновил прерванный рассказ.

— Мне предлагают поехать в село Иланское, провести митинг в железнодорожном депо и мастерских. С чувством благодарности я принимаю предложение и, как на крыльях, не чувствуя под собой земли, еду на вокзал...

— Значит сразу и за работу,— заметили друзья, сидевшие за столом.

Семен Иванович удивленно посмотрел на них и развел руками, будто говоря: «А разве могло быть иначе?»

— Через полчаса я в Иланске,— продолжал он.— Слезая с поезда и на перроне сталкиваюсь с новой группой ссыльных. Снова поздравления, объятия, пожатия рук. Все гурьбой идем в железнодорожные мастерские. При нашем появлении мигом остановились станки. Влезаю на трибуну. Немного волнуясь, но мысль, что передо мной рабочие, успокаивает меня. Начинаю говорить и с первых же слов воодушевляюсь, чувствую прилив энергии. Говорю о тяжелых днях самодержавия, о невзгодах, лишениях и страданиях, которые пришлось пережить рабочему классу. В конце речи поем марсельезу, а затем с красными знаменами направляемся на кладбище, где похоронены товарищи, политические ссыльные. Там выступает целый ряд ораторов. Поем «Вы жертвою пали» и на могилах даем клятву — не сложить оружия до полной победы пролетариата — и с революционными песнями возвращаемся в депо. Отсюда еду снова в Канск, где уже намечается первая партия, едущая в Россию. Поезд отправляется через три дня. Записываюсь, еду обратно в деревню Терскую, захватив с собой брошюры, прокламации и плакаты. Вихрем врываюсь в сельское правление, срываю царские портреты, расклеиваю прокламации и плакаты и посылаю десятника собирать сход...¹

¹ С. И. Балашов. В сибирской глуши. «Рабочий край», 1922, № 59.

Друзья радостно зашумели, засмеялись, захлопали в ладоши.

Убеленный сединами рабочий, кого обычно все в городе с любовью звали «дедушка Иван», с чьим мнением всегда считался сам «Отец» — Федор Афанасьев, покряхтывая, поднялся из-за стола, подошел к Семену Ивановичу, обнял его и крепко поцеловал в губы.

— Спасибо, сынок. Хоть, знаю, трудно тебе пришлось там, но, видать, высоко держал честь иваново-вознесенского пролетария. Спасибо тебе за то, от всех спасибо.

Старик подвел Семена Ивановича к столу и усадил на скамью рядом с собой.

— Теперь слушай про наши дела,— после небольшой паузы произнес он.— Хвалиться особенно нечем, как везде — двоевластие. С одной стороны — Временное правительство с «Революционным комитетом общественной безопасности», а с другой — наш Совет рабочих и солдатских депутатов.

— Сразу и не поймешь, куда податься,— засмеялся молодой, вихрастый ткач, сидевший на подоконнике.

— Как это «не поймешь?» — вспыхнул Семен Иванович.— У нас один путь — с Лениным! А он сказал: никакой поддержки Временному правительству. Вся власть Советам!

— Того курса мы и держимся,— кивнул головой дедушка Иван.— Большинство нашего народа за Советами пошло. Но, надо правду сказать, Временное правительство водичку сильно мутит.

— Значит нужно муть осадить на дно,— заключил Балашов.— Я думаю, этим сообща и займемся, товарищи...

Беседа затянулась далеко за полночь.

Друзья расходились, когда над Витовским бором заалело небо.

Семен Иванович провожал гостей за ворота.

Прощаясь, красковар с фабрики Куваева задержал его руку в своей.

— Загляни, товарищ Балашов, к нам на фабрику, потолкуй с ребятами. За эти годы они тебя не раз вспоминали.

— Если вспоминали, приду,— улыбнулся Семен Иванович и лукаво подмигнул.— А если бы забыли, так я всё равно напомнил бы им о себе,— смеясь, закончил он.

Трудящиеся Иваново-Вознесенска очень тепло, душев-

но, как родного, приняли испытанного революционера. Они знали его, ему верили.

Члены комитета социал-демократической партии на фабрике Куваева избрали Балашова делегатом на общегородскую конференцию.

Об этой конференции иваново-вознесенских большевиков газета «Правда» писала:

«14 апреля состоялась партийная конференция, наглядно показавшая всю силу нашей организации. На конференцию, где были представлены представители от 3500 организованных товарищей, своих представителей прислали, кроме того, Кинешемская организация, Гусь-Хрустальный, Владимир, Тейково, Шуя и другие организации. Среди присутствующих делегатов более одной трети — женщины. С глубоким интересом и огромным подъемом проходит конференция. Вся работа, все постановления дышат революционной энергией, пропитаны идеями революционной социал-демократии. Под бурный взрыв аплодисментов конференция принимает приветствие товарищу Ленину».

Председателем конференции, убедительно продемонстрировавшей силу и единство рабочих Иваново-Вознесенска, их безграничную преданность великим идеям марксизма-ленинизма, был Семен Иванович Балашов.

— С Лениным, до конца с Лениным, товарищи! — неустанно призывал он. — За власть Советов!

Здесь Балашов был избран делегатом на областную партийную конференцию в Москву.

Приближался праздник Первого мая (по старому стилю он отмечался 18 апреля). Еще накануне его состоялся огромный митинг, на котором с большой речью выступил Балашов.

— Буржуазия, — сказал он, — есть класс эксплуататоров, расхищающих народный труд, рабочую силу, не щадя ни женщин, ни детей. Она неспособна отказаться от грабежа и несет с каждым днем пролетариату всё новые и новые разорения и гибель десятков тысяч тружеников. Война ведется буржуазией ради грабежа, ради обогащения капиталистов-тунеядцев. Мы, рабочие и работницы Иваново-Вознесенска, обнищавшие от грабежа буржуазии, протестуем самым решительным образом против продолжения грабительской войны. Чтобы Временное правительство знало, что оно никогда не будет иметь нашего доверия, все, как один, примем завтра участие в революционном

празднике трудящихся. От чистого сердца шлем свой привет нашему дорогому товарищу Ленину, как выразителю чувств и стремлений трудового народа.

Заключительные слова пламенной речи были встречены громовой овацией и единодушно включены в резолюцию митинга.

На следующий день десятки тысяч рабочих вышли на улицы города, неся на кумачовых полотнищах начертанные лозунги:

«Долой власть капитала!»

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Да здравствует социализм!»

«Да здравствует III Интернационал!»

Во время митинга в помещении городской управы, с балкона которого перед собравшимися на площади демонстрантами выступали ораторы, к Семену Ивановичу явилась группа рабочих и солдат.

— Как быть? — спросили они. — Народ требует арестовать Куражова, Тихомирова, Бабанина и других кровососов-торговцев, которые в отместку за революцию прячут хлеб из своих лавок.

В городе уже несколько дней ощущался недостаток продовольствия. Жители были твердо уверены, что это дело рук торговцев, кому революция была не по душе и особенно не нравился им авторитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

Находившийся тут же в комнате маленький человечек в пенсне, с бородкой клинышком, в черном горящемся на спине пальто, напоминающий навозного жука, яростно размахивая зонтом, запротестовал:

— Товарищи! Товарищи! Как можно омрачать такими грубыми требованиями наш радостный, по-весеннему светлый, свободный революционный праздник?

Балашов оглянулся на него и сурово сдвинул брови.

— В девятьсот пятом куражовы, тихомировы и другие черносотенцы не постеснялись начать погром в христианский праздник. Многих мы тогда не досчитались. «Отца» убили...

— Зачем тревожить прошлое? — человечек болезненно сморщил свою лисью мордочку. — Оно быльем поросло.

— Врешь, — вспыхнул Балашов. — Мы всегда будем помнить товарищей, отдавших жизнь свою за революцию.

— Хорошо, хорошо, это ваше дело. Но мы — меньше-

вики и, я уверен, другие революционеры не можем позволить насилия в столь высокаторжественный день!

— Так ведь сегодня праздник наш — рабочих, а не лавочников. Потому и требуем, — настаивали члены делегации.

— И правильно делаете, — поддержал их Семен Иванович. — Раз народ того хочет: арестовать черносотенную свору.

— Я протестую! — взвизгнул меньшевик.

Балашов схватил его за воротник пальто и подтащил к себе.

— А ты, мразь меньшевистская, — сквозь зубы процедил он, — не путайся тут под ногами. А то я тебя пристреплю собственными руками. Понял?

Меньшевик испугался. Он, вероятно, слышал, что с Семеном Балашовым шутки плохи.

— Николай Андреевич, — залепетал он, обращаясь к стоявшему рядом с Балашовым Жиделеву, — вы, так сказать, бывший член Государственной думы, вы...

— Уходите отсюда, — оборвал его Жиделев.

— Пожалуйста... Я охотно... Я даже могу вместе с товарищами, — пробормотал вконец растерявшийся меньшевик.

Шаркая по полу сваливающейся с ноги галошей, он догнал направляющихся к двери солдат и рабочих, хотел пристроиться к последнему из них, но тот оттолкнул его.

— Не по дороге...

Жиделев обнял плечи Балашова и дружески потрянул их.

— А ты, вижу, не остыл в Сибири, по-прежнему горячий.

— Подогревают, — усмехнулся Семен Иванович, пощипывая кончик уха.

Не прошло часа, черносотенцы-лавочники были арестованы народом...

На состоявшихся в первых числах мая выборах в Совет преимущественно вошли большевики, что убедительно свидетельствовало о силе их влияния среди широких рабочих масс.

Семен Иванович Балашов вошел в состав Совета рабочих и солдатских депутатов как представитель исполнительного комитета РСДРП.

Большевистский Совет, энергично поддерживаемый

трудящимися города, действовал решительно. Когда потребовалось помещение для Совета, немедленно был занят особняк фабриканта Полушина.

Но контрреволюция не сдавалась.

По распоряжению Временного правительства арестованные народом черносотенцы были выпущены на свободу. Снабжение продуктами питания ухудшалось. Фабрики работали с большими перебоями. Председателем городской думы был избран крупнейший фабрикант Н. Г. Бурылин.

Буржуазия готовилась дать отпор рабочим города.

На заседании исполнительного комитета общественных организаций другой крупный фабрикант Гандурин выступил с «программной» речью.

— Устроители земли русской, — с барской пренебрежительностью заявил он, — объявляют смертный бой капитализму, составляют грандиозные проекты переоценки труда, явочным порядком вводят восьмичасовой рабочий день. Наиболее решительные переустроители отечества, — продолжал он, играя брелоками, подвешенными к толстой золотой цепи карманных часов, — уже видят свой идеал: отобрание и социализацию земли, фабрик, заводов и всякого имущества. Но социальная революция в настоящий грозный час преступна!

Гандурин эффектно поднял указательный палец правой руки, унизанный массивными перстнями, и застыл в картинной позе...

— Хорошо, господа фабриканты, мы вам ответим на ваши речи, покажем, на что способен иваново-вознесенский пролетариат, — сказал Семен Иванович, узнав об этом выступлении.

Подходящий случай скоро представился.

По решению ЦК РСДРП(б) 18 июня в городе была организована грандиозная демонстрация. Рабочие вышли на улицы с революционными песнями, красными знаменами и большевистскими лозунгами:

«Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!»

«Долой контрреволюционеров! Долой 10 министров капиталистов!»

«Да здравствует контроль над производством!»

«Хлеба, мира, свободы!»

Помешать демонстрации буржуазия оказалась бес-
силна.

Спустя десять дней Семен Иванович, докладывая на пленарном заседании Московского областного бюро РСДРП(б), сообщил, что большевистская организация, которая существовала в Иваново-Вознесенске еще до революции, в настоящее время насчитывает до пяти тысяч членов. Весь город разбит на четыре района. Лучшей нужно считать железнодорожную организацию. Влияние большевиков преобладающее. Районный съезд профсоюзов, а также съезд фабрично-заводских комитетов приняли большевистскую резолюцию. Сначала в Совете рабочих депутатов не было наклона ни в ту, ни в другую сторону, но в настоящее время положение резко изменилось: из 100 членов — 90 большевиков. Среди солдат имеется большевистская ячейка. Демонстрация 18 июня была довольно значительной...

Зная скромность Семена Ивановича, председательствующий улыбнулся:

— Ну, если Балашов говорит «довольно значительная», то надо с твердой уверенностью полагать, что демонстрация в Иваново-Вознесенске удалась...

Жизнь в городе, казалось, была напряжена до предела. Чтобы сломить революционный дух рабочих, хозяева начали останавливать свои фабрики.

— Не выйдет! — заявил на это Балашов.

По его настоянию, Совет принял решение:

«Стремление фабрикантов и заводчиков закрыть производство в такой тяжелый момент есть ни больше ни меньше, как желание взять измором революционный класс и отнять у него завоеванную свободу. Поэтому Иваново-Вознесенский Совет постановил: без разрешения Совета Р. и С. Д. ни одна фабрика не должна останавливаться».

Остатки власти в городе явно ускользали из рук фабрикантов.

Особенно ярко это выявилось в начале июля.

В ночь с 4 на 5 июля была получена срочная телеграмма Московского областного бюро РСДРП(б):

«В Петрограде решительные выступления фабрик, полков. Областное бюро призывает немедленно к демонстрациям и забастовкам. Лозунг: «Вся власть Советам!»

В ту же ночь было созвано экстренное заседание Иваново-Вознесенского Комитета РСДРП(б), на котором по

предложению руководителя городской партийной организации Семена Ивановича Балашова было решено демонстрацию провести.

На собравшееся утром следующего дня заседание Совета явился один из местных главарей партии социалистов-революционеров Салов.

— Как Совет намерен реагировать на телеграмму? — задал он вопрос председателю Совета старому революционеру-большевику Федору Никитичу Самойлову.

— Полностью поддержать изложенное в телеграмме предложение, — не колеблясь, ответил тот.

— Значит, демонстрация? — усмехнулся Салов. — Но демократия, народ русский за большевиками не пойдет.

— А это мы завтра увидим, — спокойно заметил Семен Иванович. — Цыплят ведь, известно, по осени считают.

Депутаты Совета засмеялись.

Это взорвало Салова.

— Вы не имеете права устраивать демонстрации, — закричал он. — Мы не остановимся перед расстрелом!..

— Что ты сказал, подлец? — вскочил из-за стола Балашов.

Сидевший рядом Жиделев схватил его за руку.

— Спокойно, Семен.

Но Салов уже сам понял, что сболтнул лишнее.

— Я... Я покидаю ваше собрание, — пугливо озираясь по сторонам, заявил он и бросился к двери.

— Скатертью дорожка!

— Воздух чище будет! — понеслось ему вдогонку.

Слово взял Балашов.

— По поручению городского комитета социал-демократов большевиков вношу предложение, — сказал он и, достав из кармана лист бумаги, зачитал: — Экономическая разруха хозяйства страны и усиленная кровавая бойня ставят Россию на край опасности. Временное правительство ничего не сделало для задержки этой грядущей гибели, а, наоборот, своими распоряжениями вносит еще большие неурядицы в те начинания, которые революционная демократия в лице Советов проводит на местах для ослабления и спасения от разрухи и безработицы. А потому, протестуя против соглашательской политики с буржуазией в министерстве, Иваново-Вознесенский Совет Рабочих и Солдатских депутатов вместе с революционными войсками и рабочими Петрограда присоединяет свой голос к лозунгу:

«Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» и готов демонстрацией поддержать требование перехода власти к Советам.

На следующий день, по призыву большевиков, остановились все фабрики города. Более тридцати тысяч рабочих с лозунгами: «Долой министров-капиталистов! Вся власть Советам!», распевая революционные песни, двинулись к зданию Совета.

В демонстрации принял участие 199-й запасной полк, вооруженных солдат которого вывел из казарм большевик Жугин.

Эсеры хотели осуществить свою угрозу, утопить в крови рабочую демонстрацию. Один из них, эсер Майоров, даже пытался вызвать подкрепление из Шуи.

— Пусть едут Нырклов и компания, — надрываясь, кричал он в телефонную трубку. — Большевики берут власть в свои руки. Приезжайте к девяти часам...

Но из этой затеи ничего не получилось. Разговор был перехвачен дежурившими на телефонной станции, телеграфу и почте рабочими контролерами.

— Смотрите, всю улицу окрасили красным узором знамени, — любясь демонстрацией, говорил Семен Иванович товарищам и довольно улыбался. — Враги почувствовали эту могучую революционную силу и не смогли оказать ей противодействие.

Продемонстрировав свою мощь и единство, иваново-вознесенские рабочие в этот день одержали крупную победу над силами контрреволюции...

Но из Питера поступили тревожные вести. 4 июля на углу Невского и Садовой, на Литейном юнкера и офицеры стреляли в мирную демонстрацию рабочих и солдат. Поздней ночью редакция газеты «Правда» была разгромлена юнкерами и казаками. Временное правительство распорядилось закрыть большевистские газеты. Начались массовые аресты, погромы и обыски. Революционно настроенные воинские части Петроградского гарнизона срочно выводились из столицы и отправлялись на фронт. Временное правительство издало приказ об аресте Владимира Ильича Ленина.

— Я думаю, товарищи, мы должны сказать свое слово по поводу тех событий, что произошли 3 и 4 июля в Петрограде, — заявил на заседании Совета Семен Иванович Балашов. — Во-первых, признать настоящий момент

опасным для революции и призвать все истинно-революционные силы к сплочению и решительной борьбе с контрреволюцией. Во-вторых, заклеймить презрением способ борьбы с партией пролетариата, с партией социал-демократов большевиков. В-третьих, требовать освобождения всех арестованных ее членов. В-четвертых, послать свой горячий привет славному вождю революционного пролетариата товарищу Ленину!

— Правильно!

— Послать привет Ильичу! — подхватили депутаты.

— А как быть с тем положением, что в наших товарищей стрелять начали? — поступил вопрос. — Четвертого в Питере, а завтра и у нас палить начнут. Салов-то тоже грозился.

— Придется нам вооружить рабочих, — ответил Семен Иванович. — Членам большевистской партии нужно вступить в отряды Красной гвардии.

— Это верно...

События нарастали быстро.

Председателю Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов Федору Никитичу Самойлову «за попытку к ниспровержению Временного правительства» было предъявлено обвинение по 102-й статье уголовного уложения, карающей от ссылки в Сибирь на вечное поселение с лишением всех прав до смертной казни.

В славный город ткачей прибыл Михаил Васильевич Фрунзе.

— Ну, казнями и ссылками нас не запугать, — сказал он. — Эту школу мы прошли в совершенстве еще при царе. Но тогда не стали мы на колени, не опустимся и теперь.

— Очень хорошо, что ты приехал, — оставшись наедине со своим старым другом, откровенно радовался Семен Иванович. — Трудновато, брат, приходится. Организация большая, запросов уйма, а вот знаний, чувствую, маловато.

— Знания, конечно, нужны, — заметил Фрунзе, — но у тебя, Семен, богатейший опыт революционной борьбы, рабочие тебя знают, ценят и верят, а это сейчас главное. Да и дела у вас тут неплохи. Если бы меня когда-нибудь спросили о той обстановке, которую я застал в момент своего приезда к вам, я бы сказал: во всем Иваново-Вознесенском районе фактически была установлена диктатура пролетариата. Настроение повсюду и особенно среди рабочих и солдат было ярко революционное. Советы чувствова-

ли свою силу и действовали в сознании абсолютной неизбежности окончательного перехода власти во всей республике в руки трудящихся.

— Так вот ты здесь как раз к месту будешь,— встал Балашов.

— Нет, нет,— запротестовал Фрунзе.— Ты, Семен, прикинь. В самом Иваново-Вознесенске, а также во всех промышленных центрах, я имею в виду Тейково, Кохму, Родники, Середу, господство в Советах безраздельно принадлежит нашей партии, не имеющей никаких сколько-нибудь серьезных политических конкурентов.

— Так,— кивнул своей большой головой Семен Иванович.

— Несколько хуже,— продолжал Фрунзе,— дело обстоит в Шуе, где довольно сильно сказалось влияние социалистов-революционеров.

— Чего же ты хочешь? — уже поняв, к чему клонит Михаил Васильевич разговор, спросил Балашов.

— Ехать в Шую.

Семен Иванович протестующе поднялся со стула, но Михаил Васильевич, положив руку ему на плечо, усадил его обратно.

— Учти, Семен, помимо своего промышленного значения, Шуя является довольно крупным военным центром. Там расквартированы два запасных пехотных полка и пешая дружина, насчитывающие в общей сложности около двадцати тысяч человек.

— Всё это верно,— начал было Семен Иванович, но Фрунзе прервал его.

— Твою настойчивость я знаю,— сказал он,— но так надо, партии виднее. К тому же всем известно, что в Иваново-Вознесенске всегда было много настоящих большевиков, людей, безгранично преданных революции. И сейчас здесь собрались: Самойлов, Жиделев, Степанов, Фурманов, Жугин, Скороходов, Кузнецов...

— Хорошие, решительные товарищи,— согласился Балашов.

— Я обязательно подскажу ярославцам, чтобы они обратились к вам с просьбой помочь им кадрами.

— Это можно,— улыбнулся Семен Иванович.

— А если посоветоваться захочешь,— продолжал Михаил Васильевич, подсаживаясь к столу, за которым сидел Балашов,— так ведь я буду не за горами. К слову, я хо-

тел обратить твое внимание на газету, что издает ваш Совет.

— На «Известия»?

— До чего уж она невзрачна на вид. К тому же, редко выходит, печатается на какой-то темно-желтого цвета оберточной бумаге. Материалы помещаются сухие, скучные, чисто официального характера. И, что особенно бросается в глаза, так это то, что наша газета даже не пытается противопоставить себя кадетско-эсеровской газетенке «Иваново-Вознесенск».

— Думали об этом,— подергивая кончик уса, с досадой произнес Семен Иванович.

— Следует торопиться. Враг бодрствует. Ведь шестой съезд партии не зря подчеркнул, что в настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии.

— Это я себе уяснил.

— А у вас ведь скоро выборы в городскую думу.

— Мы и ее большевистской сделаем,— уверенно заявил Семен Иванович.

— Хорошо бы,— улыбнулся Фрунзе.

Через несколько дней он уехал в Шую.

А вскоре в Иваново-Вознесенске начала выходить большевистская газета «Наша звезда». Первый номер ее Семен Иванович специально послал М. В. Фрунзе.

— Как видишь, «Арсений», торопимся,— позвонив вечером по телефону в Шую, пошутил Балашов.

Живая, злободневная газета, напечатанная на белой бумаге, сразу привлекла к себе внимание широких масс трудящихся. Особую остроту приобрела она в связи с подготовкой к выборам в городскую думу.

Выборы эти состоялись 27 августа. Из 102 гласных в думу было избрано 58 большевиков.

— Верно Семен Иванович предсказывал,— смеялся приехавший в Иваново-Вознесенск Фрунзе.— Дума, бывшая до этого опорой городской буржуазии, стала большевистской.

Контрреволюция в Иваново-Вознесенске шаг за шагом отступала, но не сдавалась.

Всемерно сдерживая, подрывая работу промышленных предприятий, фабриканты пытались сорвать снабжение го-

рода продуктами питания, голодом задушить революционное движение народа.

Тогда, выражая мнение тружеников города, Совет постановил:

«Считая, что решение вопросов — продовольственного и топливного, снабжение фабрик и заводов хлопком и нормальный ход производства зависит от общего положения страны, от продолжающейся до сих пор войны, от той власти, которая стоит во главе страны, собрание признает необходимым направить нарастающее движение на организованный путь, на путь политического выступления под лозунгами: «Передача власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», «Мира, хлеба и работы».

Положение в Иваново-Вознесенске настолько обострилось, что исполком Совета счел нужным создать Верховный Совет, который должен был принимать все необходимые меры для защиты революции в городе и организовать боевые дружины на фабриках.

Семен Иванович, который был одним из трех членов Верховного Совета, предупреждал руководителей фабричных партийных организаций:

— В боевую дружину нужно подбирать народ решительный, как в девятьсот пятом году это делал «Станко». Поэтому правильно поступили товарищи на фабрике Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, решив принимать членов в боевую организацию осмотрительно, отбирать людей, преданных делу нашей партии. Нам нужна такая боевая дружина, которой мы могли бы полностью довериться и твердо знать, что она, не колеблясь, выступит в любой решающий момент.

В результате усилившегося саботажа фабрикантов, недостатка продовольствия и чрезмерно низких зарплат положение рабочих еще более ухудшилось.

Дальше так продолжаться не могло.

На очереди встал вопрос о стачке.

Фабрикантам были предъявлены требования: повысить заработную плату, улучшить жилищные условия, обеспечить необходимые санитарно-гигиенические условия работы.

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП(б) руководил и внимательно следил за нарастающим ходом событий.

— Надо взять на себя руководство экономической стачкой, — говорил Балашов, — чтобы превратить ее в по-

литическую. Такой опыт борьбы наша организация уже имеет.

— Не зря посещали рабочий университет на Талке,— соглашались товарищи.

У фабрикантов были свои расчеты. На этот раз они не возражали против стачки рабочих. Стачка, по мысли фабрикантов, неминуемо должна была вызвать еще большие лишения и трудности в городе. Смерть рабочих от голода становилась надежным союзником контрреволюции. Поэтому к назначенному сроку ответа на требования рабочих фабриканты не дали.

По решению центрального стачечного комитета 21 октября (3 ноября) в 10 часов началась всеобщая стачка. В ней участвовало триста тысяч тружеников рабочего края.

Вооруженные пикеты рабочих немедленно заняли корпус фабрик, конторы, мастерские, приняли на себя охрану складов. Без разрешения стачечного комитета вход на фабрику был запрещен всем, в том числе и самому хозяину.

— Как в девятьсот пятом, Семен Иванович,— говорили пожилые рабочие, встречая Балашова.

— О, нет,— улыбаясь, возражал он.— Тогда у нас генеральная репетиция была, а сейчас дела идут всерьез. Фабрики берем в свои руки навсегда.

Такой поворот спутал все расчеты фабрикантов.

Один из них, насмерть перепуганный Дербенев, от имени Иваново-Вознесенского общества фабрикантов и заводчиков спешно слал во все адреса телеграммы:

«Началась забастовка на всех предприятиях Иваново-Вознесенска тчк Стачечный комитет воспретил вывоз с фабрики всех изделий и фактически захватил власть в свои руки зпт поставив вооруженных людей по фабрикам зпт в конторах зпт у телефонов зпт у ворот зпт сняв с работы служащих предприятий и отобрав ключи от фабричных помещений и складов тчк»

Растерявшиеся фабриканты вопили:

— Это возмутительно! Попрано священное право собственности!

— Да, да. Нужно принять немедленные меры к восстановлению нарушенного стачечным комитетом права!

— Мы этого не простим! Мы им покажем!..

Но в Иваново-Вознесенске они уже были совершенно бессильны что-либо сделать. Фабриканты это очень скоро

поняли и, охваченные паническим страхом, поспешно стали удира́ть в Москву.

Однако остающимся в городе управляющим они строга́йше наказывали мануфактуру на хлеб не менять, если подвернется удобный случай — ломать станки.

— Пусть все дохнут, пусть всё гибнет, — в бессильной ярости шипели они, как змеи. — Чем хуже для них, тем лучше для нас. Мы еще вернемся и тогда за все сполна сочтемся с «товарищами».

Но рабочие надежно брали фабрики, а с ними и власть в городе в свои руки...

25 октября (7 ноября) Временное правительство было низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

На весь мир разнесся голос Владимира Ильича:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась!..

Вечером на общем собрании Иваново-Вознесенского Совета Дмитрий Андреевич Фурманов, взяв слово для внеочередного сообщения, объявил о том, что Временное правительство свергнуто.

Это известие было встречено бурей аплодисментов и радостных возгласов. Депутаты обнимали друг друга, жали руки, целовались.

— Ну вот, и на нашей улице праздник, — улыбаясь, говорил Балашов.

Об этом памятном дне и событиях, развернувшихся вслед за ним, Семен Иванович 9 ноября докладывал на заседании расширенного пленума Московского областного бюро РСДРП(б):

— После того, как получили известие о перевороте в Петрограде, — говорил он, — было созвано совещание представителей партий, городской думы, исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Большевики предложили образовать Временный революционный комитет. Меньшевики и социалисты-революционеры высказались за власть городского самоуправления и ушли с совещания, грозя уйти и из городского самоуправления. В дальнейшем их работа ограничивалась подстрекательством к саботажу служащих. Был образован Временный революционный ко-

митет, который организовал контроль на почте, телеграфе, междугороднем телефоне и железной дороге и банке. Конфисковано оружие у фабрикантов и служащих. Настроение у рабочих и солдат — прекрасное. Во время Московского восстания они рвались туда на помощь Военно-революционному комитету. Из Шуи было послано 700 человек. Очень остро встал продовольственный вопрос. В сентябре выдавали 11 фунтов на человека, в октябре — 7 фунтов. Стали налаживать обмен хлеба на мануфактуру с Сибирью и Кавказом.

Жизнь в городе входила в свое новое русло.

Семен Иванович, сидя в своем небольшом служебном кабинете, любовно разглаживал и без того ровный лист бумаги, от которого еще пахло типографской краской.

На листе жирным шрифтом было напечатано:

«Объявление исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов города Иваново-Вознесенска. 18 ноября 1917 года.

Штаб революционных организаций в городе Иваново-Вознесенске с сего числа упраздняется и все его функции переходят к Совету в лице исполнительного комитета.

За получением всякого рода справок и подачей заявлений должны обращаться в Совет, Александровская улица, дом Полушина, ежедневно, кроме праздников, с 10 и до 4 часов дня».

— Вот оно, — удовлетворенно прошептал Балашов, и лицо его осветилось счастливой улыбкой. — Обращаться в Совет... Хорошо.

И только теперь Семен Иванович почувствовал, как он сильно устал от напряженной, самоотверженной борьбы за торжество всенародного дела, которому он отдал больше двадцати лучших лет своей жизни. Ему захотелось вдруг броситься на диван, уткнуться лицом в подушку и хоть один раз досыта, по-настоящему выспаться.

Но пришли товарищи посоветоваться.

— Как быть с землей графа Шереметева? — спросили они.

— Поступайте, друзья, так, как учит Ленин, — последовал ответ.

Через несколько дней имение графа Шереметева, «состоящее из земель разных угодий в количестве 1999,3 десятины», было конфисковано...

В начале 1918 года Семен Иванович Балашов снова покидал город.

Генерал царской армии Каледин, поддерживаемый правительствами империалистических держав, сколачивал на Дону контрреволюционные силы.

Партия обратилась к народу с призывом разгромить врага.

Штаб Иваново-Вознесенской Красной гвардии немедленно выделил отряд. Вместе с отрядом на защиту молодой Социалистической Республики отправлялся и Семен Иванович.

Он уже закончил свои сборы и завязывал небольшой вещевой мешок, когда в комнату вошел дедушка Иван.

За год борода его еще больше побелела, волосы на голове стали совсем реденькими, но внешне он по-прежнему выглядел крепким, держался бодро.

— Опять в путь-дорогу, «Странник»? — здороваясь с Семеном Ивановичем, спросил он.

— Опять, дедушка Иван.

— Беспокойная жизнь выпала тебе, сыночек.

— Ничего, — улыбнувшись, сказал Семен Иванович, — сейчас время такое.

— Время — это верно, — кивнул седой головой старик. — Но и характер твой много значит. Прямо скажу, не всякий способен вот так, как ты, всего себя отдать людям, трудной борьбе за то, чтобы всем на земле счастливо жилось. За то тебя, сынок, и любят в народе. Долго тебя будут помнить, очень долго...

В. КАСАТКИН

КРАСНЫЙ ВОЕНКОМ

Бурной оказалась в Иваново-Вознесенске, как и во всей многострадальной России, весна 1917 года. Февральская буржуазно-демократическая революция, знамя которой было поднято питерскими рабочими и солдатами, порвала цепи и на рабочих руках ткачей. Вместе с пролетариями под красное знамя революции сразу же встала и основная масса 199-го запасного полка. В первые же дни революции был создан Совет рабочих и солдатских депутатов. В его состав от солдат вошел Афанасий Жугин, который вместе со своими друзьями в марте же вступил в члены городской организации большевистской партии. Избрали его и в полковой комитет.

Помня уроки 1905 года, рабочие города снова создавали боевые дружины.

Народная волна, вместе с тем, вынесла на поверхность революционного моря много мусору — крикунов эсеров, меньшевиков, кадетов и им подобных. Пробрались они и в Иваново-Вознесенский Совет. Большевики еще 3 марта поставили на заседании Совета вопрос об изъятии для рабочих излишков оружия в 199-м полку. Меньшевики и эсеры этот вопрос провалили.

Однако через несколько дней в 14-й роте «пропали»

42 винтовки с патронами и... оказались у рабочих. Затем все чаще перекочевывало оружие из казарм в рабочие дружины. Не из тех людей был подпрапорщик 14-й роты Афанасий Жугин, чтобы хвастать о своем участии в самовооружении рабочих.

Но это и так было ясно.

В мае председателем Совета избрали стойкого большевика Николая Андреевича Жиделева. Жугин и Степанов стали его товарищами (заместителями). А несколько позднее Жугина выдвинули делегатом на I Всероссийский съезд Советов.

Но не дремали и вчерашние хозяева жизни, их подпевалы — эсеры, меньшевики. Они окопались в городском комитете общественной безопасности, который был верным псом Временного правительства.

В городе, как и во всей России, установились две власти.

В тюрьме полковник Смирнов, полицеймейстер Шапкин, жандармский ротмистр Лызлов. Разоружены казаки, жандармы и полицейские. Но война еще продолжается. Фабрики остаются во власти своих старых хозяев. Земля у помещиков. Нет по-прежнему у рабочих хлеба...

Площадь возле городской управы. На трибуне перед плотной толпой солдат бритоголовый, с подстриженными усиками, с синим крестом в ромбе на офицерском кителе адъютант полка — Майоров, ставший председателем полкового комитета.

— Я, представитель партии социалистов-революционеров, призываю вас защищать демократические завоевания народа. Главное — спокойствие и организованность. Временное правительство, выражая волю российского народа, говорит: революционная война до победного конца! В этом залог нашей свободы и обновления великой России...

— А за кого воевать? — обрывает «Афоня» (так звали Жугина в городе). И в наступившей тишине резко бросается в сторону Майорова:

— За твоего отца-торгаша? За фабрикантов Гарелиных и Коноваловых? Или за землю, которой нет у того, кто ее обрабатывает?

— Долой! С трибуны долой! — надсажается кучка

разношерстно одетых, пробравшихся к трибуне лиц. Тут и меньшевики, и эсеры, и монархисты, и анархисты — черт их разберет. Один из них вцепился уже в полу шинели Жугина, тащит его вниз.

— Брось! Отставить! Пусть говорит! — грозно гудит солдатская масса, теснее сжимаясь вокруг стола, награждая оплеухами и выжимая из толпы расходившихся кулацких сынков, торговцев.

— Товарищи! — с той же страстностью продолжает «Афоня». — Временное правительство — есть правительство помещиков и капиталистов, это правительство проволок и обмана. Вот уже третий месяц оно оттягивает разрешение насущных вопросов о мире, о земле, о хлебе. Оно хочет, верно, чтобы «волки были сыты и овцы целы». Не может этого быть! Партия большевиков, наш Владимир Ильич Ленин зовут:

- Никакой поддержки Временному правительству!
- Долой грабительскую империалистическую войну!
- Вся власть Советам!
- На фабрики — рабочий контроль!
- Землю — крестьянам!

До боли бьют в ладони солдаты и рабочие. Раздается «Ура!!!»

На трибуну взбирается в потрепанной шинели, один рукав которой пуст, с изувеченным лицом молодой рабочий.

— Хватит! Одну руку я уже пожертвовал царю-кровавице. Другую не отдам Керенскому! — истерически в гнев кричит он...

Солдаты, рабочие все больше разбирались в событиях. Собственный опыт на собственной спине был им лучшей школой. Правда оказывалась на стороне большевиков, ленинцев, а она, как солнце, освещала народу путь к счастью.

4 июля Временное правительство сняло маску народности, показало свое действительное лицо. В этот день улицы Петрограда были по его приказу обильно политы кровью мирных рабочих демонстрантов и революционных солдат.

Поздним вечером Иваново-Вознесенский комитет РСДРП получил из Москвы телеграмму о решительном выступлении питерцев. Постановили устроить демонстрацию рабочих и вооруженных солдат полка, установить

контроль над телеграфом и телефоном. Ночью заседал исполком Совета. Решено выступить. Утром собрался Совет. 102 депутата за выступление, 10 против. Член городской управы, главарь местных эсеров Салов грозил:

— Совет не имеет права устраивать демонстрации, в нужный момент не остановимся перед расстрелом.

Категорически против выступления и председатель полкового комитета эсер Майоров.

— Солдаты сами решат, с кем им идти,— определила большевистская фракция Совета.— Направить к ним Афанасия Жугина и Валерьяна Наумова, собрать митинг.

...Ротные казармы, как близнецы, схожи одна с другой. Двухъярусные нары. На них соломенные матрацы без признаков постельного белья, вытертые одеяла. На роту один-два стола и несколько табуреток. Духота. Вонь. Сырость. Тоска. Да разве усидишь здесь, когда товарищи уже направились на митинг!

К 12 дня казармы были пусты.

...Под брезентовым куполом цирка на ярмарочной площади вспыхивает огнем, страстью звучит речь Наумова, зовет солдат самим сделать выбор. Цирк набит до отказа. Часть солдат у входа, на улице. Офицеров почти нет, спрятались, шушукуются где-то по квартирам, в штабе.

На трибуну взбираются и меньшевики, и эсеры, до хрипоты кричат о доверии Временному правительству, о чести, совести, законности, патриотизме.

— Слезай, приехали!

— Эх, мать честная, вашими бы языками лапти плести!

— Довоевались, будет!

— Долой войну! — обрывают на полуслове их.

На трибуне Жугин. Солдатские тяжелые сапоги, серая шинель. Правая рука вверх, в левой клочок бумаги.

— Предлагаю резолюцию о выступлении завтра полка с оружием.

Принимается большинством.

...Горячий спор у командира полка подполковника Шиндлера. В конце концов он вынужден был уступить и отдал приказ об участии солдат в демонстрации.

...Будто рукой сняло головную боль и усталость от ночных заседаний в большевистском комитете, в солдатской секции Совета, когда Афанасий, подходя утром к казар-

мам, увидел ошетилившийся штыками строй из нескольких тысяч солдат.

«Все идет прекрасно!» — торжествовал он.

Но что это? Ни командира полка, ни старших офицеров нигде не было видно. Лишь несколько прапорщиков поругивались между собой о старшинстве: кому вести полк. Никто не хотел ввязываться в это беспокойное дело.

«Еще несколько минут такой проволоочки, и солдаты разойдутся, — бьется тревожная мысль. — Нужно действовать решительно...»

— Музыканты, вперед! — громко и неожиданно раздается команда подпрапорщика Жугина.

Затишают, прошелестев листвою, разговоры и шепот.

А музыканты — ни с места. Потом от их строя отделяется старший:

— Музыканты никуда не пойдут, играть не будут. Ваших приказов мы не исполняем.

— Это не мой приказ, это приказ всех революционных солдат! — гневно заявляет подпрапорщик.

В рядах первой роты, солдаты которой слышат этот разговор, нарастает ропот:

— Чего там разговаривать!

— Не будут играть — под конвоем и на фронт отправить!

— Шкуры барабанные!..

— Музыканты, вперед! — еще раз властно и угрожающе командует Афанасий.

Ряды музыкантов дрогнули; они становятся впереди строя полка.

— Полк! Равняйся!

— Смирно!..

— Ша-аа-гом, марш!

— Раз-два-три, — грохнули солдатские каблуки о землю. Могуче и призывно полились из медных труб хватающие за сердце, зовущие на подвиг и на смерть звуки марсельезы (музыканты или не умели, или не хотели играть «Интернационал»).

По улицам, блистая штыками в ярких лучах полуденного солнца, грохотала о камни мостовых грозная сила, окончательно встающая под красное знамя социалистической революции.

— Вся власть Советам! — неслось над рядами.

Восторженное «ура» лилось со всех сторон навстречу этому спаянному, неудержимому потоку. Принаряженные девушки торопливо, стыдясь своей смелости, совали на ходу в руки солдат букетики гвоздики, левкоев.

Высоко поднимая носки начищенных до блеска сапог, чеканя шаг, вместе со всеми, впереди строя, шагал и Афанасий Жугин. Кадровый солдат, он каждый раз ощущал мощь сплоченного единой дисциплиной строя, делавшего каждую частицу его — слабого в отдельности человека — неизмеримо сильнее, значительнее. Но такого ликующего чувства, как сейчас, он еще никогда не испытывал. Ведь всех этих людей ведет вперед на этот раз не только дисциплина, но и твердое убеждение в правоте и нужности своего дела.

Идут они к Совету, где их ждут тысячи настоящих хозяев всех этих домов, фабрик, своей судьбы, своей свободы и счастья, туда, где начинается новая борьба.

* * *

Холодным и дождливым, голодным и тревожным был октябрь.

Позади городская вооруженная демонстрация, вопли эсеро-меньшевистских демагогов из городского «Комитета общественных организаций» (местный орган Временного правительства), состряпавших уголовное дело по поводу «незаконных» действий Иваново-Вознесенского Совета в июльские дни. Пожелтели, подобно листве деревьев, случайно уцелевшие от участи цигарок листы московской буржуазной газеты «Русское слово», одна из передовых которой требовала привлечь за организацию вооруженной демонстрации против Временного правительства подпрапорщика Жугина к военному суду «как изменника Родины и революции». Недописанным осталось «Дело на подпрапорщика Жугина» у следователя по особо важным делам Владимирской губернии.

Все это позади. А сейчас — забастовка текстильщиков всей губернии, формирование Красной гвардии, членом штаба которой был и Жугин. Красногвардейцы уже день и ночь с оружием в руках охраняют захваченный для Совета дом фабриканта Полушина и фабрики; мучительное ожидание: скоро ли начнут там, в Питере?..

Наконец это случилось.

На заседании Совета 25 октября Д. Фурманов объявил о свержении Временного правительства.

После радостных возгласов и пения Интернационала фракции расходятся заседать. Надо было теперь вплотную устраивать новую жизнь и защищать её.

Минут через двадцать снова заседание Совета. Самойлов от лица большевиков предлагает избрать сейчас же Временный революционный штаб из пяти, дать ему все полномочия по охране порядка в городе. Наказ — смотреть в оба.

... 11. 55 вечера. Заседает штаб — Самойлов, Фурманов, Шорохов, Жугин и Федоров.

Самойлов говорит:

— Предлагаю председателем Фурманова, секретарем Жугина.

Все согласны.

— Я думаю, — берет первым слово Жугин, — надо сейчас же назначить по четыре солдата на обе телефонные станции и на телеграф. У банков караул есть... Кроме солдат, придать каждой смене караула по одному члену Совета.

— Правильно, — поддерживает Фурманов. — Члены Совета обязаны слышать все переговоры, просматривать все телеграммы, задерживать всякие шифровки. Контра на все пойдет.

...Отшумели, отгремели речи. Утверждено решение Революционного штаба. Часть депутатов идет на почту. Другие по домам, чтобы с утра разойтись по фабрикам, заводам. Третьи тут же, рядом с комнатой штаба, на столах укладываются вздремнуть до недалекого утра.

Трещит телефонный аппарат.

— Штаб слушает.

— Почтовики отказываются признать наш контроль, провоцируют скандал, грозят бросить работу.

На улицах демонстрации, песни, красные флаги. Под алым знаменем полк. Многие рабочие с оружием: с револьверами, винтовками, а то и с бомбами. Это Красная гвардия. Она растет изо дня в день. В любой момент готова подавить контру. Но где же она? Будто и не было. А она здесь, рядом, почти везде.

— Как в Москве дела?

— Не нужна ли там наша помощь?

В городском исполкоме партии, в Совете разводят

в досаде руками: ничего не знаем. Почта бастует — прямо и скрытно. В городе же собираются кучками какие-то темные личности, офицеры шушукаются по углам с начальством. Поди же вот, разберись, почему не работает связь. Кто понимает в их технике?

— Я телеграфист, — заявляет Афанасий на заседании Штаба.

— Находка! Возьми своих красногвардейцев, действуй решительно. Связь должна быть восстановлена любыми мерами.

...На лицах одних явный испуг, другие равнодушны, а некоторые, из начальства, смотрят нагло, вызывающе, свысока на ввалившихся гурьбой вооруженных рабочих. Молчат телефоны, не вьется змейкой лента из телеграфного аппарата.

— Почему нет связи?

Вперед выходит толстенький, на коротких ногах, в отутуженной форме, с издевкой смотря на Афанасия, разводит руками:

— Контакта нет, мы тут ни при чем.

Молча отодвинув его в сторону, Афанасий проходит к телеграфному аппарату. Включает. Но, что за черт, разве не на таком же аппарате он работал в Риге, Мукдене, Харбине! Тот, толстенький, расплывается в усмешке. Афанасий оборачивается к нему, потом осматривает проводку. Вот оно что: отсоединили! И уже через минуту застрекотало, поползла беленькая ленточка. На ней — точки, черточки. Будто от лимона скривилась усмешка чиновника. Посветлели до того хмурые лица красногвардейцев.

— Ну так как, есть контакт?

— Не было, — несколько оправившись от смущения, промямлил чиновник.

— С кем не было? С Советом? С врагами революции у вас всегда был контакт! — резко, со злостью оборвал его Афанасий и уже спокойно:

— Ну, довольно нам головы морочить. Именем революционной власти приказываю немедленно приступить к исполнению обязанностей. За порчу аппаратуры... В общем, понимаете.

— У нас имеется решение ЦК союза почтово-телеграфных работников службу прекратить...

— Значит, связи не будет?

— Не имеем права...

— Ясно. А вы, господа? — обратился он к остальным чиновникам конторы.

Те молчат.

Жугин дает приказ:

— Арестовать.

...До самого вечера пришлось повозиться с этими «демократами». Только отколов от чиновничьей верхушки запуганных ею, вечно боявшихся потерять «место», не совсем еще разбиравшихся в событиях рядовых почтовых работников, удалось сломать саботаж.

Впрочем не сразу. Через несколько дней учреждения города стали наводняться провокационными телеграммами от эсеров-меньшевистских организаций Москвы.

— Мы политикой не интересуемся. Обязаны каждую телеграмму доставить по указанному адресу, — разводили руками чиновники почтово-телеграфной конторы. Провокации прекратились, когда в конторе было устранено старое руководство и во главе поставлена выбранная из рядовых служащих «коллегия пяти».

...Пожелтел, осунулся от бессонных ночей Афанасий. Подчас некогда, да и нечего было перекусить. Наряду с работой в полку, ему нужно было, как начальнику Красной гвардии, продолжать организацию и обучение отрядов. 350 красногвардейцев города вместе с шуйским отрядом Михаила Васильевича Фрунзе были отправлены на помощь пролетариату Москвы для борьбы с юнкерами. По предложению Жугина комиссаром полка назначили Григория Смирнова. Из полкового комитета солдаты вывели Майорова и его подручных. Однако враг отступил, но еще не был разбит. Пользуясь голодом, он, переодевшись в лохмотья, толкался в толпах рабочих, нашептывал, озлоблял измученных голодом людей. Уголовники вместе с бывшими жандармами, полицейскими, пользуясь слабостью милиции, по ночам грабили квартиры, лавки.

В штаб поступали жалобы от арестованных. Надо было организовывать революционный порядок, охрану города, устанавливать новую законность.

— Займитесь милицией, — поручали Жугину в штабе. И он занимался.

Камеру за камерой обходил он помещение уголовно-розыскного отделения, выслушивал просьбы, угрозы, проклятия.

— Эти задержаны за призыв к погрому и избиение

красногвардейцев, — кивал старший комиссар отделения в сторону одной из камер.

— Правильно.

— Но, поймите, существующие законы не предусматривают подобного рода преступления, и мы не имеем юридического права держать этих преступников под стражей, — говорил комиссар.

— Это так. Но ведь и мы с вами тоже по старым понятиям «незаконные», — шутил Афанасий. А потом серьезно: — Законы, конечно, будут, не сразу, новые, советские. А пока надо соображать, иметь революционное чутье... Да, а того задержанного беспризорного уж никак нельзя держать вместе с уголовниками. Это и без закона ясно. А дезертиров следует, по-моему, немедленно направить к уездному воинскому начальнику...

* * *

Середина ноября. Идет заседание исполкома Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов. Решено, что вся полнота власти должна теперь перейти к Совету. Проект постановления об этом поручили составить Жугину.

И он составил.

— Решено выдвинуть вас председателем городской думы, — говорили Жугину в городском комитете партии большевиков.

Выполнял и эту необычную обязанность.

Работал в комиссии труда при горисполкоме Совета.

Был членом Революционного трибунала.

Возглавлял комиссию по ликвидации 199-го полка.

Но главное было не в этом. Будучи начальником Красной гвардии, а с весны 1918 года начальником Красной Армии и военным комиссаром города, Афанасий Жугин именно на военном поприще и проявил с наибольшей энергией все свои организаторские способности. Эту деятельность он проводил под непосредственным руководством Михаила Васильевича Фрунзе, с которым познакомился еще до Октябрьского переворота. Фрунзе в конце марта 1918 года стал председателем президиума исполкома Иваново-Вознесенского губернского Совета. Он же лично приступил и к организации губернского военного отдела. Не раз Афанасий бывал у него, всякий раз поражаясь

организаторским даром и многосторонностью познаний этого пламенного большевика, необыкновенно чуткого человека.

— Надо всё оружие, всё воинское снаряжение выявить, сохранить. Из полка люди уходят — надо направить туда партийных агитаторов, привлечь наиболее сознательных в Красную Армию, — внушал он Афанасию. — Из старой армии солдаты разбегаются. Важно каждого на учет взять.

Кропотливая работа позволила перетянуть за несколько недель в созданный в городе караульный батальон 185 солдат Ивановского полка. По указанию же Фрунзе Жугин создал курсы красных командиров взводов. Здесь были главным образом надежные унтера старой армии. Позднее эти курсы послужили базой для формирования 27-й пехотной школы комсостава РККА, а Фрунзе и Жугин включены как почетные курсанты в списки первой роты.

— Не порекомендуете ли вы мне, Афанасий Иванович, грамотного и надежного человека в секретари? Хорошо бы из военных, — в одной из бесед обратился к Жугину Фрунзе. Тот с ответом не торопился, перебирая в памяти знакомые лица из полка. Наконец решительно заявил:

— Сиротинский.

И пояснил:

— Прапорщик, командир роты. В числе немногих офицеров он вполне лояльно отнесся к Октябрьской революции... Никогда не чуждался солдат. Его они уважают.

Михаил Васильевич принял совет. И не ошибся.

* * *

То в одном, то в другом месте страны показывала хищные зубы контрреволюция. По призыву партии отряды ивановских ткачей били калединцев, немецких оккупантов. В городе готовились новые отряды...

— Огонь! — негромко командует Афанасий.

Громко хлопают один за другим и вместе винтовочные выстрелы.

— Встать, к мишеням марш!

Проваливаясь по колено в талый снег, разгоряченные выстрелами, бегут в ватниках, пальто, старых шинелях люди многих возрастов. Все члены городского Совета, все коммунисты встали под ружье, регулярно проходят за го-

родом военное обучение. Здесь и Фрунзе, и Наумов, и Калашников, и Самойлов, и Жиделев, и многие-многие знакомые лица. По-детски радуются они метким попаданиям, добродушно подсмеиваются над мазилами.

— За молочком ваша пуля пошла?

— В божий свет, как в копеечку!

— А как в твоём взводе успехи? — обращается Афанасий к бывшему однополчанину Петру Фомичеву.

— Для начала очень даже неплохо, — горячо говорит тот. — Патронов бы побольше...

Огневая подготовка закончена.

— А теперь начнем отрабатывать по тактике тему «Взвод в наступлении», — заявляет Афанасий. — Будем пользоваться, пока нет своего, уставом старой армии, брать из него всё нужное...

Непривычные к строю, вооруженные рабочие часто сбивают ногу, растягивают ряды, возвращаясь в город.

—левой, раз-два, левой!

Все четче и тверже шаг, строже равнение в шеренгах и рядах. Рабочие, создающие дворцы и заводы, впервые в истории взявшие судьбу в свои собственные руки, сумеют защитить свои завоевания, свое светлое будущее.

—левой, левой!

А на заборе весенний сырой ветер, резвясь, задирает край серого листа. Возле него с осунувшимися от вечного недоедания лицами работницы, рабочие. Один из них, помоложе, побойчее, громко читает:

«Воззвание исполнительного комитета Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов...

Товарищи рабочие, настал момент решительной борьбы...

Товарищи, надо напрячь все силы, чтобы не дать во-сторжествовать этим извергам рода человеческого, старающимся похоронить нашу свободу и водворить мрак и бесправие на целые десятки и сотни лет».

Оглянувшись на хмурые, серьезные лица, парень еще громче и увереннее продолжает:

«...Товарищи, этому не бывать, не для этого русский трудовой народ разбил цепи рабства, чтобы опять их надеть!»

Пожилая, изможденная трудом женщина, закутанная в дырявую шаль, тяжело вздыхает:

— А жрать нечего, вторую неделю паек не дают...

Оказавшийся рядом какой-то холеный, сытенький, в старой чиновничьей шинели зло поддакивает:

— Не бойсь, у большевиков есть. Награбили. А нам, трудящемуся классу, одно свободу оставили... умирать с голоду.

Угрюмые до того лица рабочих делаются злыми. Парень, читавший воззвание, со сжатыми кулаками вплотную подходит к этому «трудящемуся».

— Ты, что же это, Никифорыч, из хозяйского холоуя в рабочий класс перекрасился? Убирайся с дороги...

Глядя вслед поспешно удаляющемуся чиновнику, пожилая женщина строго проговорила:

— Без тебя в своем доме разберемся. Ишь ты, жалельщик.

...Как всегда, бурными были заседания городского Совета. С огромным напряжением, с перебоями удавалось доставать хлеб, обменивая его в городах Поволжья на мануфактуру. Но транспорт работал из рук вон плохо. Все было разбито. Большинство фабрик стояло: не хватало хлопка, топлива. Рынок наводняли спекулянты, дравшие с простого люда втридорога. Обо всем этом надо было подумать, достать неведомо где и то и другое. А тут еще засевавшие в городской думе «демократы» норовят какую-нибудь свинью подложить...

— Пора кончать с этим самоуправлением. Вся власть должна по существу и по форме быть у Совета, — решили рабочие.

Члены исполкома Совета — Степанов, Жугин, Колесников, Кузнецов и другие направились в управу с выпиской из протокола собрания Совета.

— Городская дума избрана и рабочими и фабрикантами, а сейчас у нас власть диктатуры трудящихся. Им она и должна принадлежать, а нетрудовому населению придется потесниться, — пояснил Василий Яковлевич Степанов.

— Вы не имеете права! Это насилие, — истерически выкрикнул член управы Дарьинский.

Оправив свой френч, выступил вперед Майоров, рядом с которым встал меньшевик Михаил Чернов.

— Фракция меньшевиков и социалистов-революционеров уполномочила нас заявить, что гласные думы, избранные всем населением города, оставляют за собой звание гласных впредь до окончания того срока, на который они избраны.

Жугин, раскуривая подсыревший табак, перемешавшийся в кармане с крошками хлеба, как бы между прочим заметил:

— Да пожалуйста — хоть английскими королями зовитесь.

Не желая замечать этой реплики, но нервно покручивая пуговицу френча, Майоров не говорил, а декламировал:

— Мы избраны на таковой пост думой, следовательно, она одна и правомочна нас освободить от этого звания... Однако под угрозой мы вынуждены с сего числа сложить с себя всякую ответственность за дальнейшую деятельность городского самоуправления...

— Я настаиваю это отметить, записать, — суетился Дарьинский.

— Уж как-нибудь обойдемся без вас, бог не выдаст — свинья не съест, — успокоил членов «фракции» Степанов. — Проваливайте-ка, — буркнул он.

— Воздух вроде здесь тяжелый. Проветрить надо, — улыбнулся ему Афанасий, взбираясь на подоконник и не обращая внимания на что-то еще причитавших, зашуршавших бумагами «демократов».

А свежий весенний ветер пошел гулять дальше по комнате, раскидал никому не нужные теперь записки со стола, скрипнул тяжелой дверью, приоткрыв её. Что-то нового принесет он каждому из этих людей, воплощавших явно противоположные полюсы. Зябко ежились бывшие хозяева большой комнаты, вчерашнего дня. Спокойны и уверены были обветренные лица только что пришедших сюда людей.

* * *

Яркое солнечное июньское утро обещало жаркий день. Поглядывая то в окно, то еще пристальнее на Жугина, Михаил Васильевич Фрунзе без предисловий заявил:

— Вот что. Партийный комитет решил, что вы примете дела губернского военного комиссара у Батурина. Ему и хозяйственной работы по горло.

— Да, я ведь, Михаил Васильевич...

— Знаю — знаю: никогда не был губернатором? — засмеялся Михаил Васильевич. — А вспомни-ка, как подпрапорщик полком командовал?

И уже строже:

— Ну ладно. Подвигай стул, да подумаем вместе. Сегодня же дела примешь.

— Слушаюсь.

— У вас еще уставы-то не выветрились из головы?

— Нет. А на что вам это, Михаил Васильевич?

— Как на что? — возразил Фрунзе. — Военное дело большевики должны постичь лучше царских генералов! Думаете, они успокоятся? Нет. Поэтому нам надо всему учиться, создавать свою воинскую науку. Я еще в тюрьмах занимался военным делом. Читал много. И сейчас каждый день изучаю уставы. Много в них, конечно, ерунды. Но много и нужного. Надо их сделать лучше, учесть опыт революционных войн, наш опыт. Ведь вы фронтовик, заходите-ка по вечерам ко мне, помогите разобраться в учебнике по тактике, — предложил он.

— С большим удовольствием, — согласился Жугин.

Долго еще продолжалась эта беседа. Намечали меры привлечения добровольцев в Красную Армию, говорили о подготовке армейских кадров, в которых была острая нужда, о снабжении красноармейцев и их семей, о бандах из уголовников, кулачья, полицейских и прочих «бывших», которые в ряде уездов грабили, убивали советских и партийных работников.

— Чтобы их ликвидировать, надо в каждом уезде создать по крайней мере роту Красной Армии, — заявил Фрунзе. — И вообще надо форсировать создание нашей рабоче-крестьянской Красной Армии. Контрреволюция, империалисты не остановятся. Чехословацкий мятеж — лишь начало.

* * *

— Шифровка. Из штаба Московского военного округа, — доложил Жугину дежурный по комиссариату, кладя на стол короткую телеграмму.

Прочитав телеграмму, Жугин немедленно вышел из комнаты:

— Я к Фрунзе.

Сам вывел из гаража мотоцикл, нажал на педаль. Зачихала, задымила бензиновой копотью, затрещала машина. И сразу с ходу, броском понеслась, встряхиваясь на камнях мостовой...

— Михаил Васильевич! В Ярославле белый мятеж. Вот телеграмма... Приказано выделить на подавление

А. И. ЖУГИН.

не менее батальона красноармейцев. К ним придать политработников...

— Прошляпили ярославцы! — в сердцах, но спокойно комментировал Фрунзе. Задумался, а через минуту уже тоном приказа:

— Выделить 450 человек... с пулемётами. Направить и артиллерийский дивизион. Маловато... Сейчас же соберём городской комитет партии. Мобилизуем коммунистов-рабочих. Отправить немедленно. В 6 вечера. Оставьте заместителя, выедете с отрядом для управления.

...Загудел, заволновался от тревожной вести пролетарский город. В 10 утра горком партии решил перейти на военное положение, объявить партию мобилизованной и всех её членов поставить под ружьё. В 12 дня общее партийное собрание города без прений, единогласно подтвердило это решение. В 4 дня — второе партийное собрание тех, кто работал на фабриках во второй смене. То же решение.

В комиссариате городские и междугородные телефоны гудели без конца. Отдавались короткие приказы. Кинешемскому военкому — не пропускать по Волге к Ярославлю белые части. Шуйскому военкому — в связи с эсеровским восстанием — и в Муроме — мобилизовать коммунистов, не пропускать вооружённых эшелонов в направлении Иваново и Новки. Ивановскому караульному батальону — быть готовым к отправлению, усилить охрану огнесклада и фосгенного завода. Коменданту города — принять все меры к охране предприятий, учреждений и сооружений...

Мотоцикл Жугина трещал то в одном, то в другом конце города; надо самому проверить, проследить, помочь. В батальон, в огнесклад, в исполком партии, на телеграф, обратно в военкомат. Знал: не догляди оком — потом десяткам людей придётся платить боком...

Не только часы, а считанные минуты оставались до отправления на Ярославль специально сформированного на железной дороге эшелона. До 400 коммунистов, в том числе и женщин, влилось в этот день в Красную Армию. Большинство их заняло посты уезжавших красноармейцев, остальные отправлялись на подавление мятежа. Всех их надо было обмундировать, вооружить, всем выдать продовольствие.

Не первый раз Жугин вызывал к себе начальника от-

дела снабжения комиссариата Лукшайтиса: по всему городу не могли разыскать куда-то подевавшегося заведующего вещевым складом. Что это — случайность, предательство?..

Точно к 6 часам вечера отряд ивановцев был уже на вокзале.

* * *

В огне и холоде закаляется металл. В боях выковывается стойкий солдат. На каждом шагу здесь поджидает труса смерть. Только со смелым дружит победа. Велика сила воздействия удачно найденного при случае слова. Но разве заменит оно в бою силу воздействия личным примером?

...Далеко на десятки верст звучали тяжелые вздохи взрывов артиллерийских снарядов. Не жалели их, захватив в достатке в окружных складах, эсеры-мятежники, во главе которых встал царский полковник Перхуров, снабженный деньгами французского посла Нуланса. Но еще больше донимали необстрелянных красноармейцев-рабочих пули беляков, среди которых было много офицеров. Но если с каждым днем силы мятежников таяли, то они росли у наступающих. Новые отряды Красной Армии прибывали из Москвы. В отряд ивановцев влились рабочие Кинешмы, Середы, Шуи, Тейкова и Родников.

Осадив взмыленного коня, Афанасий ловко соскочил на землю. Потом долго присматривался к окраинам раскинувшегося вдалеке большого города, где вспыхивали огоньки выстрелов. Там окопался враг.

— Товарищ комиссар, — прервал его думы подошедший командир отряда, тейковский уездный военком Василий Григорьевич Куконков. — Как там, у москвичей?

— Жмут. Уже метров на триста потеснили в пригороде беляков. Вот смотри на карте... Наш левый фланг сдерживает наступающих. Надо помочь...

— Там взвод Фомичева. У него кадровых мало, — заметил Куконков.

— Я пойду туда, — решительно заявил Афанасий.

Командир отряда, немного помедлив, заметил:

— Только уж вы, товарищ комиссар, на рожон сами-то не лезьте... Вчера мне говорили, как вы выскочили вперёд цепи.

— Слушай всех, — отшутился Афанасий. — Из мухи слона сделают, наговорят четвергов с неделю!

Где бегом, где ползком пробирался Афанасий к окопавшимся на самом краю пригорода, у разрушенных барачков, красноармейцам. Рядом всё звенело и гудело от оружейных и пулеметных выстрелов. «Цок-фью» — посвистывали рикошетившие о камень пули.

— Зачем ты здесь, Афоня... то есть товарищ комиссар, — поправился Петр Фомичев и вместе с тем радостно сжал ладонь своего полкового друга, вплотную прижавшись к нему в тесном окопе, со стенок которого прямо на сапоги осыпалась от каждого движения пересохшая земля.

— А что же ты, братец, всю обедню москвичам портишь, — обрушился на него Афанасий. — Они уже на улицы вышли, а их в спину белые жарят.

— Так ведь головы не высунешь, — смутился Петр.

— Ну, довольно философствовать, — оборвал его Афанасий (знал, что друзья не обижаются). — Я переговорил уже с «соседями». Как мы начнем наступать — они подержат, развернутся и во фланг белым ударят. Атаковать будем в 2 часа.

Он посмотрел на часы — оставалось 25 минут...

Дружное красноармейское «ура» поднимало цепи, росло, ширилось.

В горячем порыве, не чувствуя тяжести сапог, бежал рядом с каким-то бородачом Афанасий, на ходу стреляя туда, на огоньки и дымок, из своего маузера, бросался с ходу на запыленную траву, перезаряжал и снова пружинисто вскакивал. И вдруг всё оборвалось. Только отчетливее стала слышна усилившаяся стрельба врага. Что такое? И сразу понял. До того частивший справа, из-за полуразрушенного каменного сарая, наш пулемет смолк.

Метров пятьдесят Афанасий полз, потом, не обращая внимания на опасность, бросился со всех ног к сараю.

— Что, что у вас с пулеметом? — накинулся он на пулеметчика, молодого, безусого парня.

— Заело...

— Эх, вы... — гневом исказилось лицо комиссара. Затем он оттолкнул пулеметчика, в несколько секунд выхватил из замка смявшийся патрон. Что-нибудь да значила практика, полученная им в пулеметной команде на Западном фронте! Моментально вставил ленту.

— На деление ниже бери прицел, здесь короткая дистанция, — крикнул он несколько оправившемуся красноар-

мейцу-пулеметчику и, сам поставив прицел, спокойно и уверенно выпустил несколько очередей по перебегавшим за домами.

...Прошло несколько дней.

Тягостным чувством томился Афанасий, поглядывая на стрелку карманных часов, неумолимо приближавшуюся к десяти вечера. Ежедневно в этот час приказал Михаил Васильевич Фрунзе, ставший комиссаром Ярославского военного округа, вместо убитого мятежниками Нахимсона, сообщать ему о положении дел под Ярославлем: о потерях, о прибывших в отряд, о состоянии снабжения и тому подобном. Мятежникам приходил конец. Это радовало. А как вот сообщить о том, что сегодня в бою убит Василий Григорьевич Куконков, с которым Фрунзе дружил еще по большевистскому подполью? И еще одно страшно тревожило и волновало Афанасия: с полчаса назад ему сообщили, что контузило от разрыва снаряда самого дорогого ему человека, медицинскую сестру Валюшу Буреву. Что с ней? Как сильно повреждение? Ничего этого не успел узнать Афанасий, и эта мучительная неизвестность камнем навалилась на грудь. Не успокаивал и табак, без конца дымивший в его слегка подрагивающих пальцах. Наоборот, еще сильнее болела, кружилась голова от бессонницы.

Ярославский бело-эсеровский мятеж был подавлен. Но старые силы, вдохновляемые и поддерживаемые американо-английско-французскими и другими империалистами, всё усиливали свою гнусную борьбу против молодой, первой в мире, социалистической республики. С севера, с юга, с востока, с запада, на Волге — везде лез враг, обутой, одетый, сытый, вооруженный.

А Иваново-Вознесенск за весь июль получил всего... три вагона хлеба. Пекарня не работает. Даже детские столовые тоже пришлось закрыть. В больницах лежали прикованные недугом люди. Изможденные, голодные люди — как тени.

«Нет слов, чтобы описать все ужасы и страдания рабочих...», — телеграфировали в Москву. Но и там не лучше положение.

1 августа состоялось заседание Временного Иваново-Вознесенского губернского Чрезвычайного Штаба РКП(б). В нем испытанные, негибачаемые большевики: Фрунзе, Балашов, Наумов, Жугин, Калашников и другие.

Лица суровы. Не до многословия. Принимаются четкие решения:

— Признать социалистическое отечество в опасности. Подчинить всю работу отражению натиска чехословаков, сбору и доставке хлеба. Усилить бдительность к буржуазии, которая повсюду становится на сторону контрреволюции. Массовое вооружение рабочих...

В начале же августа — первая мобилизация в армию. Допризывников начали готовить для армии через курсы всеобщего обучения.

С утра губернский военный комиссариат захлестывала уйма дел.

Нужны толковые, грамотные люди для работы в отделах — общем, мобилизационном, снабжения, ветеринарно-санитарном и других. А где их взять, надежных, своих? Пролетариев редко учили грамоте. Приходилось использовать старых спецов-чиновников, офицеров. Но немногие из них работали на совесть. Больше из-за страха, да за паёк. Работа требовала исключительного напряжения. Взяли в начальники мобилизационного отдела старичка Зефинова. Лет тридцать он был делопроизводителем при Шуйском уездном воинском начальнике. Дело должен знать. Но... две недели не прошло — не выдержал, заплакал. А чиновника, что поступил на его место, пришлось вскоре арестовать за взятки, передать в Ревтрибунал...

* * *

Небольшая скромная квартира Дмитрия Андреевича Фурманова на Советской улице поздним вечером была полна людьми. Здесь собрались все самые близкие друзья на чаёк, поговорить перед долгой разлукой, как предложил Михаил Васильевич Фрунзе. Завтра он с отрядом ивановцев отправляется на Восточный фронт, куда назначен командующим 4-й армией, бить рвущегося к центру советской России адмирала Колчака.

Сколько вместе пережито за эти короткие годы горестей и радостей! Когда еще придется опять встретиться? На войну едут, кровавую, тяжелую, которой, кажется, и конца пока не видно.

Но не сейчас об этом думать! Обжигаясь горячим чаем, шутили, рассуждали и о серьезных делах.

— А скажите-ка, Михаил Васильевич, как это вы со-

гласились принять командование армией, вы ведь даже унтер-офицерской полковой команды не кончали, да и в армии не служили?

— У меня с детства тяготение к военному делу, всё время мальчишкой в войну играл,— отбивался от острых языков Михаил Васильевич.

Афанасий понимал: это шутка. Приходя каждый вечер с докладом о состоянии гарнизона к Фрунзе, он убеждался в его больших познаниях военного искусства. Не раз Михаил Васильевич его, кадрового строевика и фронтовика, приводил в смущение вопросами из полевого устава и по тактике. Острым умом, оценивая военную науку с марксистско-ленинской точки зрения, он быстро постигал тактику и стратегию войны; ежедневно не менее четырех часов беседовал с военным руководителем окружного штаба, бывшим генералом Федором Федоровичем Новицким, или читал военную литературу. Осведомленность Михаила Васильевича и смелость в решении военных вопросов изумляли этого генерала.

— Ну так как же, Михаил Васильевич, может и меня с собой возьмете? — улучив момент, спросил Афанасий.

— Эх, Афоня, я бы был очень рад, да сам знаешь, звонил в Москву, командующему, не отпускают тебя пока. Люди и здесь нужны. Однако не беспокойся, дойдет и до тебя очередь...

— Да, товарищи,— обратился Фрунзе к остальным.— Гражданская война, можно сказать, только начинается. И этот наш отряд — не всё. На смену надо готовить еще два-три таких.

Без тени ораторства или поучения, а как убедительный, товарищеский совет звучали его слова. Говорили и другие.

Было уже около полуночи, когда Михаил Васильевич негромко запел:

Уж ты, сад, ты мой сад,
Сад зелененький...

Песню подхватили, будто становясь в строй, другие. Потом все вместе — негромко, но от всей души...

Нет, не сломить сильные души этих волевых товарищей-друзей, любящих свою родную землю, таких же простых и сердечных, как и эта песня...

А утром, торжественно провожаемый всем рабочим городом, отряд Фрунзе отправился на фронт — навстречу буре, смерти и бессмертной славе.

* * *

Морозный декабрь 1919 года.

Радостно и торжественно чествовали в Иваново-Вознесенске Михаила Васильевича Фрунзе, ставшего теперь командующим Туркестанским фронтом, который после доклада Ленину заглянул и сюда, к своим близким, дорогим ивановцам. Богатый подарок — двадцать четыре вагона пшеничной муки — самое ценное и желанное тогда — привез Фрунзе с собой.

Ему не давали отдохнуть ни часа: тянули на партийное собрание, торжественное заседание, собрание городского Совета, к рабочим на фабрику, в Шую.

Особенно желанной была встреча с Михаилом Васильевичем для Афанасия Жугина...

— Тебя, Афанасий Иванович, говорят, поздравить следует с сыном?

— Спасибо, Михаил Васильевич, точно, — просиял отец-комиссар, по привычке оправив короткие усы...

— Значит, солдат?

— Строевик, — отшутился и Афанасий, — уже ножками трясет. — А как с моим откомандированием на фронт? — сразу же перешел на деловой разговор комиссар.

— Всё в порядке. Договорился в Москве и о тебе, разрешили взять.

— Вот спасибо, Михаил Васильевич, — не смог сдержать своей радости Афанасий. — Засиделся я уже здесь. Да кадровику как-то и не к лицу в тылу...

— Это брось. Партия знает, кто, где, когда нужен. Хватит еще и тебе — навоюешься, — строго заметил Михаил Васильевич. — Давай-ка лучше подумаем о деле...

— Да, Михаил Васильевич, как Сиротинский?

— Замечательный человек оказался и работник. Я его в партию рекомендовал.

* * *

Мерно стучат колеса вагона. Мерцает, раскачиваясь вверху под потолком вагона-ящика, лампа. Яркие отблески огня от железной печурки прыгают на лицах сгрудившихся к теплу красноармейцев. Здесь и Афанасий Жугин — командир их отряда. Приглядывается к товарищам-бой-

цам. Большинство незнакомые: главным образом из рабочих, солдат — добровольцы, коммунисты и комсомольцы, люди самых различных возрастов. У одного бородача — лица не видно. Может, лет сорок, а то и под шестьдесят дашь. А рядом с ним — совсем юный паренек, лицо его еще не знало бритвы. Доброволец тоже. Говорил — 17 лет. А поди же, разберись, может и меньше...

Все дальше и дальше от родного города. Позади крепкие рукопожатия, слезы, поцелуи, жены, матери, невесты, дети, родные и близкие. Постепенно затухает возбужденный под впечатлением торжественных проводов и житейских напутствий разговор. Будто сговорясь, все замолкают. Клубится, поднимаясь вверх, к закопченному промерзшему потолку, густой дым дрянного самосада. А колеса вагона бьют о рельсы, стучат еще отчетливее, успокаивающе. За тонкой, холодной стенкой вагона — широкая снежная гладь, в тяжелом белом убранстве лес, январский колючий мороз. А здесь тепло, кругом друзья — товарищи. Хорошо!

Кто-то вздохнул. Его не поддержали. А тот, бородач, до того сосредоточенно молчавший, вдруг ровным густым голосом, спокойно и торжественно, вторгся в задумчивую тишину:

Среди долины ровные,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте...

Один за другим песню подхватывали новые голоса — слабые, сильные, басы, тенора... Поднимали, несли песню, печальную, негибаемую, как тот могучий дуб.

Растет, цветет развесистый,
Как рекрут на часах...

Торжественно и строго лилась задушевная песня. Спокойно неслись мысли, хорошо вспоминалось, мечталось. Всего две недели прошло после того решающего разговора с Фрунзе. За это короткое время удалось собрать из партийных, комсомольских работников, добровольцев рабочих и служащих новый красноармейский отряд в четыреста человек, одеть, вооружить. Во главе его поставили испытанного солдата революции — большевика Афанасия Жугина.

Всё дальше позади остается дорогой сердцу город текстильщиков. Впереди — Туркестанский фронт, белогвар-

дейские отряды, басмачи, вооруженные английским и американским оружием. А в родном городе ждут хлопок и хлеб.

Тук-тук-тук, тик-так,— будто пытаюсь смять торжественную песню, стучат колеса. Но нет. Не смять, не спутать песню, как не сломить и этих людей, взявших свою судьбу в свои собственные руки, поднявшихся на борьбу за свою свободу и счастье.

Н. ДЕВЯТЬЯРОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Годы, как призраки, проходили мимо Фрольцево, не изменяя деревенской жизни. Крестьяне всё также гнули спины на тяжелой работе, живя в бедности и нищете. По-прежнему они кланялись в ноги Оляше Сорокоумову, выпрашивая пудик-другой хлеба до нового урожая. У Оляши — 500 десятин земли. Амбары ломятся от хлеба. Но он сразу не даст, покуражится.

— Так и быть, — скажет он, наконец, — бери, потом отработаешь.

Потом — это в самую горячую пору сенокоса или уборки. Но что делать?

— Всё от бога, — говорили деревенские жители и крестились иссушенными на работе руками.

Что бы ни случилось — град ли побьет посевы, дождь ли вымочит льны — всё от бога. О нем, всемогущем и всевышнем, каждый день говорили Ваське Кузнецову и в земской школе.

Повезло парню — удалось выучиться грамоте. Умел он писать и читать. Не мог только понять, почему деревня разделена на богатых и бедных. В восемнадцать лет стали одолевать мысли: говорят, богатые живут у Христа за пазухой; почему мы — не у Христа под полой? За что бог не

взлюбил большинство людей и обидел их? В конце концов — кто родил бога?

Однажды, обуреваемый этими мыслями, Василий пришел к попу.

— Откуда взялся бог?

Поп вскипел:

— Дурак! Никто этого не знает и знать не велено — грешно.

Раньше Василий попу верил. Теперь понял: поп сам ничего не знает или скрывает истину. Её надо искать в другом месте. Слышал, что недалеко, в Иваново-Вознесенске, есть люди, которые дадут правильный ответ. После долгих раздумий, холодным осенним вечером, как был на работе босиком и в рваной рубахе, так и отправился в город искать истину. А через несколько дней вернулся обратно. На работу такого босика не приняли. Истины он не нашел. Василий тяжело переживал эту неудачу, но вскоре забыл о ней.

НАЧАЛО ПУТИ

Николай, старший брат, жил в городе. Иногда он навещал родных, подолгу разговаривал с Василием. Любопытность и жажда к знаниям поразили и обрадовали его. Одну книгу за другой приносил он ему, осторожно, исподволь объяснял окружающее. А вскоре повел Василия в соседнее село Митрофаново к учителю Щеколдину. Здесь Николай познакомил его с людьми, которые, как и он, в поисках истины тянулись к книге.

Так в 1898 году Василий Кузнецов познакомился с членами подпольного кружка. Учитель Щеколдин, социал-демократ, умело направлял работу, стараясь расширить круг познаний кружковцев.

Прошло лето: днем — работа в поле, вечером — занятия в кружке. Но теперь уже хотелось не просто читать книгу, но и действовать вместе с теми, кто встал на защиту народа. Василий твердо решил посвятить себя этому. Осенью он отправился в город. Устроился на работу. Николай ввел его в кружок городской подпольной организации РСДРП.

Василий получил доступ к марксистской литературе. Читал много и жадно. Не всё понимал сразу, многое прояснялось только с помощью товарищей. И снова просил кни-

ги. Мир раздвигался перед ним, становился понятным. Все больше росло желание приносить пользу людям. Вот почему он обрадовался, когда впервые получил задание — раздать на фабрике листовки. Задание было выполнено. А с тех пор поручения следовали одно за другим. Много раз обводил он жандармов, уходил от преследований. Но сноровки было еще мало. Попал под наблюдение. А вскоре — арест.

После долгих мытарств по тюрьмам — далекий этап. Кузнецова выслали на четыре года за пределы Владимирской губернии. Куда высылают — не говорят. Да и не все ли равно. Важно всё рассмотреть, с людьми поговорить. А люди — вот они, твои товарищи, которые тоже идут по этапу. Дорога ведет на север. Миновали Ярославль, Вологду, Архангельск. Вниз по Двине — уездный город Холмогоры. Здесь, как говорили товарищи, живут семьдесят политических ссыльных. Да вот они, все пришли встречать.

Что и говорить — чудесной была остановка в Холмогорах. После обеда начались беседы, обмен новостями, споры. И так не хотелось уходить. Но что поделаешь? Приказ — двигаться дальше. Очередная остановка в маленьком городке, короткая беседа со ссыльными. Дальше, верст триста, шли вековым лесом. Вьется между деревьями еле заметная дорога. Молчит тайга. Молчит уставший товарищ. Две недели пробирались лесом. Но вот лес стал редеть, деревья уже не те, маленькие. Осталась тайга позади. Угрюмо легла на пути тундра. Далеко решили жандармы упрятать молодого революционера. До самого моря пришлось идти.

Но и это оказалось не всё. В уездном городке исправник назвал место поселения — еще тундрой двести верст. Шли долго. Только на последнем этапе дали лошадей.

В село Долгощелье, где предстояло жить почти четыре года, приехали вечером. В окнах — ни огонька. Лишь в волостном правлении чуть светится одно окно. Ямщик, высадив седоков, тотчас повернул обратно. Не успели вновь прибывшие переговорить со сторожем, как в правление пришел урядник, писарь, старшина, а следом — старики и старухи — жители села. Начальство коротко сообщило: Кузнецов остается здесь, а его товарищу — еще сто верст на север. Старики и старухи молча разглядывали ссыльных. Разговора не состоялось.

Наутро, проводив товарища, Кузнецов стал знако-

миться с селом. Урядник, поп и писарь составляли местную интеллигенцию. Все остальные в селе были неграмотными. Уже на другой день пришли к Кузнецову крестьяне. Одни просили написать письмо, другие — прошение, третьи — требовали ответа о правах землепользования. Много забот и много хлопот находилось у крестьян на севере. Кузнецов видел: здесь, у «черта на куличках», гнёт еще сильнее, тут вообще о законах говорить бессмысленно. Урядник мог сделать всё, что захочет.

И в этих условиях предстояло прожить несколько лет. Он знал, что его товарищи в тюрьмах и ссылках не теряют времени, учатся. Как учиться, когда нет нужных книг и людей, способных разъяснить непонятное. Выхода, казалось, не было. Но однажды, когда он сидел у реки, к нему подбежали ребяташки.

— Тебя разыскивают! — кричали они.

— Кто? Где?

Вопрос замер на губах. Навстречу, только что выйдя из лодки, шли трое с чемоданами. «Да это же новые поселенцы!» — обрадовался Кузнецов и кинулся к ним. Познакомились. Двое — студенты, с третьим он раньше уже встречался на одном из этапов.

Один из студентов выслан из Перми. Учился на естественном факультете. Узнав о мыслях Кузнецова, он первый предложил ему начать регулярную учебу. С ним стали заниматься и остальные. Арифметика, геология, астрономия, политэкономия — о чем только не шел разговор в долгие ночи. Студенты привезли с собой и марксистскую литературу. Вместе читали ленинскую книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Так, в труде, в непрерывной учебе летели недели и месяцы. Учеба прервалась внезапно. Революция 1905 года потрясла основы самодержавия. И снова — долгий путь, теперь в родные края.

В Иваново-Вознесенск Кузнецов вернулся уже в дни черной реакции. Товарищи рассказали ему о делах, о том, как десятки тысяч рабочих шли на борьбу. А теперь, — говорили они, — надо все силы отдать обучению активистов, распространению марксизма, подготовке к новым боям. Кузнецов стал пропагандистом.

Собственно, то, что он делал, не было в полном смысле пропагандистской работой. Одновременно, даже прежде всего, нужно было быть агитатором, страстным и сильным,

чтобы в душу простого человека запала искра и не гасла, разгоралась в яркое пламя ненависти к эксплуататорам.

Кружок, который поручили Кузнецову, составляли всего несколько человек. Первый раз собравшиеся чувствовали себя стесненно. Василий Петрович, беседуя о текущих делах, внимательно приглядывался к рабочим. Вот, думал он, для них не нужен книжный язык. Они ждут объяснения того, что окружает их, пытаются понять явления жизни. Кузнецов отложил в сторону приготовленные записи. Беседу начал тихо, как бы раздумывая.

— С пеленок нас воспитывали не так, — говорил он. — Да что тут — даже родили не так: в навозе, под кустом, за станком. Мы слышим красивые слова: любовь, справедливость, вера, надежда... Это — слова обмана. Мы верим в бога, которого нет. Надеемся... на что? Не знаем. Может быть, на рай небесный? Но его тоже нет. Искусство и культура — не для нас, а для богатых. Любовь? Нам говорят — возлюби ближнего, облобызайся с ним. Не имей злобы в душе на обидевшего тебя. Это значит — выгонят тебя с работы, а ты целуй фабриканта, радуйся.

Рабочие ближе подсади к столу и внимательно слушали его.

— Так что же мы за существа? — продолжал Кузнецов. — Мы не знаем своей планеты, своего нутра, боимся смерти, не можем пройти без трепета мимо кладбища. Мы многого боимся. А на самом деле мы должны быть самыми смелыми. Нашими руками создается богатство и передается мир. Мы, простые люди, сражаемся на фронтах. Так почему же мы боимся там, где никого и ничего нет? Нас веками запугивали, придумали специально всевидящего бога, рай и ад. Всё для того, чтобы мы послушно тянули лямку, безропотно жили в лачугах, тихо умирали от голода. А пора богов послать в музей, сложить на полку. Что касается царя — бога земного, — давайте разберемся. Кто ему дал право управлять так, как он захочет? Мы с вами с ним не согласны, наши товарищи — тоже. Я пешком прошел тысячи верст, до самого моря на севере, но и там простые люди не верят царю. Почему он так жестоко обращается с нами? Кто дал ему право стрелять в наших сестер и братьев?

Вопросы один за другим вставали перед рабочими. Слушатели горячо откликались, тут же отвечали, хотя не всегда правильно. Но в этом и не было необходимости.

Важно было раскрыть глаза всей этой молодежи, разъяснить явления, научить понимать их. День ото дня всё больше становилось кружковцев. Рабочие охотно шли в кружок. За короткое время их собралось до семидесяти человек. Многие из них после нескольких занятий выражали желание приступить к действию. Кузнецов успокаивал их:

— Нам сейчас надо учиться, накапливать силы. Придет день, партия позовет нас на штурм. Вот тогда мы все, как один, выйдем из подполья, пойдём завоевывать свободу. Тогда «весь мир насилья мы разрушим»...

ВОЛЯ НАРОДА

Третий год шла война. Эшелоны уходили на фронт. Туда, в пышущее огнем пекло, везли людей, оружие, продовольствие. Вывозили всё, что можно было взять в тылу. Давно для рабочих и детей не хватало хлеба. Несколько раз пытались иваново-вознесенские рабочие потребовать удовлетворения своих законных требований:

— Долой войну!

— Установить восьмичасовой рабочий день!

— Освободить женщин от непосильного труда!

Каждый раз ответом был свист казацких нагаек и смертельное пламя залпов. А по ночам жандармы вылавливали руководителей демонстраций и забастовок. Ряды большевистских вожаков. В тюрьмах, ссылках находились многие, известные рабочим, большевики. Ненависть масс к самодержавию росла и прорывалась наружу.

Новый 1917-й год в Иваново-Вознесенске начался забастовками. Через несколько дней они закончились, так как фабриканты пошли на уступки. Но фабрики похожи были на кипящие котлы, вот-вот готовые взорваться. К тому же в городе почти не было продуктов. Рядом с гнетом и насилием надвигался голод. В конце февраля в Петербурге началась революция. В Иваново-Вознесенске об этом не знали. Связи с Петербургом и Москвой не было. Хотя слухи доползали и сюда, но неопределенные и противоречивые.

В ночь с 1 на 2 марта 1917 года в городе получили телеграмму о свержении самодержавия. С утра 2 марта не работали фабрики. Растерялись фабриканты, буржуазия,

городская дума. И только немногочисленная, но спаянная городская организация РСДРП приняла короткое решение: все на улицу, политическая демонстрация, требовать установления революционной власти. С утра 2 марта колоннами шли рабочие на площадь к городской управе. Колонны бурылинцев привел Василий Петрович Кузнецов. Он один из немногих большевиков избежал в эти годы ссылки и каторги. Партия направила его для работы в легальных организациях — в больничных кассах. Но работа в подполье не прекращалась. По-прежнему Кузнецов был активным пропагандистом и агитатором. Рабочие хорошо знали его. Тридцать тысяч людей тепло приветствовали появление Кузнецова на трибуне.

— Товарищи,— обратился он к собравшимся,— вам говорили на фабриках о последних событиях в столице. Не всё еще ясно, одно несомненно: самодержавие пало. Что же нам теперь с вами делать? Я думаю, что мы начнем с того, что мы делали и во время революции 1905 года. Вы знаете — тогда у нас был Совет рабочих депутатов. Но вы также помните, что тогда нам не удалось многого завоевать. Царское правительство победило. Теперь царское самодержавие свергнуто. Давайте сегодня используем исторический опыт прошлой борьбы — выберем Совет. Вы знаете также, что тогда был Совет только рабочих депутатов, теперь надо привлечь в Совет и солдат.

Возгласами одобрения встречены были слова оратора.

— Так идите к казармам,— сказал, перекрывая гул, Кузнецов,— идите к солдатам.

Группа большевиков направляется вперед, за ней — лавина народа. Колонны заполняют улицы. Высоко в небо летят слова марсельезы. И вот уже тысячи людей подхватили:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Единым, сильным дыханием подхвачен припев:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся клич мести народный:
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!

Песня оборвалась у небурчиловских казарм. Во дворе пусто, солдаты заперты в казармах. По требованию рабочих к ним вышел дежурный офицер.

— Что вам нужно? — угрюмо спросил он стоявшего впереди рабочего Степанова.

— Зачем держите солдат под замком? — вопросом на вопрос ответил Степанов. — Разве вы от них скроете революцию?

— У нас имеется приказ командующего Московским военным округом — не выпускать солдат на улицу.

Рабочие заволновались, раздались возмущенные крики. Наконец договорились: к демонстрантам выйдут трое солдат. Они появились через несколько минут. Разговор был короткий. Солдаты сообщили, что передадут новости в казармах и сообщат о предложении рабочих — завтра к 11 часам утра прислать депутатов в городской Совет.

День прошел не зря. Довольные расходились рабочие. Завтра они начнут строить новую жизнь. А в здании потребительского общества «Единение — сила» собралась исполнительная комиссия РСДРП (большевиков). Их немного — испытанных революционеров. Но нет и тени колебаний.

— Мы должны возглавить Совет рабочих и солдатских депутатов, — с жаром говорил один из ораторов. — Все свои силы мы должны сосредоточить на создании, укреплении и организации работы Совета.

В президиум Совета решили рекомендовать председателем Кузнецова.

Медлить было нельзя. Кузнецов сразу же после собрания созвонился с городским головой и потребовал ареста полицеймейстера, жандармского ротмистра, казацкого атамана, городского пристава и других чинов. Через короткий промежуток десять представителей царской власти были арестованы и помещены в зале клуба приказчиков.

В эту ночь Кузнецов не спал. Тревожные мысли одолевали его. Не упустить бы чего, сделать так, чтобы не смогли пролезть к власти фабриканты и их приспешники. Но время летело. Едва успели приготовить трибуну у городской управы, как колонны рабочих начали подходить к площади. К 11 часам подошел в полном вооружении 199-й запасный полк. Но народ ждал действий. От городского головы Семенова требовали предоставить помещение городской управы для Совета.

Около одиннадцати часов в зале окружного суда собрались депутаты. Среди них 65 большевиков. В коридорах,

проходах, на лестницах — народ. Шум стоял невообразимый. Кто-то требовал включения в число депутатов представителей от партии народной свободы. Кто-то сам желал участвовать в работе Совета. Кузнецов поднялся:

— Собрание Совета рабочих депутатов считаю открытым. Предлагаю избрать президиум.

С разных сторон назвали Кузнецова. Избрали его единогласно. Не успели члены президиума занять места, как в зал вошли двенадцать солдатских депутатов. Присутствующие встретили солдат радостными аплодисментами.

Вопросы решали быстро.

Продолжать политическую стачку или приступить к работе? Решили: рабочих распустить по домам, приступить к работе на фабриках с 4 марта, с 4 часов утра для сменных и с 6 часов 30 минут — для дневных. Но рабочие не расходились. Они требовали ареста активных контрреволюционеров и в первую очередь — полковника Смирнова, по приказу которого в августе 1915 года была расстреляна мирная демонстрация. Через час Смирнова привели. Вместе с ним явились все офицеры полка, просили депутатов оставить полковника под домашним арестом. С ними не согласились.

Рабочие доложили, что в зале имеются провокаторы. Их немедленно обнаружили и арестовали. Это были активные агенты охраны. Совет вынес решение принять меры к освобождению находящихся в шуйской тюрьме большевиков Краснова, Наумова и других. Послали телеграмму на имя начальника тюрьмы. На основании этой телеграммы большевики были освобождены немедленно.

Совет создал судебно-следственную комиссию. Ей было поручено проверить всех арестованных, находящихся в местной тюрьме.

В конце заседания организовали временный штаб милиции. Милицейские посты расставили по всему городу. Только поздно ночью, после проверки постов, Василий Петрович пришел домой и, усталый, но довольный, повалился в постель.

Сквозь сон слышал гул, но не мог проснуться. Разбудил резкий стук двери. Не сразу понял: жена пошла на работу, хлопнула дверь. А гул? Да! Заработали фабрики. Кинулся обуваться. Вспомнил — на фабрику идти не надо, а в Совет еще рано. Тогда — в город. Наскоро по-

завтракал, сунул кусок хлеба и вареную картофелину в карман — на обед. Начинался хлопотливый, но радостный день. Пока шел к городской управе, подходило много знакомых, сообщали различные новости. Известия были не все радостные. Собиралась городская дума. Создали комитет общественной безопасности, в который вошли представители интеллигенции, общества фабрикантов и заводчиков, от мещанской управы. Комитет назначил начальником милиции торговца мануфактурой Соколова. Комитет послал приветственную телеграмму Временному правительству.

Буржуазия сразу попыталась захватить власть, но сил у нее было недостаточно, она, по-видимому, решила выждать и исподволь вести свою подрывную работу. Две власти в городе. Кузнецов сжимает зубы. Что же, господа, поборемся. На этот раз отступить не будем.

И схлестнулись в схватке две силы. Смешались дни и ночи. Большевики повели большую разъяснительную работу. Василий Кузнецов после трудного дня приходил домой, наскоро заносил в дневник события. Усталые руки записывали самое главное.

5 марта

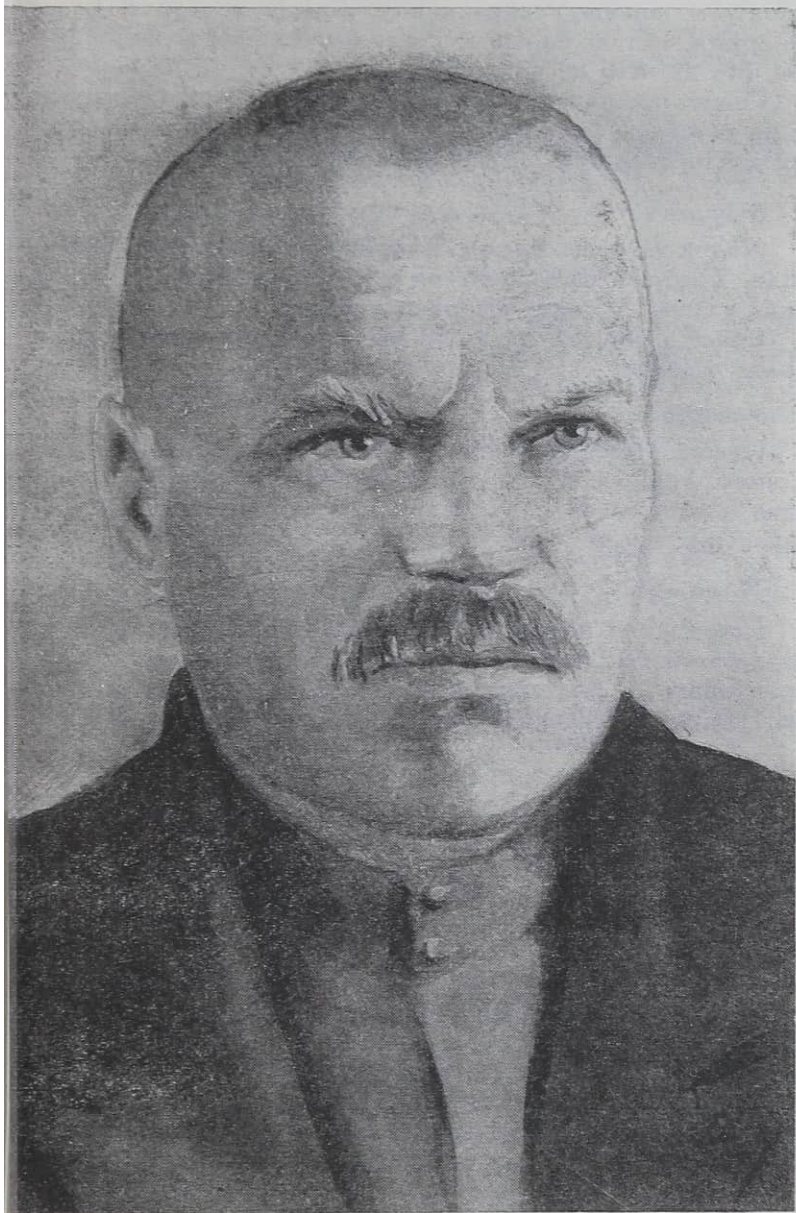
На площади был устроен молебен. Попы и иконы. Пришли представители местной революционной власти и комитета общественной безопасности. Попы по указке Временного правительства звали народ на войну. Не вытерпел. Вскочил на ящик. Сказал, что попы врут. Нам война не нужна. Солдаты и рабочие кидали шапки и кричали «ура!». Молебен сорвался. Вчера послали представителей от Совета и двух представителей от коммунистов в Кохму для помощи революционным рабочим.

6 марта

Выступал на фабриках перед рабочими. Призывал не поддаваться провокациям буржуазии, не поддерживать военные мероприятия Временного правительства.

7 марта

Всю ночь я и мой заместитель Степанов заседали с офицерами местного гарнизона. Говорили о правах солдат. Зачитали приказ Петроградского Совета, требовали создать ротные и полковой комитеты. Офицеры доказывали, что

В. П. КУЗНЕЦОВ,

комитеты подорвут дисциплину. Армии не будет. Будет не армия, а стадо баранов. Тогда нас живьем возьмут немцы. Ни до чего не договорились.

Совет постановил: председателем избрать Степанова, меня оставить заместителем, чтобы высвободить мне время для проведения работы на фабриках.

8 марта

Ходил на бурыйлинскую фабрику. Рабочие там забастовали. Требуют 10-процентной надбавки к зарплате. Конфликт улажен. Хозяин фабрики уступил.

Совет заслушал наказ Московского комитета большевиков о войне.

9 марта

Переехали в новое помещение. Решили и работать по-новому. Избран исполнительный комитет. Теперь пленум день и ночь заседать не будет. Создан оргкомитет по организации профсоюзов.

11 марта

Пригласили на митинг на фабрику Гарелина. Отвечал на десятки вопросов по современному положению и о работе Совета. Три члена Совета участвовали на ивановском волостном сходе. Послали представителей в Середу.

12 марта

Почему мы допустили создание комитета общественной безопасности? Почему две власти? Борьба разгорается. Рабочие спрашивают: в чем свобода для рабочих? Они правы. Настоящей свободы нет. С фабрикантами стычки. Образовали из членов президиума Совета конфликтную комиссию. Куда вести рабочий класс? Рабочие по-прежнему голодны, работают по 11 часов в сутки. Рабочие говорят одно — их судьба не решена. Одна работница сказала: «Что вы, Кузнецов, думаете? Что вы будете делать в Совете? Мы завтра бросим работу».

Надо что-то делать. Пора брать фабрикантов за шиворот. Рабочим надо помочь. Меня командируют в Петроград.

14 марта

Был на пленуме Петроградского Совета. Выступал с приветствием от иваново-вознесенцев.

16 марта

Был в полковом комитете. В полку три хороших большевика. Солдаты рвутся домой. Заходил в клуб офицеров. Народ грамотный. Совет ненавидят и не скрывают этого.

17 марта

На хлебном рынке вздорожала мука. Запасы истощились. Из общества потребителей сообщают: «Хлеб будет после войны». В кооперативах засели не наши люди. Мещане муку запасают мешками.

18 марта

Приходится опять проводить митинги. На фабриках появились крикуны. Один кричит: «Даешь войну!» Другие требуют учредительное собрание. Особенно наседают эсеры. Как тут рабочим разобраться. Читал обращение Петроградского Совета к народам Запада о прекращении войны. Одобряют.

19 марта

Было учредительное заседание профсоюза. Избрали правление. Намечена программа экономической борьбы. Высказались против войны.

20—21 марта

Проводил митинг на фабрике Зубкова. Выступал у солдат. Солдаты одобряют требования, которые Совет хочет предъявить фабрикантам от имени рабочих.

22 марта

Избран членом исполнительной комиссии РСДРП. Можно считать себя агитатором при городской партийной организации.

ОСЕНЬ ГРОЗНОГО ГОДА

С каждым днем рабочие яснее понимали: надо действовать смелее, капиталисты ничем не хотят поступиться. Хуже того, они вывозили мануфактуру, деньги переводили в московские банки. А хлопок, топливо не поставляли. В довершение ко всему в августе на совещании в Москве фабриканты решили остановить фабрики на неопределен-

ное время. Прислали воззвание к населению: «В текстильной промышленности полная катастрофа, промышленность зашла в тупик, Союз промышленности снимает с себя всякую ответственность».

На одних фабриках было объявлено о прекращении работы. Полушин даже умудрился продать фабрику. Рабочие сидели без хлеба и денег. Иваново-Вознесенский Совет постановил — без решения Совета фабрики не останавливать. 11 октября делегатское собрание профсоюзов совместно с Советом и исполнительной комиссией большевиков постановило: «Требования, выработанные тарифной комиссией союза текстильщиков, признать правильными, предъявить союзу объединенной промышленности. Предложить ему для ответа срок 18 октября». Избран центральный стачечный комитет. В него вошел и Василий Петрович Кузнецов.

Ответа промышленники не дали. По указанию центрального стачечного комитета 21 октября началась стачка. Остановились 115 фабрик, 300 тысяч текстильщиков Владимирской и Костромской губерний вышли на демонстрацию. Призывно рдели плакаты: «Долой Временное соглашательское правительство! Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует партия большевиков! Да здравствует Ленин!».

Кузнецов каждый день среди рабочих. Он рассказывает о последних решениях Совета, о том, что стачку иваново-вознесенских текстильщиков поддерживают рабочие Шуи, Костромы, Кинешмы и других городов. На этот раз надо стоять до конца.

На вечер 25 октября назначено заседание Совета. В зале не только депутаты, но и рабочие и солдаты. Председатель Совета Самойлов открыл заседание пленума. В зал уже проникли слухи о событиях в Петрограде. Василий Петрович волнуется. Пытается скрыть волнение. И не может. Вместе со многими депутатами в 11 часов ночи он требует от президиума установить связь с Москвой. На телефонную станцию послали Дмитрия Фурманова. Заседание не клеится, выступления вялые.

И вдруг крик вбежавшего Фурманова: «Товарищи! Временное правительство свергнуто!»

Взрыв радости. Кузнецов вскакивает, поднимаются все депутаты.

— Да здравствует власть Советов!

— Да здравствует Ленин!

Президиум организовал штаб революционных организаций. Ему поручено обеспечить охрану и порядок в городе.

В ЯРОСЛАВЛЕ

К моменту Октябрьской революции в Иваново-Вознесенск, Шую и другие города возвратилось много большевиков из ссылки и заключения. Закаленные в борьбе товарищи возглавили партийные организации на предприятиях, сцементировали городскую большевистскую организацию, которая сумела хорошо организовать агитационную работу. Большевики пользовались огромным авторитетом у рабочих. Им принадлежало большинство в Совете. Об успехах Иваново-Вознесенской партийной организации стало известно в первые же дни в близлежащих городах. Известно было и то, что иваново-вознесенцы охотно помогают соседям.

Вот почему Ярославское городское бюро РСДРП (большевиков) обратилось в Иваново-Вознесенск с таким письмом:

«Уважаемые товарищи!

Несмотря на то, что большинство в Совете за нами, все же пришлось пойти на компромиссы с эсерами-меньшевиками. Нет работников, лучшие силы уехали в Петроград на съезд. Нужна помощь. Бюро просит прислать нам помощь, прислать работников. Власть дается нам в руки, но нет работников, нечем взяться. Пришлось делиться или, скорее всего, отдать меньшевикам. Солдаты заявляют, что они подчиняются только нам. Шлите скорее помощь».

Исполнительная комиссия большевиков приняла решение — послать Кузнецова, Жиделева, Кадыкова, Колесникова, Капитонова. Все они немедленно выехали в Ярославль.

Поезд пришел в Ярославль поздно ночью. Направились в дом генерал-губернатора. Там, по рассказам, заседал исполнительный комитет. Познакомились с товарищами. Получили мандаты с особыми полномочиями. Ночевали в соседней комнате. Наутро иваново-вознесенцы внесли предложение — провести пере выборы Совета, так как срок полномочий старого состава Совета истек. Предложе-

ние принято. Договорились о митингах. Кузнецову предложили пойти на корзинкинскую фабрику.

В фабричном комитете Василий Петрович так и не нашел ни одного большевика. «Ну, эти,— думал он, рассматривая фабкомовцев,— чего доброго, сорвут митинг. Не дадут остановить станки. Придется драться...» Но драться не пришлось. Большевики из фабричного комитета прочитали мандат и сразу же согласились остановить фабрику.

Тысячи людей собрались на фабричном дворе. Они внимательно смотрели на приезжего. А он, подавшись вперед, спросил:

— Почему вы не присоединились к революции? Почему меньшевики и эсеры верховодят здесь? Вероятно, потому, что до сих пор вам никто не сказал правду. Правда состоит в том, что рабочие Петрограда под руководством большевиков взяли власть в свои руки. Советская власть установлена в Москве, Иваново-Вознесенске и других городах. Большевики и эсеры до последнего момента любезничали с Временным правительством. Они не зовут вас к власти и сейчас. А почему? Им не нравится народная власть. Вот они и пытаются запугать всё...

Рядом встал Жиделев.

— Кто тут эсеры? — спрашивал он. — Идите сюда и выступайте. Что вы хотите?

Никто из эсеров и меньшевиков не рискнул выступить. К тому же в это время кто-то крикнул:

— Идём к Совету!

Пошли не к Совету, а по поселку. Пели песни, шутили, смеялись. Разошлись поздно ночью.

На другой день Кузнецов пошел в воинские казармы на Сенную. Его тотчас же окружили офицеры. Председатель комитета безопасности — холеный офицер — говорил:

— Солдаты не слушаются, распустились. И вас слушать не будут.

— Надо попробовать, там увидим.

Кто-то из стоявших недалеко солдат подслушал этот разговор и сообщил товарищам. Поднялся шум.

— Вот видите,— говорит офицер,— уже начинается, и так каждый день.

Кузнецов хмуро посмотрел на офицеров. Солдаты сгрудились, подошли ближе. Василий Петрович предоста-

вил слово председателю комитета безопасности. Не успел он сказать нескольких слов, раздались крики:

— Долой офицеров! Вон!

Кузнецов повернулся к офицерам:

— Вас просят уйти. Дайте нам поговорить спокойно.

Под свист солдат офицеры вышли. Кузнецов начал разговор, солдаты слушали, не перебивали.

— Кто даст землю крестьянам, как не Советы? А вот какое решение принял в Иваново-Вознесенске 199-й полк: «Считать Временное правительство низложенным. Даем клятву поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов». А вот вам приветствие от нашего полка.

Приветствие окончательно решило судьбу. Солдаты заволновались.

— Чего ждать? Послать письмо в 199-й полк.

— Давай резолюцию!

Один за другим говорили солдаты. И слагалась резолюция. Принять активное участие в выборах в Совет. Всеми силами поддерживать городской Совет. Послать туда заслуженных революционеров-большевиков и сочувствующих. Сменить командный состав. Обновить работу ротных комитетов во всем гарнизоне.

Из казарм снова шел Кузнецов на фабрики. Так пятеро иваново-вознесенских большевиков вели подготовку к выборам в Совет, создавали партийные ячейки на фабриках. Выборы прошли более или менее организованно. Первое заседание нового Совета назначили на 8 ноября. К семи часам вечера зал заседаний был полон. Большевики кричали, что выборы неправильные, поэтому большевики и составляют большинство. Меньшевик Богданов, так часто вступавший в споры с ивановцами во время подготовки к выборам, старался больше всех:

— У вас был подбор, а не выборы.

Но на этом дело не кончилось. Когда надо было читать резолюцию об отношении к центральной власти, в зале потух свет. Сделали это меньшевики. И все-таки резолюция была принята:

«Приветствовать центральную власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возглавляемую товарищем Лениным. Объявить в г. Ярославле всю полноту власти в руках Совета рабочих и солдатских депутатов».

В полночь исполнительный комитет объявил по войскам тревогу. Через полчаса рота за ротой подходили к

площади. Председатель Совета Доброхотов перегнулся через перила балкона.

— Товарищи солдаты! — выкрикнул он, и тишина установилась на площади. — Отныне вся полнота власти принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов. Вы должны дать обещание, что не допустите контрреволюционных выступлений и всякое их начинание подавите силой. Крепче держите винтовку в руках! Зорко следите за врагами революции! Да здравствует Совет Народных Комиссаров! Да здравствует городской Совет рабочих и солдатских депутатов!

Троекратное солдатское «ура» потрясло ночную тишину. Оркестр грянул марш. И, разворачиваясь повзводно, колонны солдат двинулись к казармам. Кузнецов, как и его товарищи, стоял на балконе, смотрел вслед уходящим полкам и улыбался. И здесь победила Советская власть. И в том, что она победила так быстро, есть доля и его заслуг. Задание выполнено. Впервые за последний месяц он почувствовал усталость. Хотелось присесть вот здесь, закрыть глаза и отдохнуть. Нет, некогда. Пора на вокзал. Домой, в Иваново-Вознесенск.

ЖИЗНЬ ПОБЕЖДАЕТ

11

В это летнее утро Кузнецов пришел в Совет задолго до начала работы. Тревожные мысли не давали спать. Хотелось побыть одному, подумать. Василий Петрович прошел к окну, раскрыл его. В лицо дохнул горячий ветер. Давно нет дождя. Вон даже трава поблекла. А посевы уже почти погибли. И тишина — мертвая, щемящая. Молчат фабрики — нет хлопка. Молчат люди — голодному лучше молчать и не двигаться. Василий Петрович вспомнил случайно подслушанный им вчера разговор. Один мешанин шептал другому, но слова явственно донесли: «Они приговорены к смерти. Она подступает со всех сторон».

Н-да, смерть подступает со всех сторон. Нет хлеба, нет сырья для фабрик, нет дров на зиму, нет соли. Пovyлазили из всех щелей контрреволюционеры. Шипят вот. А полк красногвардейцев ушел на помощь ярославским рабочим, ушел подавлять белогвардейский мятеж. Пойти бы вместе с ними... пойти... А тебя оставили здесь. Не хнычь — работай! Защищать революцию надо не только

на фронте, но и в тылу. И побеждать надо не только там, но и здесь...

Звонок телефона прервал мысль.

— Слушаю. Да, Кузнецов.

— Говорят с бывшей зубковской фабрики. Нам нужен докладчик. Было уже трое, так ничего и не разъяснили.

— Хорошо, пришлю или приду сам.

Дверь с треском отлетает к стене. Весь в муке ворвался член продовольственной управы Краснов.

— Слышишь, Петрович! — кричит он. — Десять тысяч пудов хлеба испекли из смеси муки, отрубей и дуранды.

Следом входят две женщины.

— Нам бы хлеба получше, для больных детей...

Кузнецов так и не успел ответить. Их оттолкнула женщина со свертком в руках. Подошла к столу, положила сверток и быстро вышла. Едва притронулись к свертку, раздался плач ребенка. Развернули, на груди ребенка записка: «Я без работы. Мужа у меня нету. На руках еще трое маленьких. Воспитать его не могу». Краснов молча взял ребенка.

— Отдам в ясли.

Начинался обычный день, полный забот и трудностей. Отдав необходимые распоряжения, Кузнецов пошел на зубковскую фабрику, но его нашли и там, позвали к железнодорожникам. Только в девять вечера вернулся Василий Петрович в Совет. Из темного коридора вывернулась странная фигура в широкой шляпе.

— Вы не продаете кровь на бойне?

— Нет...

— Ну, на нет и суда нет...

— Кровь... Для чего ему нужна кровь? Краснов, иди сюда. Что можно делать из крови?

— Не знаю, Василий Петрович. Хотя... Сейчас выясню.

Через час в кабинете председателя Совета совещание. Краснов привел рабочих с бойни. Все утверждают: из крови животных можно делать колбасу. Выносятся решение — дополнительно к пайку рабочим выдавать в день четверть фунта колбасы из крови.

Шли дни. Все больше давал знать себя голод. Не вынесли железнодорожники. Ремонт паровозов и вагонов требовал больших усилий. А хлеба не было. Пришлось сократить рабочий день. На помощь железнодорожникам направили рабочих с фабрик. Дело с трудом продвигалось.

И новая беда — нет соли. Нет и негде достать. В Совете несколько раз собирались по этому поводу совещания. Ничего не придумали. Вдруг обнадеживающие слухи. Пришел старик, рабочий бывшей грязновской фабрики.

— Вот, — говорил он, — какое дело. Вспомнил я, что когда-то для отбельной фабрики рыли у нас колодец, а потом забросили, вода оказалась непригодной. Почему? Задумался я на днях — не соленая ли? Пошел к товарищам — и отправились к колодцу. Вытащили веревкой ведро. Вода чистая, попробовали — соленая. Понесли домой. Сварили в воде картошку. Хорошо, солить не надо.

Кузнецов направил к колодцу работника Совета. Тот вернулся быстро. Рассказывает, что воду уже качают всю. Устроили солеварки, выпаривают воду, соль остается. Очень хорошо! Одна проблема решена.

По городу ползут слухи. Говорят о приближении чехов. Контрреволюционная агитация развертывается. В Горкоме партии — срочное заседание. Надо вооружать рабочих, пока контрреволюция не подняла голову. Горком и Совет мобилизуют людей. Всех, кто способен носить оружие. Их не так много. Основные силы большевиков ушли на фронт к Ярославлю. Набирается двести человек. Уже не плохо. И даже радостно, когда колонна вооруженных рабочих идет по городу и несетя бодрая песня:

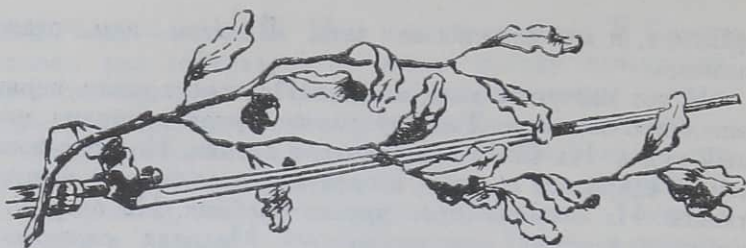
Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Умолкла канонада в Ярославле. Половина иваново-вознесенских красноармейцев вернулась домой. Остальные остались нести службу в Ярославле. Победа одержана. Хотя какой ценой. Многих нет в живых. Вот выносят из вагона тело начальника отряда Куконкова. Смелый и верный большевик. Колонна двигается к кладбищу! И над могилой клятва: не отдадим завоеванной революции!

Давно ушли пробивать путь к хлопку ткачи под командой легендарного Фрунзе. Радостные известия идут с фронтов. По указанию Ленина идет подготовка к пуску фабрики «Большая Ивановская мануфактура». Член городского Совета Кузнецов принимает и в этом деятельное участие. Мобилизует транспорт. Собирает рабочих. Выступает перед ними на митингах. Страна, говорит он, должна преодолеть разруху. Для армии и населения нужна ману-

фактура, и мы должны ее дать. В этом нам окажут помощь.

И вот наступил день, когда в Иваново пришел первый эшелон с хлопком. Тихину раннего утра разбудил мощный гудок. На БИМ-е заработали станки. Иваново-вознесенцы сдержали слово — в срок подготовились к выпуску тканей. На очереди пуск других фабрик. На очереди — много нужных и интересных дел. Молодая республика выстояла, выжила и одерживала первые победы.

Ю. ГЛЕБОВ

ОРГАНИЗАТОР МАСС

Зима 1916/17 года стояла трудная и голодная. Длительная война, затеянная империалистами, подорвала все хозяйство страны. В тылу рабочие жили впроголодь, питаются кое-как и кое-чем.

В середине февраля 1917 года объявили стачку две тысячи ткачей крупного текстильного комбината — т-ва Волжской мануфактуры Миндовского и Бакакина, расположенного неподалеку от Кинешмы — в селе Наволоках. Одним из главных руководителей большевистской организации этого комбината и начавшейся стачки являлся слесарь-большевик Григорий Кузьмич Королев.

Несмотря на угрозы закрыть фабрику и разбронировать всех военнообязанных, которыми грозил приехавший из Москвы хозяин; несмотря на демонстрацию устрашения, проведенную кинешемским исправником, явившимся в Наволоки по просьбе фабриканта в сопровождении десятка конных стражников, ткачи продолжали упорно бастовать. К стачке собирались присоединиться и все остальные рабочие прядильной и отделочной фабрик.

В механический отдел, где все шло своим чередом, торопливыми шагами вошла девушка-телефонистка. Она направилась к Королеву, высокому, слегка русоватому рабочему,

с небольшими усами на лице, трудившемуся за тисками.

— Из Кинешмы звонили, Григорий Кузьмич, — сказала она, — из союза кооперативов. Немедленно просили сообщить вам, что мука пришла.

Королев пристально взглянул на говорившую. Его простое, добродушное лицо вдруг сделалось серьезным. «Мука пришла» — это был сигнал, по которому он, руководитель большевистской организации, должен был немедленно лично явиться в Кинешму для получения указаний. Сигнал передавался кинешемскими большевиками, работавшими в союзе кооперативов, открыто, так как Королев возглавлял правление Наволокского общества потребителей.

— А ты, Надюша, не ослышалась? — спросил Королев. — Может быть, пришла мука, да не для нас? Может быть, на анненскую или на севрюговскую фабрику?

— Да ну вас, Григорий Кузьмич, вы все шутите, — грустно улыбнулась девушка. — Я ведь не глухая. И сменщица слышала. Спросите ее, если уж мне не верите! А тот, кто из Кинешмы разговаривал, обязательно просил отыскать вас и немедленно передать, что мука пришла. Раз три повторил эти слова. Григорий Кузьмич, уж вы похлопочите, чтобы к нам в Наволоки поскорее и побольше муки привезли, а то ведь все изголодались!

— Придется похлопотать! — ответил Королев и, вытирая руки, направился к соседнему рабочему.

— Слушай, Кустов, — негромко подозвал он соседа, — слышал, наверное, что Надюша говорила. Придется нам, брат, с тобой сразу же после работы в Кинешму отправляться. Очевидно, есть что-то важное.

К вечеру по заснеженной дороге оба рабочих ходким шагом направились в Кинешму, отстоящую от Наволок километров в двенадцати. С Волги дул сердитый порывистый ветер, заметавший дорогу поземкой и заставлявший путников поеживаться и настойчивей преодолевать расстояние.

Кинешемские большевики ознакомили товарищей из Наволок с событиями, происходившими в Петербурге, и предложили им добиться расширения стачки.

— Во что бы то ни стало, — прозвучали приказом слова, — нужно распространить стачку на всю фабрику и превратить ее из экономической в политическую. Сделать это нужно быстро — завтра!

Ночью, без отдыха, рабочим пришлось возвращаться в Наволоки. Экстренно созвали заседание партийного комитета, на котором договорились о расстановке сил. А утром стали поднимать рабочих.

Первым остановился механический цех. Вскоре к стачке присоединились отделочники. А когда остановили паровую машину, в пустовавшем нижнем этаже фабричного корпуса собрались почти все рабочие комбината.

— Товарищи! Бросайте работу! — говорил Королев перед притихшей массой, — в Петрограде начались бои народа с полицией и царскими войсками. Ходят слухи, что царица бежала с Протопоповым, а царь мечется где-то между ставкой и Царским Селом. Пора свергнуть проклятое самодержавие! Нужно нашу стачку превратить в выступление солидарности с петроградцами.

Все единодушно поддержали высказанное предложение, вышли на улицу и образовали внушительную демонстрацию.

Королеву пришлось снова выступать на площади поселка. Перед лицом тысяч людей, сочувственно слушавших его, речь лилась громко и уверенно, и когда он, заканчивая свое сообщение, спросил: «Кто за то, чтобы всем примкнуть к стачке?» — в ответ единодушно поднялись тысячи мозолистых рук. Стачка в Наволоках стала всеобщей.

После того как народ разошелся по домам, Королев направился вместе с товарищами в помещение фабричного телефонного коммутатора.

— Ну, Надюша, — приветствовал он телефонистку, — соединяй Кинешму. Что-то все не ладится с мукой-то!

Добившись нужного человека из союза кооперативов, Королев спросил:

— Какие новости?

— Новостей слишком много, их не перескажешь, — слышалось в ответ. — А для вас «мука пришла».

— Как? Опять мука пришла?

— Опять, опять, — слышался ответ.

В Кинешму уже пришло известие о свершившейся революции, об аресте министров и об отречении царя. Улицы города оказались переполненными народом, а в союз кооперативов удалось пробраться с большим трудом. Здесь открыто заседал Кинешемский комитет большевиков.

Сообщение Королева о всеобщей стачке в Наволоках встретили громкими аплодисментами. Ему и явившимся с ним рабочим поручили организовать и привести на следующий день в Кинешму всех рабочих из Наволок и с ближайших фабрик.

На призыв большевиков идти в Кинешму откликнулось почти всё взрослое население Наволок. Солнечным утром 3 марта на дорогу вышло около пяти тысяч рабочих. Шедшие в первых рядах несли приколоченный к высокому древку красный флаг, который широко и вольно развевался над головами текстильщиков, впервые без боязни отправлявшихся в уездный город. Шествие растянулось чуть ли не на целую версту. Зародившись сначала среди десятка людей, была подхвачена тысячами уст и полилась над заснеженным простором революционная песня: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!» Одна песня сменяла другую. А когда устали петь, шли, вспоминая былое.

К наволоцким рабочим присоединились текстильщики всех трех фабрик, находящихся между Наволоками и Кинешмой, и в город вступила уже мощная демонстрация, объединившая около десяти тысяч человек.

На городской окраине рабочие повстречались с военным патрулем. У некоторых, особенно у женщин, замерли сердца, но когда они увидели, что один из солдат высоко поднял винтовку с прикрепленным к штыку небольшим красным флажком и салютовал рабочим, они облегченно вздохнули и в свою очередь радостно приветствовали солдат. Шаг стал уверенней. Звонче полились песни.

На городской площади пришедшие слились с горожанами и стали слушать ораторов, говоривших о победе революции. Среди других ораторов в Кинешме выступил и Григорий Кузьмич.

Большевики предложили рабочим и солдатам приступить к выборам депутатов Совета.

После окончания митинга Королев участвовал в освобождении из тюрьмы политических заключенных, разоружал полицию и арестовывал полицейских, а по возвращении в Наволоки он занялся разоружением урядника, стражников и созданием рабочей милиции.

Революционное половодье, сломавшее многие из устарелых порядков, все же не коснулось главного — экономики. Буржуазия и помещики остались у власти хозяевами положения. Пролетариат и революционное крестьянство

еще не осознали всей своей силы. Но революционная действительность выдвинула целый ряд новых задач, и Королеву, как и многим другим участникам больших событий, настала пора работать, не считаясь со временем и здоровьем.

Как серьезного, начитанного, опытного и вдумчивого человека рабочие избрали Королева в несколько новых общественных организаций, вызванных к жизни Февральской революцией. Он стал членом Кинешемского Совета рабочих и солдатских депутатов. Земляки выбрали его членом Георгиевского волостного Совета крестьянских депутатов. В Наволоках, где он и раньше был членом правления местного общества потребителей, рабочие поставили Григория Кузьмича председателем фабрично-заводского комитета, а коллегив партии большевиков поручил ему обязанности товарища председателя партийного комитета. Немного позднее, когда в Наволоках, как и на многих других крупных предприятиях, рабочие образовали свой профессиональный союз, Королев стал во главе последнего.

Капиталисты старались отделаться от рабочих жалкими подачками, но те уже не довольствовались ими, и вскоре фабкомы, партийные организации и, особенно Советы, были засыпаны многочисленными требованиями рабочих о необходимости повышения заработной платы до прожиточного минимума, об усилении охраны труда на предприятиях, об установлении восьмичасового рабочего дня, об удалении с фабрик ненавистных фабричных администраторов. Все это отнимало у Советов много времени.

— Ума не приложу, что мы будем делать с этим нескончаемым потоком заявлений, — говорил в беседе с Королевым председатель Кинешемского Совета — меньшевик Савченко, — ведь практически мы не в состоянии удовлетворить ни одного из требований. Мы уподобились ученику чародея, который развязал неведомую силу, но остался бессилён управлять ею.

— Чтобы достигнуть результатов, следует действовать более решительно и революционно, — ответил Королев, — и тогда многое станет возможным.

— Безусловно, вы, большевики, рады были бы сломать всё и вся, но пока мы вам этого сделать не позволим.

— Ну это, как говорят, еще бабушка надвое сказала, — засмеялся Королев. — Сейчас я хотел бы предло-

жить другое. Совету следует выступить инициатором созыва широкого совещания представителей Советов и рабочих организаций всего нашего текстильного края. На нем нужно договориться об организации общего профессионального союза текстильщиков. Кстати, если будет союз,— добавил Королев, — то он займется многими из тех вопросов, над которыми вы теперь тщетно ломаете голову.

Предложение было принято, и в начале апреля в Кинешму съехались представители Советов и рабочих организаций Иваново-Вознесенска, Кохмы, Шуи, Середы, Тейкова, Коврова, Родников, Вичуги, Наволок и Юрьевца. Состав делегатов оказался пестрым: среди них было немало меньшевиков и эсеров. В президиуме было трое большевиков, включая и Г. К. Королева.

Все делегаты, выступавшие на совещании, единодушно заявляли о политическом подъеме, царившем среди рабочих.

— Мы создали свой небольшой союз, куда вступили почти четыре тысячи рабочих Наволокского комбината, — сообщил Григорий Кузьмич, — отчислили средства на культурные нужды. Революционным путем мы вводим восьмичасовой рабочий день. Такие же союзы возникают на многих других фабриках, но каждый из них действует, как бог на душу положит. Среди нас еще мало единства, и это на руку капиталистам, которые добровольно, конечно, не сдадут своих позиций.

Присутствовавшие на совещании соглашатели постарались, чтобы решения конференции не смогли отразить подлинных революционных настроений рабочего класса, но конференция заложила фундамент для создания мощного профессионального объединения текстильщиков всего Иваново—Кинешемского района. Было избрано организационное бюро для подготовки созыва учредительного собрания профсоюза текстильщиков. Конференция утвердила ряд экономических требований для предъявления их фабрикантам и избрала 19 представителей от рабочих крупнейших предприятий, поручив им договариваться с предпринимателями об удовлетворении этих требований.

**
*

— Ну, Кузьмич, значит уезжаешь от нас? — говорили рабочие, провожая Королева, отправлявшегося в Москву для участия в переговорах с фабрикантами.

— Сами выбрали! — шутил Королев

— Старайся! Ты наш человек. Главное, правильную линию держи. За нас, за рабочий класс, старайся, да меньшевикам почаще на хвост наступай, чтобы не мешали.

— В этом вы можете на меня положиться...

Представители рабочих текстильщиков встретились с уполномоченными капиталистов, объединенных Всероссийским обществом промышленников, 10 мая в Москве, на Ильинке, являвшейся тогда цитаделью оптовой торговли текстильными товарами. Девятнадцать выхоленных и одетых с иголочки буржуа иронически разглядывали своих противников, расположившихся по другую сторону длинного стола, накрытого добротным зеленым сукном.

— Господа, мне хотелось бы сделать несколько коротких предварительных замечаний по вопросу организации нашего собрания, — заявил главный юрисконсульт общества. — Мне кажется, следует уточнить, что те переговоры по вопросам экономического положения рабочих текстильной промышленности, которые мы начинаем сегодня, мы ведем не с какой-либо организацией рабочих, как таковой, а лишь с представителями рабочих, избранными на отдельных предприятиях.

— Позвольте, — возразил Королев, — нас избрало достаточно авторитетное объединенное совещание представителей Советов и рабочих общественных организаций. У нас есть мандаты Советов рабочих и солдатских депутатов.

— Всё это так, — парировал противник, — но мы все же будем рассматривать вас только как представителей рабочих от коллективов крупнейших предприятий. Вот, если бы, допустим, вас уполномочил профессиональный союз, было бы другое дело. Но мне кажется, что такого объединенного союза у текстильщиков пока еще не имеется.

Когда посланцы рабочих возвратились из Москвы домой и рассказали о поведении капиталистов, текстильщики под руководством партии большевиков и Советов стали явочным порядком вводить на предприятиях восьмичасовой рабочий день и начали готовиться к серьезной борьбе с капиталом.

Вместе с тем были приняты меры к ускорению организации объединенного профессионального союза текстильщиков. Собравшиеся в здании Иваново-Вознесенской жен-

ской гимназии 10 июня представители рабочих решили учредить профессиональный союз текстильщиков Иваново — Кинешемской области (так решили назвать текстильный район), утвердили устав союза, избрали членов правления, в состав которого вошел и Г. К. Королев. Одновременно это учредительное собрание профсоюза решило установить постоянный контроль рабочих над производством и распределением продуктов производства.

Григорий Кузьмич временно покинул Иваново. Его избрали делегатом на третью конференцию профсоюзов, происходившую в Петрограде. Здесь ему повезло увидеть Ленина, популярность которого среди масс возрастала с каждым днем. Руководя работой большевистской фракции конференции, Владимир Ильич смело разоблачал действия эсеров и меньшевиков, старавшихся увести рабочий класс с пути классовой борьбы на путь соглашательства с буржуазией. Он говорил о неминуемом приближении социальной революции, о необходимости союза пролетариата с революционным крестьянством и настаивал на пролетарском руководстве революционной борьбой в деревне. В эти дни в душу Григория Кузьмича глубоко запали ленинские слова о том, что истинные большевики никогда не должны теряться, обязаны сохранять самообладание при любой обстановке, как бы сложна она ни казалась на первый взгляд, терпеливо изыскивая пути для достижения намеченной цели.

Летом все члены правления Иваново-Кинешемского профсоюза текстильщиков разъехались на места. Кроме необходимости непосредственного общения с массами, нужно было организовывать постоянно действенный рабочий контроль над производством. Фабриканты старались постепенно свертывать производство. Рабочие препятствовали этому.

Правление профсоюза поручило Королеву побывать на предприятиях, расположенных на берегах Волги. Первой в его маршруте оказалась отделочная фабрика Коноваловых в Каменке. Рабочие этой фабрики, расположившейся уединенно около небольшой волжской пристани Семигорье, жили преимущественно в окрестных деревнях, не порывая связи с сельским хозяйством. Некоторые квалифицированные рабочие этого предприятия пользовались различными льготами от владельцев, и не случайно, что часть рабочей верхушки оказалась охваченной эсеровскими

настроениями. Королев почувствовал это сразу же на заседании фабрично-заводского комитета. Его доклад о значении профессиональных союзов и о необходимости организации отделения профсоюза текстильщиков в Каменке члены фабкома встретили продолжительным молчанием, а когда он начал доказывать необходимость всемерного расширения классовой борьбы в промышленности и в деревне, один из фабкомовцев грубо оборвал его:

— Что ж, вы для того и пожаловали к нам, чтобы большевизм разводите? Мы от своих хозяев никогда плохого не видавали, а теперь наш молодой хозяин — Александр Иванович — стал министром и все же нас не забывает. Вот, смотрите, — и он потряс телеграммой, — сам просит нас следить за выполнением военного заказа, а вы — большевики — только народ смущаете, что, мол, война не нужна!

Считая, что с подголосками фабрикантов дальнейшие разговоры бесполезны, Королев немедленно покинул заседание фабкома. У ворот фабрики ему удалось собрать большую группу рабочих, которым он и рассказал о целях своего приезда в Каменку и о приеме фабкомовцев. В противоположность последним, рабочие приветливо встретили представителя профсоюза и радостно приняли его сообщение об организации отделения профсоюза. Однако митинг был нарушен новым инцидентом. Член фабкома, так рьяно защищавший хозяйские интересы, внезапно появился из ворот фабрики, вооруженный топором.

— Бей большевиков! — кричал он, хлебнув для храбрости самогона. — Они смущать вас только ездят! Они, вместе с Лениным, хотят всю Россию продать Вильгельму!

Рабочие быстро обезоружили и изолировали распоясавшегося хулигана и предателя.

В этот же день, вечером, на общем собрании рабочих было принято решение о поддержке ими профсоюза текстильщиков. Королев настоял на необходимости переизбрания фабкома, в новый состав которого уже не попали хозяйские прихвостни.

К осени 1917 года по всему Иваново—Кинешемскому району насчитывалось около 150 тысяч членов союза, что составляло более 95 процентов от общего числа работающих на текстильных предприятиях.

Попытки достичь соглашения с предпринимателями по экономическим вопросам постоянно встречали противодей-

ствии со стороны капиталистов. Вопрос о дальнейших переговорах с фабрикантами подвергся новому подробному обсуждению на делегатском собрании профсоюза, происшедшем в середине августа. Было решено еще раз попробовать добиться мирного соглашения с владельцами предприятий о новом тарифе оплаты труда, разработанном союзом, а в случае неуспеха прибегнуть к испытанному в долголетней классовой борьбе средству — всеобщей стачке.

Проект нового тарифа заработной платы, основанного на признании прожиточного минимума, был поставлен на обсуждение рабочих собраний. С этой целью все члены профсоюза текстильщиков снова разъехались по фабрикам. Григорию Кузьмичу поручили побывать на фабриках Родников, Вичуги и Кинешмы.

В Родниках на митинг, созванный в связи с приездом Королева, собралось несколько тысяч рабочих фабрики А. Красильщиковой. Григорий Кузьмич обстоятельно рассказал о тех мерах, какие союз намерен предпринять в защиту интересов текстильщиков. Председательствовавший на митинге М. Е. Волков спросил присутствовавших:

— Кто за то, чтобы одобрить действия правления Союза?

В ответ на это взметнулись вверх тысячи рабочих рук. Родниковцы безоговорочно высказались за поддержку стачки. Подобные же результаты были получены на рабочих собраниях в Вичуге и Кинешме.

Для окончания просмотра и утверждения требований, выдвинутых рабочими, правление профсоюза текстильщиков снова созвало 11 октября делегатское собрание.

Собрание утвердило разработанный союзом тариф заработной платы. Минимум дневного заработка определялся в размере 7 рублей 35 копеек. Прожиточный минимум включал оплату стоимости 2 фунтов черного хлеба и четверти фунта белого хлеба, трех четвертей фунта мяса, 2 штук яиц, 15 золотников сахара, небольшого количества круп, овощей, масла, а также расходы на обувь, одежду, табак, бумагу и на различные культурные нужды.

Было решено предъявить новый тариф заработной платы Всероссийскому обществу промышленников и потребовать принятия его в ультимативной форме, дав на размышление пятидневный срок.

Требования к промышленникам, сформулированные в

специальном письме, направили с нарочным в Москву с предупреждением, что если 18 октября не последует ответа, то будет объявлена всеобщая стачка рабочих.

Не надеясь на мирное разрешение назревшего конфликта, делегатское собрание избрало центральный стачечный комитет и согласительную комиссию для переговоров с фабрикантами. Возглавлять последнюю поручили Г. К. Королеву.

— Ты, Григорий Кузьмич, будешь у нас вроде красного дипломата! — шутили делегаты. — Обращение с господами-фабрикантами знаешь, поэтому тебе, как говорится, и карты в руки.

Наступили дни напряженного ожидания. Несмотря на острый недостаток продовольствия, рабочие были настроены по-боевому. Партия большевиков подготовила все к тому, чтобы взять фабрики в руки народа. Ответственная задача подготовки и организации всеобщей стачки легла на плечи руководителей профсоюза текстильщиков. Поэтому почти все члены правления профсоюза, ряд членов центрального стачечного комитета и согласительной комиссии разъехались по рабочим районам. На фабриках спешно создавались местные стачечные комитеты. Рабочие готовились к классовым боям.

Наступил день 18 октября, но он не принес ожидаемого ответа от промышленников. Спешно созвали разъехавшихся товарищей, и поздно вечером состоялось совместное заседание правления профсоюза и центрального стачечного комитета. Было решено начать всеобщую стачку текстильщиков 21 октября, воспретив во время стачки вывоз готового товара с фабрик. Устанавливался контроль над отправкой тканей по железной дороге.

Ровно в 10 часов утра 21 октября, как предусматривалось в приказе центрального стачечного комитета, замерла жизнь на всех текстильных фабриках Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Наволок, Вичуги, Родников, Середы, Писцова, Тейкова, Лежнева, Новых Горок, Савина, Кохмы, Коврова и других фабричных мест.

Под руководством большевиков рабочие организованно покинули фабрики, обеспечив их надежную охрану. На многочисленных алых плакатах, колыхавшихся над рядами участников стачки, виднелись большевистские лозунги: «Вся власть Советам», «Долой Временное правительство», «Смерть врагам революции».

Начав всеобщую стачку, рабочие фактически взяли всю текстильную промышленность в свои руки. Фабричные здания на крупных предприятиях заняли вооруженные рабочие пикеты. Без ведома стачечных комитетов никто не мог проникнуть во двор и корпуса фабрики, а владельцев предприятий лишили права распоряжаться выработанными товарами. Натолкнувшись на дружные действия стачечников, фабриканты поспешили покинуть насиженные места и выехали в Москву.

Союз промышленников, игнорируя требования рабочих, предьявленные профсоюзом текстильщиков, попытался обратиться к трудящимся, призывая их прекратить стачку, обещая повысить заработную плату. Но никто из текстильщиков не принял всерьез обещаний капиталистов. Стачка между тем разрасталась. К ней присоединились трудящиеся ряда новых предприятий, расположенных в Ковровском и Юрьев-Польском уездах Владимирской губернии.

Стачка текстильщиков серьезно встревожила правящие круги. Временное правительство стремилось принять меры к ее ликвидации. В Москву для совета с предпринимателями спешно выехал товарищ министра торговли и промышленности Кафенгауз. В Иваново-Вознесенске появился товарищ министра труда меньшевик Колодезников.

В эти октябрьские суровые дни, руководимая Лениным, партия большевиков организовала историческое вооруженное восстание пролетариата в Петрограде. Власть помещиков и капиталистов оказалась свергнутой и перешла в руки рабочих и крестьян. Началась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Весть о победе социальной революции и о переходе власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов восторженно встретили участники стачки и весь рабочий класс. Советы быстро стали подлинными органами власти во всем текстильном крае.

Но несмотря на победу трудящихся, стачка текстильщиков продолжалась. Капиталисты, враждебно встретившие победу социалистической революции, теперь были мало заинтересованы в скорейшем прекращении стачки. Они старались выиграть время и всячески оттянуть начало работ на предприятиях, питая тайную надежду на недолговечность советского строя. Под разными предложениями они старались уклониться от переговоров с рабочими. В тече-

ние ряда дней встречи членов согласительной комиссии с представителями фабрикантов оказались невозможными из-за вооруженной борьбы защитников советской власти с белоюнкерами в Москве.

Членам согласительной комиссии профсоюза текстильщиков удалось организовать встречу с представителями общества промышленников лишь 11 (24) ноября. На этот раз помещение общества промышленников на Ильинке уже не казалось Королеву таким внушительным и нарядным, как в майские дни.

Рабочие учли указания руководителей советского государства, полученные от представителей Народного Комиссариата Труда о необходимости скорейшего окончания стачки и при переговорах с предпринимателями пошли на существенные уступки.

Благодаря уступкам, на которые пошли члены согласительной комиссии, им удалось через два дня подписать с промышленниками предварительное условие о прекращении стачки. В нем устанавливалось, что предъявленные рабочими размеры минимального дневного заработка уменьшаются, а новый тариф вводится не с 1 сентября, а лишь с 15. Представители капиталистов обязались подписать коллективный договор с профсоюзом текстильщиков.

Но рабочим не удалось договориться с фабрикантами по ряду вопросов, впредь до подробного рассмотрения их в согласительной комиссии. Промышленники не дали согласия на увольнение ни одного из фабричных служащих, на чем настаивали рабочие.

По приказу центрального стачечного комитета рабочие возобновили работу на предприятиях 17 (30) ноября так же организованно, как и начинали стачку. На большинстве предприятий перед началом работ состоялись митинги, на которых рабочим разъясняли создавшееся положение.

Работа согласительной комиссии в Москве возобновилась, но не дала результатов.

Потеряв надежду на достижение договоренности, Королев приехал из Москвы в Иваново. По его настоянию союз текстильщиков созвал расширенное заседание правления, на котором присутствовали представители Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов Ф. Н. Самойлов и Д. А. Фурманов.

— Понимаете, — говорил Королев, обрисовывая создающуюся обстановку, — господа уполномоченные сидят как

истуканы и твердят все одно и то же — «не можем», «несогласны».

— А не попробовать ли действовать более решительно — революционными методами, — предложил кто-то из присутствовавших. — Мы установили диктатуру пролетариата и необходимо в данном случае показать серьезно ее силу.

Предложение приняли. В Москву же в качестве нового представителя в согласительной комиссии направили специально вызванного из Тейкова Константина Ивановича Фролова, известного своей революционной решимостью и настойчивостью. В помощь ему придали небольшой отряд красногвардейцев. Иваново-Вознесенский Совет рабочих и солдатских депутатов выдал Фролову мандат на право ареста представителей буржуазии, если это потребуется.

Выполняя принятое решение, К. И. Фролов категорически поставил перед промышленниками, явившимися на заседание согласительной комиссии, вопрос о необходимости положить конец безрезультатным и бесплодным разговорам, и когда те снова попытались продолжить свою обычную политику отговорок и увиливаний, он встал и сказал:

— Вот что, господа хорошие, давайте говорить начистоту! Нам надоели все ваши маневры! Нас больше не проведете! Если вы согласны — подписывайте условия, а если нет — пеняйте на себя! Я объявляю вас арестованными.

— Позвольте, кто вам дал право так разговаривать с нами! — возразил один из представителей буржуазии.

— Революционный народ! — ответил Фролов и предъявил мандат на право ареста, санкционированный Московским Советом.

В этот же день арестованных отвезли в Иваново-Вознесенск и заключили в тюрьму. Среди них находились: директор Тейковской мануфактуры Каретниковых, крупный акционер предприятия Невядомский, впоследствии бывший министром промышленности в белогвардейском правительстве Врангеля, фабрикант из Шуйского уезда Лазарев и двое других. Все они просидели в ивановской тюрьме около трех недель и были освобождены лишь по указанию народного комиссара труда В. П. Ногина.

Кое-где владельцы сочли уместным сразу бросить предприятия на произвол судьбы. Так сделали хозяева fabri-

ки т-ва Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры и Коваловы в Вичуге. Эти предприятия сразу же пришлось брать в руки государства. По представлению местных организаций Совет Народных Комиссаров специальными декретами, подписанными В. И. Лениным, национализировал эти фабрики. Постепенно стала осуществляться национализация и ряда других предприятий. В этой большой работе приняла активное участие рабочая общественность, от руководителей правления профсоюза текстильщиков до рядовых работников на местах.

Григорий Кузьмич Королев вскоре возглавил правление профсоюза текстильщиков, деятельность которого становилась все шире и многообразнее.

Вскоре губисполком назначил Королева губернским комиссаром труда, обязанности которого ему приходилось выполнять наряду с работой в профсоюзе.

В условиях гражданской войны комиссариаты труда имели немаловажное значение как органы, регулировавшие распределение квалифицированных рабочих и специалистов. На них же ложилось руководство биржами труда и многочисленными мобилизациями на трудовые работы.

Как руководителю крупнейшего в губернии профсоюза, Королеву приходилось также немало заниматься привлечением добровольцев в продовольственные отряды и в ряды Красной Армии. Он не раз просил направить его на фронт в ряды защитников Советской страны, но ему постоянно отказывали в этих просьбах, ссылаясь на необходимость и пользу его работы в тылу.

Отдавая всего себя работе на пользу народа, Григорий Кузьмич вскоре завоевал большой авторитет среди трудящихся, и его, начиная с середины 1918 года, стали избирать в состав губернского комитета партии и губисполкома. В феврале 1919 года Королева выбрали товарищем председателя губернского исполнительного комитета, но он ни на один момент не оставлял работы в профсоюзе текстильщиков.

* * *

В сентябре 1919 года при губернском отделе труда и профсоюзе текстильщиков организовали техническую комиссию, в задачи которой поставили систематическое наблюдение за состоянием остановленных текстильных предприятий. Руководил работой комиссии Г. К. Королев.

В газете «Рабочий край» появилась статья Королева о положении на замороженных предприятиях.

«Больно писать эти строки,—говорилось в ней,—лицу... не могущему из-за бюрократизма и часто сверхмерного централизма сделать что-либо. Но смотреть на указанные явления и проходить мимо еще больней... Губсовнархоз, не дожидаясь центра, — заключал автор, — должен сделать все от него зависящее к спасению предприятий».

Все помыслы партийного и советского руководства губернии направлялись к тому, чтобы добиться скорейшего оживления заглохших фабричных корпусов и возвращения к жизни лучших из остановленных предприятий.

Особенно ратовал за восстановление промышленности Григорий Кузьмич.

Победы Красной Армии, отвоевавшей у белогвардейцев и интервентов советские земли — источники добычи нефти и выращивания хлеба и хлопка, — давали возможность оживить промышленность.

На очередном губернском съезде Советов, проходившем в мае 1920 года, Королев решительно поставил вопрос о необходимости и возможности пуска в действие лучших текстильных фабрик. Съезд одобрил внесенное им предложение, и вскоре под руководством Григория Кузьмича, избранного к этому времени председателем губисполкома, была образована специальная комиссия, которая внимательно изучила состояние большого числа замороженных фабрик.

Работники центрального аппарата, однако, недоверчиво отнеслись к проекту ивановцев о создании ударной группы текстильных предприятий.

— Вы, товарищ Королев, — говорил один из руководящих работников главтекстиля, обращаясь к собеседнику, приехавшему в Москву для выяснения судьбы проекта организации группы ударных фабрик, — несомненно пылаете благородной жаждой возродить бездействующие фабрики, и вы со своей точки зрения правы. Но вы, дорогой товарищ Королев, просто утопист! Вы не подумали, как же будут работать все эти фабрики, если у вас еще нет ни хлопка, ни топлива, ни даже квалифицированных рабочих?

— Вы должны помочь нам хлопком и нефтью, а все остальное мы берем на себя, — ответил Королев.

— Пусть мы даже поможем, но ведь хлопок и топливо

нужно еще привезти в Иваново. Война еще не закончилась и транспорта у нас безнадежно не хватает. Нет, решительно нужно повременить с пуском фабрик.

Через несколько дней ивановцы располагали заключением главтекстиля, в котором, с одной стороны, признавалось, что они выдвинули смелую идею о создании группы ударных фабрик, а затем по пунктам доказывалась невозможность обеспечить их в существовавших условиях необходимыми материальными ресурсами. В заключение предлагалось проект временно отклонить и дожидаться более благоприятных условий.

Как ни удручен был результатом хлопот Григорий Кузьмич, он решил не сдавать позиций. Ему вспомнились чудесные ленинские слова, услышанные им еще в 1917 году о том, что коммунисты никогда не должны теряться, как бы ни сложна казалась обстановка, а твердо добиваться намеченной цели. Посоветовавшись с друзьями, Королев решил добиться приема у Ленина и просить у него помощи в пуске фабрик.

Владимир Ильич, несмотря на свою загруженность делами государства, сразу согласился принять представителя иваново-вознесенских текстильщиков.

И вот Королев уже находится в Кремле, ожидая приема в простой приемной председателя Совнаркома. Он робеет. В уме у него складываются различные фразы, с которыми он предполагает обратиться к безгранично дорогому человеку — вождю революции. Порой у него мелькают мысли: «А не лучше ли уйти?» «Стоит ли докучать Владимиру Ильичу?», но он тут же подавляет их как недостойные большевика.

Из раздумья вывел его негромкий голос секретаря:

— Товарищ Королев, можете пройти к Владимиру Ильичу.

Григорий Кузьмич встал и почувствовал, что ноги у него будто свинцовые. Он с трудом сделал те несколько шагов, которые оставались до двери кабинета, и, превозмогая себя, открыл ее, остановившись на пороге в нерешительности.

— Товарищ Королев? — вдруг спросил его Ленин и сам пошел к нему навстречу. — Я рад, Григорий Кузьмич, приветствовать в вашем лице славных иваново-вознесенских текстильщиков, так активно участвующих в революционной борьбе. Садитесь и рассказывайте!

— Владимир Ильич, позвольте и мне передать вам горячий привет от всех трудящихся Иваново-Вознесенской губернии, — проговорил Королев, ощутив, что все чувства, тяготившие его, бесследно исчезают. — Меня все просили передать вам, что ивановцы грудью встанут в борьбе за советскую власть.

— Ивановцы прекрасно зарекомендовали себя на красных фронтах, — признал Ленин, и его лучистые глаза живо блеснули, а затем он, засмеявшись, добавил: — Посмотрим, как они будут работать на трудовом фронте! Сейчас ведь к этому дело идет!

— Владимир Ильич, вот за этим-то я и пришел к вам, — обрадовался Королев. — Разрешите нам пустить несколько фабрик и начать снабжать страну тканями.

— Это чудесно! — отозвался Ленин и спросил: — А что говорит главтекстиль? Я слышал, что с его стороны имеются серьезные возражения.

— Вы не ошиблись, — подтвердил Королев, — главтекстиль считает несвоевременным пуск фабрик. Нужно только удивляться тому бюрократизму, который царит в этом учреждении.

— Да, бюрократизма в главтекстиле не меньше, а, пожалуй, побольше, чем в других наших советских учреждениях, — скорбно признал Ленин. — Бюрократизм, к сожалению, болезнь весьма заразительная. Многие из наших вполне сознательных пролетариев подвержены этой язве. Смотрите и вы, Григорий Кузьмич, — шутил Ленин, — не заразитесь этим поветрием!

Затем, сразу став серьезным, Ленин спросил:

— А это действительно так, что в течение полугода ивановские фабрики могут выработать более 100 миллионов аршин мануфактуры?

— Да, это так. Мы подсчитали, что 100 миллионов аршин за зиму — это самая минимальная цифра. Вот посмотрите, Владимир Ильич, нашу докладную записку.

Ленин взял папку, полистал страницы и потом, опустившись в кресло, мечтательно спросил собеседника:

— А ведь, батенька мой, это очень замечательно, если вы обещаете выработать дополнительно 100 миллионов аршин. До сих пор Наркомпрод считал, что населению можно будет дать только 80 миллионов!

Затем, возвращая папку Королеву, Ленин проговорил:

— Знаете что, товарищ Королев, немедленно идите в

канцелярию и сейчас же изложите на двух-трех страницах самую суть из того, что у вас написано в докладной записке, и передайте их в секретариат. Вопрос о пуске ивановских фабрик завтра будет рассмотрен на заседании Совнаркома и думаю, что мы решим его положительно! Завтра ровно в семь часов вечера будьте на заседании.

На следующий день, ровно в назначенное время, Королева пригласили на заседание Совета Народных Комиссаров. Его поразила та четкость и организованность, с которыми Ленин уверенно вел заседание.

Правительство одобрило начинание ивановцев, утвердило задание ударным фабрикам и решило удовлетворить нужды текстильщиков.

Прощаясь с Королевым, Ленин предложил при всех серьезных затруднениях в работе ударных фабрик немедленно обращаться лично к нему. Затем он поручил секретарю вызвать машину и доставить на ней Королеву на вокзал.

По возвращении Григория Кузьмича в Иваново-Вознесенск, в обширном зале бывшей гарелинской столовой состоялся митинг, на котором он доложил собравшимся о решении правительства утвердить организацию группы ударных фабрик.

Рабочие с благодарностью говорили о Ленине и обещали на деле оправдать оказанное им доверие.

В июле 1920 года начал свое существование Иваново-Вознесенский ударный комитет текстильной промышленности, председателем которого назначили Григория Кузьмича. Этот комитет сосредоточил централизованное управление работой по подготовке к пуску фабрик. К пуску намечено было 22 предприятия, раскиданных по всей губернии. На всех фабриках предполагалось занять около 35 000 рабочих и в течение шести месяцев выработать 150 миллионов аршин готовой ткани.

В течение всего подготовительного периода, занявшего около трех месяцев, Григорий Кузьмич часто выезжал то на одно, то на другое предприятие. Не раз ему случалось и самому трудиться на воскресниках. Физическая работа представляла для него удовольствие, так как он стремился внести хотя бы частицу своего личного труда в общее дело.

— Стосковались наши руки по работе,— говорили

ткачихи, трудившиеся вместе с другими.— Словно уж и не верится, что скоро снова за станок встанем!

Большинство ударных фабрик, подготовленных к пуску, начало работу в назначенный срок — 27 сентября. Пуск фабрик вылился в подлинный рабочий праздник. На всех предприятиях, приступивших к работе, были проведены многолюдные митинги. Фабричные ворота украшались красными флагами и гирляндами зелени...

За трудом иваново-вознесенских текстильщиков внимательно следил В. И. Ленин, к помощи которого приходилось обращаться неоднократно для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу.

По представлению местных организаций Совет Труда и Оборона 5 октября принял специальное постановление, подписанное Владимиром Ильичем и направленное к нормализации работы ударных фабрик. В губернии отменялась дополнительная профсоюзная мобилизация в продовольственные отряды. Для ударных фабрик выделялось 25 процентов текстильщиков, занятых в советских учреждениях губернии. Главтоп обязывался выполнить в определенные сроки наряды на поставку миллиона пудов нефтепродукта, а на транспорт возлагались обязанности по его перевозке.

Однако, несмотря на меры помощи со стороны правительства, фабрики не получали необходимого количества топлива и работали с перебойми, часто имея вынужденные простои.

К третьей годовщине Октябрьской социалистической революции положение на ударных фабриках стало нетерпимым, и Г. К. Королеву, а также члену президиума губисполкома Н. А. Жиделеву губком партии поручил немедленно выехать в Москву, добиться улучшения поставки топлива и решить ряд других вопросов, связанных с работой промышленности.

Начались многодневные хождения по приемным главтопа и главтекстиля, много часов было потеряно на ожидание нужных работников, но все эти хлопоты не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. Поэтому представители текстильщиков решились снова обратиться к руководителю советского государства.

Составив небольшую докладную записку и отразив в ней неотложные нужды ударных фабрик, Королев и Жиделев передали ее в секретариат Совнаркома с просьбой

доложить о ней Ленину. Неожиданно для самих себя они в тот же день вечером были вызваны в Кремль.

Владимир Ильич приветливо встретил вошедших в его кабинет ивановцев. В руках он держал телеграфный бланк, а его лицо сияло от удовольствия.

— Товарищи! — заговорил Ильич, — разрешите сначала поделиться с вами большой радостью и поздравить с крупной победой над Врангелем! Только что получено сообщение от Фрунзе. Он извещает, что Красная Армия заняла Симферополь и Феодосию и готова нанести последний, сокрушительный удар по белогвардейцам. Все это означает близкий конец авантюры Врангеля!

Говоря это, Ленин прохаживался крупными шагами по кабинету. Затем, заботливо усадив посетителей в кресла, Ильич попросил их поподробнее рассказать о работе и жизни ивановских текстильщиков.

— Я прочитал вашу докладную записку, — сказал Ленин, — и уже распорядился созвать завтра совещание для обсуждения всех выдвинутых вами вопросов. Обещаю вам оказать всяческую помощь, которая в наших силах. Теперь же попрошу вас обрисовать мне обстановку жизни текстильщиков.

— Если говорить правду, Владимир Ильич, — ответил Королев, — живем трудно и невесело.

— Только правду говорите. Нам важно знать неприкрашенную истину.

Королев подробно остановился на тяжелом продовольственном положении, в котором находилась в то время Иваново-Вознесенская губерния, и начал рассказывать о том, как ивановцы организуют борьбу с продовольственными затруднениями, используя под посадки картофеля и овощей каждый пригодный для обработки клочок земли.

— Ну, а как рабочие справляются с обработкой земли? — задал вопрос Ленин.

— Чаще копаем землю лопатами, но многие обрабатывают ее и плугами.

— Но ведь для плугов нужны лошади, а у вас их по моему нет, — заметил Ильич.

— Рабочие научились обходиться без лошадей, — сказал Жиделев, — они сами, по 10—15 человек, впрягаются в плуг и так обрабатывают большие земельные участки.

— Но ведь это же тяжелый и малопродуктивный

труд,— отозвался Владимир Ильич и тут же соединился по телефону с народным комиссаром земледелия.

— Товарищ Середа? Говорит Ленин. У меня находятся представители ивановских текстильщиков. У них совсем нет средств для обработки земли. Я предлагаю вам выделить для них не менее трех электроплугов из числа полученных из заграницы.

— Ну, а какой урожай снимают рабочие с огородов?— снова обратился к своим собеседникам Ленин.

— Урожай чаще всего получается неплохой — пудов шестьсот с десятины, — сообщил Королев. — Большая часть рабочих обеспечивает себя картофелем на всю зиму, и если хлеба не хватает, то картошка успешно помогает заменять его. Недаром в народе широко распространилась поговорка: «Картошка — хлебу присошка».

— Это хорошо! — улыбнулся Ильич. — Главное, не унывать и не сидеть сложа руки. Ну, а ребятишки? Картофелем питаются?

— Преимущественно им! — последовал ответ. — Правда, дети любят картофель, но плохо то, что кушать его приходится чаще всего без масла.

— Да, это наша большая беда! — посочувствовал Ленин. — Ну, а как вы снабжаете детей из тех фондов, которые выделяются для губернии.

— Всё лучше, — отозвался Жиделев, — мы всегда отдаем для детей, но беда в том, что наши возможности крайне ничтожны.

— На праздник, к третьей годовщине Октября, — уточнил Королев, — мы сумели выдать по детским карточкам всего по полфунту сливочного масла и по четверти фунта икры.

— Мало! — воскликнул Ильич. — До обиды мало! Но надо хоть в лепешку расшибиться, а детям дать! — И тут же, сделав пометку в настольном блокноте, продолжал: — Я постараюсь помочь детям текстильщиков. Их нужно поддержать!

Постепенно Ленин перешел к разговору на темы культуры.

— А каков тираж вашей губернской газеты? — спросил он.

— Около восьми тысяч экземпляров, — ответил Королев.

— А населения, если не ошибаюсь, — быстро прикинул

Ленин,— по губернии насчитывается больше миллиона?

— Да, примерно так.

— Но тогда этого ничтожно мало! Наверняка многие из деревень не видывали своей губернской газеты. Я иногда просматриваю «Рабочий край». Алексей Максимович Горький горячо рекомендовал мне обратить внимание на группу молодых писателей и поэтов.

— Печатаем почти в каждом номере газеты стихи, рассказы и очерки,— признался Королев,— правда, не всегда хорошо получается.

— Ошибки неизбежны,— вставил Ленин,— наверное, многие из ваших авторов начали писать только после революции. Важно одно, печатая литературные произведения в газете, вы делаете большое дело, приучая массы трудящихся к художественному слову. Сейчас, при нашей бедности с изданием литературы, очень важно использовать газетные страницы. Кстати,— заметил Ленин,— вряд ли уместно при недостатке бумаги расходовать такое большое количество ее на издание таких объемистых книжек вроде вашего календаря-ежегодника.— Подойдя к этажерке и, покопавшись в книгах, Ленин нашел ту книгу, о которой шла речь, и, полистав ее, спросил:

— А каков тираж ежегодника?

— Кажется, тысячи три экземпляров,— ответил Королев.

— Немного ошиблись,— лукаво улыбнулся Ильич.— Вами выпущено пять тысяч этого труда. А ведь здесь, Григорий Кузьмич, очень много сырого, ведомственного материала, который даже не обязательно нужно обнародовать.

В беседе Ленина с ивановцами были затронуты и другие темы. Она продолжалась около полутора часов.

Результатом поездки в Москву ивановской делегации явилось новое постановление Совета Труда и Оборона, принятое 17 ноября, которым устанавливалось для главного календарное задание по поставке нефти для ударных фабрик. Предусматривались меры по улучшению снабжения текстильщиков продовольствием. Для детей выделялись дополнительные фонды на жиры. Запрещалась мобилизация рабочих ударных предприятий.

Григорий Кузьмич на всю жизнь запомнил чуткое и доброжелательное отношение Владимира Ильича к текстильщикам. Когда ивановцы уже собирались покинуть

кремлевский кабинет, Ленин остановил Королева и, мягко улыбаясь, произнес:

— Бейтесь упорно за подъем промышленности. А если на вас будут наседать наши бюрократы, не стесняйтесь обращаться ко мне — письменно, телеграфно, а если понадобится, и лично. Передайте мой большой привет ивановским текстильщикам. Скажу вам, у меня давняя мечта побывать в вашем городе.

О своей встрече с Лениным члены делегации широко информировали текстильщиков на рабочих собраниях. Под свежим впечатлением беседы с гением революции Королев написал большую статью, которая появилась на страницах «Рабочего края» под заголовком «По делам губернии».

Статьи и материалы, написанные Королевым, стали часто появляться в губернской печати. В конце января 1921 года «Рабочий край» поместил его статью «Давно пережеванное», посвященную дискуссии о профсоюзах, названной партии Троцким и Шляпниковым. В ней Королев с ленинских позиций критиковал инициаторов дискуссии, доказывая беспочвенность их утверждений.

В это же время Григорий Кузьмич председательствовал на общем собрании иваново-вознесенской городской партийной организации, посвященном дискуссии о профсоюзах. Для защиты антиленинских позиций выступили сторонники Троцкого, выбиваясь из сил, стараясь сбить с правильного пути партийную организацию, но потерпели полное поражение.

В начале февраля Королев сделал большой и обстоятельный доклад о работе ударных фабрик на очередном губернном съезде профсоюза текстильщиков.

После окончания профсоюзного съезда Григорий Кузьмич вместе с членом президиума ВСНХ В. П. Ногиным совершили поездку по ударным фабрикам, расположенным в районе Кинешмы и Вичуги. На каждой из фабрик они оба выступали на собраниях с докладами о текущем моменте и о дальнейших перспективах работы текстильной промышленности.

Вскоре в Иваново-Вознесенске собралась губернская партийная конференция, на которой Королева в числе других избрали делегатом на X съезд партии.

Во время партийного съезда вспыхнуло кронштадтское восстание, спровоцированное белогвардейцами. Большинство участников съезда выразило желание добровольно

участвовать в подавлении мятежа. В числе этих добровольцев оказался и Г. К. Королев. Несмотря на возражения друзей, уговаривавших его пощадить свое здоровье, он проявил настойчивость и поехал в Петроград.

В поезде товарища Ворошилова, возглавившего группу делегатов партийного съезда, отправившихся для борьбы с мятежниками, Королев старался получить необходимые навыки в обращении с оружием. По приезде в Петроград делегатов съезда разбили на три группы. Две из них включили в состав боевых частей, действовавших против контрреволюционеров, а третью, в которую попал Григорий Кузьмич, оставили в городе для работы среди частей петроградского гарнизона и для усиления актива партийной организации. Он сердился, пытался протестовать, но в конце концов был вынужден подчиниться партийной дисциплине.

Между тем ударные фабрики снова очутились под угрозой останова из-за недостатка топлива.

Находившийся в Москве член президиума губсовнархоза И. И. Коротков 5 апреля известил по телефону в Иваново о сложившихся трудностях. Губком партии и губисполком, обсудив положение, предложили срочно выехать в Москву делегации в составе Г. К. Королева, губпродкомиссара М. Э. Мануильского и И. И. Короткова, обязав их добиться устранения препятствий в работе ударных фабрик.

7 апреля ивановцы уже находились в Москве. Выяснилось, что главтекстиль намеревается оставить в числе действующих предприятий только четыре фабрики, где наличие топлива превышало четырехмесячный запас. Обнаружилось, что и Высший Совет Народного Хозяйства поддерживает позицию главтекстиля.

— Я чувствую, что, кроме Владимира Ильича, опять никто не распутает этого клубка затруднений. Придется снова обращаться к нему за помощью,— сказал Королев.

И вот 9 апреля, утром, представители ивановских текстильщиков в третий раз в течение года были приняты в Кремле Лениным, который сразу дал согласие встретиться с ивановцами.

Григорию Кузьмичу казалось, что он попал к родному отцу, когда вместе со своими товарищами снова пришел к Ленину. До глубины сердца ему стала дорога та своеобразная улыбка, которой Ильич встретил вошедших.

— Очевидно, у ивановцев опять что-то неладится, раз вижу снова их у себя,— усмехаясь, спросил Ленин.

— Владимир Ильич, только и надежда на вас. Наши фабрики опять очутились под угрозой останова,— проговорил Королев.

— Наверное, бюрократы из главтекстиля и главтопа палки в колеса ставят?

— Вы не ошиблись. Из-за недостатка топлива они теперь просто предлагают остановить предприятия до осени.

— Ну те-ка, батенька, расскажите поподробней об этом,— предложил Ленин, приглашая собеседников сесть поближе к себе.

Королев доложил о работе, проделанной текстильщиками, и на конкретных примерах показал итоги деятельности ударных фабрик.

— За шесть месяцев,— говорил он,— ударные фабрики выработали 118 миллионов аршин из 150 миллионов, которые мы обязаны дать. Это составляет 78 процентов ко всему заданию.

— А топлива, вы говорите, получили только половину обусловленного количества?

— Да, это так.

— Но тогда объясните разницу между этими цифрами.

— Владимир Ильич, наши ткачи и прядильщики горят на работе и на большинстве фабрик с излишком перевыполняют дореволюционные нормы, на основе которых была рассчитана программа производства.

— Значит,— уточнил Ленин,— иваново-вознесенские текстильщики понимают, как нужно бороться с голодом, нищетой и разрухой, которые принесли нам годы войны. Следовательно, они повышают производительность труда, а это самое главное в организации промышленности!

— Не забудьте, Владимир Ильич, про постоянные простои из-за перебоев с доставкой нефти и мазута. Не будь этого, мы сумели бы выработать значительно больше ткани, чем это сделали теперь, а ткань нужна для народа, пожалуй, не меньше хлеба.

— Это справедливо! Что же, придется снова помогать вам! — сказал Ленин и спросил: — Ну, а как живут текстильщики? Мы ведь, помнится мне, прибавили вам довольствия?

— Да, мы стали выдавать по карточкам немного больше продуктов для рабочих. Но положение остается тяже-

лым, так как пайка не хватает, особенно для семейных. Без поездок в деревню за продовольствием рабочим жить невозможно, а железнодорожники нерегулярно выделяют составы для добавочных поездов.

— А как часто требуются эти поезда?

— Раз в неделю — на субботу и воскресенье.

— Это дело поправимое. Поможем вам и с поездами. Ну, а рабочие сами собираются снова заниматься огородничеством?

— Обязательно, Владимир Ильич. Мы уже наметили новые земли под распахку и собираемся увеличить посадки картофеля.

— Обязательно обратите на этот участок побольше внимания, — посоветовал Ленин. — Помогите рабочим в обработке земли. Год, как говорят, обещает быть неблагоприятным для земледелия. Посмотрите, что делается на улице — апрель еще только начинается, а погода стоит почти летняя!

Соединившись с председателем Всероссийского комитета профсоюза текстильщиков Кузузовым, являвшимся одновременно членом президиума ВЦИК, Ленин поручил ему детально разобраться с вопросом снабжения ударных фабрик топливом.

— Ивановцам нужно обязательно помочь! — говорил он. — Внимательно ознакомьтесь с их нуждами. Соберите совещание представителей всех заинтересованных организаций, обсудите с ними меры помощи и подготовьте ваши предложения к очередному заседанию Совнаркома.

В тот же день, выступая с докладом о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей партийных ячеек Москвы и Московской губернии, Ленин рассказал о встрече с представителями текстильщиков и с большой похвалой отозвался о трудовом героизме ивановских ткачей и прядильщиков.

Из поездки в Москву Королев привез новое постановление Совета Народных Комиссаров. Оно определяло конкретные меры помощи текстильщикам топливом, транспортом и продовольствием. Особое значение в этом постановлении имели первый и восьмой пункты.

«Признать по-прежнему, — говорилось в первом, — работу иваново-вознесенских текстильных фабрик ударной со всеми вытекающими из этого последствиями».

Восьмой пункт гласил: «Подтвердить к неуклонному

исполнению всех хозяйственных органов, главков и наркоматов о приравнивании Иваново-Вознесенской губернии к Москве и Петрограду во всех отношениях».

Особенно мог быть доволен результатом последней поездки в Москву Григорий Кузьмич. Ударные фабрики получили новые возможности для продолжения работы.

Но организатору ударного комитета вскоре пришлось расстаться с родным краем. Ленин рекомендовал Королеву для работы в Центральном Комитете партии разъездным инструктором, как опытного и настойчивого коммуниста. Королеву трудно и жалко было покидать плоды своего труда и он, ссылаясь на отсутствие достаточной теоретической подготовки, просил Владимира Ильича дать ему возможность остаться в Иванове. В ответ последовало письмо, написанное лично Лениным:

«Решение об ответственных разъездных работниках,— говорилось в нем,— есть решение Пленума ЦК, значит бесспорное (я лично с вами вполне согласен). Вам лично, мне кажется, непременно надо поездить!

1. Аппарат ЦК надо усилить и сблизить с местами.
2. Заменить вас в губернии должны ваши помощники и должны будете лично заезжать почаще в Иваново-Вознесенскую губернию.
3. Теоретиком не надо быть, достаточно быть партийцем. Вы хозяйственник, а нам именно нужно, чтобы хозяйственник (от ЦК) двигал места, проверял, инструктировал.

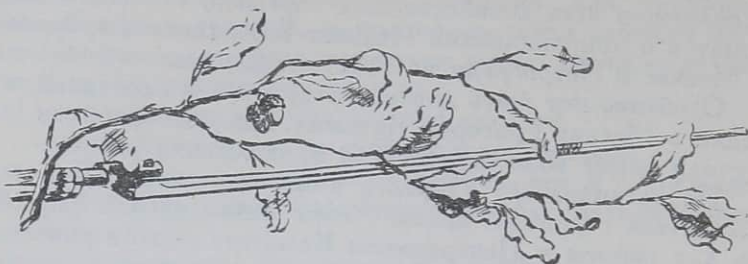
Ленин.»

31 мая 1921 г.

Из аппарата Центрального Комитета партии Королев вскоре возвратился на профсоюзную работу. Но подорванное напряженной работой здоровье быстро вывело из строя Григория Кузьмича, и он скончался в начале марта 1927 года.

Имя Г. К. Королева присвоено Ивановскому металлообрабатывающему заводу, обслуживающему нужды текстильной промышленности.

Григорий Кузьмич Королев принадлежал к числу тех замечательных людей, которые на заре Октября, не жалея сил, боролись за пуск предприятий социалистического типа.

В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ

В. ЧИЖОВ

На медной мемориальной доске возле принадлежавшего когда-то фабриканту Маракушеву роскошного особняка, где в 1918 году был губернский Совет народного хозяйства, а ныне работает исполком Ивановского областного Совета депутатов трудящихся, четко врезана краткая надпись:

«Павел Степанович Батулин. Председатель Иваново-Вознесенского Губсовнархоза.

Состоял с 1 января по 1 мая 1919 года.

Геройски погиб во время налета казачьих банд на город Лбищенск 5-го сентября 1919 года.»

Именем Батурина названы уличные магистрали в Иваново и Владимире. Это имя присвоено крупнейшему в области химическому заводу и одному из колхозов Ивановского сельского района.

Память о первом председателе губернского Совета народного хозяйства донесли до наших дней ветераны великого Октября, прошедшие с ним рука об руку сквозь огненные годы суровой революционной борьбы. В их воспоминаниях о совместной работе с Батуриным зримо встает обаятельно цельный, живой образ человека, для которого

беззаветное, самоотверженное служение народу и революции было делом всей его жизни.

Эта недолгая жизнь, трагически оборвавшаяся на тридцатом году, полна высокими примерами замечательной скромности, негибавшей принципиальности и пламенного героизма. Светлый облик Павла Степановича Батурина служит нам, современникам, вдохновляющим примером. С горячей любовью и уважением произносим мы его простое имя — имя мужественного солдата революции и одного из прекрасных организаторов хозяйственного строительства в первые, самые трудные годы советской власти.

...Каждый день вишневыми садами и тихими улицами Владимира неспешно плыл густой звон соборных колоколов. Толпы паломников стекались сюда со всей России к издревле почитаемым святыням христианского благочестия — Успенскому и Дмитриевскому соборам. Вечерами из окон Дворянского благородного собрания неслись ликующие звуки духового оркестра: губернская знать праздновала на балах благополучное избавление от революционной крамолы. Все было опять, как прежде, сытно и мирно. Дремотный город помещиков, купцов и мещан сонно раскинулся над ленивой Клязьмой.

Шел 1906 год.

Как всегда, залиристо звенел звонок в гулких коридорах Владимирской мужской гимназии, и звонкоголосый молодой поток шумно выливался на улицу. Лихачи в лакированных пролетках на дутых шинах уже поджидали у подъезда сыновей именитых чиновников. А Паша Батурин вместе с шумной гурьбой друзей бежал домой по Московской улице, поживаясь на холоду в подбитой ветром шинельке.

Коренастый, чернобровый и круглолицый, с пристальным спокойным взглядом больших карих глаз под выпуклым лбом, он был известен преподавателям, как отличный и прилежный ученик. Товарищи — из тех, кто победнее, — любили его за неизменную готовность делиться с ними всем, в чем бывала нужда, — и знаниями, и куском хлеба. В гимназии все уважали скромного, твердого на слово Павлушу, и только заносчивые сынки богатеев, хорошо знакомые с его резким, прямым языком и крепкими кула-

ками, втихомолку ехидствовали над нищетой Батурина: подумать только — он отговаривался «недостатком средств» даже от участия в вечеринках-складчинах с вином, «фантами» и «цветочным флиртом», которыми тешили себя великовозрастные старшекласники.

— На восемнадцатом году жизни Батурин стал монахом, — кокетливо хихикали ему вслед франтоватые дочери чиновных столпов Казенной палаты.

И никто, кроме двух-трех ближайших друзей, не знал о тех делах, которые каждодневно ожидали этого молчаливого юношу за стенами гимназии.

Вот уже шесть лет кряду он брал на себя репетиторство — нанимался в домашние учителя к неуспевающим недорослям именитых родителей и, терпеливо вбивая в их напомаженные головы естественные науки и русскую словесность, зарабатывал на пропитание себе и бабушке Александре Васильевне Белояровой. Жили с ней скудно и дружно.

И второй год кряду Павел всерьез занимался такими делами, за которые уже много лет шли по угрюмой Владимирке в ссылку и на каторгу лучшие люди русской земли.

Нет, не всё спокойно было той глухой порой в тихом городе Владимире.

На железнодорожном узле, на свечном заводе, в многочисленных мастерских и в типографиях, в гимназии и семинарии, в канцеляриях присутственных мест вели активную подпольную работу члены Владимирской окружной организации РСДРП. К лету 1906 года в нее уже входили группы — Владимирская, Гусевская, Суздальская, Судогодская, Ковровская, Муромская, Кулебакская, Выксунская и Меленковская. Около тысячи революционеров — социал-демократов, состоящих в этой организации, действуя нелегально, спланивали рабочий класс и все прогрессивные силы на отпор царской реакции, которая все пуще свирепствовала во Владимирской губернии, как и во всей России, после тяжкого поражения первой русской революции.

Дикими голосами ревели «Боже, царя храни» дюжие ломовики, краснорожие городовые и пьяные молодцы из мясных рядов. Шествия черносотенцев сопровождалось избиванием студентов и еврейскими погромами. Филеры и жандармы усердствовали в слежке, обысках и арестах.

Во Владимирском каторжном центре ввели в действие виселицу...

Но в нескольких шагах от губернского жандармского управления напряженно работала в Гончарах подпольная большевистская типография окружного комитета. И не раз, незаметно проскользнув среди ночи в свою комнатку, возбужденный Павел мыл покрытые клейстером руки и довольно улыбался, вспоминая опасную прогулку вдоль заборов, около которых завосятся под утро городские, сдирая плотно пристывшие к доскам листовки с огненными словами:

«Мы против всяких сделок с царским самодержавием, мы против дележа власти между народом и царем, мы за полное народовластие, мы за демократическую республику! Чем шире будет завоевана нами политическая свобода, тем решительнее мы покончим с монархией, тем легче будет пролетариату бороться за новый, счастливый порядок, за социализм!

Вот почему говорим мы, социал-демократы:

Долой монархию!

Да здравствует демократическая республика!

Владимирский окружной комитет РСДРП.

Декабрь 1906 г.»

Под видом невинных бесед на темы, предусмотренные гимназической программой, на одной из квартир по Стрелецкой улице систематически собирался социал-демократический кружок учащихся, взявший за основу «Программу РСДРП».

«Среди них выделялся Павел Батурин, как наиболее способный и быстро растущий работник», — вспоминал впоследствии руководитель этого кружка «Николай Николаевич» — присланный во Владимир из Москвы профессиональный революционер Н. П. Растопчин. Он отмечал в Батурине важное для революционера сочетание отличной теоретической подготовки с выдающимися способностями пропагандиста и агитатора-массовика. Обаятельно застенчивый, немногословный Павел, выступая на занятиях кружка, на тайных сходках и собраниях, преображался в прирожденного оратора, покоряющего слушателей простотой и яркой выразительностью своей вдумчивой речи.

...Весна. Осыпным вишневым цветом снежно белеют сады по крутым приклязьминским склонам. В воскресенье, с гармониками и балалайками, идет рабочий и ремеслен-

ный люд по обсохшим тропкам через зазеленевшие луга к роще за третьей будкой у «Манчжурки» (так называлась тогда узкоколейная ветка железной дороги от Владимира к Гусь-Хрустальному).

В роще иные из гуляющих незаметно сворачивают от дорожки в сторону, по направлению к вековой сосне, возле которой стоит с газетой в руке молодой человек — патрульный майской массовой Владимир Изволенский. Люди собираются на укромную поляну в чаще густого березняка.

Здесь, в кругу рабочих и мастеровых, беседует, как свой со своими, Паша Батурин. Его знают в рабочей среде. Запросто бывал он в их убогих квартирах и казармах, и его простая, волнующая неподдельной искренностью и убежденностью речь о том, как надо бороться за лучшую долю, вселяла в них уверенность в скорой гибели ненавистного царя и царизма, в близкой смерти паука — капитализма, которому пролетариат роет неминуемую могилу.

Павел встал на пенек. Сразу стих возбужденный шум голосов на поляне, и стало вдруг ясно слышно тонкое посвистывание развеселой малиновки в ближнем черемушнике.

— Рушится, падает прогнивший старый порядок! — раздается в чистом вешнем воздухе его четкий звучный голос. — В душных мастерских, в тесных фабриках, в сырых подвалах растет мысль о грядущем избавлении. Возрастает наша мощь, наша организованность, наша солидарность. И эту мощь, эту силу пролетариата с особенным страхом видят капиталисты в день Первого мая, когда рабочий класс всех стран торжественно и радостно встречает свой пролетарский праздник...

На наглядных доходчивых примерах из жизни текстильных, стекольных, шелкоткацких предприятий Владимирской губернии молодой оратор показывает ужасы капиталистической эксплуатации, при которой присваивались все богатства, созданные непосильным трудом рабочих, а в удел пролетарию оставалась только нищенская заработная плата и бесконечно длинный рабочий день. Он говорит о растущем классовом сознании ткачей Ундола и Собинки, прядильщиков и стеклодувов Гуся-Хрустального, о новых стачках и забастовках.

Но в напряженную тишину на лесной поляне врывается пронзительный свист патрулей. Жандармам не удалось

захватить массовку врасплох. Мгновенно рассыпалась по сторонам рабочая сходка, и вдогонку шныряющим по роще «фараонам» доносятся соленые остроты мирно гуляющих горожан.

Немало таких тайных собраний устраивал и проводил Батури́н. Под руководством опытных революционеров Н. П. Растопчина, Ф. А. Благонравова, С. И. Назарова и других он, несмотря на свою молодость, постепенно становился одним из умелых организаторов и способных конспираторов Владимирской большевистской «Окружки» (это распространенное среди участников революционного движения название получила Владимирская окружная организация РСДРП).

Охранка неистовствовала. Волна за волной по Владимиру и другим крупным городам и рабочим поселкам шли обыски. Среди ночи не раз врываются жандармы и в квартиру Батуриных: Павел был у них на подозрении. Однако всегда уходили ни с чем. Их обескураживало невозмутимо презрительное спокойствие юноши, ласково утешавшего плачущую бабушку и перепуганную сестренку Ларису и с иронической готовностью охотно показывающего им те места и уголки, где, по их мнению, могли быть утаены запрещенные книги, брошюры и прокламации.

...Глухая ночь. На окраине города, в овраге близ сараев кирпичного завода собрались батальонные и ротные делегаты Владимирской военной организации РСДРП. Ведет собрание Батури́н. Заслушиваются отчеты о большевистской пропаганде в подразделениях, намечаются планы дальнейшего распространения социал-демократического влияния в частях Владимирского гарнизона. Коротко и точно Павел знакомит армейцев с положением в партии, с последними событиями политической жизни, рассказывает о том, как социал-демократы-ленинцы используют выборы в кузую и бессильную Государственную думу для того, чтобы разоблачать перед народом преступную политику царского правительства и заодно с ним действующих черносотенцев, октябристов, кадетов.

— Все ли понятно, товарищи? Тогда всего вам доброго! До следующего собрания...

Сквозь росистые заросли узколиственного лозняка выбираются Батури́н и его друг по подполью Изволенский из оврага. Над ними беспредельно искрится звездное небо. Вдали, за полем, в немом молчании спит город. Первые

отсветы зари чуть заметно розовеют над туманной клязьминской поймой. И в этот предутренний час, когда живоительно чист прохладный воздух, а сердце еще полно жаркой радостью от удачно проведенного собрания, — друзьям с особенной силой верится, что уже близок час, когда над всей Россией поднимется солнце Революции, и иная, свободная, кипучая и бесконечно счастливая жизнь утвердится для всех, кто честно трудится на родной земле.

Весной и осенью 1907 года жандармы выследили и арестовали руководителей Владимирской организации РСДРП. Оставшиеся на свободе П. С. Батурин и его молодые товарищи продолжали нелегальную революционную работу.

В лесу за третьей будкой или в помещении пивной возле кузницы на Студеной горе, на квартире у Изволенского, Лапшиных Павел Батурин вместе с другими вожаками подпольного актива устраивал партийные собрания и совещания, где обсуждались планы работы, отчитывались члены пропагандистской коллегии — руководители социал-демократических кружков, происходили выборы в партийные органы. Владимирская организация поддерживала в то трудное время реакционного лихолетья регулярную живую связь с большевистским подпольем Гуся-Хрустального, Мурома, Собинки, Суздаля, Вязников. Все больше трудящихся приобщалось к источникам марксизма через тайную библиотеку «Окружки». Об ее существовании догадывалась жандармерия, и подпольщикам не раз приходилось перетаскивать на своих плечах мешки с драгоценной литературой из одной потайной квартиры в другую. Из-за границы шли сюда, на условный адрес, новинки большевистской литературы, социал-демократические газеты «Вперед», «Пролетарий». Из Московского комитета РСДРП поступали и доводились до сведения организации шифрованные письма и протоколы. Батурин был в центре кропотливой, тяжелой и все более опасной работы владимирского большевистского подполья в 1907—1908 годах.

В эти годы Павел Степанович знакомится с Михаилом Васильевичем Фрунзе, и первое знакомство юноши-подпольщика с виднейшим революционером-профессионалом перерастает впоследствии в прочную и близкую дружбу, скрепленную совместной работой в советском тылу и на фронте гражданской войны. Их роднили присущие обоим характерные черты — чудесная простота, отзывчивость и

чуткость в общении с товарищами, неутомимая энергия и привлекательная жизнерадостность, святая преданность революционному делу. Неизгладимое впечатление от пребывания Фрунзе во Владимире, куда он приехал с иваново-вознесенцами на совещание перед выборами в Государственную думу, восхищение стойкостью и мужеством Михаила Васильевича перед лицом владимирского военно-окружного суда, приговорившего его к смертной казни,— все это вызвало у девятнадцатилетнего Батурина огромное уважение к любимому руководителю иваново-вознесенского пролетариата. Фрунзе навсегда остался для Батурина высоким примером революционной доблести, которому он стремился подражать и следовать.

В конце 1907 и начале 1908 годов жандармерия и охранка предпринимают новые попытки массовой ликвидации социал-демократических организаций во Владимирской губернии. В октябре была разгромлена преданная за сланным провокатором военная организация РСДРП, успешно действовавшая в 9-м и 10-м гренадерских полках. В январе и феврале полосой прошли обыски и аресты во Владимире, Муроме, Гусе-Хрустальном, Коврове.

«Ввиду имевшегося со стороны вверенного мне управления агентурного наблюдения за проживающими в городе Владимире лицами, обратившими на себя внимание своей сомнительной благонадежностью и заподозренными в принадлежности к РСДРП,— доносил владимирскому губернатору начальник Московского районного охранного отделения,— в ночь на 12-го сего февраля мною были произведены в порядке положения о государственной охране обыски, которыми были обнаружены... у воспитанника 8-го класса Владимирской гимназии Павла Степанова Батурина 7 брошюр разного содержания.»

За обыском последовали прокурорский надзор и жандармская переписка. Потом — тюрьма. И в июне 1908 года Батурина отправляют в ссылку, в заброшенный северный городишко Кадников.

Прошло два года. Ссылный поселенец Батурин вернулся из дремучей вологодской глуши. Томительные месяцы ссылки не поколебали молодого революционера: в кругу большевиков, загнанных царским правительством в эти медвежьи места, он набрался ценнейшего опыта, основательно проштудировал все труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова.

— Царизм делает невероятную глупость, ссылая «неблагонадежную молодежь в места не столь отдаленные вместе с опытными, кадровыми работниками революции», — говорил он своим родным в короткие дни домашнего отдыха после возвращения из Кадников. — Ведь при таком содружестве ссылка для нас, молодых, — превосходная школа революционной, истинно марксистской стратегии и тактики. Из нее выходят еще более стойкие бойцы с самодержавием.

И в Московском университете, куда вскоре поступил Павел, он стал организатором и пропагандистом студенческих социал-демократических кружков, одним из инициаторов развернувшегося движения студентов против реакционной профессуры, пытавшейся в угоду самодержавному режиму восхвалять с кафедр поповщину и мракобесие.

Не прошло и года, как учеба Батурина была опять прервана ссылкой на два года без права проживания в университетских городах. Возвратившись после ссылки в университет, он снова ведет среди студенчества большевистскую пропаганду.

А московская квартира Павла Степановича служила в те годы подпольной явкой для многих революционеров, прибывавших в столицу из провинции, возвращавшихся или бежавших из ссылки и тюрем, приезжавших из-за границы. Это была чрезвычайно надежная явка: Батурин пользовался отдельной комнатой в доме богача-капиталиста Чернцова за то, что успешно репетировал двух его сыновей, души нечаявших в своем заботливом учителе и воспитателе.

Здесь, на Погодинской улице, в хоромах матерого капиталиста скрывался в 1916 году Михаил Васильевич Фрунзе, бежавший из Читинской ссылки. В часы, когда Павел и Фрунзе, «гостивший» у него в качестве близкого друга из провинции, бывали вместе, за стеной покоев фабриканта звучали душевные беседы, проникнутые верой в скорую победу революции, оживали воспоминания о героической борьбе иваново-вознесенских и шуйских текстильщиков против самодержавия и капитализма, намечались смелые планы нелегальной работы.

Павел Степанович приложил много сил и умения для того, чтобы обезопасить пребывание Фрунзе в подполье и устроить необходимые для него конспиративные встречи.

Вот что рассказывает об этом сестра Батурина Лариса Степановна Язвицкая, ныне работающая в Министерстве здравоохранения СССР, а в ту пору — слушательница Высших женских курсов в Москве:

— На свидание к Фрунзе приехала его старшая сестра Клавдия Васильевна. В целях конспирации свидание было решено провести на квартире у знакомой Павла — Анны Андреевны Додоновой и не затягивать его дольше часу. Путь до квартиры неблизкий. Время дорого... И потому Клавдия Васильевна оставила свою маленькую дочку Люсю с Павлом на Гоголевском бульваре. Долго играл он с нею, пока Фрунзе виделся с сестрой, и девочка так привязалась к нему, что прощалась с горькими слезами.

Вспоминаю еще один немаловажный случай. Как-то, осенним вечером, зашел ко мне Павел и попросил меня получить по доверенности в канцелярии московского градоначальника паспорт для его товарища. При этом он объяснил, что товарищ болен и сам пойти не может, а в то же время ему необходимо срочно выехать из Москвы.

Я охотно согласилась. Брат был старше меня, руководил моим воспитанием и являлся для меня большим авторитетом, поэтому выполнение любого его поручения было для меня гордостью. Прочитав доверенность, написанную крупным красивым почерком за подписью М. А. Михайлова, я не стала спрашивать, кто такой Михайлов, решив, что это кто-то из его московских товарищей.

Передавая мне доверенность, Павел предупредил, что зайдет ко мне за паспортом в тот же вечер на квартиру.

На другой день я отправилась за паспортом в строго назначенное время и, получив его, спокойно вышла из канцелярии. Каково же было мое удивление, когда я увидела на углу Леонтьевского переулка бледного брата, устремившего напряженный взгляд на дверь канцелярии. Увидев меня, Павел сейчас же перешел на другую сторону переулка, ближе ко мне, и, идя впереди меня, спросил: «Как дела?». Я ответила, что паспорт получила. Павел был доволен, взял паспорт, поблагодарил меня и сказал: «Молодец!».

...Только через много лет, уже после смерти Михаила Васильевича Фрунзе, я узнала о том, что именно для Фрунзе получала я подложный паспорт, необходимый для его отправки из Москвы на Западный фронт. И тогда мне

стало понятно неожиданное появление Павла возле канцелярии московского градоначальника и его бледное лицо: дав мне такое рискованное поручение, брат несомненно волновался за судьбу дела и мою и, не выдержав, пришел меня встречать.

Вслед за Фрунзе отправился в армию и мобилизованный Батуриин. Он служил рядовым запасного стрелкового полка в Симбирске и Орле, затем — прапорщиком в 12-м Симбирском стрелковом полку и к осени 1917 года очутился под Ровно. На Западном фронте незаметный прапорщик с университетским образованием и богатым опытом подпольной революционной работы с риском для жизни сколачивал и направлял большевистские солдатские комитеты. В дни великого Октября русские солдаты повернули штыки против царизма. С именем Ленина шел в их рядах под красным знаменем прапорщик Батуриин.

В конце 1917 года Павел Степанович демобилизовался и возвратился в Москву. Напряженно и сурово жила и трудилась рабочая столица, отдававшая все свои лучшие силы на укрепление созданной Октябрем советской власти, против которой уже поднимались войска интервентов и белогвардейщина.

— Направляем вас в Иваново-Вознесенск, — сказали Батуриину в Центральном Комитете партии. — Будете восстанавливать народное хозяйство новой текстильной губернии. Ивановские ткачи, как известно, — передовой отряд русского рабочего класса. Работать с ними и для них — дело почетное и ответственное. Думаем, что не подкачаете. Разобраться в особенностях местной обстановки вам поможет ваш старый знакомый — Михаил Васильевич Фрунзе. Счастливого пути!

...В поношенной армейской шинели, с тощим вещевым мешком за плечами он вышел из прокуренного, битком набитого вагона на перрон Ивановского вокзала. Волнение подступило к сердцу. Город, показавший в годы первой русской революции могучую пролетарскую сплоченность и создавший первый в России Совет рабочих депутатов, — город, вырастивший и воспитавший целую плеяду отважных борцов-революционеров, посылавший своих сынов на баррикады Пресни и штурм Кремля, — Иваново-Вознесенск вставал теперь перед глазами Батуриина в своем суровом, строгом и тревожном облике 1918 года.

Безмолвно вытянулись приземистые громады текстиль-

П. С. БАТУРИН.

ных фабрик вдоль извивов Уводи, их закоптелые трубы уже не дымили. Серые, без кровинки, лица людей, полоски вскопанной под картошку земли на улицах и площадях, бесконечные очереди возле хлебных лавок — всюду были заметны горькие приметы голода и разрухи, душивших большой рабочий город.

Председатель губернского исполнительного комитета М. В. Фрунзе встретил Павла Степановича по-братски тепло и радушно. Все так же приветливо светились его добрые серые глаза, лишь невидные морщинки, которых Батурин не замечал при прежних встречах, при улыбке лучились к вискам. Чистое бледное лицо выражало спокойствие и уверенность. Ровными, плавными жестами сильных рук он подчеркивал в беседе центральные задачи той огромной хозяйственной работы, за которую взялись в только что родившейся губернии молодые Советы.

Новая Иваново-Вознесенская губерния представляла собой крупнейший и единственный в стране текстильный район, включающий хлопчатобумажные центры Владимирской и Костромской губерний, целостный и однородный по экономике. Местные Советы приступили к руководству народным хозяйством этой большой административной территории в чрезвычайно трудных и сложных условиях; приходилось буквально на чистом месте создавать заново руководящий и управленческий аппарат, энергично и без промедления брать всю власть в свои, рабочие, руки. Преодолевая страшные лишения экономической разрухи, вызвавшей острую нехватку промышленного сырья и, главным образом, хлопка, а также продовольствия и товаров первой необходимости, Советы Иваново-Вознесенской губернии с самого начала показали себя выдающимися организаторами самоотверженной борьбы трудящихся области за восстановление подорванного войной народного хозяйства.

«Промышленный характер нашей губернии,— писал впоследствии в одной из своих экономических статей П. С. Батурин,— потребовал прежде всего возникновения такого органа, который явился бы в революционные времена авторитетом в разрешении громадной массы возникавших ежедневно вопросов и быстро реагировал бы на те или иные проявления хозяйственной жизни. Таким органом стал губернский Комиссариат торговли и промышленности, сюда стекались и требовали немедленного разрешения

и мелочи повседневной жизни отдельных лиц, и вопросы общегосударственного значения. Останов фабрик, отказ проводить тариф для рабочих, злоупотребления торговцев и фабрикантов, столкновения рабочих и администрации, наконец, национализация предприятий — всё это обсуждалось и разрешалось здесь.

Наряду с Комиссариатом торговли и промышленности создавались другие органы: мануфактурный, контрольно-финансовый, кооперативный, химический отделы и т. д... Потребность в объединении работ экономических органов и в планомерном экономическом строительстве поставила на очередь проведение в жизнь декрета о создании Советов народного хозяйства (губернского и уездных).»

Руководящая деятельность Павла Степановича в Иваново-Вознесенском губсовнархозе стала одной из самых ярких и значительных страниц его славной жизни. В узких рамках сжатого биографического очерка нет возможности с исчерпывающей полнотой осветить тот обширнейший круг неотложных хозяйственных задач и экономических мероприятий, которые он контролировал, намечал, осуществлял в невероятной тяжкой обстановке, с непреклонной настойчивостью и поразительным знанием дела.

1 июня 1918 года созванный в Иваново-Вознесенске организационный съезд из представителей губернских и уездных экономических органов, кооперации и профсоюзов учредил Советы народного хозяйства, которые, по заключению съезда, «должны были в процессе жизни явиться единственными экономическими органами, сосредоточивающими все руководство и управление народнохозяйственной жизнью, обслуживая как местные нужды населения, так и проводимые на местах мероприятия государственного значения».

19 июля соединенное заседание бюро губернского Совета народного хозяйства, где председательствовал М. В. Фрунзе, а секретарем был П. С. Батулин, организовало отделы ГСНХ и вынесло первые решения о централизации городского транспорта и о необходимости широких заготовок и закупок льна ввиду крайнего недостатка хлопка.

В июле Батулин утверждается управляющим делами губсовнархоза, а в сентябре кооптируется в члены бюро ГСНХ. Он с головой уходит в организаторскую работу и, возглавляя ведущие участки народного хозяйства губер-

нии, проявляет редкие деловые качества. Его авторитет и уважение к нему возрастают буквально с каждым днем.

На Павла Степановича было возложено руководство важнейшим отделом губсовнархоза — районтекстилем — своеобразным хлопчатобумажным главком, управлявшим всеми предприятиями губернии. Снабжение их хлопком, пряжей, суровьем и подсобными материалами, финансирование фабрик под имеющуюся мануфактуру и учет ее — всё приходилось осуществлять с невероятным напряжением, при катастрофическом положении с хлопком, постоянном недостатке в деньгах, упорном саботаже недобитых фабрикантов и прикормленной ими фабричной администрации.

Как организовать текстильное производство и управление национализированными предприятиями в губернии? Как спасти встающие одно за другим предприятия, дать работу текстильщикам и ткани раздетой стране? — Эти коренные вопросы, не зная ни сна ни отдыха, решал Батурин вместе с товарищами по губсовнархозу.

Он побывал на крупнейших фабриках Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Родников, Тейкова, Вичуги, Середы. В длительных, откровенных беседах с ткачами, прядильщиками, отделочниками, снабженцами, старыми специалистами производства определились главные, узловые направления предстоящей работы. И она сразу же началась. Малейшее промедление в сложившейся обстановке было смерти подобно.

Под руководством Павла Степановича специалисты и рабочий актив районтекстиля произвели детальное обследование всех ста больших и малых текстильных предприятий, отобранных у капиталистов, — взяли на учет все машины, станки и аппараты, выяснили их техническое состояние и производительность, обеспеченность фабрик и цехов рабочей силой. Были точно подсчитаны запасы топлива и сырья на складах предприятий, используемые и законсервированные мощности паросиловых и энергетических установок. Наметились большие возможности внутрифабричного кооперирования и сокращения встречных перевозок фабрикатов.

За предельно короткий срок текстильная промышленность губернии была обследована полностью. Это позволило быстро провести и завершить так называемое кустова-

ние хлопчатобумажных предприятий. Из наиболее мощных и хорошо оборудованных фабрик, оправдывающих расходы по производству, было создано несколько кустовых объединений. Остальные, маломощные и технически слабые, производства пришлось остановить до лучших времен. За хозяйственное руководство национализированными предприятиями горячо взялись назначенные губсовнархозом фабричные правительственные правления — каждое из трех-пяти лучших организаторов-производственников. Самые способные из них входили в состав кустовых правлений, регулирующих производство предприятий того или иного куста.

Так, решительно и быстро, был положен конец хозяйственной путанице и технической и организационной неразберихе в национализированной текстильной промышленности.

Бюро районтекстиля, которым руководил Батулин, деятельно помогало рабочим правлениям улучшать и совершенствовать управление фабриками, обобщало и распространяло особенно ценный на первых порах опыт нового производственного управления. Привлекая широкий актив текстильщиков к энергичному и всестороннему участию в национализации и налаживании предприятий, губсовнархоз упорядочивал фабричную жизнь в новых, советских нормах.

При ближайшей помощи Батурина в 1918 году был наведен точнейший учет выпускаемой и имевшейся на складах мануфактуры и образцово поставлено ее распределение. Были созданы вновь шесть государственных складов для мануфактуры. В Кинешме и Иванове открылись портновские мастерские. К фабрикам Иваново-Вознесенска были проведены узкоколейные подъездные пути, о необходимости которых много лет подряд без толку болтали господа фабриканты. Разрабатывались проекты электроосвещения и водоснабжения текстильных поселков.

Каждый день был через край полон делами, требующими немедленного разрешения. Запоздно возвращался Павел Степанович из маракушевского особняка по Ивановской улице в национализированный дом фабриканта Дербенева по Александровской улице. Здесь, в общежитии иваново-вознесенских большевиков — руководителей советских учреждений, он занимал с младшей сестрой Клавдией скромную комнатку в два окна на втором этаже.

На редкость дружные жильцы обитали в этом общежитии. Недоедая и недосыпая, они умели и любили и работать, и мечтать, и веселиться. Они организовали свой быт на совершенно новых, коммунистических началах. Единой, сплоченной и заботливой семьей, где был коллективный бюджет и питание из общего котла, жили здесь Батурин, губпродкомиссар Степан Иванович Назаров, заместитель председателя губсовнархоза Михаил Александрович Коротков, секретарь губисполкома Николай Осипович Дианов, его брат Павел Осипович и многие другие товарищи. Коммунары составили и вывесили за подписью Батурина специальные правила, определяющие права и обязанности членов общежития-коммуны. За неуклонным соблюдением этих правил строго следила выборный комендант общежития — известная революционерка М. Ф. Икряннистова («Труба»).

— В нашем жизнерадостном, чутком коллективе, — вспоминает старая коммунистка Клавдия Степановна Батурина, — брат чувствовал себя, как в родном дому. Среди коммунаров всегда господствовало бодрое, уверенное настроение. Если у кого-либо что-то не ладилось в работе или в личной жизни, друзья бережно поддерживали его в трудный час. И радостное событие в чьей-либо жизни тоже разделялось всем коллективом. А какие незабываемо увлекательные вечера с самодеятельностью и интересными беседами на самые разнообразные темы — и о коммунистической нравственности, и о текущем моменте — устраивали коммунары в дербеневском особняке. Это братское товарищество большевиков часто навещал Дмитрий Андреевич Фурманов, который был еще по Москве дружен с П. С. Батуриным.

В кабинет к Павлу Степановичу шли и шли руководители советских предприятий — вчерашние рабочие от станка, председатели уездных совнархозов, железнодорожники, лесозаготовители, торфяники, снабженцы. Шли текстильщики, шли женщины-солдатки, матери голодных детей. Нет хлопка! Нет топлива! Нет обуви! Нет хлеба!.. И, в который раз перетряхивая скудные резервы, выискивая новые крохи в бедных губернских возможностях, он мучительно выкраивал для тех, кому было нельзя не дать, и хлопок, и дрова, и ботинки, и муку.

Бывало, сильным криком заходится изнуренная, измученная ткачиха, пока ожидает у него в приемной. Муж —

на фронте, с Фрунзе. Дома, в заиндевевшей квартире ревмя режут некормленные, синелицые несмысленши-ребятенки. Доведись до всякого — не хочешь да закричишь... Но войдет она в такой же холодный, как ее жилье, кабинет, взглянет на молодого еще, но худого и усталого, с черными подглазинами человека, улыбочиво поднявшегося навстречу ей из-за стола, на его без времени полысевшую голову, на ветхую его шинельку, — и материнская жалость зажметя в груди, невольно подумается: видно и самому тебе, сердешному, не легче, чем нам: по всему видать, давно уж не едал досыта...

В великой нужде, которая царила вокруг и с которой Батуриин жестоко боролся, он забывал о себе и терпел лишения и неудобства тех трудных лет вместе со всеми, ради кого жил и работал.

«Мне вспоминается прошлая весна, когда Павел был здесь, — писала в мае 1920 года из Иваново-Вознесенска Ларисе Степановне Батуриной ее подруга, Валентина Константиновна Струкова, работавшая с Батуриным в губернском Совете народного хозяйства. — У него, который ведал всеми запасами обуви в губернии, были никуда не годные сапоги с большой протекцией. Идя со службы, он неминуемо шагал по лужам, сапоги промокали, и Павел со смущенной улыбкой подтверждал мне этот прискорбный факт, ну а о других сапогах ему некогда было подумать...»

Двадцать восьмого декабря 1918 года член президиума губсовнархоза Батуриин открыл второй съезд Советов народного хозяйства Иваново-Вознесенской губернии. Он сделал на этом съезде два доклада — отчет о работе районтекстиля за первое полугодие 1918 года и «О задачах губернского торфяного отдела по увеличению торфопроизводства». Делегаты тепло встретили Павла Степановича: они уже хорошо знали его как вдумчивого и незаурядного организатора губернской экономики, сумевшего за малое время сделать немалое. Его обстоятельные доклады, отличавшиеся превосходным знанием дела и всесторонней обоснованностью намечаемых задач и перспектив, еще раз подтвердили доброе мнение, которое сложилось о нем в уездных Советах и Совнархозах. Батуриин был утвержден на этом съезде председателем президиума губернского Совета народного хозяйства.

Доклад о необходимости расширения торфяных разра-

боток был поставлен Павлом Степановичем на обсуждение съезда не случайно. Полная разруха железнодорожного транспорта, поднявшаяся контрреволюция на Волге, Дону, Кавказе и Урале отрезали промышленные центры республики, в том числе и Иваново-Вознесенск, от угля и нефти. Местных дров тоже не доставало...

— Крупные и масса мелких фабрик и заводов, — говорил Батурин в своем докладе, — поглощают громадное количество топлива, главным образом, древесного... Эксплуатация лесных богатств при царском правительстве привела к тому, что из-за хищнической разработки лесов, производившейся лесопромышленниками без всякого плана и системы и имевшей единственную цель — наживу, наш и без того небогатый лесами район оказался почти обезлесенным на четверть века вперед. В течение нынешней осени несколько крупных иваново-вознесенских фабрик остановились из-за недостатка дров. Так обстоит дело с древесным топливом, а с минеральным еще более в плачевном состоянии. Перед промышленностью и населением встал таким образом грозный кризис топлива, выдвинувший неотложную задачу использования торфа.

Тщательно и всесторонне изучив практические возможности осуществления этой важнейшей задачи, Павел Степанович докладывал делегатам съезда:

— Обилie торфяных залежей в губернии, исчисляемых в десятках тысяч десятин с высоким качеством торфа, не уступающим по теплоте лучшему древесному топливу, позволяет приступить к разработке торфа в крупных масштабах. Если раньше торфяные болота являлись обузой для их владельцев и сдавались за бесценок только для сводки леса, то в настоящее время они представляют драгоценное народное достояние.

— Площадь разработки занимала ничтожную часть болот. Бесплодно лежащие богатства могут быть целесообразно использованы только при создании стройной организации, сосредоточившей в своих руках всю разработку торфа и преследующей не частные предпринимательские интересы, а удовлетворение народнохозяйственной потребности. К созданию такого аппарата дала возможность приступить Октябрьская революция, отстранившая буржуазию от производства.

Таким аппаратом явился отдел торфа при ГСНХ, продававший в 1918—1919 годах под непосредственным руко-

водством П. С. Батурина огромную по трудоемкости и от-
радную по результатам работу, связанную с изысканием и
освоением торфяных богатств губернии. В этой работе
смелость и предприимчивость сочетались с превосходной
хозяйской расчетливостью и бережливостью.

С мая 1918 года Батурин неустанно заботился о том,
чтобы поддерживать всеми имеющимися в его распоряже-
нии средствами разработку торфа на действующих боло-
тах. Продовольственные трудности, нехватка специалистов
по эксплуатации торфа, изношенность и неисправность
многих торфяных машин ставили добычу топлива под
угрозу срыва. Но, благодаря энергичным мерам, направ-
ленным на устранение этих помех, на восьми болотах весь
сезон заготавливался машинно-формовочный торф, и для
промышленных центров губернии было запасено 57 мил-
лионов кирпичей сухого торфа.

Одновременно с этим губсовнархоз срочно и широко
организовал исследование новых болот и подготовку нов-
ых торфяных массивов, на базе которых предполагалось
установить электрические силовые станции, как общий
двигатель всех фабрик и заводов Иваново-Вознесенского
промышленного района. Эту конечную цель освоения тор-
фяных массивов особо подчеркивал П. С. Батурин в своих
докладах и выступлениях перед хозяйственниками и
трудящимися.

В голодные, грозные для республики годы экономи-
ческой разрухи и военной интервенции иваново-вознесен-
ские большевики задались целью создать на торфу мощ-
ную и надежную энергетику для своей промышленной гу-
бернии. Это была не беспочвенная мечта оторванных от
жизни фантазеров, а детально обоснованная программа
больших работ, которую энтузиасты этого дела настойчи-
во претворяли в жизнь, преодолевая тяжелейшие препят-
ствия.

На обширные пространства заболоченного района
вокруг озера Сахтыш ранней весной 1919 года пришли
разведчики торфяных недр. Были исследованы Мелю-
шевское, Шафровское, Рубское и Якшинское болота об-
щей площадью около трех тысяч десятин. После зондиро-
вания и нивелировки началось их частичное осушение.
Одновременно велась подготовка к строительству поселков
для рабочих-торфяников, изыскивались машины и ин-
струменты, заготавливалось продовольствие.

В феврале 1919 года в Иваново-Вознесенск по просьбе Батурина прибыли из Москвы начальник управления электротехнических сооружений при ВСНХ А. В. Винтер и заведующий секцией исследований при Главном торфяном комитете Танеев. Оба эти крупнейших в стране специалиста приняли плодотворное участие в обсуждении вопроса об исследовании торфяных болот в связи с намечаемой электрификацией Иваново-Вознесенского промышленного района. Здесь было решено произвести обследование водоемов озер Рубского и Сахтыш и спусков для них. Был обсужден разработанный проект электрификации Иваново-Вознесенской губернии и Владимирского и Костромского промышленных районов, примерно распределены энергомощности, которые промышленность получит от будущей электростанции на торфу, рассчитанной на 120 тысяч лошадиных сил. Ее наметили построить на суходолье близ озера Сахтыш.

Павлу Степановичу Батурину не суждено было развернуть и довести до конца эту замечательную работу. Ее продолжили и завершили другие. По направлению, заданному губсовнархозом в те далекие трудные годы, развивалась впоследствии вся энергетика Ивановской области. И мощные электростанции, работающие на дешевом местном торфе в Иванове и Комсомольске, питают ныне все города и рабочие поселки нашей области.

В феврале 1919 года Батурин возглавил созданную губкомом партии и губисполкомом особую комиссию по устранению топливного кризиса. Действуя решительно и жестко, он обеспечивает заготовку и подвозку дров к промышленным центрам. Под его руководством уездные совнархозы берут на строгий учет все запасы дров, организуют обозы лесозаготовителей, изыскивают фураж для лошадей. Но топлива все же не хватало, и зимние холода сковывали ряд предприятий промышленности.

«Не потому фабрики и заводы значительно сократили свою производительность, что рабочий, взяв их в свои руки, не мог справиться с народным хозяйством, — писал Батурин в одной из своих статей, — а потому, что внешние условия в период острой революционной борьбы оказались мало благоприятными для экономического строительства. Задача текущего дня изменить их в желательную для нас сторону.»

Эта главнейшая для партий и страны задача, кото-

рую подразумевал Батурин, заключалась в том, чтобы разгромить контрреволюцию, добиться полной победы на всех фронтах гражданской войны.

В начале 1919 года над Советской Россией нависла грозная опасность. Полчища Колчака, Юденича, Краснова, белоказацких атаманов и вооруженные силы Антанты со всех концов рвались к сердцу республики, отрезая дороги к хлебу, топливу, сырью.

28 декабря 1918 года на собрании коммунистов Иваново-Вознесенска Михаил Васильевич Фрунзе сделал доклад о военном положении. Партийная организация постановила: «...призвать все рабочие массы города к напряжению всех сил и средств в деле помощи Красной Армии, потребовать от всех советских организаций самой живой работы в деле снабжения Красной Армии всем необходимым. Сформировать из коммунистов и рабочих, преданных делу революции, особый коммунистический отряд и передать его в распоряжение командующего Красной Армией, которая должна проложить нам дорогу к туркестанскому хлопку.»

— Помогите этому делу, дорогой Павел Степанович, — обратился после собрания Фрунзе к своему старому товарищу и, услышав короткое «Сделаю!», крепко пожал Батурина руку.

У Батурина не было никогда расхождений между словом и делом.

В те дни он сутками напролет работал над тем, чтобы приодеть из последнего и вооружить первый отряд иваново-вознесенских ткачей, отправлявшихся на фронт вместе с председателем губернского комитета партии М. В. Фрунзе. То, что не удалось достать на месте, дала Москва.

«Особенно помнится мне в эти дни близкий друг Фрунзе — Павел Степанович Батурин, — подчеркивал в своих воспоминаниях о Фрунзе Д. А. Фурманов. — Он заведовал тогда губернским отделом народного хозяйства. Но при организации отряда все время возился с оружием, отовсюду собирал его, раздавал отряду... Мне помнится, он все рассказывал про Фрунзе, как тот сидел во Владимирском центре, как ему Павел Степанович переправлял туда книги, рассказывал диковинные вещи про смертника Фрунзе: в заключении он не потерял бодрость настроения, много занимался собой, изучал что можно

было, для товарищей являлся лучшим образцом, подбадривая их своим примером.»

На прощальном вечере перед отъездом иваново-вознесенского рабочего отряда на колчаковский фронт собрались Фрунзе, Фурманов, Батулин, Мякишев, Андреев и другие ответственные работники-коммунисты. Пели дружным хором русские песни, произносили пламенные речи, проникнутые уверенностью в счастливом исходе боевой страды, клялись, что, если понадобится, отдадут жизнь за дело народа и партии (и многие из них сдержали потом эту клятву).

— Пробьем прямую дорогу к туркестанскому хлопку, пустим в ход наши притушенные корпуса, — говорил Фрунзе, обращаясь к друзьям, которые оставались в городе, и к сидевшему рядом Батулину. — А от вас будем ждать новых пополнений для армии, чтобы укрепить ее рабочими отрядами. Иваново-вознесенцы поднимут ее боевой дух.

С января начинается год тяжелых и одна другую сменяющих мобилизаций коммунистов и рабочих губернии. На фронт отправляются все новые батальоны иваново-вознесенских ткачей. На Украину, в места, освобожденные от петлюровцев, едут продовольственные отряды за хлебом, который кулаки и бандиты не хотят давать голодающим семьям рабочих. Иваново-вознесенские пехотные курсы в полном составе выезжают на борьбу против Юденича...

Всю свою деятельность губсовнархоз во главе с Батулиным направляет на обслуживание фронта. Обмундирование и снаряжение рабочих батальонов и полков, материальная помощь семьям фронтовиков, организация пошивочных и обувных мастерских, работающих на армию, восстановление текстильных предприятий и их перевод на армейский ассортимент тканей — с невероятным, предельным напряжением губсовнархозовцы отдавали для фронта всё, что было в силах и сверх сил губернии.

Весной 1919 года фронтовая обстановка становится крайне угрожающей. Колчаковские войска двинулись на Вятку, Казань, Симбирск и Самару, стремясь захватить Волгу и задушить Советскую Россию голодом. Губернский комитет партии постановил немедленно мобилизовать часть коммунистов и обратился к партийной организации с пламенным призывом:

«Под ружье, коммунисты! На мобилизацию! Немедленно выделяйте каждого пятого, каждого третьего из своих рядов. В последний бой. На защиту Волги, за освобождение Урала, на разгром Колчака, рабочие красной губернии!»

На мобилизационные пункты шли и становились под ружье ткачи, аппретурщики, печатники, граверы. Выступая на рабочих митингах и собраниях с докладом о текущем моменте и военной обстановке, Павел Степанович звал текстильщиков встать на подмогу Красной Армии. (Сам он с волнением ожидал, как решит губком партии судьбу поданного им заявления об отправке на фронт.

— Я военный человек, — сказал он в губкоме. — И сейчас, в решающий для Советской республики час, мои знания и опыт должны быть использованы на фронте, в боях с врагами.

16 апреля экстренное собрание иваново-вознесенского партийного актива постановило выделить для работы на фронте председателя губернского Совета народного хозяйства П. С. Батурина, председателя горкома партии В. Н. Наумова и секретаря губкома партии тов. Калашникова.

Под ружье встали 20 процентов всей городской партийной организации, а в уездах губернии — до трети коммунистов. Половина мобилизованных отправлялась на Восточный фронт, на смертельную борьбу с колчаковщиной и белоказачеством, под славные боевые знамена Михаила Васильевича Фрунзе.

В первых числах мая сотни красных бойцов под командой П. С. Батурина выехали из Иваново-Вознесенска на Кинешму, а оттуда на Муром, Инзу, Самару. Героические полки дивизии Фрунзе получили новое достойное подкрепление.

...Прошло около трех месяцев. Знойным августовским днем загорелый, обветренный палящим суховеем Павел Степанович прибыл в город Уральск, освобожденный в июле 25-й Чапаевской дивизией от жестокой и длительной белоказачьей осады. В эту овеянную легендарной боевой славой дивизию М. В. Фрунзе назначил Батурина комиссаром взамен Д. А. Фурманова, который был поставлен на должность начальника политуправления фронта.

По дороге в Уральск Батурин еще и еще раз вспоминал кипучую пору своей работы в политуправлении фронта,

победные бои под Уфой, где Фрунзе шел в штыковую атаку впереди бойцов 220-го Иваново-Вознесенского полка. В память врезались сердечные напутственные слова Михаила Васильевича:

— Вам будет нелегко, Павел Степанович. Ведь комиссар у Чапаева должен быть под стать ему — с таким же великолепным личным мужеством и отвагой, с такой же чудесной решимостью и необыкновенной выносливостью, но с еще большей, чем у Чапая, выдержкой и тактичностью. Думаю, что все это у вас есть и как нельзя лучше проявится в Чапаевской дивизии, которой мы все гордимся. Фурманов введет вас в курс дела.

В Уральске Батурин уже не застал штаба дивизии: он передвинулся ближе к линии фронта, в хутор Бударинский, на 120 километров южнее города. Восхищаясь стремительным продвижением чапаевских полков и тревожась о том, как бы быстрее поспеть к ним, комиссар дивизии наскоро пообедал у радушного начальника отдела снабжения дивизии Василия Петровича Петрова и, пересев на свежую подводу, поехал дальше.

И вот уже крепко сжал его в дружеских объятиях возмужавший в боях и походах Дмитрий Андреевич Фурманов. С нескрываемым волнением пожал он тонкую, но сильную руку Василия Ивановича Чапаева, так приветливо и просто встретившего его. Чем дольше шла их общая беседа для первого знакомства, тем мягче, довольнее становился быстрый умный взгляд светло-синих, почти не мигающих глаз Чапаева.

Фурманов, у которого остановился Павел Степанович, до ночи рассказывал ему по-приятельски о своеобразии характера Чапаева, о его опрометчивой порой доверчивости, вспыльчивости и непосредственности, о недоверчивом отношении к высшим штабам и штабистам. Вместе с тем Дмитрий восхищенно говорил о выдающемся воинском таланте и беззаветном героизме этого полководца-самородка, который слил свою не знавшую поражений дивизию в едином революционном порыве, приучил относиться терпеливо и даже пренебрежительно к лишениям и трудностям походной жизни, подобрал, закалил и сплотил вокруг себя великолепных командиров и влил в каждого бойца одно могучее стремление — к победе.

Со многими из чапаевских командиров и бойцов Павел Степанович познакомился уже на следующий день, при-

сутствия на дивизионной партийной конференции. С сожалением и грустью провожали боевые товарищи Фурманова, и тепло, с открытой душой приняли они в свою семью нового комиссара: верили — посланец Фрунзе, партийный руководитель из доблестного Иваново-Вознесенска оправдает их доверие в первых же боях.

Наутро Чапаев и Батурин расцеловались, прощаясь, с Фурмановым, уезжавшим в Самару, и поехали на передний край, к полкам и бригадам, наступавшим против белоказацких банд по направлению к городу Гурьеву.

Двадцать пятая стрелковая дивизия шла по степному Приуралью к Каспийскому морю, уничтожая белоказацкие полки, тесня их к голодному песчаному низовью. Казаки всемерно усиливали оборону своих станиц, но чапаевцы неотразимыми ударами взяли Лбищенск, затем ошестинившуюся пулеметами, опоясанную глубокими окопами станицу Мергеневскую.

Откатываясь все дальше к югу, белоказацкие соединения перегруппировались и сосредоточили свои главные силы в районе станицы Сахарной, расположенной в 220 километрах от Уральска. Здесь они тщательно подготовились к решительному для них бою, который должен был сломить напор Чапаевской дивизии. В битве под Сахарной П. С. Батурин принял грозное боевое крещение, и весть о беспримерной отваге нового комиссара молниеносно облетела всю дивизию героев.

Вместе с Чапаевым Батурин непосредственно руководил ходом этого на редкость кровопролитного и ожесточенного боя. Сам Чапаев говорил потом, что белоказаки дрались за свой оплот — Сахарную с такой яростью, что он даже в империалистическую войну таких атак не встречал. Восемь раз бросались в атаку белогвардейские полки, и восемь раз спокойный решительный комиссар вместе с комдивом под градом пуль, в одном строю с бойцами, опрокидывали остервенелые казацкие лавы. Под Чапаевым была убита лошадь, а под Батуриным ранена. Заняв станицу, дивизия далеко отбросила белогвардейские части с большими для них потерями.

Многотруден и опасен был путь 25-й стрелковой дивизии от Уральска на Гурьев. Полки шли по разоренным и опустошенным белоказаками местам. Отравленные колодцы, нехватка провианта и боеприпасов в частях, далеко оторвавшихся от баз снабжения, замедляли продвижение

чапаевцев. Среди них появился тиф, косивший бойцов без жалости и без счету. Подвижные кавалерийские отряды белогвардейцев хищно налетали на дивизионные тылы и оставшие подразделения. И все же дивизия, преодолевая невиданные трудности, успешно продвигалась вперед.

В конце августа Чапаев и Батурин, дневавшие и ночевавшие в полках и бригадах, тесно сдружившиеся между собой, прибыли в Уральск, чтобы решить неотложные вопросы снабжения дивизии. Оба они были, как вспоминает начальник отдела снабжения Петров, в очень хорошем настроении и увлеченно рассказывали ему о боях под Сахарной, об обстановке, сложившейся на фронте в результате наступления наших войск и разгрома белоказаков в последних боях.

— Казаки теперь уже не в состоянии оказывать сколько-нибудь серьезное сопротивление, — сказал Чапаев. — Чем дальше они будут отходить, тем труднее для них.

— Хотя и нам будет нелегко, — заметил Батурин.

— Это верно, — согласился Чапаев. — Впереди нас ждут еще более голодные степи. Продовольствия и фуража мы там достать не сможем и должны обеспечить его отсюда, из Уральска. А как думаешь, Павел Степанович, дойдем мы до Гурьева дней за двенадцать — пятнадцать?

— Мне кажется, что за это время мы сумеем пройти оставшееся расстояние до Гурьева, — ответил Батурин.

Комдив, комиссар и начальник снабжения долго прикидывали и подсчитывали, сколько и как можно завезти провианта и боеприпасов во Лбищенск и Сахарную, чтобы снабдить дивизию для последнего, самого трудного броска. Договорились мобилизовать на перевозку весь транспорт дивизии и сотни крестьянских подвод.

Вечером В. И. Чапаев пошел ночевать к командиру дивизионного транспорта Туркину (у Петрова троим было тесновато). Василий Петрович Петров до глубокой ночи толковал с Павлом Степановичем о боевых делах 25-й дивизии и о задачах, которые перед нею поставлены.

— В дивизии, — воодушевленно говорил Батурин, — хорошо поставлена политико-воспитательная работа среди бойцов и командиров. Командный состав в большинстве выдвинут из лучших работников и бойцов дивизии и пользуется в частях безграничным доверием. В боях коммунисты и командиры всегда впереди. Много их гибнет, завоевывая победу.

— Что касается самого Василия Ивановича Чапаева, то он в дивизии имеет огромный авторитет. Его любят не только за то, что он прекрасный человек и хороший товарищ, но главным образом за его умелое руководство и смелость в боях с врагами, за его преданность большевистской партии и Советской власти. В него верят бойцы, командиры и политработники, и поэтому все его приказы и распоряжения выполняются безоговорочно и точно.

Павел Степанович поделился с Петровым впечатлениями о том, как радушно встретили его в дивизии и как задушевно принял его Василий Иванович.

— Отношение ко мне — новому человеку — в тех частях, где уже довелось побывать, — говорил он, — самое прекрасное. А с Чапаевым сошлись накоротке, и лучшего даже желать нельзя!

— Пребывание у меня Василия Ивановича Чапаева и Павла Степановича Батурина, — заключает свои воспоминания В. П. Петров, — их теплая товарищеская и деловая беседа со мной оставили какое-то неизгладимое впечатление. Особенно памятной осталась у меня беседа с Павлом Степановичем Батуриным, его простота, искренность, глубокое понимание создавшейся тогда в молодой Советской республике обстановки и стоящих перед Красной Армией задач.

Утром Чапаев и Батурин уехали на автомашине в 75-ю бригаду, расположенную неподалеку от Джамбейтинской ставки. В этом стратегически важном пункте белоказаки после разгрома под Сахарной снова стали тревожить наши части.

Отбивая свирепые налеты белогвардейцев, чапаевские полки готовились к победному удару в направлении Калмыков — Гурьев с выходом к Каспийскому морю.

Чапаев и Батурин, неразлучные друг с другом, ежедневно бывали в бригадах, проверяли и крепили их боевую готовность, беседовали и совещались с командирами и политработниками. На полковых митингах они разъясняли красноармейцам важность предстоящих боев, кладущих конец так называемому Уральскому фронту и белоказачеству.

В безлюдных голодных степях, отогнанные далеко от своих станиц, таились казацкие части, обреченные на гибель. Подошла ледяная осень. И казаки, в отчаянном бешенстве, решились тайно ударить прямо в сердце победы.

носной Чапаевской дивизии — глубоким рейдом из-за Сахарной, мимо Чижинских болот, по Кушумской долине выйти в дивизионный тыл и неожиданно обрушиться на штаб дивизии, стоявший во Лбищенске. По их замыслу, после гибели штаба должны были разбежаться, сдаться на казацкую милость чапаевские полки, оставшиеся без связи и управления, без командования...

Через несколько дней белогвардейский разъезд, наскочив на тылы 223-го стрелкового полка, убил боевого командира этого полка т. Ершова. Внезапными набегами белоказаки отвлекали внимание красного командования от задуманного ими рейда на Лбищенск и одновременно пытались дезорганизовать наступательные действия дивизии. Чапаев и Батурин приняли меры для усиления охраны штаба во Лбищенске, вооружили курсантов дивизионной школы.

С утра 4 сентября комдив и комиссар умчались на автомобиле в станицу Сахарную проведать 220-й иваново-вознесенский полк. С болью вглядывался Павел Степанович в знакомые лица бойцов и командиров, плотно окруживших сделанную наспех трибуну: худые, мосластые, почерневшие от осенних ветров, чудовищно тяжелых переходов и голодных пайков, они были страшны с виду, но в запавших глазах горела воля к победе, каждый знал — белым бандам осталось недолго жить в Приуралье. Батурин закончил свою призывную, обращенную к землякам речь словами:

— Вперед, иваново-вознесенцы! На Джамбейтинскую ставку, Калмыков и Гурьев! Близок час бесславной гибели врага!

Раскатистое, с простудным хрипом «Ура» прокатилось по станице. Простившись с полком ткачей, Чапаев и Батурин вернулись во Лбищенск.

Вместе с Павлом Степановичем Василий Иванович разговаривал в штабе с возвратившимися из степи разведчиками. В окрестностях Лбищенска они не заметили ничего подозрительного, все было тихо. Красные летчики, кружившие над сыртами, ярами и буераками на двух аэропланах, тоже не смогли обнаружить «казару». Чапаев приказал начальнику штаба Новикову, бывшему офицеру, выставить в ночной караул дивизионную школу.

...Смерклось. Станица словно погрузилась в черную тушь: глухая беззвездная ночь тяжело обволокла Лби-

щенск. Запоздно погас огонек у Чапаева — он с Батуриным засиделся над испещренной пометками картой-трехверсткой, уточняя пути движения полков и бригад в предстоящем наступлении на Гурьев. Павел Степанович ушел на ночлег в политотдел. Все уснуло...

А у околицы, как снопы, рухнули на землю зарезанные часовые. Дивизионную школу кто-то (кто — до сих пор неизвестно) предательски снял с караула. Без стука, с подвязанными копытами, несли на себе кони откормленных, вооруженных до зубов матерых станичников. Черная лава вливалась в спящие улицы.

В предраассветных сумерках грохнули выстрелы дозорных. Но поздно. Рассеявшись по окраинным улицам, белобандиты рубили застигнутых врасплох, безоружных, раздетых красноармейцев, расстреливали их в упор.

С небольшим отрядом из сбежавшихся к нему бойцов и работников штаба Василий Иванович Чапаев, истекая кровью от трех пулевых ран, пробивался к Уралу. Боевые соратники, бережно поддерживая его, кинулись с ним в мутные волны. И всех их навек схоронили в реке уже поставленные по обоим берегам казацкие пулеметы.

Второй отряд чапаевцев, человек в восемьдесят, сплотился вокруг Батурина и убийственно точными залпами опрокидывал атаки казацкой лавы. Выждав момент, Павел Степанович сам бросил в неожиданную для казаков атаку свой маленький отряд и захватил два пулемета на повозках.

Дольше всех героически отбивалась от остервенело наседавшего врага батуринская группа. Но силы ее все таяли. С пьяным ревом и гиканьем навалился вдруг на горстку храбрецов крупный отряд казаков, прокрасившийся с тыла, и раздавил ее. Схватив «самого комиссара», озверевшие белогвардейцы бросили его наземь... В горло, в живот, в лицо воткнулись шашки и штыки.

...Жестоко отомстили за своих любимых командиров полки и бригады Чапаевской дивизии. Вопреки ожиданиям белоказаков, она не рассеялась по степи после гибели штаба, а, слившись в один железный кулак, выдержала бешеный натиск белых банд, в смертельном бою под Янайском скосила пулеметным огнем белые цепи, дождалась подмоги и, нещадно истребляя белоказачество, неудержимо хлынула к Каспийскому морю.

«Проходили и Лбищенск,— пишет Д. А. Фурманов

в романе «Чапаев», — застывали над братскими могилами, пели похоронные песни, клялись бороться, клялись победить, вспоминали тех, что с беззаветным мужеством отдали свои жизни на берегах и в волнах беспокойного Урала».

Скорбная весть — телеграмма командования Туркестанского фронта о героической смерти военного комиссара Чапаевской дивизии П. С. Батурина — омрачила и потрясла иваново-вознесенцев. Тринадцатого сентября траурное заседание губисполкома почтило его память вставанием и поручило президиуму губисполкома выработать мероприятия по увековечению памяти о нем. Двадцатого сентября делегаты губернского съезда Совнархозов пели похоронный марш, и скупые, непрошенные слезы текли по щекам у многих из тех, кто знал, любил Павла Степановича и никак не мог представить, что его уже нет в живых.

Да, такие, как Батурин, не умирают. Они живут и всегда будут жить в благодарных сердцах и патриотических мыслях советских людей. Никогда не померкнут их кристально ясные образы и суровые, светлые жизни. Сквозь десятилетия они зовут поколения новых бойцов на трудовые и ратные подвиги во славу родной советской Отчизны, во славу коммунизма.

М. ЖОХОВ

БОЕВЫЕ ПУТИ-ДОРОГИ.

1

Ярославский поезд остановился у перрона станции Иваново.

Из вагонов хлынула разношерстная толпа — кто в картузе и помятом пиджаке, кто франтом при котелке, простые женщины с корзинами и разодетые барыни... Сквозь поток, расталкивая встречных, пробирались бородатые носильщики, охотники за добычей.

В этой толчее никому и дела не было до Василия. А он в солдатской гимнастерке, с перекинутой через плечо скатанной шинелью, возвышаясь над людским потоком, шел и не верил, что снова в родном городе. Одноэтажное здание вокзала — наполовину каменное, наполовину деревянное — казалось громадным среди обступивших его домиков. Василий, оглянувшись еще раз на вокзал, словно желая убедиться, что приезд в родной город ему не приснился, бодро зашагал по Шереметевской улице. Через каких-нибудь пятнадцать минут он свернул вправо, на Петропавловскую, и вскоре оказался у отцовского домика.

Калитка и дверь в сени были, по обыкновению, не заперты. Василий прошел их торопливо, но, прежде чем

открыть дверь в кухню, остановился. Сердце билось часто-часто, должно быть, от быстрой ходьбы.

Только взялся за дверную ручку, на пороге стояла мать Наталья Прокофьевна. Заметив в полутемных сенях человека, она спросила встревоженно:

— Кто тут? Чего надо?

Василий вышел из-за двери, и мать, узнав его, всплеснула руками:

— Ой, Васенька! Родной мой! — и потащила сына в дом, на ходу помогая снимать вещевого мешок, скатку.

Калашникову шел 28-й год, но для матери он по-прежнему оставался Васенькой. А то, что пришел он солдатом, усталым и обросшим в дальней дороге, еще больше разжало вечно любящую мать. Она захлопотала у стола, подлила воды в рукомойник, достала чистое полотенце и лишь после этого, опустившись на табуретку, спросила, глубоко вздохнув:

— Совсем или на побывку?

Василий сообщил: дали отпуск на три месяца по болезни. Это встревожило Наталью Прокофьевну. Присмотревшись к сыну внимательней, она усталый вид его и щетинистые впавшие щеки — всё готова была объяснить болезнью. Но Василий, весело улыбаясь, успокаивал ее:

— Да ничего страшного нет... не тревожься... Отец-то на работе?

— А где ж ему быть?

— Сергей что пишет?

— Давно весточки нет, — печально проговорила мать, вспомнив младшего сына, находившегося на фронте. — Жив ли, погиб ли уж — ничего не ведаем.

День прошел незаметно: Василий поел, отдохнул, погулял. А когда вернулся с фабрики отец, Степан Галактионович, — он работал ситцепечатником у Фокина, — пора было Наталье Прокофьевне собираться в вечернюю смену на ткацкую Полушина.

Вечером они домовничали с отцом. Стопки появились на столе, наверно, по обычаю, потому что, выпив по одной, ни отец, ни сын к водке больше не притрагивались. У обоих накопилось так много невысказанного, что в разговоре не заметили, как перевалило за полночь.

Последний раз они виделись меньше года назад, но та встреча была, как говорится, «здравствуй — прощай». Василий заезжал домой всего на один день.

Случилось это так. Арестованный в числе других большевиков накануне 1 Мая 1913 года, Василий Калашников около шести месяцев просидел в тюрьме. Жандармы пытались создать шумный судебный процесс «заговорщиков» против самодержавия, но у них не было улик. Они опоздали захватить ивановский актив партии, когда человек 20—25 собрались на квартире Чеснокова в Хуторове, чтобы обсудить план первомайского праздника. А у арестованных по отдельности партийцев никакого серьезного, компрометирующего материала не нашли. И на жандармских допросах обвиняемые ничем себя не выдали. Пришлось жандармам ограничиться применением административной ссылки. Калашникова выслали в Олонецкую губернию.

Трехлетний срок ссылки Калашникова заканчивался в октябре 1916 года, а освободили его в июле. Это не было царской «милостью». Война перемолола немало войск, самодержцу не хватало пушечного мяса, и хоть политический ссыльный не ахти как надежен, а все-таки солдат. Военский начальник, сообщивший административно-ссылным о призыве в армию, был обескуражен вопросом: означает ли это амнистию, или после войны придется возвращаться в ссылку? Он пробормотал что-то вроде: «там видно будет» и приказал строиться.

Калашникова назначили в 179-й пехотный запасной полк, расквартированный в Новгородской губернии, в Селищенских казармах. По дороге туда, сделав изрядный крюк, он и заехал на денек в Иваново. Ни с кем из старых товарищей-партийцев повидаться не удалось. За год перед этим, в августе 1915 года, произошла кровавая расправа над безоружной толпой рабочих у Приказного моста, полиция — в который раз! — произвела повальные обыски и аресты, и оставшиеся на воле большевики действовали в очень строгой конспирации. Да, не в бодром настроении отправился Василий в солдатские казармы.

Но там вскоре снова воспрянул он духом. Среди солдат началось брожение, открыто высказывалось недовольство чуждой народу империалистической войной. В Петрограде разразилась Февральская революция, свергли ненавистного царя. И у себя, в 179-м полку, Калашников стал активным политическим борцом. Он был одним из тех, кто создавал солдатский комитет, вступал в горячие споры с меньшевиками и эсерами, разоблачал их предательскую

линию продолжения войны. По поручению солдатского комитета Василий ездил в революционный Питер. Мысли становились яснее, кулаки сжимались крепче после того, как он побывал в редакции большевистской «Правды». Настоящую зарядку получал он там!

И вот теперь, уволенный по болезни в отпуск, Василий Калашников снова в родном доме. Отец выпрашивал подробности: каково было в тюрьме, как жилось в ссылке, что говорят в полку о войне... Но сыну не до воспоминаний: что было, то прошло,— его интересуют ивановские новости. И Степан Галактионович обстоятельно рассказывал, что творится в городе.

Война отозвалась и на Иваново-Вознесенске. Многих работников забрали в солдаты, семьи их жили впроголодь. С каждым месяцем все меньше продуктов появлялось в магазинах, а лавочники, наживаясь на народной нужде, взвинчивали цены. На это открытое ограбление рабочие ответили стачками. Тридцать четыре предприятия бастовали минувшей зимой. А как только узнали, что Николашу с трона спихнули, забурлило Иваново сильнее прежнего. 2 марта тысяч тридцать собралось на площади перед управой. Выступали ораторы от большевиков, предлагали создать рабочий Совет по примеру 1905 года. На другой день была демонстрация. С плакатами, с песнями ходили по улицам ткачи. К ним присоединились солдаты. 199-й запасной полк в городе стоит, так он целиком, под красными знаменами, вышел на демонстрацию... В Совет выбрали от каждой фабрики по два депутата, и солдаты своих представителей выделили. И сразу же к делу. Не стал наш Совет дожидаться, когда там, в Петрограде, Временное правительство раскачается да соизволит удовлетворить давнишнее требование о восьмичасовом рабочем дне. Сами, своим постановлением, на всех ивановских фабриках взяли да и сократили работу до восьми часов. Видит народ: вот это действительно рабочая власть!..

Василий слушал отца внимательно, не перебивая, а когда тот умолк, спросил с легкой усмешкой:

— Ну, а временщики-то как на это смотрят?

— А что нам временщики! — ответил Степан Галактионович с нескрываемой злостью. — Сговорились тут адвокатишки с меньшевиками да эсерами всякими, объявили свой комитет. Орган, дескать, законного Временного правительства. И называли-то как громко: «Комитет общест-

венной безопасности». Да, ткача, брат, вывеской не обманешь! Сами с усами, знаем, где калач, а где палач.

— Чем же насолил вам этот законный орган? — спросил, заинтересовавшись, Василий.

— Да как же! — Степан Галактионович в сердцах даже плюнул. — Послушай-ка, что тут было в прошлом-то месяце.

И он рассказал о случае, возмутившем весь рабочий Иваново-Вознесенск.

Во время первомайской демонстрации (праздник отмечался в 1917 году 18 апреля старого стиля) рабочие, собравшись у своего Совета, потребовали арестовать крупного хлеботорговца Куражева. Это был не только беззащитный обирала, но и ярый монархист. Ивановские ткачи никогда не забудут, что именно он, Куражев, был главным подстрекателем черносотенного погрома в 1905 году. Арестовали эту гадину, а через несколько дней его вызвал в Москву товарищ министра юстиции Скарятин. И что же сделал он с погромщиком? На каторгу отправил? Как бы не так! Побалакал, видно, с ним по-дружески «временный»-то министр, да и отпустил на волю. Живи, мол, на доброе здоровье, продолжай грабить и убивать народ.

— А ты говоришь: «зако-онный»! — сердито проговорил отец, покосясь на сына, словно это он, а не буржуазный министр освободил черносотенца. — Одного они поля ягода, что живоглоты Куражевы да Грязновы, что временщики проклятые.

Василий был доволен разговором. Если уж такие простые рабочие, как его отец, к партии не принадлежащие, понимают существо Временного правительства, значит недолго ему властвовать.

Расхаживая по комнате, Василий думал: «Ну-с, отпустил, баклуши бить нечего. Завтра же надо идти в партийный комитет и браться за работу».

Степан Галактионович, утомившийся на фабрике, начал дремать за столом. Василий слегка тронул его плечо:

— Давай-ка, отец, спать. Утро полночи мудренее...

2

Городской комитет РСДРП (большевиков) помещался в бывшем особняке Демидова, а недалеко, в особняке фабриканта Полушина, находился Совет рабочих депутатов.

Это казалось необычайным даже самим коммунистам. Давно ли собирались они тайком, скрываясь от полицейских ищек, давно ли о своей принадлежности к партии не говорили порой и родственникам. А теперь партия действует открыто, ее комитет на виду у всего города. И давнее, еще перед революцией 1905 года зародившееся уважение к большевикам, людям умным и бесстрашным, не пугавшимся ни каторги, ни ссылки, вылилось в откровенную любовь и доверие. Если в первый месяц после выхода из подполья в городской организации РСДРП(б) было около 1000 человек, то на партийной конференции 14 апреля были представлены уже 3500 членов. И характерно, что третью часть общего количества делегатов этой конференции составляли женщины. Город-то текстильный, на фабриках женщин тысячи, и они пробудились к активной борьбе.

...Калашников пришел в горком пораньше, надеясь, что с утра удастся скорее решить дело. Там было уже порядочно народу. Около здания двое усатых, с морщинистыми лицами, в замасленных картузах, должно быть слесари, о чем-то рассуждали. Рядом молчаливо стояли и слушали их трое парней. В коридоре, у входа, пристроились на деревянном диване молодая женщина и старушка. Молодая, в косынке и ситцевом цветном платье, ровным голосом, не спеша что-то объясняла, изредка постукивая карандашом по газете, а старушка, наглухо повязанная темным платком, кивала головой: понимаю, мол, понимаю. Дальше по коридору и у лестницы тоже стояли и прохаживались люди, обязательно по двое, по трое. Никого одиноко скупающего не заметил Калашников.

Он стал подниматься на второй этаж и на лестничной площадке чуть не столкнулся со сбегающей женщиной. Посторонившись, он узнал ее, а женщина, вскинув голову, удивилась:

— Василий... — помедлила секунду. — Степанович! Подождите меня в комитете, скоро приду...

Это была Вера Алексеевна Коровайкова. Она работала, оказывается, в горкоме партии. Пока Василий неторопливо шел и дожидался Веру Алексеевну, в памяти вставала юность.

...Вот он летом 1905 года, пятнадцатилетний ученик низшего технического училища, вызван на допрос. «Вы обвиняетесь в вооруженном нападении на усадьбу фабрикан-

та Малахова», — гнусавит следователь. «Что вы, я в этот день ходил по грибы», — твердо отвечает Василий. У следователя нет никаких доказательств его участия в этом деле, только донос провокатора. Свидетельские показания подтверждают невиновность паренька. Его отпускают, но надзор продолжается. «Подследственных» в училище не держат, и Василий должен уйти из третьего класса.

Вот он на фабрике Грязнова. Душно и грязно, да что же делать, хлеб на деревьях не растет... А хорошие они люди, Гришин с Трубочкиным. Начали будто в шутку: «Возьми-ка почитай книжечку», потом прямо сказали: «Приходи вечером, будут все свои, фабричные». Так вошел Василий осенью 1906 года в кружок, с этого времени и партийный стаж его исчисляется... Ни одного собрания не пропускал и сначала только слушал, а потом сам стал вступать в споры-разговоры. Книжки читал запоем, до поздна засиживаясь у керосиновой лампы, за что не раз получал выговоры от матери: «керосин-то ведь дорог».

В начале 1907 года Василий, активный кружковец, бойкий и начитанный парень, вошел в состав районного комитета РСДРП(б).

А тут эта история с револьвером!.. Чуть было в тюрьму не угодил... Вообще-то без тюрьмы при царе-батюшке все равно не обойтись, но зачем лезть туда раньше срока, да по глупости?..

Случилось так, что двое грязновских рабочих, подвыпив, поспорили в пивнушке с полицейским, отлупили его и разоружили.

Было это в воскресенье, а на другой день парни рассказали о драке Василию и попросили спрятать револьвер. А он, чуткая душа, согласился себе на хлопоты. Когда парней забрали в полицию и крепко избили, они во всем сознались и сказали, кому передали оружие. Хорошо еще, что те трусоватые приятели, не говоря уж про полицию, не знали о принадлежности Василия к партии большевиков. Для Василия дело ограничилось тем, что вызвали в полицию, обругали как следует и отпустили. На суде он должен был выступать в качестве свидетеля. Но и это не потребовалось. Суд над «похитителями револьвера» состоялся в Иванове в 1908 году, когда Калашников сам сидел во владимирской тюрьме, обвиняемый в более тяжком преступлении.

История с револьвером научила Василия не связывать-

ся с людьми ненадежными, зато он стал более активно вести подпольную политическую работу.

Осенью 1907 года по всей стране прокатилась волна протеста в связи с тем, что царское правительство назначило судебный процесс над арестованной социал-демократической фракцией 2-й Государственной думы. В числе арестованных был депутат-ивановец Николай Андреевич Жиделев, и это особенно близко воспринималось текстильщиками Иваново-Вознесенска. Городской комитет партии решил в день суда над рабочими депутатами провести однодневную политическую стачку. Активисты были распределены по фабрикам: П. Н. Караваева послали на фабрику товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, П. П. Постышева — на дербеневскую, Калашникову с «Жаворонком» (так в подполье звали П. А. Будкина) поручили на своей же грязновской фабрике организовать людей.

Для Василия это было первое выступление перед народом, и он очень волновался. Вечером дома и с утра в цехе ходил задумавшись и что-то бормотал — речь заучивал должно быть. Но в общем все получилось совсем неплохо. На митинг собралось много людей. Василий говорил недолго, но горячо. Сам возмущенный беззаконием царских властей, которые расправлялись с представителями народа в думе, молодой оратор простыми словами и гневным чувством сумел возбудить рабочих.

— Стачка! Политическая стачка! Пусть царское правительство узнает силу нашего коллективного протеста против произвола над рабочими депутатами. Мы избрали своих депутатов, мы и защищать их будем! — говорил Василий твердо и убежденно. — Завтра все фабрики в городе встанут. Бастуем и мы!

На отделочной фабрике Грязнова была не очень большая по количеству, но сплоченная и инициативная большевистская ячейка. В нее входили Ф. Н. Самойлов, Д. Е. Морозов и другие активные партийцы. Они еще накануне общефабричного митинга вели работу по цехам и отделам, и рабочие, многие из которых на этой фабрике были грамотными и сознательными, поддержали идею политической стачки. Массовый митинг, горячая речь Василия Калашникова еще больше сплотили и зажгли людей. И на другой день грязновская фабрика остановилась одной из первых. Весь пролетарский Иваново-Вознесенск

организованно и дружно забастовал, встав на защиту своих рабочих депутатов.

После общегородской стачки полиция произвела аресты, но Калашников не был взят. Ему казалось, что всё обошлось благополучно. Однако он ошибался. Полицейские сыщики уже следовали по его пятам.

В феврале 1908 года, субботним вечером, Василий, к тому времени избранный в городской комитет РСДРП(б), пришел к Михаилу Павловичу Куликову, тоже члену горкома. Квартировал тот в доме Акимовых, на Владимирской улице, снимал у них подвальчик. Там и было назначено очередное заседание Иваново-Вознесенского комитета партии. Явился Калашников первым. Только успели они с Куликовым обмолвиться парой-другой слов, нагрянула полиция. Несколько полицейских, за ними пристав ввалились в комнату, а за окнами, на улице и во дворе, видны казаки. Пристав удивленно уставился на молодых людей, мирно беседующих: один за столом сидит, другой похаживает.

— Ах, черт возьми! — выругался он. — Видно, поторопились, — и вдруг испугался: — Неужто опоздали?

Налёт был, прямо сказать, некстати. Вот-вот должны придти товарищи, здесь, в комнате, находились кое-какие партийные документы... Куликов, однако, не растерялся и, в самом деле разозленный, спросил пристава со злостью:

— Что вам надо? По какому, собственно, праву врываетесь вы в чужой дом?

Полицейские, выпучив глаза на смелого парня, ожидали, что ответит пристав. А тот, отдышавшись и вытерев пот со лба, сказал коротко:

— Ну, ну, поговори у меня. Я те покажу право!.. — стряхнул платок, еще раз вытерся и лишь после этого бросил команду:

— Обыскать!..

Полицейские принялись за свое дело: обшарили Куликова, подошли к Калашникову.

— Кто такой? — рыкнул пристав.

— Да вот зашел приятеля проведать, — ответил Василий, невинно пожимая плечами. — Думал, в пивнушку сходим...

— Хм... — пристав посмотрел на него подозрительно, передразнил: — «В пивнушку»... Больно хорошо, если бы

только по пивнушкам ходили... Да этакие-то вот пивнушечники — подумайте-ка! — на престол посягают...

Для полицейского служаки такое «деяние» было; конечно, сверх всякой меры, и с «посягателями» он не церемонился.

Произвели обыск, взяли переписку, книги... Затем пристав сказал Калашникову:

— Веди к себе на квартиру!

Это было хуже: дома, в маленьком шкафчике, находились прокламации и запрещенные книги. Василий пытался отговориться:

— Да что вы, господин пристав... Напрасно только время потеряете...

— Ладно, ладно! Наше время не считай. Пошли! — оборвал его полицейский и подтолкнул к выходу.

Положение создалось щекотливое, и Василий шел медленно, раздумывая, как бы отделаться от полиции. Идти было, к сожалению, недалеко. Вошли в дом. Матери не было, а зато на кухне сидел Павел Постышев, член горкома партии, друг и товарищ по подпольной работе. Василий обомлел: этого еще не хватало!.. Чтобы отвлечь внимание от Павла, Калашников подвел полицейских к «своему» уголку.

— Вот тут всё мое имущество! — сказал он, указав на шкафчик, висевший на стене.

Шкафчик был заперт, ключ висел рядом, на гвоздике. Один из полицейских открыл дверцу и поморщился: там валялись пустая бутылка, чистый носовой платок.

Василий и сам удивился содержимому шкафчика, но виду не подал. На душе стало легче. В дом вошла мать, и Василий услышал недовольный голос Постышева:

— Эй, хозяйка! Тетка Наталья! Где ты там ходишь? Ужин давай. Людям завтра праздник, а мне работать.

— Успеешь, не велик барин,— в тон ему отвечала мать.

В общем, здорово в тот раз получилось. Хоть и переворошили полицейские все вверх дном и в дому, и в сарае, даже поленницу дров раскидали, но ничего «уличающего» не нашли.

— Я же говорил, что напрасно время потеряете,— сказал, выпроваживая полицейских, Василий.

Арестовывать его тогда не было оснований, и Павла Постышева, ловко разыгравшего роль сердитого кварти-

ранта, не тронули. А это именно он был виновником загадочного исчезновения «крамолы».

Постышев тоже шел к Куликову, но, увидев около дома казаков, повернул к Калашникову. Зная, что полиция может и сюда нагрянуть, очистил Васильев шкаф, побросал в него что под руку попало, а мать успела книги и прокламации отнести к надежным соседям.

Однако месяца через два следователи, ведущие «Дело Иваново-Вознесенского Союзного Совета РСДРП», разобрались в отобранных у Куликова бумагах, нашли там две резолюции, переписанные рукой Калашникова, и он был арестован. Год и десять месяцев просидел Василий в тюрьме как подследственный.

Выездная сессия Московского военно-окружного суда разбирала это дело в феврале 1910 года. Многим был вынесен суровый приговор — каторга, тюрьма; иных отправили в ссылку. Несколько человек, в том числе Василий Калашникова, за недостаточностью улик, освободили...

С тех пор Василий Степанович и не виделся с Коровайковой. Вера Алексеевна по приговору суда отбывала крепость, а потом, в 1915 году, опять была арестована и осуждена в ссылку, где и пробыла вплоть до Февральской революции. Калашников же, проработав три года то в Кохме, то в Иванове, то в Москве, в 1913 году тоже угодил в ссылку.

Время изменило ее внешне, но по-прежнему живой, энергичной была Вера Алексеевна. Возвратившись в горкомовскую комнату, она еще раз поздоровалась с Василием, горячо пожав ему руку. Они просидели больше полчасика, расспрашивая друг друга о прожитых годах, а потом, словно спохватившись, Коровайкова сказала:

— Пойдем-ка к Семену Ивановичу. Надо тебе в работу включаться, дела сейчас — ой, как много.

Балашов, руководитель городской партийной организации, тоже недолго занимался воспоминаниями о прошлом, хотя вспомнить им с Василием было что.

— Ну, что ж, три месяца, так три, — сказал он в ответ на сообщение Калашникова о причине его приезда в Иваново. — Там отпуск дали, а здесь мы тебя впряжем... Не отвертись!.. Работать будешь в группе агитаторов. Правдивое слово партии рабочим надо говорить просто и смело. А то у нас меньшевики воду мутят, головы людям мочат...

Василий слушал Балашова с каким-то приподнятым чувством. Это был большевик, прошедший школу борьбы куда более суровую, чем он, Калашников. Когда Василий восьмилетним мальчишкой разглядывал картинки в букваре, Семен Иванович уже вступил в социал-демократическую организацию. В памятном 1905 году Балашов был членом Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б), вместе с «Отцом» — Афанасьевым и «Арсением» — Фрунзе руководил всеобщей стачкой ивановских текстильщиков, входил в первый Совет рабочих депутатов. Арестованный в 1908 году и приговоренный к ссылке, он только после Февральской революции вернулся из Сибири в Иваново. Вернулся — и сразу же включился в политическую битву. Для Василия это был образец революционера. Будучи прядильщиком, Балашов хорошо знал нужды рабочих и ради блага простых людей не жалел себя. И слова его Калашников воспринимал близко к сердцу, как приказ самой партии.

— Главное для нас теперь, — говорил Балашов, — разъяснить рабочим, что Временное правительство обманывает их. Народу осточертела война, он хочет возвращения солдат в семьи живыми и невредимыми. А буржуазные министры не хуже царских вопят о войне до победного конца. Вот тут и нужно, чтобы наш лозунг прекращения кровавой бойни привлек новые и новые тысячи сторонников.

В городском комитете партии узнал Василий о митинге, состоявшемся 30 апреля. Тысячи рабочих, работниц и солдат пришли на площадь, все настроены были боевито, ораторов-большевиков слушали внимательно. А потом приняли резолюцию, за которую поднялся лес рук. Вот что прямо, без обиняков, заявили ивановцы на этом митинге:

«Буржуазия есть класс эксплуататоров, расхищающих труд, рабочую силу, не щадя женщин и детей, она не способна отказаться от грабежа и несет с каждым днем пролетариату все новые и новые разорения и гибель десятков тысяч тружеников. Война — ради грабежа, займы — ради обогащения капиталистов-тунеядцев. Мы, рабочие и работницы Иваново-Вознесенска, обнищавшие от грабежа буржуазии, протестуем самым решительным образом против продолжения грабительской войны, против займа ради наживы.

Правительство буржуазии никогда не будет иметь на-

шего доверия. Если оно дальше будет вести нас к гибели, мы скажем: «Руки прочь от святого дела русской революции».

Шлем свой от чистого сердца привет нашему дорогому товарищу Ленину, как выразителю наших чувств и наших стремлений...»

Эти слова были Калашникову напутствием в агитационной работе, за которую он горячо взялся.

Каждый день то на одном, то на другом предприятии организовывались митинги, и представители горкома шли туда, чтобы разъяснить точку зрения большевистской партии на происходящие в стране события. Калашников ходил на такие митинги чаще всего с Валерьяном Наумовым, энергичным, молодым коммунистом, членом горкома. Выступления на фабриках, перед рабочими, жизнь и настроения которых были ему давно знакомы, казались Василию делом несложным.

Но однажды Калашников попал на собрание, созванное местными буржуазными деятелями в помещении женской гимназии. Были тут главным образом интеллигенты и несколько человек из мастеровых. На трибуну взошел заезжий профессор, говорил пространно и мудрено, пересыпал свою речь иностранными словами. По тому, с каким пафосом восхвалял он добропорядочность «хозяев» и как ругал «смутьянов» — большевиков, нетрудно было догадаться, что это ярый кадет. Василия подмывало выйти вслед за профессором на сцену и разгромить его в пух и прах, но одно смущало: люди-то в зале сидят — не свои рабочие. Пока он этак размышлял, на трибуну поднялся Алексей Семенович Киселев. Василий знал его как смелого революционера, а тут узнал как блестящего оратора. От «веских» доводов профессора большевик Киселев не оставил камня на камне, и убедительные слова его, может, не очень приятные кое-кому, заставили интеллигентов призадуматься. Калашникову после речи Киселева выступать было легче, и он говорил увереннее. Но понял он и другое: надо учиться и учиться, чтобы не только агитировать рабочих, убеждать колеблющихся, но и громить врагов.

Как-то Василий шел по Посаду. Там, близ Вознесенской церкви, находился рынок, где всегда было много народу — и местных жителей, и приезжих крестьян. И вот услышал он, как, собрав вокруг себя группу людей, какой-то эсеришка разглагольствует на счет «победного конца»:

ну, ясно, призывает поддерживать войну и Временное правительство.

Пробрался Василий ближе, видит — оратор стоит на крестьянской телеге, кричит, что есть мочи. Воспользовавшись паузой, спросил негромко:

— Скажи-ка, милейший, землю когда крестьянам дадут?

Эсер замялся, а Калашников вскочил на телегу и спокойно продолжал:

— Вот видите, мужики, как о земле спросили, так уважаемый оратор и замолк. А почему у него слов нехватка?

Гул голосов смолк. Собравшиеся крестьяне ждали, что скажет этот человек про самое заветное — про землю.

— Да очень просто, товарищи! — продолжал Калашников. — Временному правительству не до мужиков с их заботами. У него дела поважнее. Вы хоть задыхайтесь от безземелья, а оно хочет продолжать грабительскую войну, от которой простому человеку ровно никакой пользы.

Мужики загудели, эсер счел наилучшим уйти подальше от греха. Калашников же, завладев вниманием, неторопливо разъяснял, что только свержение буржуазии и переход власти к самим рабочим и крестьянам обеспечит народу мир и хлеб.

Жизнь в Иванове бурлила. Одновременно с петроградскими рабочими ивановцы вышли 18 июня на демонстрацию. «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Хлеба, мира и свободы!» — было написано на плакатах.

Идя в колонне демонстрантов, Василий Калашников переживал необыкновенную радость. То, о чем недавно рассказывали ему отец и товарищи, теперь он сам видит: тысячи земляков, организованных, дружных, выступают под большевистскими лозунгами.

А вскоре крепкая вера рабочих в свою партию, поддержка большевиков широкими массами подтвердилась еще более ярко. 4 июля вечером из Москвы пришла телеграмма, в которой областное бюро РСДРП(б) сообщало о кровавых событиях в Петрограде. Экстренно собравшийся Ивановский комитет партии решил провести вооруженную демонстрацию за власть Советов. На завтра к этому решению присоединился Совет рабочих и солдатских депутатов. И вот 6 июля улицы Иваново-Вознесенска вновь заполнились колоннами мужчин и женщин, пожилых и мо-

лодежи. Полк солдат вышел на демонстрацию с боевыми патронами.

Гордый вид этих людей с винтовками, шагающих рядом с рабочими, напомнил Василию, что он тоже солдат и должен, вернувшись в Селищенские казармы, работать так, чтобы все до единого однополчане с оружием выступали за власть Советов.

Эти три месяца, проведенные в Иванове, очень памятливы Василию Степановичу. Работа партийным агитатором многому его научила и закалила для новой, еще более острой борьбы. А кроме того — приехал он в родной город холостым, а уезжал мужем.

Женился Василий на девушке Наташе, ткачихе с фабрики Бурьлина. Он знал ее давно, еще школьницей. Отец и мать Наташи умерли, жила она с дедом и бабушкой в доме Калашниковых. Василий бывало помогал ей решать задачки, разбираться в грамматике. Закончив начальную школу, Наташа в двенадцать лет пошла на фабрику. Четыре года не видалась, и за это время стала Наташа совсем взрослой. Прежняя доброта Василия и теперешняя его мужественность привлекли девушку. Да и для Василия ближе и лучше, чем Наташа, никого на свете не было.

Свадьбу отпраздновали скромно, в семейном кругу. Пожили недолго — отпуск у Василия кончился.

Но возвращаться в Новгородскую губернию Калашникову не пришлось. Товарищи по партии считали, что ему лучше поехать в Москву, и соответствующее направление было оформлено через уездного воинского начальника.

3

56-й пехотный полк, куда получил назначение Калашников, в августе находился в летних лагерях близ города, в Серебряном бору. Обстановка в полку, как небо в протекающей тут Москве-реке, отражала происходившие в стране события. Вот уже почти полгода всеми делами вел солдатский комитет, созданный сразу после Февральской революции; состоял он из людей разных политических взглядов. Большевики своей ясной и правдивой программой завоевали симпатии сотен солдат и имели в комитете свыше половины мест. Но были в полку и такие, кто

поддался велеречивым эсерам и меньшевикам и голосовал за них при выборах комитета.

Калашников стал служить в 12-й роте. Солдатам он пришелся по душе, — толковый человек, просто и понятно разъясняющий вопросы, которые роем крутятся в головах. А когда они узнали, что их новый товарищ больше десяти лет состоит в партии большевиков, изведал царскую тюрьму и ссылку, то уважение к нему возросло многократно. Прошел лишь месяц, как начал он служить в полку, а в сентябре при выборах Московского Совета Калашникова избрали депутатом от 12-й роты. Депутатский билет № 426 ввел его в гущу революционной борьбы московского пролетариата.

Осенью полк перебрался в свои казармы на Рождественском бульваре. А Московский Совет помещался в доме отстраненного от дел генерал-губернатора на Скобелевской площади, в том самом здании, которое занимает и ныне. Заседания Совета созывались часто, — множество дел решал он в то тревожное время.

Днем 25 октября, когда из Петрограда пришли вести о начавшемся вооруженном восстании, собрался солдатский комитет 56-го полка. Был на заседании и Калашников, входивший в состав полкового комитета.

Первое слово — представителю большевистской фракции Моссовета.

— Московские рабочие и солдаты должны выступить в поддержку питерских товарищей, — сказал он. — Фракция большевиков просит вас срочно выделить в распоряжение Моссовета две роты солдат. Они займут почту и телеграф, будут охранять политехнический музей, типографии. Это важные пункты, их нам надо держать в своих руках.

Делегаты-большевики, конечно, немедленно поддержали просьбу своего представителя. А меньшевики и эсеры, словно сговорившись, ополчились на них.

— Полк не может подчиняться одной партии, — кричал один эсер. — Если давать солдат большевикам, то надо выделить и для фракции социал-революционеров.

— И социал-демократы-меньшевики нуждаются в вооруженной силе, — вторил ему меньшевик.

Калашникова возмутили эти претензии политиканов, известных громкими речами, но удиравших в кусты, когда надо по-настоящему, с оружием драться за революцию.

— Интересно, что будут делать ваши фракции с солдатами? — спросил Василий Степанович. — Разве только лидеров своих охранять от гнева революционного народа?

Жаркий спор решился голосованием. Большинство членов полкового комитета, поддержанное горячим одобрением собравшихся в помещении солдат, проголосовало за то, чтобы просьбу фракции большевиков удовлетворить. И две роты — 11-я и 13-я — тут же пошли с представителем Моссовета. Претензии меньшевиков и эсеров отвергли, как пустое бахвальство, — известно было, что против Временного правительства они не выступали ни на словах, ни на деле.

Едва закончилось заседание полкового комитета, Калашников поспешил в Московский Совет. Зал гудел, как улей: депутаты горячо обсуждали события в Петрограде. Было ясно, что никакая сила не спасет буржуазное правительство Керенского, что власть переходит к пролетариату. И большевики предлагали Московскому Совету создать Военно-революционный комитет, который возьмет власть в городе в свои руки и организует помощь восставшему Питеру. Таковую резолюцию поддержали 394 депутата из 523. Эсеры, громко кричавшие об учредительном собрании, испугались участвовать в боевом органе. Меньшевики вошли в комитет со всяческими оговорками.

Военно-революционный комитет, руководимый большевиками, не терял ни часа. Были приведены в боевую готовность все верные революции воинские части. В здании Моссовета раздавалось оружие рабочим отрядам. И то в одном, то в другом месте начинались бои с войсками белых, которыми командовал полковник Рябцев.

Но как ни сопротивлялись юнкера и офицеры, как ни злобствовали они в захваченном Кремле, где подвергли зверским издевательствам солдат 56-го полка, несших караул, как ни надеялись на скорую победу Керенского и генерала Краснова под Петроградом, — дни контрреволюции были сочтены. Улицу за улицей, одно здание за другим занимали восставшие рабочие и солдатские отряды.

В эти дни Василий Калашников забыл о сне и отдыхе. Он то как рядовой солдат нес службу по указанию штаба, то как член полкового комитета дежурил в Рождественских казармах. А то по вызову из Моссовета спешил на Скобелевскую площадь и там, в центральном штабе,

всегда находилось дело, на первый взгляд незаметное, но важное и нужное.

2 ноября товарищи сообщили Василию новость: только что на Курский вокзал прибыл двухтысячный отряд — солдаты и рабочие из Шуи, Иваново-Вознесенска, Тейкова... Было радостно слышать похвалу о земляках, пришедших на помощь революционной Москве. Теперь-то, с таким пополнением, победим, скоро и наверняка!..

И верно, недолго держались белые. Вечером 2 ноября революционные отряды начали штурмовать последний очаг сопротивления белых — прилегающие к Кремлю кварталы. Видя свою обреченность, полковник Рябцев и его штаб на рассвете 3 ноября приняли ультиматум Военно-революционного штаба и капитулировали. Охрану Кремля в первые дни после этого несли двести солдат полка, бывшего из Шуи.

Жизнь в городе входила в мирную колею. Начинали работать предприятия, открывались магазины, оживлялись улицы. Московский Совет, полномостный хозяин города, регулярно собирался на заседания; присутствуя на них, Василий Калашников вначале чувствовал себя неловко. Хозяйственные вопросы, которые решал теперь Моссовет, солдату казались непривычными. Но ведь не век ему быть солдатом! Скоро демобилизуется, поедет в родное Иваново. И пора ему учиться хозяйствовать.

Неожиданно приехала Наташа. С вокзала — прямо к Рождественским казармам. Дежурный вызвал Калашникова: «Жена спрашивает». Он помчался к воротам, увидел ее взволнованной, в слезах...

— А как же не тревожиться? — отвечала Наташа на его вопрос. — Сколько времени писем нет, а в Иваново слух прошел, будто юнкера в Кремле расстреляли всех солдат вашего полка. Думала, и ты погиб...

— Видишь, ничего со мной не сделалось, жив и невредим. Скоро домой совсем вернусь, — говорил жене Василий Степанович.

Успокоенная встречей с мужем и его обещанием, Наташа не стала задерживаться в незнакомом городе. В тот же вечер она села на поезд.

Калашникова отпустили с военной службы в декабре. Не мешкая, собрал он свои немудрящие солдатские пожитки, простился с товарищами, последний раз отрапортовал командиру. Хотя не долгие, но бурные месяцы провел он

в 56-м полку, одной из самых преданных делу революции воинских частей. И расставаться с боевыми товарищами, по правде говоря, было жаль.

4

Василий Степанович понимал, что Наташе при встрече с ним в Москве было не до рассказов об ивановской жизни. Так, обмолвилась двумя-тремя словами: дескать, перебиваемся кое-как. А вот приехал сам и увидел: положение в городе очень трудное. Муки выдавали в сентябре 11 фунтов на человека, в октябре — еще меньше. Предъявленное профессиональным союзом требование об увеличении заработной платы фабриканты отклонили. В ответ на это 21 октября началась всеобщая стачка трехсот тысяч текстильщиков Иваново — Кинешемского района. Она продолжалась до 17 ноября. Капиталисты пошли на уступки лишь после свержения Временного правительства и установления Советской властью рабочего контроля на предприятиях. Для того чтобы накормить голодавшее сотысячное население города, продовольственная управа предприятия приняла обмен мануфактуры на хлеб с Сибирью и Кавказом. А запасы ткани тоже не бесконечны: на многих фабриках почти совершенно не было ни сырья, ни топлива...

Избранный после возвращения в Иваново-Вознесенск председателем городского Совета рабочих и солдатских депутатов, Василий Степанович Калашников остро переживал критическое положение промышленности. Очень хотелось, чтобы скорее задымили фабричные трубы, заработали станки и машины, чтобы люди получили продукты питания. И все, что Совет был в силах сделать, он делал: на предприятиях проверили и учли всё наличие топлива, сырья и готовой мануфактуры; строжайше запретили вывозить какие-либо материалы с фабрик и заводов; послали за помощью делегации в Москву и Петроград...

Но отдаться целиком налаживанию мирной жизни не было возможности. Буржуазия все еще надеялась вернуть себе власть и с оружием выступала против Советской республики. На юге страны опаснейшим врагом был генерал Каледин, сгруппировавший белогвардейские войска.

Ивановский Совет решил организовать добровольческий отряд для борьбы с Калединым. По фабрикам устраи-

вались массовые митинги. В газете «Рабочий город» было опубликовано воззвание Совета рабочих депутатов.

«Товарищи рабочие, настал момент решительной борьбы...— говорилось в этом воззвании.— Царские опричники: ген. Алексеев, Корнилов, Дутов, Каледин и прочая верная рать ведут беспощадную кровавую борьбу с советскими войсками рабочего и крестьянского правительства... Надо напрячь все силы, чтобы не дать восторжествовать этим извергам рода человеческого... Не для этого русский трудовой народ разбил цепи рабства, чтобы опять их надеть...

Товарищи, наш район славился своею революционностью, покажем же таковую свою запись в добровольческий отряд».

Текстильщики горячо откликнулись на призыв родной власти. Число добровольцев росло, был создан штаб Красной гвардии. Докладывая на заседании Совета о сформировании первого отряда, Калашников поставил вопрос об оружии и обмундировании. На счет этого договорились со штабом Московского военного округа.

Борьба с контрреволюцией велась и внутри города. Горячо поддержал Василий Степанович требование 199-го пехотного полка о закрытии кадетской газеты «Русский Манчестер». Этот листок, просуществовавший немногим больше месяца, поливал грязью Советскую власть, сеял смуту среди населения. Постановлением городского Совета от 20 декабря 1917 года буржуазная газетка была признана «вредной для пролетарской революции» и закрыта.

Организуя силы на помощь фронту, городской Совет и его председатель не откладывали надолго и разрешение насущных нужд жителей. В январе 1918 года посланцы Иваново-Вознесенска заключили с Воронцово-Николаевской продовольственной управой, Ставропольской губернии, сделку об обмене одного вагона мануфактуры на пятнадцать вагонов пшеницы. Это явилось большим подспорьем в снабжении города хлебом. Намечен был смелый по тому времени план культурно-бытового строительства.

— Народная власть о народе и заботиться призвана,— говорил Калашников товарищам по Совету.— Конечно, от фабрикантской думы нечего было ждать, чтобы она о простых людях побеспокоилась. А мы должны это делать.

В начале 1918 года решено было приступить к благо-

Слева направо: В. С. КАЛАШНИКОВ, В. Н. НАУМОВ (Москва, 1957 г.)

устройству Иваново-Вознесенска. Первым пунктом плана стояло устройство водопровода и канализации. Затем шла общественная столовая на тысячу человек. Для ребят-шек, остающихся без призора во время работы родителей,— восемь яслей и восемь садов; при этом строить их намечалось на окраинах. Чтобы обеспечить всеобщее обучение детей, необходимо было создать сорок новых школ. А кроме того — окончание работ в больнице, переустройство публичной библиотеки, постройка квартир...

Гражданская война помешала осуществлению этого плана, но кое-что было сделано. Калашников договорился с воинским начальством о передаче в распоряжение городского Совета всех казарм и барачных помещений, освобожденных солдатами. Помещения переоборудовали для культурно-бытовых нужд. Полученные от воинских частей строительные материалы, особенно тес, потребовались в большом количестве при устройстве водопровода... Уже тогда, на заре Советской власти, многие работы по благоустройству города велись при широком участии самого населения.

В заботах и хлопотах летело время. Дела, всегда быстрым, неотложным, Василий Степанович отдавал целые дни, домой забегал лишь на несколько часов. На это не раз сердчала Наталья Павловна. Да и как не сердать! Ведь у них уже рос сын, а отец-то его почти и не видит.

— Ничего, Наташа, — отвечал Василий Степанович жене. — Придет срок, и Борькой займемся оба... А пока тебе одной придется...

Но срок все не приходил, — Калашников работал то в губернской чрезвычайной комиссии, то в губкоме партии, и свободного времени опять совершенно не было.

В апреле 1919 года Калашников, при очередной партийной мобилизации, отправился на фронт. Вместе с Наумовым, Колесановым, Соколовым и другими ивановскими большевиками он ушел на Восточный фронт в распоряжение М. В. Фрунзе.

5

— Вас вызывает командующий...

Сообщение это взволновало Калашникова. Вызов к Фрунзе, несомненно, означал большие перемены в боевой жизни.

Прошло уже больше года, как Василий Степанович был на фронте. Сколько городов и сел пришлось изъездить, сколько горестей и радостей испытать!

Из Иванова он приехал в Самару. Оттуда с вновь сформированной бригадой — походным маршем к Уральску. И на этом пути, близ казачьей станицы Соболевки, получил он боевое крещение, да такое, что запомнилось навсегда.

Под Соболевкой молодая бригада столкнулась с казачьей частью. Пока противник маячил где-то вдали, всё шло как будто хорошо, настроение у красноармейцев было бодрое. Но вдруг конные казаки, стреляя и гикая, помчались в атаку. И многие бойцы, еще не обстрелянные, в боях не закаленные, дрогнули. Сначала одиночки, потом целые группы стали отступать.

Калашников и Наумов находились в то время неподалеку от места главной стычки. Василий Степанович был начальником политического отдела, а Валерьян Николаевич — комиссаром бригады. Им бы с помощью бывалых бойцов остановить бегущих, охладить разгоряченный неопытностью страх перед конницей. Но эта мысль пришла позже. А в тот решающий момент оба они догадались лишь сами, с горсточкой людей, броситься навстречу казакам. И оказалось: лавине коней противостоит небольшая группа пехотинцев, основные же силы бригады отходят и отходят...

Выбравшись из переделки, комиссар и начполит, два земляка и верных товарища, со всей прямоотой осудили свою ошибку. Поняли: один или вдвоем ничего не сделаешь; надо с людьми работать, закалять их дух, готовить к боям. Пусть очень мало времени было на воспитание бойцов, только что сменивших косу и напильник на винтовку, но и его как следует не использовали... Серьезным уроком послужила Соболевка и Наумову, и Калашникову.

Через некоторое время товарищи расстались. Василия Степановича назначили в особый отдел 1-й армии. Двигаясь на юг, в Среднюю Азию, с передовыми частями, он шел буквально по пятам удиравшего противника. В Красноводске удалось захватить документы вражеской контрразведки. По ним было установлено, где именно английские интервенты расстреляли 26 бакинских комиссаров, и тела героев с почестями перевезли из степи в Ашхабад. Захваченные документы помогли выявить кое-кого из ви-

новников кровавой трагедии. Памятен и случай в Ашхабаде. Там, в штабе армии, несколько военных специалистов, бывших царских офицеров готовили побег за границу. Организовав засаду в пограничных горах, Калашников и его товарищи сорвали это предательство.

Да, немало поколесил он по Средней Азии, а теперь по вызову Михаила Васильевича Фрунзе ехал из Ашхабада в Ташкент, где находился штаб командующего Туркестанским фронтом. Ехал и вспоминал дорогого человека, которого уважал весь трудовой народ Советской России и к которому ивановцы питали особую любовь, вспоминал незабываемые встречи с ним.

Первый разговор с Фрунзе произошел во владимирской тюрьме. Василия отправили туда из Иванова вскоре после ареста в 1908 году. В тюремном дворе, на прогулке, к нему обратился еще молодой, но уже с бородкой, энергичный, волевой человек:

— Товарищ, вы только что прибыли? Расскажите, какие новости на воле.

Василий узнал его — это был хорошо известный ивановцам Арсений, которого он видел чуть больше года назад на проводах в Петербург депутата II Думы Жиделева. Наблюдательность Арсения, сразу заметившего новичка, удивила юношу. Он стал рассказывать о политической стачке протеста против суда над рабочими депутатами, в которой участвовали почти все ивановские фабрики.

— Очень уж издали начинаете, — пошутил Фрунзе. — Это нам давно известно...

Василий смутился, но добрый взгляд Арсения ободрил его. Он рассказал о последних налетах полиции, об арестах среди ивановских большевиков.

— И об этом, товарищ, мы знаем, — сказал Фрунзе.

Калашников был удивлен. Вот какой он, Арсений! За решеткой сидит, а все известия с воли идут к нему быстро.

Чем ближе узнавал Калашников Михаила Васильевича, тем больше хотелось ему перенять хоть частицу огромного мужества и страстной веры в революцию, которыми полон Арсений. В тот период, когда они одновременно сидели во владимирской тюрьме, Фрунзе военным судом был приговорен к смертной казни. Но и в камере смертников, закованный в кандалы, не падал духом: читал книги, успокаивал отчаявшихся товарищей, пел «Варшавянку»... И чуть не заплакал Василий от радости, когда он и все товарищи

...по тюрьме узнали, что смертный приговор Арсению отменен.

Вторично Фрунзе судили вместе с другими ивановскими большевиками. Молодой партиец Калашников восхищался невиданной смелостью Арсения, — со скамьи подсудимых гневно и страстно разоблачал он царизм как пача народа. В тюрьме и в зале суда Василий прошел настоящую политическую школу, и учителем его был Фрунзе.

Не раз встречался Калашников с Михаилом Васильевичем и в Иваново-Вознесенске в первый год после Октябрьской революции, когда малонскушенный в партийных и государственных делах работник нуждался в помощи и совете опытного руководителя. Слово Фрунзе было для Василия Степановича ободряющим и авторитетным.

...Вот и Ташкент. Здесь предстояла новая встреча с Фрунзе, который после разгрома Колчака встал во главе советских войск Туркестанского фронта. Калашников многое ждал от этой встречи, но и опасался, — а будет ли она вообще? Ведь командующий занят важнейшими делами, устает в частых фронтовых поездках. Найдет ли он время для беседы, не передаст ли свое приказание через работников штаба.

Как же рад был Василий Степанович, когда его позвали в кабинет Фрунзе! И хоть изменился Михаил Васильевич, но неиссякаемой теплотой по-прежнему было полно его лицо. Разговор состоялся короткий: Фрунзе сказал лишь, что Калашникову надо без промедлений отправиться на станцию Каган.

Первым знакомым, кого Калашников увидел по приезде на место, был Валерьян Николаевич Наумов. Думали друг о друге, гадали: где-то другой воюет, а судьба снова свела их.

С кем, с кем, а с Наумовым Василий Степанович готов был взяться за любое дело. Их дружба, зародившаяся летом 1917 года, когда два агитатора горкома партии большевиков выступали на ивановских фабриках, оказалась крепкой раз и навсегда. Валерьяна Николаевича, несмотря на молодость, уважали в партийной организации. Он был делегатом от Иваново-Вознесенска на Апрельской конференции и VI съезде партии в 1917 году. Вскоре после Октября Наумов с отрядом Красной гвардии отправился под Ново-Зыбков, против немцев. Совместная работа в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволю-

цией (Иваново, 1918—1919 годы), а затем первые фронтовые месяцы еще крепче сблизили двух земляков-коммунистов. Перед приездом в Каган Валерьян Николаевич был комиссаром кавалерийской дивизии. Когда дивизия проходила через Ташкент, Фрунзе задержал комиссара и направил его поближе к Бухаре.

И вот, после почти годового перерыва, вновь встретились Наумов с Калашниковым. По-мужски сдержанным, по-фронтовому радостным было их объятие.

Какие же дела привели двух ивановских коммунистов-фронтовиков в маленький среднеазиатский городок? Оказывается, настолько близкие, что работать им придется рука об руку.

Туркестанская комиссия ЦК РКП(б), которой руководили М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, для проведения партийно-политической работы и создания партийных организаций в русских владениях Бухары и Аму-Дарьинском районе образовала временный областной комитет партии с местопребыванием на станции Каган. Наумова послали туда председателем, а Калашникова — членом комитета.

Было лето 1920 года. К тому времени Красная Армия в основном очистила Туркестанский край от белогвардейщины и интервентов. Там стала налаживаться мирная жизнь. Эшелоны хлопка и нефти отправлялись в Москву, Иваново и другие промышленные города.

Однако в сердце края продолжал оставаться оплот контрреволюции — Бухарское ханство, куда сбежалось много белогвардейцев, влившихся в армию эмира. Опираясь на поддержку англичан, эмир готовился к походу на Советский Туркестан. В его распоряжении было более сорока тысяч конных и пеших солдат.

Бухарский народ, веками угнетаемый, не мог и не хотел дальше терпеть ненавистную власть эмира. С недовольными беспощадно расправлялся алчный деспот. От рук его палачей погибли тысячи людей, еще больше изнывали в тюрьмах-ямах, среди змей и скорпионов. Но и такие зверства не остановили борьбу. Революционное брожение нарастало, декхане организовывались в вооруженные отряды, которые заняли ряд селений ханства. Возглавлявшие борьбу местные коммунисты обратились к русским товарищам с просьбой помочь трудящимся Бухары свергнуть эмират... И русские, конечно, не могли остаться

безучастными к судьбе братского народа, воодушевленно-го идеями Октября.

Приехав в Каган, Наумов и Калашников энергично взялись за работу. Они устраивали митинги и собрания местных жителей, разъясняли политику большевистской партии и Советского правительства, рассказывали о борьбе Красной Армии за освобождение Родины от врагов. Был налажен выпуск местной газеты, которая выходила два раза в неделю.

Много усилий приложили они, чтобы наладить связь с бухарскими революционерами, помогали им добрым советом в работе с массами. Нередко в Каган приходили представители бухарских кишлаков. Декхан интересовали законы Советской власти о земле и, когда они узнавали, что в России помещичьи и церковные земли переданы в пользование простым труженикам, то сами страстно желали таких же перемен в своей Бухаре.

Заниматься приходилось и просто хозяйственными делами. Станция Каган, или Новая Бухара, находившаяся в нескольких километрах от резиденции эмира, снабжалась водой из арыков, которые проходили через Бухарское ханство. По распоряжению эмира распределительные шлюзы были закрыты, и Каган остался без воды. Что это значит в условиях среднеазиатской жары, понятно без лишних слов. И партийные работники вынуждены были организовывать подвоз воды из Самарканда.

В конце августа Наумова и Калашникова вызвали в Ташкент. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев подробно интересовались состоянием дел в Кагане, настроениями бухарских декхан, положением в революционных отрядах.

Это была встреча перед решающими событиями, и Наумов с Калашниковым запоминали каждое слово руководителей, которые давали своим помощникам последние распоряжения и советы.

— Теперь уж недолго. Ждите приказа о наступлении, — сказал Фрунзе, прощая товарищей в обратный путь. И Куйбышев, крепко пожимая им руки, пожелал успеха.

В тот же вечер Валерьян Николаевич и Василий Степанович с воинским эшелоном — новым подкреплением — отправились к себе в Каган. Часть пути, часа три, поезд проходил через бухарские степи. Когда их проезжали, а было это на рассвете, никаких признаков жизни эшелон не

подавал. И обычный товарный поезд не вызвал подозрения у эмирских стражников.

А через два-три часа после прибытия в Каган началось сражение. Преодолевая пустынные и безводные районы, по раскаленным пескам шли с четырех сторон к Бухаре красные войска. Эмирские отряды отступали в город. Окруженная крепостной стеной — высотой и толщиной до восьми метров — Бухара эмиру и его армии казалась неприступной.

Но эти надежды рухнули вместе со стенами. По приказу Фрунзе, который лично руководил штурмом, на рассвете 2 сентября 1920 года крепостные укрепления в нескольких местах взорвали динамитом, и в образовавшиеся проломы ринулись наши бойцы. Одновременно штурмовались городские ворота.

Группа кавалеристов, ворвавшись в город, отыскала главные щиты водного канала, пустила воду в арыки. Вдоволь напившись, освежив свои лица, красноармейцы снова брались за винтовки.

Отчаянные бои на улицах Бухары закончились полным разгромом эмирской армии. Сам эмир с небольшим отрядом успел удрать в Афганистан. Его приспешники подожгли огромные запасы хлопка, над городом долго висел удушливый густой дым.

«Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом, — докладывал Фрунзе в телеграмме Ленину. — Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя...»

Калашников и Наумов шли к эмирской крепости с юга, от Кагана, в строю передовых частей. В трудных условиях они показали личный пример выдержки и выносливости, а предыдущая их работа сказалась на организованности и боевитости красноармейцев. За боевые заслуги в бухарской операции М. В. Фрунзе наградил Наумова именной шашкой, а Калашникова — золотыми часами.

...И снова в путь, на этот раз в родной Иваново-Вознесенск. Василий Степанович и Валерьян Николаевич выполняли личное поручение Арсения — везли в подарок Ивановским рабочим несколько вагонов соли. Старожилы Иванова, кому теперь за пятьдесят, вспомнив двадцатый год, наверняка подтвердят, что это был поистине ценный подарок.

В Иваново наши путники не задерживались. Василий

Степанович оставил здесь Наталью Павловну с сыном, которые последние месяцы кочевали с ним по Средней Азии, и опять вместе с Наумовым сел в поезд.

Маршрут — на Харьков. Туда приказал им прибыть Фрунзе. После Туркестанского он был назначен командующим вновь образованного Южного фронта — против Врангеля. Сам Ленин поставил перед Фрунзе задачу: покончить с Врангелем до наступления зимы. И отправляясь на юг, Михаил Васильевич взял с собою надежных, проверенных боями людей, среди которых было немало ивановских коммунистов.

В ожесточенной битве с войсками «черного барона», развернувшейся осенью 1920 года, стойкой и боевитой показала себя харьковская бригада курсантов. Командовал ею Афанасий Иванович Жугин, бывший ивановский губвоенком, комиссаром был В. Н. Наумов, а В. С. Калашникову поручили пост комиссара санитарной части, которая обеспечивала надежную заботу о раненых героях. Все трое наших земляков достойно выполнили свой боевой долг.

В декабре 1920 года, уже в борьбе с Махно, гоняясь за ним по многочисленным украинским селам и хуторам, сталкиваясь с его бандами в самых неожиданных обстоятельствах, Василий Степанович где-то в районе Гуляй-Поля заболел тифом. Его переправили в небольшой походный госпиталь. Болезнь измотала силы, и кто знает, чем бы она закончилась. Но заботливый Фрунзе не оставил в беде своего воспитанника. По его поручению адъютант С. А. Сиротинский разыскал Калашникова, перевез в харьковский госпиталь.

Месяца четыре провалявшись на больничной койке, Василий Степанович победил страшную болезнь. К тому времени завершилась вооруженная борьба за республику Советов, началась в стране мирная, созидательная работа. Куда же держать ему путь? Конечно, в родное Иваново! И вновь помчал Калашникова поезд в дружную трудолюбивую семью прядильщиков и ткачей.

Ю. ПИСКУНОВ

НА РАССВЕТЕ

Заморозки ударили неожиданно. Еще накануне резкий ветер гнал над деревней низкие тучи, хлестал по окнам тонкими струйками дождя, задирали на крышах истлевшую солому. А сегодня к вечеру небо прояснилось и над лесом повисла умытая первым холодом бесстрастная луна. Грязь на дороге, изъезженной телегами, застыла и слегка похрустывала под ногами. Узкая тропинка, протоптанная по обочине дороги, перед деревней Песочново ныряет в говорливые воды ручья, разбуженного осенним паводком и не успевшего еще угомониться.

У ручья около полуночи остановился человек, прибежавший из города. Тяжело дыша, он наклонился, подставил под ледяную струйку руки и, зачерпнув целые пригоршни воды, плеснул ею на разгоряченное лицо.

— Кажется, все хорошо, — проговорил он, — утираясь подкладкой довольно поношенной кепки.

Дальше он пошел неторопливо, размышляя над тем, что произошло час назад...

...По окончании работы, как это случалось и раньше, прокладчик готового товара Александр Жаров задержался в уборно-складальном отделе будто для того, чтобы поточнее сверить количество тканей, прошедшей за день

через его руки. Повозившись с какими-то бумагами, он дождался, когда из отдела ушел заведующий, а потом, аккуратно расчесывая тонкие русые волосы, как бы невзначай сказал замешкавшимся у входа товарищам:

— Погодка-то, ребята, кажется, установилась. Может переждем часок, подморозит... Идти полегче будет.

— И то дело, — быстро поддержал его маленький с темными и острыми, будто кусочки каменного угля, глазами браковщик Сазанов. — Усаживайтесь, мужички, потолкуем...

У окошка, среди кусков товара, за столом разместились восемь человек. Они завели неторопливый разговор о жите-бытье. Улучив момент, Жаров, не понижая голоса, будто о самом обыденном, сказал:

— Удалось достать десятка три книг и брошюр. А главное, получено несколько работ Ленина. Все спрятано у Сазанова. Но книги сегодня нужно забрать. Есть подозрение, что за нами следят. — Заметив, что в отделе подошел механик, которому невесть зачем понадобилось прийти сюда, Жаров повернулся к окну... — Да думаю, не всё ненастью быть, проглянет и красное солнышко.

— Оно, конечно, погодка неважная стоит, Александр Евдокимыч. Пора бы уж и ведру установиться, слякоть-то надоела...

Механик подошел к столу и, самодовольно потирая руки, заюлил:

— Беседуете? Что ж, это неплохо... А по мне лучше в кабачке сидеть. Суббота ведь сегодня...

— Кабак на охотника: кто хочет, забредет, а кто не хочет, мимо идет, — отрезал Жаров, который давно заметил, что механик якшается с московскими артельщиками, охраняющими фабрику.

— А вы всё шутите, Александр Евдокимович, — маленькие зеленоватые глазки механика забегали, и без того длинный нос вытянулся. Весь он превратился вдруг в человека, просящего милостыню, но припрятавшего, однако, на всякий случай камень за пазухой.

Взгляды рабочих оставались холодными, и механик вынужден был удалиться.

— Не нравится мне этот тип, — сказал Сазанов и подмигнул Жарову. — По одному заходите...

Из ворот небольшого, в три окна по фасаду, дома на Всесвятской, где жил Сазанов, Александр Евдокимович

вышел последним. Подняв воротник пальто, он направился вдоль улицы, довольный тем, что все обошлось благополучно. Шел, однако, осторожно, держась вблизи заборов, чтобы не быть особенно заметным среди пустынной улицы. Пройдя квартал, свернул за угол и тут увидел, как на противоположной стороне метнулся человек.

— Погодь, приятель, — хриповато окликнул он Жарова. — Угости прикурить.

— С удовольствием бы, да нет спичек. Не курю, — Жаров не остановился. Он увидел двух других, отделившихся от забора и перегородивших ему путь. Что это? Засада?

Времени на размышление не оставалось, и Жаров бросился вперед. Все трое устремились за ним. Бежать было тяжело, ноги то и дело попадали в лужи, слегка схваченные заморозком. Мешала стопка книг, спрятанная на груди, под пальто.

«Бросить!» — будто молния, мгновенная жгучая мысль пронеслась в голове. Но тут же пришло твердое решение:

«Ни за что, даже если погоня настигнет. Буду драться...»

Жаров верил в свои силы. Он был крепок, — недаром каждое утро занимался гимнастикой, а в свободное от работы время упражнялся на турнике, бегал, поднимал тяжести. Он помнил слова Михаила Васильевича Фрунзе, произнесенные им как-то в кругу иваново-вознесенских большевиков:

— Нужно во всем быть готовыми к грядущей борьбе. Большевик должен быть не только марксистски грамотным, но и способным держать в руках любое оружие, а если понадобится, выйти победителем даже в кулачном бою.

На этот раз драться не пришлось. Жарову удалось оставить далеко позади гнавшихся за ним людей.

«Но кто это мог быть? — размышлял он, широко шагая по направлению к своей деревне. — Если хулиганы, ничего, а если...»

Дойдя до деревни, расположенной километрах в шести от города, Жаров не стал показываться на улице, а прошел задворками, пробираясь возле частогокола огородов. Не заходя в дом, оставил книги в сарае, упрятав их в соломе.

Семья не спала.

— Господи, Саша! — бросилась на шею жена. — Время

стоит беспокойное, а ты всё полночь домой возвращаешься.

— На работе, Ленуша, задержался, потом приятеля навестил... Ну, а вы что спать не ложитесь, пострелята?

Дети, старшему из которых было лет семь, каждый вечер терпеливо ждали отца. Несмотря на усталость, Александр Евдокимович умел доставить им немало удовольствия: то затеет с ними возню, то начнет мастерить какую-нибудь машину или ящик для цветочной рассады... А то принесет и книгу.

Иногда в доме Жаровых собирались деревенские друзья Александра Евдокимовича. Читали подпольную литературу, пели песни.

— Ну, ты, Санька, выучил «У дедушки Якова?» — обратился отец к старшему сынишке, тяжело опускаясь на стоящую возле непокрытого стола скамейку.

— Угу, — ответил семилетний Саша, готовый прочитать новое стихотворение.

Но отец не стал его слушать, а, похлопав сына ладонью по пухлой щеке, сказал «молодец!» и отправил детей спать.

Александр Евдокимович вполголоса беседовал с женой. Елене Петровне многое было непонятно, но она чувствовала — муж идет по правильной дороге.

— Только бы не случилось с тобой чего, — вздыхала она, собирая постель.

— Смешная ты у меня, — улыбнулся Александр Евдокимович. — Подумай-ка хорошенько, что получится, если каждый будет бояться, за других прятаться. Помнишь, в пятом году сколько крови пролито? Мы не хотим, чтобы это повторилось. А раз так, обо всем нужно подумать, всё подготовить... Если каждый рабочий поймет нас, пойдет за нами, у нас будет огромная сила. Против нее никто не посмеет выступить... Ну, а если и найдутся такие, легче будет отстоять свои права...

Жарову не удалось закончить свою мысль, так как под окном заюкали копыта лошадей, завизжала собака. Раздался резкий стук в дверь.

— Евдокимыч дома?

— Кто это? — отозвалась Елена Петровна.

— Свои. Открывай!

На крыльце поднялась возня, как будто кто-то приносивался высадить дверь.

Лицо Александра Евдокимовича напряженно вытянулось. Сделав над собой усилие, он снял рубашку, бросился в кровать, притворно пожевывая, тихо сказал:

— Отвори, Лена.

В дом вошли трое полицейских.

— Одевайся! — коротко бросил один из них, потянув одеяло, а другие двое принялись за обыск.

— Да что же это такое, господи! — запричитала Елена Петровна, и голос её слился с залившимся плачем. Дети проснулись и, увидев злобные лица полицейских, заголосили.

— Одевайся, говорят! — вновь заявил полицейский.

Жаров поднялся. В характере его имелась особенность: в моменты, когда требовалось наибольшее напряжение нервов, он умел оставаться совершенно спокойным. Зная о том, что полицейским в доме не удастся найти каких-либо улик, он не стал противиться приказанию.

Зато Елена Петровна не выдержала. Она бросилась к ногам полицейских и, разметаив по полу волосы, стала умолять:

— Он ни в чем не виноват, господин полицейский. Это какая-то ошибка. Саша, что же ты молчишь? Скажи им, ведь ты не разбойник, не вор... Господи, помоги нам... За что такое наказание!

— Встань, Лена! — громко, без дрожи в голосе сказал Александр Евдокимович — Слышишь, Лена! Мы живем правдой, а правду за решётку не упрятешь!

**

*

Отгремела кандалами осень шестнадцатого года. Стояла зима. В начале января Жаров вернулся в родную деревню. В здешней жизни хоть и произошли кое-какие изменения, но, как обеззубевшая кляча, оступаясь и покачиваясь, она тащилась своим чередом. Как и год назад, с полуночи, не успев отдохнуть, женщины поднимались с постелей, провожали мужей на фабрику, сами начинали хлопотать по хозяйству. В избах, где кормильцы, набив сухарями мешки, ушли на войну, накрепко засела нищета. Люди голодали, пообносились, зябли в домишках с прогнившими стенами и провалившимися крышами. Всё чаще и чаще раздавались голоса протеста. Случалось, что, собравшись

субботним вечером, мужики открыто высказывались против дарского режима. Зарницы поднимавшейся бури то и дело сверкали над потянувшейся к свету деревней.

Жаров недели три жил незаметно. Чинил крыльцо, возил на салазках из лесу валежник, вечерами подшивал дешишкам валенки. Каждый понедельник ходил в полицейское управление свидетельствовать, как он с едкой иронией говорил об этом, свое глубочайшее уважение. Наконец, приглядевшись к изменениям, происшедшим со времени его ареста, мало-помалу начал действовать. Поговорил с одним, другим, установил связь с местными большевиками.

Но из-за слежки, установленной за ним, как за «неблагонадежным», долгое время не мог встретиться с руководителями городской большевистской организации. Однажды, под благовидным предлогом задержавшись в городе, дождался, когда со смены пойдут фабричные. Пряча голову в воротник старенького полушубка, он прогуливался перед главным входом, пристально вглядываясь в лица прохожих. Знакомых не было. Жаров собрался было уходить, уловив недобрый взгляд вышедшего из ворот охранника, как вдруг из проходной вынырнула коренастая, с открытой грудью фигура Сазанова.

«Этот всё такой же, изменился мало», — подумал Жаров, переходя на другую сторону улицы. Проследив, что Сазанов, обходя сугробы, вытянувшиеся словно барханы вдоль дороги, направляется к дому, он поспешил поравняться с ним (встречаться недалеко от выслеженной когда-то явки было рискованно) и, кашлянув в кулак, басовито окликнул:

— Митрич!

Сазанов быстро обернулся, и Жаров прочел на его открытом молодежавом лице удивление, увидел, как коротким широким лучом блеснула на нем радость.

— Саша!

— Я, Митрич, я...

— А мы, брат, тут с хозяином вовсю воюем, — заговорил Сазанов, когда приятели, заказав по кружке пива, уселись за круглым столиком в кабачке. — На прошлой неделе требования ему предъявили — всем браковщикам заработную плату повысить.

Беседовали долго. Жаров смотрел на своего приятеля, стараясь понять причину запавшего в душу волнения.

Ему казалось странным, почему Сазанов, такой осторожный и рассудительный раньше, теперь обо всем говорит открыто. Жаров поделился своими мыслями.

— А что ж скрывать? Всё равно не сегодня-завтра с хозяином будет покончено, — заносчиво заявил Сазанов. Но под строгим взглядом темно-карих, глубоко посаженных под густыми бровями глаз Жарова умолк. Спустя минуту, заговорил приглушенно и неторопливо:

— Люди-то, люди, Евдокимыч, как выросли за последний год, не узнать. В открытую о девятьсот пятом вспоминают. Только теперь, говорят, мы умнее стали — своего добьемся. И то верно, захотели мы в ситцевой палатке свои порядки установить и установили — по восемь часов работаем, а за сверхурочные будь любезен денежки выкладывать.

Жаров насторожился:

— Кто это «мы»?

— Ну, браковщики, прокладчики...

— Так, так, — покачал головой Жаров, покручивая пальцами левой руки кончики усов. — Значит, браковщики, прокладчики... А во ткацкой кому привилегии даны?

— Как кому? Подмастерьям...

— А ткачи как же? Получили они какие-нибудь хозяйские подачки?

— Ткачи-то... нет.

— То-то вот и оно. Не туда вы тянете. В одиночку, как и раньше, ничего не добьешься. Объединиться нужно, да сообща двинуть. И не только на фабрикантов...

Идя на встречу с Сазановым, Жаров хотел только одного: установить с товарищами связь, узнать, нет ли какой возможности вернуться на производство. Но не удержался. Проснулся в нем прежний пропагандист, страстный, неуправляемый. Весь он преобразился, хотя и старался казаться спокойным. К счастью, никто из окружающих не обращал на них внимания.

Сазанов слушал молча, как всегда, поражался богатством познаниями Жарова. А тот говорил о самых близких ему вещах и так просто и доходчиво, что Сазанов удивлялся, как до этого он сам не додумался.

— Вот ты говоришь об уступках хозяина. — Жаров поднес к губам кружку и пристально проследил направление двух новых посетителей. Убедившись, что те не подойдут к их столику, продолжал: — Но разве за эти

мелкие подачки мы боролись столько лет? Нет, нужны коренные изменения во всей нашей системе. Нужна революция такая, чтобы мы — ты, я, любая ткачиха, твой брат-братрак — сделались хозяевами страны. Сами мы должны устроить свою жизнь, а не смотреть рабелепствуя в глаза богачам, ожидая от них подачки. Кто строил фабрику, на которой ты работаешь? Простой человек. Сколько кровавых мозолей он набил, сколько поту пролил на этой работе! Станки и машины на фабрике — тоже дело рук рабочих; хлопок, что ты и твои товарищи в ткань превращаете, выращен угнетенными, забитыми нуждой и бесправием хлопкоробами. И только одно делает хозяин — огребают барыши, взращенные на нашем поте... Так что, дорогой друг, мало того, чего вы добились. Получить хотя бы и многое, но не всё, это значит ни с чем остаться.

...Только в середине февраля Жарову удалось вновь попасть на работу. Для этого потребовались добрый десяток рекомендаций и заверений в полной лояльности к хозяину и существующему строю.

Фабрика жила напряженной жизнью. Предреволюционная атмосфера была настолько накаленной, что хозяин фабрики — Николай Геннадьевич Бурылин — не решался лично вмешиваться в дела рабочих. И только московские артельщики по-прежнему свирепствовали, безжалостно расправлялись с теми, кто им не был угоден.

Однажды, незадолго до окончания работы, к Жарову подошел Василий Васильевич Гуляев. Жаров познакомился с ним недавно.

Простое, открытое лицо, ясные голубоватые глаза, приветливая улыбка делали этого человека привлекательным.

— Что, брат, натерпелся на своем веку? — спросил он как-то, похлопав Жарова по плечу. И, не дождавшись ответа, утвердительно заявил: — Ну, да ничего. Недолго на чужих спину гнуть осталось...

Жаров тогда не вступил в беседу, но спустя день-два узнал от Сазанова, что Гуляев большевик и непосредственно связан с подпольным городским комитетом партии. Сазанов сообщил также, что Гуляев подробно расспрашивал его о Жарове.

Улучив момент, когда его никто не мог услышать, Гуляев вновь обратился к Жарову:

— Завтра в восемь вечера горком собирает коммунистов. Пароль и место явки сообщит Сазанов позднее.

То, что услышал Жаров на партийном собрании, глубоко запало в его душу. Вернувшись за полночь домой, он до света не сомкнул глаз. Прислушиваясь к гудевшему в трубе ветру, Александр Евдокимович восстанавливал в памяти речи большевиков. Ему было приятно сознавать себя частицей монолитной партийной организации, способной, как и в былые времена, поднять трудящихся города на решительную борьбу за свои права. Это радовало, придавало сил, и Жаров почувствовал себя несомненно, значительнее. Он не одинок, он идет с партией!

В памяти вдруг всплыли картины пережитого. Вся жизнь Александра Евдокимовича была связана с партией. Вместе с нею родился он как большевик в 1897 году. Ни глухое подполье, ни одиночка петербургских «крестьян»¹, ни ружейные залпы солдат, расстреливавших демонстрантов, не поколебали его революционный дух. А сколько воспоминаний оставил о себе девятьсот пятый год! Маевки, работа в Совете уполномоченных... Нет, не мыслит он себя без партии!

Очень важным для себя Жаров считал то, что произошло после собрания. Когда люди осторожно, в одиночку и по двое, расходились по домам, его пригласили зайти в комнату, где на скамейке, стоявшей возле стола, сидел Балашов.

— К вам, товарищ Жаров, — сказал он сразу же, как только Александр Евдокимович присел на краешек скамейки, — будет поручение. Вы знаете, что Куваевская фабрика — самое крупное предприятие в городе, а вот коммунистов там мало. Горком партии поручает вам развернуть работу по укреплению партийной ячейки. Подберите надежных людей и через них усильте влияние на коллектив.

— Я готов выполнить любое поручение партии, — заявил Жаров.

— Вот и отлично. Только помните, действовать нужно с предельной осторожностью. Не забывайте, что за каждым вашим шагом следят. Первое время будете работать вместе с Гуляевым, а потом мы его, Сазанова и еще кое-

¹ Название одиночной тюрьмы в Петербурге, где в 1907 году А. Е. Жаров был заключен за революционную деятельность.

кого из ваших товарищей переведем на другие предприятия. Так что, товарищ Жаров, горком возлагает большие надежды...

С этого памятного дня Жаров вновь принадлежал только партии. Всё личное теперь тесно переплеталось с выполнением задачи, поставленной перед ним горкомом. На производстве он старался работать как можно лучше, чтобы отвести от себя доносчиков, прикармливаемых хозяином.

К счастью, действовать на ощупь, тайно, постоянно подвергаться опасности быть раскрытым и снова оказаться в полицейском участке пришлось недолго. Первого марта в городе было получено сообщение о свержении царя. У власти оказалось Временное правительство. На заборах, фасадах домов и фабричных корпусах появились листовки с призывом временного комитета Государственной думы напрячь свои усилия в труде во имя отечества.

— Какого отечества? — спрашивали рабочие, удивленные тем, что изменения в верхах нисколько не отразились на их положении.

В тот же день Жаров получил из горкома указание подготовить и провести выборы в городской Совет рабочих и солдатских депутатов. Вечером на фабрике состоялся митинг. Впервые большевики открыто выступали со своей программой. Речь держал Жаров. Он говорил не спеша, тщательно обдумывая каждое слово:

— До нас донеслась весть, что ненавистный простым людям царский режим свергнут. Власть оказалась в руках Временного правительства. Мы не получили от него пока никаких директив. Известны только призывы Временного комитета Государственной думы. Тем, кто бастовал, добиваясь лучшей жизни, предлагается вернуться к станкам. Как и прежде, с нас спрашивают покорности и терпения. Не предвидится и окончания войны.

Получено и другое сообщение: в Петрограде и в Москве созданы Советы рабочих и солдатских депутатов. Они выступают за революционные преобразования в стране. Старая власть должна быть низвергнута окончательно — таков лозунг Советов.

Заполненный до отказа нижний зал уборно-складального отдела отозвался на эти слова многоголосым гулом одобрения.

Депутатами городского Совета от рабочих куваевской фабрики были избраны Жаров и Егор Егорович Ошурков. После совещания уполномоченных, на котором избирались депутаты в Совет, Жаров лицом к лицу столкнулся с Николаем Геннадьевичем Бурылиным.

— До-о-гой това-а-ищ, — прокартавил больше обычного хозяин фабрики, взяв Жарова за локоть. — Передавали мне, что вы вчера с рабочими митинговали.

— Было такое.

— И о чем же, любопытно знать.

— Да о делах.

— Так, так. — Бурылин смерил пристальным взглядом Жарова, как будто стараясь понять, насколько опасен ему этот коренастый человек с широким открытым лбом, ясными, чуть прищуренными глазами, приподнятыми в настороженной улыбке уголками губ, мускулистыми руками рабочего...

— А мне доложили, что вы против нового правительства агитацию затеяли, — медленно, стараясь подавить в себе вспыхнувшее было волнение, проговорил Бурылин.

— Я знаю, Николай Геннадьевич, чьи взгляды постоянно сопровождают меня. Но что же поделаешь? Приходится пока мириться.

На слове «пока» Жаров сделал ударение. И это не ускользнуло от внимания Бурылина. Он торопливо заметил:

— Вы хотите сказать, что для свободных действий вашей партии еще не настало время.

— Видите ли, я ничего не могу сказать за партию, а вот мне лично, действительно, шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на кого-нибудь... Посторонитесь, Николай Геннадьевич.

Они и раньше вступали в словесную перестрелку. Хозяин с Жаровым держался осторожно, видел в нем человека, способного постоять не только за себя, но и за товарищей. Узнав о вчерашнем собрании, о смелом выступлении Жарова, Бурылин решил побеседовать с прокладчиком. И не будь этой неожиданной встречи, расстроившей его план, Николай Геннадьевич постарался бы лучше узнать этого человека, всё больше и больше казавшегося ему опасным.

Однако никаких улик против Жарова не было, а известие о свержении царизма выбило хозяина из колеи. Он,

Жак и многие другие фабриканты, растерялся, не зная, что предпринять.

Это смятение буржуазии не осталось незамеченным, и коммунисты на многих предприятиях начали открытую борьбу с предпринимателями за улучшение жизни рабочих. В городе, наряду с партийной организацией, стал действовать Совет. До конца большевистский, он сделался центром подготовки социалистической революции. События разворачивались настолько быстро, что уследить за ними могли лишь те, кто видел в них закономерность движения вперед.

Девятого марта в Иваново-Вознесенске состоялось первое легальное собрание большевиков. На предприятиях создавались партийные организации. Крепкий, сплоченный неугасимой верой в справедливость дела, за которое борются большевики, сформировался на Куваевской фабрике фабричный комитет. Во главе его стал Жаров. Этот орган был своеобразным сплетением власти партийной, советской, профсоюзной и административной.

В первые же дни своего существования фабком, опираясь на поддержку абсолютного большинства текстильщиков предприятия, с одной стороны, и городских рабочих организаций — с другой, вступил в борьбу с фабрикантом. Были выработаны и предъявлены хозяину требования. Они сводились, в основном, к следующему: введение восьмичасового рабочего дня, увеличение на 75 процентов заработной платы, отмена штрафов, выдача пособий при потере трудоспособности, улучшение медицинского обслуживания рабочих, устройство бесплатной библиотеки.

Но эти требования были отклонены, и вот 7 апреля вечером фабричный комитет собрался на экстренное заседание. Были приглашены председатели цеховых комитетов. Председательствовал Жаров. Когда все собрались, Александр Евдокимович поднялся из-за стола. Его опухшие щеки, повисшие над глазами рыжеватые брови, покрасневшие белки глаз свидетельствовали о том, какой напряженной жизнью жил этот человек. Жарова успели полюбить во всех цехах предприятий, где он бывал постоянно.

— Хозяин фабрики наотрез отказался выполнить наши требования, — хриповатый голос Жарова был ровен, да и весь он казался совершенно спокойным. Даже пальцы левой руки, обычно теревившие лацкан пиджака, на этот

раз покоились на краю стола. — Иного ответа мы от него и не ждали. Сегодня нам нужно решить, какие меры предпринять, чтобы осуществить все требования, которые выдвинули рабочие на своих собраниях.

На другой день в цехах проводились собрания. Текстильщики горячо поддержали решение фабричного комитета осуществить свои требования явочным порядком. Начиная с середины апреля, ни одно сколько-нибудь значительное событие на предприятии не проходило без участия фабкома. Под его руководством работали цеховые комитеты. На предприятии был установлен рабочий контроль.

Сообщить хозяину фабрики о решении текстильщиков установить восьмичасовой рабочий день было поручено Жарову.

Александр Евдокимович застал Бурылина в главной конторе. Тот сидел, склонившись над бухгалтерскими документами, и, как всегда, встретил вошедшего вежливо.

— И опять, уважаемый товарищ, опоздали с уведомлением, — сказал хозяин, отодвигая в сторону толстую расходную книгу. — О вашей затее я имел честь слышать.

— Очень хорошо, Николай Геннадьевич, — улыбнулся Жаров. — Значит беседа наша не будет продолжительной. Вот новый график выхода на работу. — Жаров вынул из грудового кармана пиджака сложенные вчетверо листы бумаги.

— О, вы даже об этом позаботились! — с высокомерной усмешкой Бурылин взял бумагу. Он старался казаться спокойным, но по тому, как подергивалась его левая бровь, по расползшейся от висков к щекам бледноте было видно — это удается плохо.

— Послушайте, — сказал он, наконец, пробежав взглядом по столбикам графика, — неужели вы всерьез думаете, что я соглашусь с этим... с этой... как вам сказать, авантюрой. Именно, авантюрой!

Бурылин выходил из себя. Он вдруг почувствовал приступ неукротимой злобы, потребность излить ее на том, кого он теперь считал своим смертельным врагом.

«Змееныша пригрел, страшную ядовитую гадюку. Ух, с каким удовольствием я раздавил бы тебя...» — быстро, будто вспышки молнии, проносились в голове Бурылина мысли.

— С вашей точки зрения, это — авантюра, — сказал

спокойно Жаров.— А у рабочих, всю жизнь гнувших на
взас спину, на этот счет другие мысли...

— Да какое п-раво вы имеете и н-а это! Фаб-б-ика моя
ни никому не поз-волю командовать! Законов нет сок-к-а-
щать г-габочий день!

— Буржуазных законов на этот счет действительно не
имеется. Да мы и не хотим жить вашими уставами. У нас
свои законы. Слышите, господин Бурылин! Свои! Подпи-
шите распоряжение инженерно-техническим работникам,
спусть планируют свое время в соответствии с новым распо-
рядком работы фабрики.

Это была победа. Расчеты фабричного комитета на
быстрые, решительные меры оправдались. Старая адми-
нистрация, не устоявшая под натиском организованного
выступления всего коллектива текстильщиков, отступила.
Защиты искать было негде, так как городской комитет
партии большевиков, Иваново-Вознесенский Совет рабо-
чих и солдатских депутатов стояли на страже первых за-
воеваний трудящихся.

Революция продолжалась. Апрельские тезисы
В. И. Ленина вдохнули новую жизнь во всю партийную
работу. Было ясно, что предстоит жестокая борьба с бур-
жуазией, тайно подготавливавшей удар в спину револю-
ции. На фабриках создавались боевые дружины. Почти
каждый день Жаров с группой товарищей отправлялся на
задний двор предприятия, где за кирпичными корпусами,
сваленными в беспорядке ящиками, груды старых дета-
лей машин, за горами шлака высилась каменная стена.
Обучались стрельбе из винтовок и пистолетов.

Александр Евдокимович работал напряженно. Долги-
ми вечерами он засиживался в фабкоме, обдумывая про-
веденные мероприятия, намечая планы на будущее. По его
инициативе была организована бесплатная библиотека.
Когда выяснилось, что средств, которыми располагал фаб-
ком, недостаточно для приобретения необходимой литера-
туры, в цехах были вывешены кружки с надписями над
ними: «Товарищ, стой! Опусть свою трудовую копейку
в эту кружку. Она пойдет на книжку для тебя».

Как-то в фабкоме зашла светловолосая, небольшого
роста, женщина.

— Александр Евдокимович, я к вам,— просто сказала
она, усаживаясь по приглашению Жарова на стул.— Дело
есть.

Жаров припомнил: с этой женщиной он разговаривал в ткацкой. Тогда она ему и фамилию назвала — Мария Кочунова. Да, да... Жаров припомнил, как, разговаривая с ткачами, он объяснял им важность учиться бережливости, экономии во всем. Ведь скоро всё будет принадлежать нам, рабочим... А Кочунова тогда спросила, как поступать с теми, кто ворует с фабрики...

— Вы вот говорили, что на воров и жуликов у нас управа найдется.

— Да, говорил.

— Так вот, мы поймали воровку. Что прикажете делать с ней? Четыре катушки пряжи украла.

Такого еще не случалось. Впервые работница от станка пришла в фабком с наболевшим вопросом.

Жаров радовался в душе, справедливо расценивая это, как значительный шаг вперед по пути завоевания новым органом власти прочного, надежного авторитета у рядовых текстильщиков.

Деловитость Кочуновой, ее умные рассуждения о судьбах рабочих понравились Жарову. Он долго беседовал с молодой ткачихой, пока не пришел к выводу, что она может быть неплохой помощницей в работе среди женщин.

Партийная ячейка на фабрике быстро росла. Была принята в ряды партии и Мария Кочунова. Она была первой большевичкой-текстильщицей на предприятии. Вслед за ней вступили в партию работницы Бедова, Мелехина, Седова. К июню фабричная партийная организация насчитывала уже двести человек.

...Наступила четвертая военная осень. Не запасшись хлебом и топливом, город шел на встречу зиме. Это пугало всех. Наголодавшиеся рабочие, несколько свободнее вздохнувшие после февраля, по-прежнему жили в нищете. Для улучшения их участи было сделано немного, да и можно ли было ожидать большего, если, как и раньше, все доходы от фабрик, заводов, с земли текли в карманы их владельцев — фабрикантов и помещиков. Временное правительство всеми силами охраняло неприкосновенность частной собственности. Перед лицом надвигавшейся опасности быть разгромленными иваново-вознесенские большевики всё больше и больше укрепляли свои ряды. За короткий срок городская партийная организация выросла в десятки раз. В октябре в городе было уже свыше четырех тысяч коммунистов. Большую работу проводили профсоюзы. Са-

мым организованным из них был Иваново-Кинешемский союз рабочих и работниц текстильной промышленности. Выражая волю трудящихся текстильного края, этот союз в начале октября предъявил промышленникам требования рабочих об улучшении условий их труда и жизни. Но и на этот раз фабриканты не пошли на уступки. И тогда...

Вечером 18 октября, как обычно, Александр Евдокимович Жаров сидел в помещении фабкома. Он только что закончил беседу с группой рабочих, интересовавшихся предполагаемыми изменениями в медицинском обслуживании текстильщиков, когда ему принесли телеграмму:

«Немедленно изберите на каждой фабрике из надлежащих товарищей пикеты. Стачка будет объявлена особой телеграммой. Срочно сообщите свои телеграммные адреса. Центристачка».

Начинается! Жаров моментально преобразился. Он торопливо написал пять-шесть коротких записок членам фабричного комитета и тут же отправил их с надежными товарищами.

Заседание фабкома состоялось в полночь. А к утру требование центристачки было выполнено. Лучших людей избрали в фабричные пикеты.

Смело, решительно действовали иваново-вознесенские большевики. В пятницу 20 октября состоялось общее собрание Совета рабочих и солдатских депутатов. Был создан штаб Красной гвардии. Смертельным приговором Временному правительству звучал принятый на заседании протокол. Было принято решение с 21 октября объявить всеобщую стачку.

Ровно в десять часов утра в городе встали предприятия. На широком фабричном дворе, устланном камнем, собрались сотни текстильщиков куваевской мануфактуры. Остановив станки, люди пришли на митинг. Жаров, Морозов, Громов, Макаров и другие партийные и профсоюзные руководители стояли на сколоченной на скорую руку трибуне. Ждали, когда народ притихнет. Но подходили все новые толпы, и шум не умолкал.

Вдруг где-то в самой гуще собравшихся раздался басовитый раскатистый голос:

Нашим потом жирели обжоры,
Наш последний кусок они рвут...

Любимая песня куваевских рабочих разлилась вширь, вырвалась из-за тесных фабричных стен, перекинулась

на другие предприятия, где в этот час так же организовано собирались люди на митинги. Огромная трехсоттысячная армия текстильщиков Иваново — Кинешемской области по призыву центрального стачечного комитета вступила в борьбу за лучшую долю.

Говорили много и горячо. Единодушно решили держаться до полной победы...

Несколько дней Александр Евдокимович не появлялся в деревне. Обеспокоенная Елена Петровна сама ходила на фабрику, но с мужем поговорить не пришлось. Сказал только, чтобы не волновалась, всё будет хорошо.

Небольшая пригородная деревенька Песочново в это утро проснулась как будто раньше обычного. Сама не зная почему, Елена Петровна, умывшись и одев платье получше, вышла на улицу. Многие фабричные хотя и не работали, но на производство ходили каждый день, то на митинги и собрания, а то и так — мало ли что может случиться. У соседей, куда зашла Елена Петровна, стараясь скоротать время, тоже все поднялись спозаранок.

Перед обедом неожиданно явился домой Александр Евдокимович. Елена Петровна, увидев его фигуру, мелькнувшую в окне, хотела было сбросить грязный фартук, который надела, собираясь подметать пол, да не успела. Хлопнув дверью, Александр Евдокимович бросился к ногам жены и, прижавшись к ее задрожавшим коленям, громко, на весь дом зарыдал.

— Господи, помилуй, — перекрестилась Елена Петровна, едва не падая в обморок.

— Свершилось! Слышишь, мать, свершилось! Дети, где дети? Сашка!

Он обвел избу взглядом мокрых от слез глаз и, не увидев ребятшек, бросился целовать жену. Всё еще не понимая, что случилось, Елена Петровна душой почувствовала радость, идущую из глубины сердца мужа.

Власть перешла к Советам. Нужно было начинать хозяйствовать. Именно это и стало первым шагом новой эры — эры социализма. Не за винтовки и пулеметы взялись рабочие, руки их, с детства привыкшие держать ткацкий челнок, потянулись к станкам. Нужно было пуścić фабрики.

Но кому? Этот вопрос требовалось решить немедленно, и Жаров, собрав фабком, тщательно обсудил создавшееся положение. Установив несколько месяцев назад рабочий

контроль, фабричный комитет, однако, не мог в полной мере вести производство. Когда началась стачка, ключи от сейфов, где хранились документы, оставались у хозяина. Жарову предстояло еще раз встретиться с Бурлыным.

Весть о свержении Временного правительства и переходе государственной власти в руки трудящихся потрясла хозяина. Вначале он даже не хотел выслушать рабочую делегацию, пришедшую принять его полную безоговорочную капитуляцию. Но когда один из товарищей Жарова, не выдержавший заpiresательства бывшего хозяина, выхватил из-под полы пистолет и, поднеся к лицу Бурлына, пробасил: «Выкладывай ключи, сволочь», Николай Геннадьевич обмяк.

— По-п-ошу вас не то-ро-пить меня. Обо всем нужно подумать... Я сам... сам... Слово даю.

— Слово, слово... Сдалось нам твое слово... Давай ключи!

— Подожди, товарищ,— Жаров отстранил не в меру горячего парламентария и сказал Бурлыну:

— Хорошо, Николай Геннадьевич, мы до завтра подождем, а вы подумайте.

Жарову не хотелось насилия, хотя он хорошо понимал, что революции без крови не бывает. Но зачем проливать ее там, где хоть какая-нибудь надежда есть на то, чтобы избежать кровопролития. А тут, рассуждал он, нет никакой необходимости вызывать это. Бурлынин сам поймет, что деваться некуда...

Так и произошло. Утром следующего дня фабрикант приехал на предприятие в праздничном наряде, хотя бледное лицо, ввалившиеся глаза и повисшие кончики усов свидетельствовали о проведенной без сна ночи. Оказавшись в кабинете председателя фабричного комитета, вчерашний хозяин положил перед прокладчиком готового товара, сыном крестьянина-бедняка, ключи от фабричных сейфов.

...Из горкома звонил Балашов:

— Александр Евдокимович, как настроение?

— Превосходное. Фабрика полностью в наших руках.

— Что же вы думаете делать дальше?

— Работать. Будем выпускать ситец.

— Правильно. И чем скорее, тем лучше. Нам нужно много ткани.

Стаечный комитет объявил о прекращении стачки.

На воротах фабрики появилось объявление. Огромными красными буквами на пожелтевших «Ведомостях» было написано:

«Товарищи! Временное правительство свергнуто. Власть перешла к Советам. Куваевская фабрика в руках рабочих. Стачка прекращена. Выходите на работу, товарищи текстильщики!»

Фабкомовцы давно уже забыли, что такое отдых. Испугавшиеся революции работники главной конторы, специалисты, разбежались, попрятались по домам. Это создало трудности с пуском фабрики. Переговоры с Бурлыным не дали положительных результатов.

— Раз вы лишили меня прав на фабрику, то и управляетесь сами,— заявил он Жарову.

Александр Евдокимович пробовал уговорить Бурлына, просил помочь советом. Но тот отвечал:

— Нич-ч-его у вас не пол-л-учится. Кто р-рожден р-рабочим, тот им и ум-мрет. Фаб-б-ику вам не пустить.

Однако пустить фабрику нужно было во что бы то ни стало. Такова была установка партии, Советской власти. Фабричный комитет собирал силы. Не хватало лишь специалистов.

В самый напряженный момент, когда казалось, что битва за ткань зашла в тупик, на предприятии появился Алексей Леонтьевич Болотов.

Высокий, с вихрастой головой, крупнолицый и угловатый, он ввалился в комнату, где рассчитывал найти Жарова.

— Я разыскиваю председателя фабкома,— сказал он секретарю.

— Он в отделочном производстве.

— Ну, и я туда,— пробасил человек, неловко проходя возле установленного вдоль стены ряда стульев.

Болотов был инженером, человеком, как нельзя более нужным на фабрике.

— Значит, пустим фабрику? — спросил его Жаров, прочтя направление, выданное инженеру горкомом партии.

— Так и будет. Пустим,— ответил Болотов без малейшего колебания.

Отделка ткани — наиболее сложный процесс текстильного производства. Чтобы обработать суровье, требуется пустить в действие десятки машин и агрегатов. Жаров хорошо знал об этом, потому всё свое внимание сосредото-

точил на подготовке к пуску отделочного производства. Кое-как подобрал необходимое количество людей, проверив машины, они с Болотовым решили пустить фабрику 17 ноября...

Будто выброшенные прибоем и окаменевшие гигантские спруты, чернеют печатные машины. Они упираются своими конечностями в потолок, неподвижные и молчаливые. Даже не верится, что всего лишь четыре недели назад внутри этих машин-спрутов бились стальные сердца и из пастей непрерывным потоком бежали нарядные полотна ситца.

Холодный металл, застывшее в подшипниках масло, высохшая на валах краска...

Третий час подряд у одной из машин суетятся люди. Они работают молча, лишь изредка, когда кому-нибудь не удастся разгадать тайну какого-нибудь узла, завязывается разговор, короткий, деловой. Все спешат. Наконец, Болотов, откинув назад пятерней густые волосы и оттерев тыльной стороной ладони широкий, покрасневший от напряжения лоб, сказал:

— Готово.

Люди, занятые подготовкой к пуску первой печатной машины, не заметили, как в цехе собралось сотни полторы текстильщиков. Никто не хотел упустить этого важного момента. И когда инженер сказал «готово», цех вздохнул.

— Смотри-ка,— обратился Болотов к Жарову, стоявшему у окна,— сколько народу собралось! Помнится, мне пришлось как-то присутствовать на пуске новой фабрики, и там любопытных меньше было... Вот что значит свое, наше, народное... А, товарищи?

Широкая улыбка разлилась по лицу Болотова, и все, кто стоял поблизости, заметили на глазах этого огромного и мужественного человека слезы.

Одно мгновение, и Жаров, приоткрыв окно, махнул рукой. Там во дворе давно ждали сигнала. Его быстро передали в котельную, и вот...

Над фабрикой, над ближайшими улицами, над городом, над всем текстильным краем понесся густой, торжественно-величавый гудок.

В печатном цехе раздалась команда, зычная, зазорная: — Пускай!..

Мягко зашелестели натертые канифолем ремни, загудели валы, медленно поползла вверх перепачканная при за-

правке ткань. Потом беспорядочно разбросанные по полотну пятна сменились замелькавшей мозаикой цветов. Родились первые метры советской ткани.

Кто-то крикнул «ура», и высокие своды цеха ответили дружно, многоголосо...

С фабрики Жаров уходил на рассвете. Они вышли на улицу с Болотовым. Остановились у ворот.

— Смотри, Евдокимыч, а ведь это наши, — инженер указал на группу идущих от моста людей. — И это наши... Смотри!

Отовсюду навстречу занимавшемуся утру шли рабочие. Начиналась первая трудовая смена, рожденная Великим Октябрем.

Серасим Григорьевич
Фролов

А. Фролов

ЮНЫЙ ГЕРОЙ

От первых боев
до последних
Мы шли
без хлебов и без снов
Союз восемнадцатилетних
Рабоче-крестьянских сынов.
В. Маяковский.

Кто хоть раз побывал в Московском музее Революции, у того на всю жизнь сохранится в памяти виденное.

С каким волнением и пристальным вниманием посетители рассматривают дорогие реликвии.

Блики света переливаются на стеклах стендов, на лезвиях шашек, на вороненых стволах револьверов и винтовок. С этим оружием наши отцы в дни Октября штурмовали Зимний, в годы гражданской войны громили Колчака и Деникина, штурмовали Перекоп, били польских панов.

Неподалеку от ордена Боевого Красного Знамени, который носил на своей гимнастерке Чапаев, островерхий шлем Фрунзе. А рядом поблескивает черноватой кожей фуражка. Она из тех, что носили тысячи бойцов и командиров Красной Армии, — «комиссарка», которая внушала ужас белым офицерам и буржуям. Чуть выше козырька видны небольшие отверстия — следы пули.

Чья эта фуражка? Откуда она и как сюда попала?
...Шел боевой 1919 год. Молодую Советскую Россию охватило пламя гражданской войны. Со всех сторон социалистическую республику окружили контрреволюционные армии белых генералов и интервентов. Положение было очень тяжелым. Враги поставили перед собой задачу, во что бы то ни стало задушить советскую власть. Хлеб Украины, донецкий уголь, бакинская нефть, железо Урала и хлопок Туркестана находились в руках врагов. Промышленности не хватало сырья. Большинство фабрик и заводов остановилось. Население городов переживало невероятные трудности от недостатка продовольствия.

Рабочие Питера и Москвы, текстильщики Иваново-Вознесенска, шахтеры Донбасса, металлурги Урала встали на защиту своего социалистического отечества. На обожженной боями земле сражались воины Красной Армии за свободу Родины.

Полчища Деникина подступали к Туле и угрожали Москве. В это время комсомольцы, лучшая часть молодежи страны, вместе с коммунистами были в первых рядах борющегося вооруженного народа. В ответ на призыв Владимира Ильича Ленина «Все на борьбу с Деникиным!» второй съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи принял решение провести 30-процентную мобилизацию членов союза на Южный фронт.

На дверях многих комитетов комсомола появились надписи: «Райком закрыт — все ушли на фронт!»

Группа владимирцев, делегатов второго съезда РКСМ, возвращалась в родной город. Все они еще находились под впечатлением съезда и горячо обсуждали его решения.

Среди делегатов выделялся веселый, с округлым лицом и живыми глубокими глазами юноша. Это был член Владимирского губкома комсомола Герасим Фейгин.

— Ну, теперь Красная Армия, — говорил он, — пополнится тысячами молодых отважных бойцов, наберет силу. И вот увидите, Деникина выкинет с нашей земли.

Товарищи внимательно слушали Герасима. А он, как-то загадочно посмотрев на них, лукаво улыбнулся и промолвил:

— Вот приеду во Владимир, первый запишусь добровольцем.

— А кто же в губкоме останется? — спросил сидевший напротив Фейгина паренек.

— Хватит народу. Другие в губком придут.

Ребята захохотали. А пуше и заразительнее всех смеялся сам Герасим.

Ему в то время было всего 17 с половиной лет. Но он чувствовал себя значительно возмужавшим. И действительно, Герасим, несмотря на свой юный возраст, успел пройти хорошую закалку.

Февральская революция произвела сильное впечатление на 15-летнего подростка. Тогда он жил в захолустном уездном городке Владимирской губернии — Покрове — и учился в гимназии. Фейгин среди покровской молодежи слыл уже признанным поэтом. В стихах его чувствовалось большое поэтическое дарование.

Герасим пишет несколько стихотворений и поэм, в которых звучит большевистский лозунг «война — войне». В этом отношении характерна его поэма «Беженцы», написанная в 1915 году, когда ему было всего лишь 14 лет. В ней есть такие строки:

Тут хуже всех изба Степана,
Как подбоченившись, стоит.
Сегодня все проснулись рано,
Степан невесело сидит.
Всегда печальная картина
Мелькает грустно перед ним;
В углу работает Арина
И грязный, весь в пыли, Аким.
Когда был сын, на самом деле
Жилось лучше, чем теперь,
Да вот на давешней неделе
Письмо прислал им офицер:
«Ваш сын под утро в воскресенье
Сражен был пулею в бою,
Он при поспешном наступлении
Сложил головушку свою».
Когда печальное посланье
Лениво писарь дочитал,
Степан снял шапку на прощанье,
Письмо в руках неловко смял.
Слеза невольная скатилась
На бороду и на траву
И незаметно притаилась
Между грибами в темном рву.
И горько, страшно зарыдала
Арина, бедная сестра,
Она во сне его видала
Еще под утречко, вчера.
Тоской и горем подавленный
Мужик не мог, не смел рыдать,

Есть долг, «судьбою нареченный»,
Его он должен исполнять.
Всегда есть мужику работа,
Он в поте должен хлеб добыть.
Когда же кончатся хлопоты,
Идет он подать уплатить.

Об этой поэме Александр Безыменский в предисловии к сборнику стихов Г. Фейгина, изданному в 1921 году, писал: «В ней есть мальчишеские несуразности, но художник виден. Причем художник с определенным тяготением. Возьмите его крестьянина, который не смеет плакать, ибо у него есть долг «судьбою нареченный»... платить по-дати.»

Будучи гимназистом, Фейгин писал сатирические стихи «на злобу дня» и песенки, которые распевали учащиеся гимназии, переписывали их и распространяли по городу.

Великая Октябрьская социалистическая революция захватывает всего Фейгина. Он сразу же вступает в члены большевистской партии и ведет активную агитационную и культурно-просветительную работу в Покровском уезде.

Герасим становится одним из организаторов местного союза молодежи «III Интернационала». На первом же городском собрании его избирают председателем этого союза.

Передовая часть молодежи уезда смело идет за своим умным и энергичным вожаком. Союз быстро пополняется новыми силами. Он умел оказывать влияние на молодежь, которая всё больше вовлекается в революционную борьбу.

На втором Владимирском губернском съезде Герасим Фейгин избирается членом губкома РКСМ. Как инициативный работник, умелый организатор и пламенный оратор, он становится известным всей губернии.

Герасим разъезжает по городам и селам, проводит собрания молодежи, инспектирует, учит и учится сам. Убежденный в торжестве коммунизма, он простым, душевным словом умел зажечь сердца юношей и девушек, они тянулись к нему, вливались в комсомольские ряды.

Товарищи удивлялись работоспособности Фейгина, который, казалось, никогда не чувствовал усталости, такая уж, видимо, у него была крепкая натура, большая сила воли и неугасимый революционный огонь. Любое порученное ему партий и комсомолом дело Герасим выполнял со страстью, и никакие трудности не пугали его. Он всей душой был предан делу революции.

Вот почему Фейгин, как только прибыл из Москвы со съезда, сразу же явился в губком комсомола.

— Отпустите меня на фронт,— просил он.— Я хочу быть там, где решается судьба Советской республики.

Но ему отказали. Товарищи убеждали его, что он нужен для работы в губернии.

Герасим не унимался. Три дня ходил сам не свой. Понескольку раз в день обращался к председателю губкома, просил отпустить на фронт. И всё же добился своего: губком дал согласие на отправку в действующую армию.

Это было в первой половине 1919 года. Желаящие бить белого генерала подавали заявления. Их разбирала специальная тройка.

Каждый старался поскорее получить анкету и ждать решения своей судьбы. У всех на уме только один вопрос:

«Пошлют ли меня на фронт?»

В помещении, где работала тройка, в то время можно было наблюдать следующую картину.

Вот в стороне группа подростков совещается о том, как лучше заполнить анкету, чтобы «для солидности» приписать лишний год и обмануть приемную комиссию. От медицинского осмотра вообще старались по возможности уклониться.

Юноши с трепетом подходят к столу, за которым сидят члены тройки. Председатель, внимательно проверив анкету, обращается к подростку:

— Товарищ! Как же так получается, вы пишете, что вам шестнадцать с половиной лет, когда год рождения ставите 1904. Не пойдет дело, чуток подрасти придется.

— Я, дяденька, описался,— сконфуженно говорит подросток.— Мне же обязательно надо на фронт.

— Нет, нет, не выйдет, слабоват еще.

— Да я патроны буду подавать или воду в пулемет заливать,— не отступает юноша и опечаленный тем, что проделка не удалась, уходит от стола.

Зато какое выражение на лицах тех, кто принят. Сколько радости светилось в глазах молодежи.

Со всех концов губернии прибывали мобилизованные. Среди них много было владимирских комсомольцев. Настроение бодрое, приподнятое. Все хотят ехать на фронт как можно скорее.

Наступил день отъезда. На вокзал провожать бойцов пришли почти все жители города.

Лица уезжающих довольные, несмотря на тяжелые минуты расставания.

Подходит поезд. Начались прощальные и напутственные речи.

С площадки вагона горячо и уверенно говорит пожилой рабочий:

— На нашу Родину насаждают белогвардейцы. Враги хотят опять закабалить рабочий класс. Не выйдет! Мы, освобожденный народ, огромная сила и белым генералам обломает зубы, дадим от ворот поворот.

Оркестр играет Интернационал.

От имени молодежного отряда выступает член Владимирского губернского комитета комсомола Герасим Фейгин.

— Какое счастье, какое блаженство, — вдохновенно говорит он, — с винтовкой в руках доказать, во имя чего ты борешься, чувствовать себя коммунистом!

И снова гремит Интернационал.

Под звуки гимна и крики «ура» поезд трогается.

— Прощайте! Прощайте! — летят со всех сторон возгласы.

— Бейте беляков крепче!

— А вы тут работайте хорошенько, не забывайте дело!

Поезд скрылся, а провожающие еще долго не расходились.

— Уж эти зададут перцу Деникину, — говорили владимирцы про уехавших комсомольцев, — недаром они так старательно учились на военных занятиях.

В Москву приехали на рассвете, возбужденные. И, не чувствуя усталости, шагали по улицам столицы с песнями. Трудящиеся встречали фронтовиков горячими приветствиями, пламенными речами.

Сияющим ходил Герасим с друзьями по Москве, любовался ее красивыми улицами и огромными домами. Некоторые места ему были знакомы по первой поездке. Он повел ребят к Моссовету, а от него — на Красную площадь.

Как зачарованные смотрели юноши с владимирщины на стены древнего Кремля.

— Вот она какая столица-то! — вырвался из груди подростка восторженный возглас.

С Красной площади Герасим направился в Центральный комитет РКСМ. Там Фейгина хорошо знали и ценили как способного работника, умелого организатора молодежи. Ему предложили остаться работать в Москве, в аппарате ЦК. Но он категорически отказался. Ничто не могло сдержать его желание сражаться на фронте.

На следующий день провожающих на фронт рабочих Владимирской и Ярославской губерний напутствовал Владимир Ильич Ленин. Он говорил:

«Позвольте мне приветствовать рабочих Ярославской и Владимирской губерний, которые еще раз откликнулись на наш зов и дали лучшие свои силы для защиты рабочекрестьянской республики...

Вы знаете, что положение чрезвычайно тяжелое. Но мы не отчаиваемся, ибо знаем, что всякий раз, как создается трудное положение для Советской республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и воодушевляют войска и ведут их к новым победам.

Вот почему приветствую вас, рабочие Владимирской и Ярославской губернии, в твердой уверенности, что вы своим личным примером поддержите дух Красной Армии и поведете ее к победе».

Бурной овацией ответили владимирцы и ярославцы на речь В. И. Ленина. Они поклялись с честью выполнить свой долг перед Родиной, оправдать надежды, возлагаемые на них великим вождем и учителем.

Через несколько дней молодежный отряд владимирцев направился на Южный фронт в город Белев, Тульской губернии. Почти всех распределили по разным воинским частям.

Герасим Фейгин назначается заместителем политвоенкома 9-го стрелкового полка. Участвуя в нескольких боях, он быстро освоился с походной жизнью, обрел новых друзей и товарищей. Смелый и решительный, он был всегда в первых рядах красноармейцев, не раз личным примером увлекал их в стремительную атаку на позиции врага, воодушевляя бойцов пламенным большевистским словом.

Красноармейцы полюбили его. И в горячих схватках, и в дни затишья он находился среди бойцов. Они видели в нем чуткого товарища, такого же парня, как и они сами.

Герасим тоже был доволен.

«Я не узнаю себя,— писал он брату Владимиру,— я оп-

ролетарился. Фронт быстро вышибает интеллигентский дух».

В другой раз он признавался: «Я не окомиссарился. Меня красноармейцы любят».

Во время коротких передышек Герасим проводил с красноармейцами большую культурно-просветительную работу, организовывал школы грамоты, концерты, театральные постановки, разучивал с бойцами революционные песни. Об отличившихся в бою красноармейцах и командирах Фейгин рассказывал в рукописных листовках.

Находясь в пороховом дыму, изведав тяжелый ратный путь воина, Герасим возмужал и окреп. Он чувствовал в себе прилив новых сил. Его, как и всех бойцов, радуют и окрыляют победы Красной Армии на Южном фронте. Армия Деникина была разгромлена, остатки ее спасались бегством.

Но борьба не окончена. Интервенты, задыхаясь от злобы, натравливают на Советскую республику панскую Польшу. Теперь Западный фронт становится главным. И Фейгин оказывается там. Его назначают комиссаром полка. Полк небольшой, а ему поручается ответственная задача: удерживать позиции протяженностью в 19 километров. Приходилось очень тяжело.

Враг то и дело наседавал и теснил редкие цепи красноармейцев. Но они сражались отважно, не щадя своей жизни.

Вскоре прибыло подкрепление, и полк перешел в наступление.

Красные войска продвигались к Вильно. На подступах к городу разгорелся жестокий бой. В трудных переделках пришлось побывать комиссару.

К ночи перестрелка затихла. Утомленные дневным боем красноармейцы засыпали с винтовками в руках. Только посты охранения зорко всматривались в ночную мглу и прислушивались к каждому шороху.

У комиссара Фейгина было твердое правило — каждую ночь лично проверять бдительность сторожевых охранений, а также изучить местность, где с рассветом снова разгорится сражение.

Однажды, проверяя посты, Герасим, пробираясь по лесной дороге, заметил четырех мужчин, одетых в крестьянскую одежду. Они показались ему подозрительными. Пришпорив коня, он быстро догнал незнакомцев.

— Кто такие? Прошу предъявить документы? — потребовал он.

В ответ один из «крестьян» выхватил пистолет. Но комиссар успел выстрелить первым, и вражеский разведчик рухнул на землю. Следующим выстрелом Фейгин уложил другого неприятеля.

Умный конь отпрянул и поскакал обратно. Вслед ударили несколько выстрелов. Вражеская пуля раздробила Герасиму кость левой руки, ниже локтя, другая навывлет прострелила правую ногу. Взмыленный конь притащил потерявшего сознание, истекавшего кровью комиссара к штабу полка... Он был на волосок от смерти. Пуля пробила фуражку и вырвала клочок волос.

Фейгина отправили в военный госпиталь в Себеж. Потом его перевели в Ржев, а затем в Рязань.

Потянулись долгие, похожие один на другой дни. И каждый из них казался Герасиму бесконечным. Он никак не мог смириться с тем, что теперь надолго расстался с фронтом.

В Рязань к нему приехали из Покрова отец, Григорий Давидович, и брат Владимир, с которым Герасим был близнецом. Приезд родных был для него большой радостью. Он подолгу рассказывал им о боях, в которых ему пришлось участвовать. Расспрашивал о владимирских новостях.

По просьбе отца Герасим был переведен в московский госпиталь. Но и там он не унимался. Его угнетала госпитальная обстановка. Герасим рвался в гущу жизни, он хотел быть снова на передовой линии.

Фейгин буквально бунтует. Он настойчиво донашивает врачей, чтобы его поскорее выписали. И однажды добился своего.

Слабый, исхудалый, с перевязанной рукой и с костылем приехал Герасим в Покров к родителям. И тут же приступил к работе в уездном комитете партии.

Кто работал с ним в то время, поистине удивлялись его неутомимой натуре. Не оправившийся как следует от ранения, Фейгин работал по 12 часов в сутки, вел культурно-просветительную работу среди молодежи, выступал с докладами, занимался мобилизацией трудящихся на восстановление хозяйства. Выезжал в деревню и там организовывал молодежь на помощь семьям красноармейцев.

Недолго ему пришлось пробыть в Покрове. ЦК РКСМ

направляет его в Минск в качестве члена Центрального бюро КСМ Литвы и Белоруссии.

И здесь Фейгин проявляет колоссальную энергию. Он ведет большую пропагандистскую работу среди молодежи. Сплачивает юношей и девушек в комсомольские организации. Герасим избирается на съезд Коммунистического Союза Молодежи Литвы и Белоруссии и одновременно на III Всероссийский съезд РКСМ.

**
*

Поезд шел несколько суток. Не хватало топлива. В пути комсомольцам Белорусско-Литовской организации вместе со всеми пассажирами поезда неоднократно приходилось останавливаться в лесу и заготавливать для паровоза дрова.

В Москву прибыли поздно вечером. Моросил холодный осенний дождь. К полуночи с помощью извозчиков разыскали здание, в котором размещались различные делегации. Это был третий Дом Советов.

Несмотря на позднее время, из комнат доносился гул голосов.

Герасим Фейгин вместе с своими товарищами белорусами и литовцами разместился в одной комнате, сплошь заставленной жесткими койками. Заснули как убитые.

Утром Герасим проснулся рано от шума голосов, доносившихся из коридора. Многие делегаты уже были на ногах. За стеной кто-то задорным звонким голосом выводил:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем...

Проходя коридором, Фейгин заметил шагающего навстречу знакомого юношу. Тот тоже его увидел и, крепко обняв за плечи, радостно воскликнул:

— Герасим! Дружище, здорово!

Это был Александр Безыменский, с которым Фейгин вместе работал в 1919 году во Владимирском губкоме комсомола.

— Откуда ты приехал? — спросил Герасим.

— Из Казани. А ты?

— Из Минска.

Потом они несколько раз встречались, вспоминали прошлое, рассказывали друг другу, кто за это время где побывал.

ГЕРАСИМ ФЕДИН

Днем делегаты отправились на экскурсию по улицам столицы. Трамваи тогда почти не ходили. Поэтому по городу шагали пешком. Настроение у всех было приподнятое. Каждый с нетерпением ждал открытия съезда.

Среди делегатов распространился слух, что основной доклад будет делать Владимир Ильич Ленин.

Эта весть захватила всех. В общежитии только и было разговоров о предстоящем выступлении Ленина.

Герасим тоже радовался. Правда, он однажды Ленина уже видел, но ему хотелось его увидеть поближе.

В доме № 6 по Малой Дмитровке делегаты собрались за несколько часов до открытия съезда. В зале стоял непрерывный гул. Всюду серые шинели и черные кожанки. На головах красноармейские шлемы, папахи, матросские бескозырки, выдавшие виды картузы и кепки. Большинство делегатов приехало на съезд прямо с фронта.

Здесь в зале сидел цвет рабоче-крестьянской молодежи. Комсомольцы, делегаты III съезда РКСМ, вместе с коммунистами находились на самых опасных и трудных участках фронта и тыла, шли в первых рядах борцов за народное счастье. Они являлись верными и преданными солдатами пролетарской революции. С одинаковым энтузиазмом они участвовали и в боях против польских панов, и в ремонте паровозов, и в заготовке топлива.

Герасим Фейгин разместился со своей делегацией примерно в середине зала, вблизи с украинцами, туляками и владимирцами. Он, как и все другие делегаты, устремил взор в правый угол сцены, откуда должен был появиться Ленин.

Все ждали решающего слова родной партии и готовы были это слово, как знамя, понести в жизнь, в борьбу и работу.

Зал гудел, как улей. Там и тут слышались горячие споры, начатые еще в общежитии. С первых рядов, где разместились питерцы и москвичи, грянула песня:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Но она неожиданно оборвалась на первом же куплете. У входа на сцену стоял Ленин.

Зал на какую-то секунду замер, а потом вдруг разразился бурной овацией. Со всех концов гремело одно бесконечно дорогое слово:

— Ленин! Ле-е-нин!

А Владимир Ильич, пробравшись тем временем к столу президиума и сняв пальто, жестикулировал рукой и приветливо улыбался.

И вот разбушевавшееся море улеглось.

Ленин оглядел зал, снова поднял руку и заговорил:

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще...

Это было так для всех неожиданно, что делегаты переглянулись. Задачи им казались давно известными: громить буржуев!

— И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи,— продолжал Владимир Ильич,— я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций, в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Делегаты были потрясены. Слишком уж неожиданным было это заявление. Разве нет более важной для них задачи?

А Ленин продолжал:

— Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы,— чему учиться и как учиться?..

— Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму...

Это уже было понятнее. Ленинские слова всё более и более доходили до сознания каждого.

— Коммунистом стать можно лишь тогда,— говорил Ильич,— когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которое выработало человечество...

Фейгин сидел не шелохнувшись, стараясь не пропустить ни одного слова вождя.

— Вы должны построить коммунистическое общество... Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка...

Вы должны воспитать из себя коммунистов... Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали...

Это партия устами Ленина требовала от комсомольцев, чтобы они были идейными и практическими вожаками молодежи в деле построения коммунистического общества.

Ленин давал комсомолу программу работы на десятилетия.

Он сказал, что поколение, которое будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую. По мере того как это будет происходить в каждой деревне, по мере того как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд,— по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

— Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства,— продолжал Ленин,— только спрашивая себя, всё ли мы сделали, чтобы быть объединенными сознательными трудящимися, Коммунистический союз молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

Речь окончена. И зал снова, как вначале, огласился громом аплодисментов.

Все дни работы III съезда РКСМ проходили под впечатлением речи В. И. Ленина. Она захватила всех делегатов. И перед каждым в новом свете предстали задачи комсомола.

С этим чувством Герасим Фейгин ехал в Иваново-Вознесенск, куда его после съезда направил ЦК РКСМ. Здесь он становится секретарем губернского комитета комсомола.

Иваново-Вознесенск, город славных текстильщиков, Фейгину понравился с первых дней. Об этом можно судить по его письму к отцу. Герасим писал:

«Дорогой папа.

Как живешь-бываешь? Я здесь все в Красной губернии. Фабрики работают, производительность труда равна

довоенной, а иногда даже превосходит. Настроение рабочих — хорошее. Работают 8 часов и получают вполне достаточное продовольствие. Вот действительно Красная губерния. Везде у власти исключительно рабочие — старые социалисты. Иногда зайдешь на какую-нибудь фабрику и встретишь в коммунистической ячейке рабочего с тридцатилетним стажем революционной деятельности. В одном городе Иваново до 5000 коммунистов и столько же членов комм(унистического) союза молод(ежи). Командующий Юж(ным)фронтом, разбивший Врангеля, товарищ Фрунзе — ивановский работник. Здесь работают как следует. Губком партии меня кооптировал к себе членом. Громадное революционное прошлое, полная теоретическая подготовленность — это качество всех ивановских работников. Начиная здесь издавать газету «Юный текстильщик». Буду высылать. Наверное, скоро буду в Москве.

В Покров не знаю сумею ли захватить. Ну всего.

Твой Герася.

27/XI—20»

— Я тоже теперь ивановец, — любил повторять Фейгин. И гордился этим.

Он был очень доволен работой в Красной губернии. Комсомольская организация в 1920 году составляла уже большую силу. В ней насчитывалось 3170 членов РКСМ. Она почти вся состояла из рабочей молодежи, которая горячо откликалась на все призывы партии и государства, была предана интересам Родины.

Работа захватила всего Герасима. Но и после трудового дня он засыпал с думой о новых комсомольских ячейках, которые должны родиться завтра в городах и деревнях.

Начинался период восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Оживали снова фабрики и заводы. Но им не хватало кадров. Много квалифицированных рабочих ранее ушло на фронт и не вернулось. Требовались новые специалисты. Открывалась сеть учебных заведений по подготовке молодых рабочих.

В это время Герасим Фейгин проявляет активную деятельность по организации школ фабрично-заводского ученичества. Вместе с членом губкома комсомола Сергеем Осиповым он составляет «Положение о социалистическом воспитании рабочей молодежи», которое было рассмотре-

но губотделом народного образования и губисполкомом и направлено в ЦК РКСМ.

На фабриках и заводах организуется сеть школ — клубов рабочей молодежи. Они объединяют подростков в возрасте от 14 до 18 лет. Позднее, когда тяга молодежи к учебе увеличилась еще больше, были организованы школы фабрично-заводского ученичества, а затем профтехшколы, курсы и рабфаки.

Лозунг «Даешь учебу!» стал особенно популярным среди юношества.

Задача коммунистического воспитания молодежи встала перед союзом на первый план.

Начиная с 1919 года, в Иваново-Вознесенске выпускалась маленькая газетка «Юный Спартак». Но выходила она нерегулярно. За два года было выпущено всего 16 номеров.

С приездом в Иваново-Вознесенск Фейгин сразу же серьезно взялся за дело печати. В ней он видел хорошего организатора и пропагандиста. И благодаря настойчивости Герасима, комсомольская организация получила свою первую губернскую газету «Юный текстильщик». Первый номер ее вышел 20 декабря 1920 года. Это был праздник для всей молодежи губернии.

В передовой первого номера, озаглавленной «От «Спартака» к «Текстильщику», Герасим Фейгин писал:

«...Революция фабрик, заводов и деревень, красное знамя борьбы с угнетателями — вот те условия, в которых оформилась рабочая молодежь.

В горниле этой великой борьбы она закалилась, выросла и — дитя революции — она стала ее гордостью.

В Советской России мы переходим от винтовки и пулемета к станку, от грохота орудий к фабричному шуму, от борьбы крови к борьбе мозолей и пота.

Это не значит, что пулемет нужно перелить на винты и гайки. Но за время передышки все усилия, все внимание на фабрику, завод, мастерскую.»

Газета «Юный текстильщик» выпускалась на приличной бумаге, с рисунками. Печаталась она в Шуйской типографии. Редактором первого номера был ивановский поэт Серафим Огурцов.

Секретарь редакции А. Медников вспоминает, как ему вместе с Фейгиным и другими приходилось тащить на себе ночью от типографии до вокзала свежие номера газеты, а

на другой день они молниеносно распределялись по ячейкам комсомола, а также расклеивались по улицам.

Второй и третий номера газеты подписывал сам Герасим Фейгин. На страницах ее он выступает с острой статьей, в которой дает достойную отповедь тем, кто клеветает на союз молодежи, заявляя о том, что будто бы союз разваливается по всем швам. Фейгин разбивает эту галиматью и убедительно, на ярких примерах показывает, как комсомол, все более и более вовлекая в свои ряды лучшую часть рабоче-крестьянской молодежи, набирает силы и становится активным помощником партии в строительстве новой жизни.

Герасим много внимания уделяет газете, он горячо встречает молодых рабочих и крестьян — первых корреспондентов газеты «Юный текстильщик». Мечтает о том, что со временем их ряды пополнятся новыми силами.

Авторитет газеты рос очень быстро. Об этом можно судить по увеличению тиража. Если первые три номера выходили тиражом 1500 экземпляров, то № 7 уже — 6000.

«Юный текстильщик» стал известен молодежи всей губернии. Юноши и девушки сообщали в свою газету о жизни и работе комсомольских ячеек города и села, критиковали недостатки. Это радовало и воодушевляло Герасима и других членов губкома и работников редакции. Они видели, как укрепляются их связи с массами.

Фейгин приобрел большую любовь молодежи и уважение старых текстильщиков. Его ценили за трезвый ум, прямоту и честность — эти лучшие черты коммуниста.

В начале марта 1921 года он избирается от губернской партийной организации делегатом на X съезд РКП(б).

В это время вспыхнул мятеж в Кронштадте. Остатки разбитых в гражданской войне белогвардейцев, связанных с меньшевиками, эсерами и агентами империалистов, сделали последнюю попытку восстановить в России власть помещиков и капиталистов. Банда предателей во главе с бывшими царскими генералами и офицерами обманом захватила крепость Кронштадт и готовилась нанести удар по Петрограду.

Известие об этой наглой вылазке врага наполнило страшным гневом сердца всех трудящихся молодой Советской республики. Повсеместно тысячи добровольцев просили отправить их на подавление контрреволюционного мятежа.

Герасим Фейгин вместе с отрядом, организованным из делегатов X съезда партии, руководимом К. Е. Ворошиловым, отправился под Кронштадт.

Мог ли остаться в стороне этот славный юноша, когда Родине снова угрожала опасность?

«Таким веселым, как за пять часов до отправления, я его еще не видел»,—вспоминал брат Владимир.

А в письме к отцу, Григорию Давидовичу, Герасим сообщает с восторгом о том, что ему довелось видеть и слышать Ленина. Сообщает, что скоро ему придется поехать в Питер по союзным делам (в письме пришлось утаить истинную причину).

Товарищи, отправившиеся вместе с Фейгиным, рассказывали, что он был в очень хорошем настроении. Весь путь от Москвы до Питера он шутил, смеялся и своим весельем заражал других. Столько в нем было энергии, а в глазах его светились такие ясные огоньки, что, казалось, никакая пуля не сможет оборвать жизнь юноши.

Прибыв в Петроград, Фейгин посылает письмо друзьям в Иваново. Оно полно бодрости и уверенности. Вот его содержание (приводится с сокращениями).

«Ив. Вознесенск
Сретенская ул. Дворец молодежи
Губком РКСМ

12/III—Питер. Балтийский вокзал.

Итак, дорогие ребятки, направляюсь под Кронштадт. Сегодня ночью или завтра буду в бою... Уехал я добровольно. Стыдно стало за некоторых типов, у которых сразу появились всевозможные болезни... Как живете? Как раз перед отъездом решил обязательно остаться работать в Иваново. Если вернусь живым, обещаю приехать в Иваново. Кронштадт брать на днях, так что вполне возможно, что я, «гордо водрузив красное знамя» (кавычки Фейгина — А. Ф.) на крепостных стенах Кронштадта, вернусь очень скоро в Иваново. Съезд в силу сложившихся условий отложите. Это самое целесообразное. Пока же созовите пленум, пополните губком, в крайнем случае, если съезд решите созвать, проведите быстро...»

Далее Фейгин называет фамилии активных комсомольских работников, которых рекомендует избрать в члены губкома.

Из этого письма видно, что даже, идя в бой, Герасим

думал и заботился о своей комсомольской организации. Он верил в быструю победу и в скорое возвращение в Иваново, которое стало для него родным и близким. Чувство высокого долга перед партией и любимой отчизной заполняло пламенное сердце Герасима Фейгина. Это он выразил в одном из своих стихотворений:

Мы пойдем без страха, мы пойдем без дрожи,
Мы пойдем навстречу злобному врагу.
Дело угнетенных — дело молодежи.
Горе, кто на черном, чуждом берегу!

Путь предстоял тяжелый. Красным воинам нужно было пройти от 7 до 15 и даже более километров по открытому ледяному полю Финского залива, который разделял остров Котлин от побережья. Обстановку осложняло и то, что с наступлением тепла на льду появились многочисленные водяные озера. Вдобавок к этому вражеские прожекторы то и дело освещали поверхность залива.

Но в эту ночь мятежники, очевидно, не ожидали наступления, рано погасили прожекторы.

Под покровом темноты наши части с трех сторон двинулись в наступление. Только на рассвете, когда уже красные войска были под стенами крепости, враг обнаружил цепи наступающих и открыл ураганный артиллерийский огонь. Но ни рвавшиеся снаряды, ни ливень пуль не могли остановить движущуюся лавину. Бойцы и командиры, преодолевая невероятные трудности, смело продвигались вперед, проявляя чудеса храбрости и геройства. А в середине дня бой уже шли в самом Кронштадте.

Герасим Фейгин шел в первых рядах наступающих. Раненая на западном фронте рука еще не зажила как следует и ныла в локте, но он твердо держал винтовку. Спотыкался о торосы льда и снова поднимался и бросался вперед, увлекая за собой красноармейцев.

И вот уже близка цель — в проблесках утреннего рассвета показались дальние очертания крепости. Враг яростно сопротивлялся. Взрывались снаряды, и Герасим видел, как гибли, сраженные осколками и пулями, его товарищи, тонули подо льдом. Но непреклонна была воля к победе. С винтовкой наперевес бежал он навстречу огневому шквалу.

— За мной, товарищи! Вперед!

Мощным «ура!» ответили бойцы на призыв молодого героя и неудержимой лавиной устремились за ним.

— Невольно бодрость охватывала каждого из нас при виде этого храброго юноши, смело, с презрением к смерти, идущего вперед, — рассказывали участники штурма крепости, находившиеся вместе с Фейгиным.

В этом бою Герасим был сражен наповал вражеской пулей. Товарищи видели, как он махнул рукой по направлению крепости, будто указывая путь оставшимся в живых, и рухнул на лед. Когда подбежали к нему бойцы, он был уже мертв.

Так геройски погиб Герасим Фейгин, секретарь Иваново-Вознесенского губкома комсомола, бесстрашный коммунист с юным горячим сердцем.

Сводка штаба войск группы говорит чеканно, выразительно: «Делегат X съезда партии тов. Фейгин Герасим доблестно погиб на подступах к Кронштадту во время атаки крепости... Фейгин шел впереди цепи бодрый, смелый, уверенный. Он символизировал молодую идущую смену, коммунистическую освобожденную Россию».

Газета «Правда» писала о смерти Г. Фейгина:

«Ледяной покров Финского залива стал погребальным покровом славного стойкого солдата революции из рядов союза молодежи т. Фейгина.

...19-летний юноша, он воплотил в себе лучшие качества идейного закала старой гвардии коммунистов. Больно ударит его смерть по начавшейся укрепляться Иваново-Вознесенской организации Союза... Он незаменимым был на своем посту в переживаемый нами момент...»

И, действительно, тяжело восприняли комсомольцы и молодежь текстильного края весть о гибели своего любимого вожака. Газета «Рабочий край» 26 марта 1921 года поместила некролог о смерти Г. Фейгина. В нем говорилось:

«...С болью отзовется эта траурная весть в сердце каждого из членов РКСМ не только нашей, но и других губерний, где приходилось работать т. Фейгину.»

Во многих комсомольских организациях проходили специальные собрания, посвященные гибели Г. Фейгина. Имя его было присвоено Дворцу молодежи. Именем Герасима Фейгина названы улицы в Иванове и Кронштадте.

Прах его покоится в братской могиле на Якорной площади в городе Кронштадте.

Юный герой был славным сыном и патриотом своей Родины, коммунистом-ленинцем.

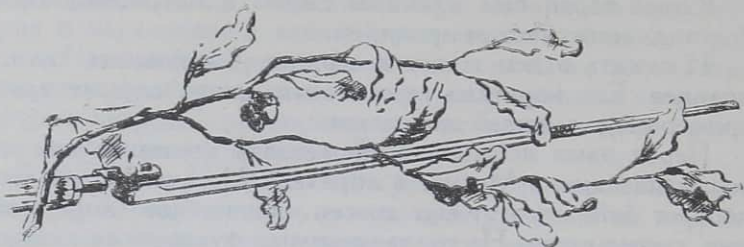
И память о нем живет в сердцах ивановских комсомольцев. Его короткая героическая жизнь служит ярким примером для нашей молодежи.

Перед нами небольшая фиолетовая книжечка его стихов, вышедшая в Москве в апреле 1921 года. На обложке портрет бойца-поэта: еще совсем юношеское лицо, живые, умные глаза. На голове кожаная фуражка со звездой, которую он носил с гордостью. Откроешь книжку и найдешь проникновенные строки, вылившиеся из сердца юного поэта:

Я верю в светлый мир,
В прекрасную свободу!

За широкую дорогу в светлый мир, за прекрасную свободу трудового народа боролся воин, коммунист, поэт Герасим Фейгин.

И ныне его кожаная фуражка, пробитая пулями и отданная родными в музей Революции, жива не как реликвия, а как бессмертная слава орлиного племени—Ленинского Комсомола.

А. В. САМАРИНА

С ВИНТОВКОЙ НАПЕРЕВЕС

Мягко и застенчиво улыбается милая, стройная девушка Маруся Рябинина с пожелтевшего от времени картона. Этой фотографии почти сорок лет. Снята Маруся во весь рост. По моде того времени на ней светлая блузка без воротника. Широкая пелеринка закрывает плечи; черная длинная юбка со складками на боках; ноги обуты в высокие ботинки со шнуровкой. Такие ботинки называли почему-то «румынками», хотя и производили их в России.

Это последний снимок в гражданской одежде, сделанный незадолго до того, как Маруся добровольно вступила в Красную гвардию.

Многие ивановские коммунисты, особенно старые рабочие и работницы, помнят эту общительную, жизнерадостную красногвардейку в черной кожаной куртке, с красной косынкой на голове. На занятиях по военному обучению Маруся туго завязывала косынку, чтобы не мешали волосы.

Всегда она была очень внимательна, старалась четко, без опоздания выполнять команду.

Может поэтому, а может быть и потому, что с детства была трудолюбива и упорна в любом деле, она быстрее других добилась успеха в стрельбе из винтовки.

Маруся выросла в хорошей семье. Ее отец Петр Ра-
жук, рабочий на бывшей фабрике Грязнова, был челове-
ком политически развитым.

Мать, добрая и красивая женщина, очень хорошо от-
носилась к людям и не любила судачить о их недо-
статках. Соседи ее уважали и называли «душевной» жен-
щиной.

Дружная это была семья. Жили они на квартире в Ры-
лихе, на той улице, которая теперь называется Волостная.
Хозяева были весьма довольны квартирантами за «тихую
жизнь».

Под «тихой жизнью» подразумевали отсутствие скан-
далов, драк и пьяного самодурства, когда, уж если не же-
ну, так били посуду или ломали мебель.

Про родителей Маруси говорили:

— Что им согласно-то не жить. Ведь не по сватовству,
а по любви сошлись. Вот и воркуют, как голуби.

Маруся была первым ребенком от этого счастливого
брака.

Умные родители хорошо заботились о ее здоровье,
ласкали и берегли. Ни бранью, ни побоями не унижали ее.
В семье была хорошая обстановка. Маруся росла шустрой,
жизнерадостной и предприимчивой, какой я помню ее в
школьные годы и юной девушкой.

Вместе с Марусей мы учились в Рылихской земской
школе. Здесь мы вместе пережили тяжелое потрясение.

В 1907 году во время маевки конные казаки жестоко
пороли людей нагайками, били ножнами шашек, топтали
лошадьми. Многих арестовали, в том числе и нашу учи-
тельницу Ольгу Марковну Владимирову.

Пьяный казак так ударил ее нагайкой, что на спине
блузка разорвалась пополам.

Эти зверские удары с оттяжкой мастерски делали аст-
раханские казаки. Они стояли в Иваново-Вознесенске для
усмирения «забастовщиков»-рабочих. За желтые околыши
фуражек и лампасы их звали «желтой сволочью».

Большинство астраханцев было яркими монархистами и
пьяницами. Всегда действовали заодно вместе с черносо-
тенцами, полицией и жандармами.

Немного лучше других был кривой казак, который
часто назначался для наружной охраны городской
тюрьмы.

Потом мы узнали, что «снисходительность» его имела

свою причину. Один его близкий родственник «за политику» был сослан на каторгу.

У школьников, горячо любивших учительницу, арест ее вызвал негодование.

На Марусе Рябининой это событие отразилось особенно сильно и повлияло на ее судьбу. Оно же, пожалуй, как и она сама признавалась, стало причиной того, что, спустя десять лет — в 1917 году, она одна из первых девушек в Иваново-Вознесенске вступила в Красную гвардию.

Маруся взяла винтовку в руки для борьбы за Советскую власть и не расставалась с этой винтовкой до самой смерти.

В последний раз мы виделись с ней незадолго до того, как она с особым отрядом ивановских коммунистов под руководством М. В. Фрунзе уехала на Восточный фронт. 31 Сорок первой¹ значится она в списке отряда коммунистов, из которых потом был сформирован Иваново-Вознесенский полк 25-й Чапаевской дивизии.

Мы с ней хорошо, задушевно поговорили, вспомнили детство. Я поздравила ее с успехом в стрельбе из винтовки, сказав ей:

— Стало быть, ты теперь красный боец?

Лукаво улыбаясь, она ответила, раздельно произнося каждое слово:

— Кра-сно-со-те-нец. Помнишь нашу клятву в городской тюрьме?

— Помню, — ответила я. — Отлично помню. И хочется рассказать об этом теперь.

Мелодично, приятно для слуха разносится звон школьного колокольчика. Настежь распахиваются двери классов. Их створки с треском ударяются о стены школьного коридора. Школьники выбегают так стремительно, что не слышат, как заведующий школой, старый и сердитый Иван Никанорович, шевеля усами, кричит им вдогонку:

— Тише. Осторожней, расшибете маленьких.

Можно ли унять сейчас криком этот народ? Конечно нет.

Звонок возвестил о большой перемене. Целых полчаса полной свободы. Делай, что хочешь. Сегодня солнечный майский день. Одни бросились кормить уток, плавающих в школьном пруду. Другие играют в чехарду, в чижикины в лапту и другие игры. Но что это?..

¹ Ивановский облпартархив.

С левой стороны школы тихо разговаривают несколько учеников постарше. На лицах у них и печаль и тревога. К ним подходят любопытные первоклассники.

Прислонясь к забору, хорошенькая, кудрявая Нюра Бакусова горько плачет и скороговоркой твердит:

— Загубят, загубят они ее! Зачахнет она в тюрьме, а мне то и на каторге.

Резвая девочка с нежным румянцем на щеках и красивыми зелеными глазами подбегает к группе и спрашивает в чем дело.

— В чем дело, в чем дело? — передразнивает ее одноклассник и приятель, лучший ученик по арифметике Митя Журавлев.

— Не знаешь, что ли? — с укором говорит он, — вчера Ольгу Марковну арестовали на Талке. Вот сегодня Иван Никанорович и злится.

— Говорят, били их здорово, нагайкой глаз выхлестнули. Кого-то конями топтали около насыпи железной дороги.

— Желтая сволочь, калечат людей, не глядя ни на что, только попадись! Видал я, как они бьют рабочих и студентов! — выкрикивает рослый мальчик Коля Матвеев. Его огромные черные глаза гневно сверкают, а губы болезненно подергиваются. Вид его был такой необычный, что невольно все притихли.

Не знали мы тогда, что этот мальчик связан с большевиками-подпольщиками. Спустя много лет, нам стало известно, что он даже помогает им, но крепко умеет молчать.

Через десять-двенадцать лет в борьбе за Советскую власть Коля, теперь, правда, Николай Александрович Матвеев, с винтовкой в руках прошел с боями от Ленинграда до Читы.

Вдруг прозвучали, сказанные медленно и спокойно, слова:

— Не хныкать надо, как Нюрка, надо попробовать выручать. — Сказала это, как взрослая, Маруся Рябинина.

— Выручать. Навыручает тебе Иван Никанорович на целую неделю, каждый день на коленях будешь стоять.

Иван Никанорович Губанов, заведующий Рылихской земской школой, был часто чрезмерно суровым и несправедливым. За малейшую провинность, а иногда и просто

по подозрению в провинности он выгонял учеников из класса, ставил на колени, иногда на два часа, или оставлял «без обеда».

Остаться «без обеда» было куда хуже, чем простоять урок на коленях. Хуже тем, что оставаться в классе после уроков было очень скучно. А скука для детей — самое тяжелое наказание.

Наша учительница Ольга Марковна Владимирова придерживалась другой системы воспитания. Всегда она была ласкова, приветлива с детьми. Редко наказывала. Ученики горячо любили ее.

Известие о ее аресте вызвало возмущение школьников. Все они хотели что-то делать, как-то действовать.

По предложению Маруси Рябининой в тот же день группа школьников собралась у кирпичных сараев, чтобы не попасться на глаза уряднику или стражнику, подражая взрослым, устроила «тайную сходку». На «сходке» решили отправить «депутатов» узнать, в какой тюрьме сидит Ольга Марковна — в городской или на Ямах. Сделать это сегодня же вечером, под предлогом игры в лапту собраться на пустыре напротив огородов и выслушать, что скажут «депутаты».

Группе ребят поручили сходить к матери Ольги Марковны и выразить ей сочувствие. А кстати, узнать, нет ли какого нового известия о дорогой учительнице.

В «депутаты» к тюрьме попали я и Оля Гамаюнова, племянница известного в Иванове революционера Константина Гандурина. Смелая, решительная, она никого и ничего не боялась.

Маруся Рябинина и еще кое-кто из ребят проводили нас до улицы «Продирки».

У кривого казака, дежурившего в будке у ворот городской тюрьмы, мы узнали, что «политическая преступница», учительница Владимирова, здесь. Видеть ее не разрешается. Но уж если очень надо ее видеть, можно поглядеть в щелку в заборе, когда арестованных выведут на прогулку. К этой щелке потом бегали чуть не все ученики Рылихской школы.

На вопрос, били ли Ольгу Марковну, казак нам не ответил.

Вечером обо всем этом мы сказали собравшимся на пустыре школьникам.

Решили на другой день в большую перемену всем вый-

йти и, построившись парами, направиться к тюрьме, требовать освобождения Ольги Марковны.

Маруся Рябинина вызвалась уговорить школьников, которые колеблются и боятся принять участие в школьной демонстрации.

Справилась она с этим хорошо. Уговорила даже тех учеников, которые уже окончили школу.

На другой день, невзирая на угрозы Ивана Никаноровича выгнать из школы, мы вышли из классов, построились парами и пошли к тюрьме. По дороге туда к нам присоединялись бывшие ученики и так же, как и мы, строились парами.

В первых рядах шла Маруся Рябинина и вместе с другими пела:

Вихри враждебные веют над нами...

Так же рядами, по двое мы остановились перед тюрьмой, выбрали несколько человек, в том числе и Марусю Рябинину, для разговора с начальником тюрьмы.

Выбранные нами школьники подошли к тюремным воротам и потребовали начальника. Вышел высокий молодой мужчина в форме. «Зачем вы пришли? Это не полагается», — выкрикнул он.

После того как мы заявили, что будем бастовать, если нам не дадут разговаривать с Ольгой Марковной, начальник согласился показать нам ее в окно.

Через несколько минут откинулась фрамуга в одном из окон. Показалось лицо учительницы. Она крикнула: «Здравствуйте, милые дети! Спасибо, что не забываете меня!» Она улыбалась нам, а по лицу текли слезы.

Кто-то из учеников крикнул: «Ольга Марковна, скажите нам: били вас казаки или нет?». Некоторые заплакали.

— Нет, не били. Успокойтесь! Идите домой и хорошо учитесь. Бастовать вам еще рано. Не плачьте. Меня, наверно, скоро выпустят.

Возвращались мы домой вместе с Марусей и Митей Журавлевым. Жили мы на одной улице в Новой Рылихе. Маруся была очень расстроена и всю дорогу молчала. Уже почти перед домом она сказала:

— Ольга Марковна велела хорошо учиться, а я отстаю по арифметике. Будешь мне помогать? — спросила она Митю Журавлева.

— Конечно, буду, — ответил он.

Он очень хорошо учился и помогал другим школьникам. С Марусей они дружили. (Митя Журавлев в гражданскую войну погиб при взятии форта «Серая лошадь» под Ленинградом.)

Вскоре нам разрешили свидание с учительницей. Но приходить в тюрьму можно было небольшими группами.

Мы с Марусей Рябининой попали в первую группу. Внутреннюю охрану тюрьмы несли полицейские. Пожилой полицейский с окладистой черной бородой пропустил нас в камеру для свидания. Почти половину камеры занимали низкие тюремные нары. Окно выходило во двор. Напротив была будка, в которой сидел казак.

Полицейский привел Ольгу Марковну из камеры, а сам уселся на стул в углу и сделал вид, что дремлет.

Маруся, как увидела Ольгу Марковну, так и ухватилась за нее, вся зардевшись от счастья и волнения.

Ольга Марковна всех приласкала и расспросила, как кто живет и учится. Потом, улыбаясь, задала вопрос:

— Милые вы мои «забастовщики», скажите, кем же вы хотите быть, когда подрастете, — черносотенцами или красносотенцами?

После революции 1905 года мы, дети рабочих, знали, что такое черносотенцы. Поэтому дружным хором ответили:

— Будем красносотенцами. Клянемся вам, что только красносотенцами!

Тут полицейского точно кипятком ошпарили. Он вскочил со стула, борода его вздыбилась. Он заорал:

— Арестованная, вы не имеете права говорить детям крамольные речи! Я доложу господину полицеймейстеру.

Ольга Марковна засмеялась и стала прощаться с нами. Полицейский увел ее в камеру, потом он вернулся и проводил «крамольников» на улицу, что-то сердито бурча в свою густую бороду.

Примерно через месяц Ольгу Марковну перевели в ямскую тюрьму.

Навестили мы ее и там. Мрачный вид этой тюрьмы произвел на нас удручающее впечатление. Темные стены, полумрак, какой-то кислый запах — всё наводило тоску.

Когда к нам вывели Ольгу Марковну, мы испугались и оробели. Маруся низко опустила голову, плечи ее стали вздрагивать. В детстве она была очень впечатлительной.

Даже в полумраке коридорчика, где нам разрешили

свидание, мы разглядели, что Ольга Марковна очень бледна, под глазами у ней синева и выглядит она больной и усталой. Ее лучистые серые глаза были печальны. Кажалось, потускнели даже ее пышные волнистые волосы. Как всегда, с нами она оставалась приветлива и ласкова. Спросила, как мы учились, не остался ли кто на второй год.

Мы заверяли ее, что все ученики помнят наказ учиться хорошо и что с нетерпением ждем ее.

— Старайтесь, дети, это вам очень нужно будет. Меня не ждите. Мне наверно не разрешат учить детей. Ведь я «неблагонадежная».

Мы догадывались, что арест этот даром не пройдет, да и наш «поход» к тюрьме — то же.

И, в самом деле, даром не прошло. Заведующий школой ходил мрачнее тучи. Некоторых учеников постарше наказали, вызывали кое-кого из родителей.

В школу приезжали инспектор народных училищ, древний старичок, генерал Червяковский, и попечительница школы Полушина, пышная дама с собольим палантином на плечах, с бриллиантами в ушах и на груди.

Потом мы узнали, что Ольге Марковне учить нас запретили.

Маруся, как и многие ученики, никак не могла примириться с такой несправедливостью.

— Как это так, — рассуждала она. — Ольга Марковна нас любит и хорошо учит. Мы ее тоже любим, а ей не дают с нами заниматься.

После летних каникул учительница пришла проститься с нами. Прощалась она трогательно, взволнованно, чуть не плача. Снова, как и в тюрьме, наказывала:

— Учитесь, дети, хорошо. Знания вам потом будут очень нужны. Больше читайте. Книжки научат вас понимать правду...

Много еще доброго говорила она нам, но теперь трудно вспомнить. Помню только, как нервно теребила она кончики шелковой косынки в серую и черную клеточку. Дети далеко ее проводили. Всем было грустно.

Маруся Рябинина после этого расставания стала хандрить и даже пробовала не подчиняться новой учительнице. Потом постепенно ее жизнерадостная натура взяла свое.

Ученики нашей школы должны были ходить в Преоб-

раженскую церковь. В церкви нас выстраивали в несколько рядов перед амвоном с правой стороны. Служба была очень долгой и утомляла детей.

Мы придумывали развлечения. Если по ходу службы надо было становиться на колени, мы садились на пятки. Шепотом передавали друг другу какую-нибудь шутку, стишок.

Удачно изобретала такие шуточные «эстафеты» Маруся.

Помню кусочек одной из ее рифмованных шуток:

Вот «сиротка» идет,
«Печеную» генеральшу ведет,
«Царскими» галошами гремит,
Костями тарахтит... и т. п.

«Печеная» генеральша — жена фабриканта Гарелина. В народе говорили о том, что она была вдовой генерала, когда Гарелин на ней женился.

Лицо у нее было темное, с какими-то странными, широкими морщинами, одним словом, как печеное яблоко. Она любила наряжаться в белые платья из кружев и ходила с высоко поднятой головой.

В белых кружевах, со своим «печеным» лицом она выглядела совсем карикатурно.

«Царские галоши» тоже имеют свое происхождение. Круглый год устроитель церкви фабрикант Мефодка Гарелин ходил в каких-то гремучих галошах. Каменный пол церкви прямо гудел, когда Гарелин проходил на свое место в левой стороне церкви. Тогда говорили, что он от жадности велел производить работы на фабрике в «царский день» — день именин или рождения кого-то из «величеств». За это, мол, царь придумал скупому фабриканту наказание — всю жизнь носить железные галоши.

Наблюдательная, эмоциональная Маруся всё примечала и запоминала о чем люди говорят, что кругом творится, и на всё быстро реагировала.

Налетели казаки на группу рабочих, которые сели на лужайке «раздавить мерзавчика» и поиграть в «козла», Маруся звонким голосом уже кричит казакам вдогонку:

Желтые лампасы,
Черные усы,
Украли «мерзавчик»¹
И «обрезки» колбасы!

¹ «Мерзавчиком» называли самую малую посуду с водкой, какую тогда выпускала царская винная монополия.

Весь рабочий люд Иваново-Вознесенска ненавидел «астраханцев» за их подлость и жестокость. Передавалось это и детям. Потому и Маруся, тогда еще ребенок, немудрым стишком выразила свою ненависть и презрение к царским палачам.

У ней был трезвый, аналитический ум. Помню, как подростками мы стали ходить в городскую управу на «духовно-нравственные чтения».

Кто-нибудь из священников читал или рассказывал о святых.

При помощи волшебного фонаря показывали картинки, будто бы, из жизни этих святых.

Однажды рассказывали о «Житии Алексея божьего человека — с гор вода».

Выйдя после чтения из управы, Маруся рассмеялась:

— Чудно! Здоровый молодой мужик забрался жить под лестницу, точно кутька. Вишь, отрекся от «мирских радостей». Поработал бы в красковарке или в зрельной, вот это был бы подвиг¹.

На этом и кончилось ее «духовно-нравственное» воспитание.

Читали мы много. У нас в школе была неплохая библиотека. Читали мы и Майн-Рида, Фенимора Купера, Киплинга, журнал «Вокруг света» и русских классиков.

Мой отец и отец Маруси работали на фабрике Грязнова. Там была хорошая по тому времени библиотека. Мы сами бегали менять книги.

Однажды мы прочли в одном петербургском журнале про Дунаева. Он всегда резко критиковал царское правительство и фабрикантов. В статье, напечатанной в журнале, говорилось о содержательном выступлении Дунаева, резко осудившем царское законодательство.

Маруся очень радовалась и гордилась, что в московском журнале пишут о рабочем Дунаеве, о его уме и смелости.

Дунаева мы знали хорошо. Не раз слышали его пламенные речи на рабочих сходках.

В 1916 году Маруся познакомилась с Василием Яковлевичем Степановым.

¹ Работа в красковарке и зрельной была нестерпимо тяжелой и вредной. Ядовитые испарения дурманили и отравляли рабочих.

Василий Яковлевич, опытный большевик подпольщик, был хорошим пропагандистом-массовиком. Он посещал рабочие окраины Иваново-Вознесенска, в том числе и Рылиху, присматривался к рабочей молодежи и знакомился с ней.

Еще до Февральской революции Василий Яковлевич начал подготавливать кадры для Советской власти.

В Рылихе он организовал подпольный кружок, на занятия которого приглашал молодежь. На одном из таких занятий, помню, была и Маруся Рябинина. Нам разъясняли основы политической экономии. В качестве пособий были размноженные на шапирографе лекции.

В 1917 году Маруся работала на фабрике Грязнова и состояла в активе фабрично-заводского комитета. Там же она и записалась в отряд Красной гвардии. Потом агитировала вступать в отряд и других рабочих.

В Октябрьские дни она выполняла различные поручения штаба Красной гвардии по охране революционного порядка в городе и охране фабрик. Кроме штаба Красной гвардии, Марусю можно было видеть на демонстрациях, на всех больших собраниях и митингах.

Одно из таких собраний-диспутов о восьмичасовом рабочем дне, с требованием которого выступили большевики, происходило в женской гимназии в 1917 году. Народу набилось полно. Все ораторы правых партий выступали против восьмичасового рабочего дня и резко критиковали большевиков.

Мы с Марусей стояли рядом. Она нервничала и возмущалась, резко крикнув одному эсеровскому оратору:

— А ты поработай на фабрике часов двенадцать таскальщиком! Тогда, небось, другое запоешь!

Маруся была рабочей и поддерживала требования большевиков.

В 1918 году я уезжала учиться в Москву и видела Марусю редко. Знаю только, что два серьезных дела поглощали тогда ее внимание: подготовка к вступлению в Коммунистическую партию и совершенствование в стрелковом деле.

В то время она много читала по политическим вопросам и по истории революционного движения. Обращалась за советом к товарищам Степанову, Касаткиной и другим.

В молодежном кружке Маруся стала учиться выразительному чтению и декламации. С каким-то особенным

МАРУСЯ РЯБИНИНА.

подъёмом она читала стихи своего любимого поэта Некрасова в клубе рабочей молодежи на Песках. Слова из «Песни Еремушке» Некрасова:

Жизни новым впечатлениям
Душу юную отдай.
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай...

в чтении Маруси Рябининой, взволнованном и вдохновенном, звучали уже не как слова поэта, а как слова пламенного агитатора, призывающего рабочую молодежь на защиту завоеваний Октября.

Усиливали и подчеркивали это впечатление портреты Маркса и Энгельса на стенах и красные полотнища с лозунгами большевистской партии.

На заре Октябрьской революции в рабочем классе появились новые, многогранные, целеустремленные и духовно-богатые молодые люди. Маруся была таким новым человеком.

В апреле 1919 года верховный главнокомандующий белыми армиями, назвавшийся правителем России, адмирал Колчак, взяв лобовым ударом Уфу, вел энергичное наступление на подступах к Самаре и приближался к Волге.

Самара была под ударом. Если б Колчаку удалось взять ее, тогда перед ним открылся бы свободный путь к сердцу России — Москве.

Партия, Советское правительство во главе с великим Лениным обратились с призывом ко всему трудовому народу и Красной Армии: не пропустить к Волге полчища колчаковской белогвардейщины, разгромить их.

В ту пору командование IV армией Восточного фронта под руководством испытанного большевика М. В. Фрунзе энергично и спешно приступило к перегруппировке частей.

25-й Чапаевской дивизии поручалась большая и почетная задача — приостановить наступление Колчака, отбросить от Волги, разгромить его войска и взять обратно Уфу.

В конце апреля 1919 года 25-я Чапаевская дивизия встретила с передовыми частями колчаковской армии. Колчаковцы, прекрасно оснащаемые империалистическими государствами всеми видами военного снаряжения и продовольствием, продвигались от Бугуруслана на Бузулук.

В это время уже наступила полная ростепель, — реки стали вскрываться, дороги испортились, продвижение дивизии навстречу противнику было затруднено. И все же боевые бригады продвигались с упорными и жестокими боями. В районе села Архангельского они вышли правым флангом с усиленной конной разведкой на берег небольшой речки Боровки, в нескольких километрах от реки Кинели, где в это время около села Пилюгина залегли неприятельские цепи.

Маруся Рябинина во время наступления находилась во втором батальоне Иваново-Вознесенского полка, числясь по списку работником культурно-просветительной части. В то же время она участвовала во всех боях.

Во время жаркого боя на берегу речки Боровки Маруся Рябинина находилась в передней цепи второго батальона Иваново-Вознесенского полка. С русской трехлинейной винтовкой в руках она была впереди, вместе с бойцами Нестеровым и Ковригиным, вырвалась вперед, увлекая за собой остальную цепь красноармейцев. С криком «ура» Маруся и другие врзались в самую гущу врагов. Белогвардейцы дрогнули — не выдержали натиска иваново-вознесенцев, побежали.

Во время боя был взят в плен колчаковский штабс-капитан. По распоряжению командира батальона Маруся конвоировала пленного офицера в штаб бригады.

Через семь дней после боев на берегу речки Боровки, где отличилась Рябинина, в мае 1919 года Иваново-Вознесенский полк с другими частями 25-й Чапаевской дивизии получил боевое задание — занять большое село Пилюгино, как важный стратегический пункт, необходимый для дальнейшего развития наступления, форсировать реку Кинель и, повернувшись фронтом на Уфу, в спешном порядке развить наступление для занятия города.

У деревни Заглядина сосредоточились части 25-й Чапаевской дивизии, в том числе и Иваново-Вознесенский полк, который шел в наступление головным, имея справа связь с первой бригадой Кутякова и слева — второй бригадой Плясункова, по бокам и в разведке — конница Бубенца. Они должны были форсировать переправу через реку Кинель и выйти на другой берег для уничтожения врага. На другом берегу находились отобранные колчаковские дивизии, снабженные большим количеством разной артиллерии.

В Чапаевской дивизии комиссаром кавалерийской бригады был старый коммунист Алексей Васильевич Лапин, он хорошо знал Марусю и, как другие чапаевцы, восхищался ее стойкостью, беззаветной храбростью и сердечным отношением к товарищам.

Алексей Васильевич, участник тех тяжелых, неравных боев, теперь, спустя много лет, с волнением вспоминает, как воевала и героически погибла ивановская работница-коммунистка — Мария Петровна Рябинина, одна из лучших бойцов Иваново-Вознесенского полка, 25-й Чапаевской дивизии.

Стояла ясная, хорошая погода. Примерно в 8 часов утра Иваново-Вознесенский полк первым пошел в атаку. Маруся Рябинина со своей верной подругой — трехлинейной винтовкой в руках шла в передней цепи. Колчаковцы открыли ураганный огонь из всех орудий, заработали пулеметы. Несколько раз поднимался батальон, где находилась Мария, и шел в атаку, но сильный артиллерийский огонь прижимал бойцов к земле, не давал им двигаться дальше.

Несколько раз бросались ивановцы в атаку, но всё было напрасно. Наступающие цепи ивановцев и других частей несли большие потери. Бойцы залегли за прикрытиями на берегу реки. Казалось, не было уже такой силы, которая могла бы поднять их и бросить вперед.

Первой поднялась с земли Маруся. С винтовкой наперевес и криком: «Товарищи, ивановцы! Ткачи! Вперед на врага!» бросилась она в мутные воды Кинели.

Весь батальон, а за ним и другие части в одном порыве бросились в реку, стремительным ударом форсировали Кинель и разгромили врага. Путь на Уфу стал свободен.

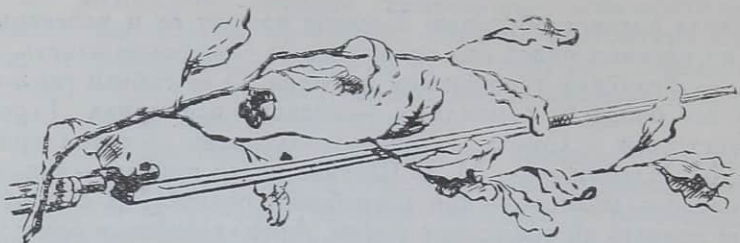
Во время атаки и перехода вброд реки Маруся была смертельно ранена несколькими пулями в голову и грудь. Вынесенная на руках с места боя товарищами по батальону, не приходя в сознание, Маруся скончалась.

В 1917 году в Иванове юная красногвардейка взяла в руки винтовку и научилась владеть ею блестяще, чтобы бороться со всеми врагами социалистической революции. В Иванове она вступила в партию.

Десятки лет прошли со дня героической гибели Маруси, а милый образ ее ярко хранится в памяти многих бывших ивановских красногвардейцев, с которыми она вместе про-

ходила военное обучение. Хорошо помнят ее и чапаевцы. В их славных рядах она сражалась за Советскую власть.

— Это была героическая девушка. О ее гибели горевали все бойцы и командиры, — недавно вспоминал Герой Советского Союза генерал-полковник артиллерии Н. М. Хлебников. — М. В. Фрунзе издал приказ, — сказал генерал-полковник, — при погребении политбойца Рябининой воздать ей воинские почести. Артиллерийская бригада Чапаевской дивизии произвела салют. Около свежей, украшенной майской зеленью, могилы войска прошли маршем.

А. КУРЧАВОВ

БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГВАРДИИ РЯДОВАЯ

1

В шуме ткацких станков, мелкой дрожи пола, скрипе стен не сразу услышишь окрик соседки.

— Грипа, Грипа, подойди ближе...

Поминутно оглядываясь, чтоб не заметил звереющий и не сдержанный на руку мастер Косарев, торопливо повели разговор две подруги. Одна из них, которую звали Грипой, худенькая, с черными быстрыми глазами и красивым лицом, Агриппина Никифоровна Гладышева, ткачиха маракушевской фабрики, солдатка, мать двоих детей. Она еще молода, но переживания положили первые морщины на лицо, иссушили тело. И только глаза молодо блестят, порой в них искорки мелькают, не сломлен нуждой дух в этой женщине!

Ее соседка по станкам, старая подружка Анна Трусова, только что вышла после болезни на работу. Она рассказывает о нужде, одолевшей семью: денег нет, соседям и товарищам должна, а тут еще и пособие солдатки получить не могут.

— Хватит горевать! Солдатки теперь не одиноки, свой союз создают. Проболела ты и не знаешь хороших ново-

стей. Ишь, без кровиночки в лице стала. Ты вступай в этот союз, — сказала Грива.

Соседка испуганно оглядывается:

— А хозяева если узнают, что тогда?

— Не съедят! Страшали — хватит, а теперь опоздали. Поднимается русская женщина, и она себя еще покажет.

— Ой, как ты хорошо говоришь, легчает даже на сердце...

— погоди, фабриканты еще завоюют, когда узнают, что мы профсоюз ткачей создали. Теперь на каждой фабрике будет свой комитет. Нам нужно дружнее держаться. В одиночку любую запугают, замордуют и в холуйку господскую превратят, — убеждала соседку бойкая Гладышева.

— Вместе стоять — крепче всем, — согласно прошептала ткачиха.

И узнала Анна Трусова, что пока она болела, свершилось большое событие...

Продовольственное положение в Иваново-Вознесенске было тяжелое, росли цены. А к этому еще и ничтожная сумма ежемесячного пособия солдатке в 2 рубля и 2 копейки уже не выплачивалась два месяца — март и апрель 1917 года. Обычно выплату производило попечительство при городской управе, состоявшее из фабрикантов и их жен.

В попечительстве можно было увидеть фамилии фабрикантов Гарелиных, Гандуриных, Фокина, Дарьинского и Маракушева... Почему задерживается солдаткам несчастное пособие?

То с одной, то с другой фабрики, стекаясь на площадь перед городской управой, собралась большая масса солдатских жен и матерей. Многие пришли с детьми, думали разжалобить этим... Внутри управы не пустили пришедших. Расположились женщины на бульжнике мостовой. Больше часа прошло, но никто не выходил к просительницам. Двое усатых в штатском прохаживались неподалеку, ведя наблюдение за ожидающими женщинами.

Чиновники городской управы испуганно и в то же время с любопытством подглядывали в окна и сообщали друг другу: сидят упорные, ждут... Из начальства кой-кто предпочел незаметно уйти, через черный ход. Наконец одна из ткачих гандуринской фабрики дала полезный совет: выдать делегатку и поручить ей выяснить в управе оконча-

тельно, будут ли давать пособие, когда, где и в каком размере? Да заявить надо попутно о продовольственной нужде и о дороговизне, может, накинут несколько копеек...

С приходом Февральской революции появились красные банты на сюртуках хозяев, приказчиков и управляющих. Фабриканты, самодовольно улыбаясь, прошлись по цехам своих предприятий и поздравили рабочих со свержением самодержавия. А какие еще изменения? Не видит и не чувствует их рабочий люд.

Зашумели было солдатки на площади, но сошлись на одном: выбрали ткачиху Машинистову. Написали ей на клочке бумаги полномочия. Грамотные ставили подписи, неграмотные — крестики. Крестиков оказалось так много, что среди них терялись фамилии.

Быстро вернулась Машинистова, но утешительных вестей не принесла. Глотая слезы обиды и гнева, прижимая к себе измученных детей, глядели солдатские жены и матери друг на друга: что же делать теперь?

— И вот с Марусей Шустовой мы не выдержали, — торопливо рассказывала Гладышева своей подруге, — за нами и Мелехина голос подала: надо идти в Совет рабочих и солдатских депутатов искать защиты и помощи. Он нам и по названию и по делам ближе. Послушались благого совета женщины и быстро, мирно ушли с площади. В Совете сразу заметили идущих солдаток. Едва они только миновали ворота, как на внутренний двор из здания вышли навстречу женщинам товарищи Жиделев, Степанов и Кузнецов.

— А вы успокойтесь! В Совете решено: вас, солдаток, организовать в особый союз и никому в обиду не давать! — сказал Жиделев.

Прошло больше половины ночной смены, головы у работниц отяжелели. Особенно стал слышен надоедливый шум станков. В окна, сквозь паутину и пыль, просачивался рассвет.

...Спустя две недели в цирке собрались солдатки на первое собрание. Гладышева пришла с Анной Трусовой. Шумной стайей больших птиц взметнулась ввысь овалция, когда Жиделев, широко улыбаясь, оглядывая сидевших женщин теплым дружеским взглядом, сообщил торжественно и громко:

— Пять тысяч солдатских жен записано в союз. Совет

рабочих и солдатских депутатов от всей души приветствует первую массовую организацию иваново-вознесенских пролетарок!

На собрании было избрано 14 доверенных лиц, а среди них — Машинистова, Шустова, Гладышева и другие.

С собрания расходились поздно. Река Уводь чернела, свободная ото льда. Дул теплый ветерок, чувствовалось близкое дыхание весны.

На следующий день избранницы солдаток были утверждены Советом в качестве исполкома союза солдатских жен. И этот день — 21 апреля неповторимого 1917 года — запомнили тысячи женщин города.

2

В первые месяцы деятельности союза солдатских жен председателем исполкома являлась Машинистова, позже стала председателем Мария Алексеевна Шустова, ее заместителем Агриппина Никифоровна Гладышева.

Шли дни... Исполком солдаток скоро стал известен на всех фабриках, вести о нем разошлись по всем рабочим квартирам города. Всюду побывали члены исполкома, взяли на учет солдаток, рассказали им про союз, вдохнули бодрость в женщин, питавшихся до того одними противоречивыми слухами.

Солдатки скоро почувствовали свою силу.

Но труд оставался тяжелым ярмом. 10—11 часов непрерывного движения около станков в спертом, перенасыщенном вредными испарениями воздухе по-прежнему изнуряли работниц. Но даже в условиях такого изнурительного труда пробужденное сознание подняло на большие дела массу людей, особенно женщин. Работницы потянулись к активной политической жизни. Часто в союзе можно было видеть посетительниц, пришедших прямо со смены, порой засыпавших от усталости в уголке исполкомовской комнаты или где-либо в коридоре.

Нет, никогда не забудется этот теплый июньский вечер 1917 года. Звезды Агриппине Никифоровне казались ярче, полог неба темней обычного, а шаги по мостовой — удивительно громки. В подъезде дома встретились знакомые рабочие и работницы с куваевской и витовской фабрик.

— И тебя, Грипа, сегодня будут принимать? — спросила одна знакомая.

— И меня, — тихо ответила ткачиха.

Поднялись пришедшие на второй этаж, их попросили посидеть немного в коридорчике. От волнения сохло в горле, появился кашель. Тревожно думалось: «Куда же я со своим-то кашлем?.. Начнут что-либо спрашивать, а я и слова вымолвить не смогу...»

Вскоре вызвали в комнату. Гладышева сразу заприметила, как вошла, знакомого человека — Жиделева. Потом сама удивилась ровному и спокойному своему голосу, когда стала рассказывать автобиографию. И весь кашель исчез, легче стало дышать...

— Мы надеемся, — сказал Жиделев, — что вы, товарищ Гладышева, с честью будете носить звание члена Российской социал-демократической рабочей партии большевиков!

Ту фразу, которую произнесла тогда солдатка, она и сейчас прочно держит в своей памяти:

— Надеемся! Большевиков не подведу!

3

В погожий осенний день 1956 года у Агриппины Никифоровны Гладышевой сидит группа старых подруг и сестриц по союзу солдатских жен. К дочери и зятю пришли друзья и знакомые, а там еще молодежь к внучатам. Образовался обширный круг слушающих воспоминания о делах и событиях первых лет Октябрьской революции.

Воспоминания идут непринужденно, задушевно. Гости с возрастающим интересом слушают о делах славного прошлого родного города.

...Только четвертый месяц еще существовал союз солдатских жен, когда на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов был поставлен на обсуждение вопрос о событиях в Петрограде. Большевики внесли предложение: устроить демонстрацию и поддержать требование питерских рабочих о переходе власти в стране к Советам. Против большевистских предложений, за поддержку Временного правительства и за войну до победного конца выступил вожак местных эсеров Салов. Это было крикливое вы-

ступление, с большой долей позерства и шума, оно возмутило участников собрания, которым была ненавистна война и господство буржуазии. Член исполкома союза солдатских жен, ткачиха Закатова, выступила с горячей речью как мать и как солдатка. И вот, спустя 40 лет, вспоминает это выступление ее подруга Мелехина:

— Горло перехватывало от волнения. Много людей было, помню, на том заседании. Как бы тут нашей товарке не стусеваться! А припомним слова эсерчика, ярость так и поднимает... А ну, Катя, скажи-ка правду этому дядьке, смотревшему, наверное, на войну в щелку. Тогда она прямо говорила: «Правительство Керенского продолжает держать наших мужей, братьев и сыновей в окопах, отказывается увеличить нам, солдаткам, пособие. На что нам жить с детьми? Война нам не нужна. Если б надо было идти на фронт и защищать счастье моих ребят, я бы взяла винтовку и пошла с мужем рядом... Германские рабочие и крестьяне, по моему разумению, нам не враги. Вместо штыка им надо протянуть руку братства. Долой войну, да здравствует мир и спокойная жизнь всех людей на земле!»

На гневные и обличительные слова рабочих и солдатки Закатовой Салову нечем было ответить. Сильнее правды ничего нет. Это показало голосование; резолюция, предложенная большевиками, о поддержке лозунга «Вся власть Советам!» и об устройстве демонстрации принята была внушительным большинством: 102 голоса — за, против — 10, при одном воздержавшемся. Эсеры смогли на это ответить лишь одним: демонстративно докинули заседание Совета.

— Мы им тогда от всей души пожелали: скатертью дорога! — усмехнулась Мелехина, заканчивая свой рассказ.

В противовес правительству Керенского, пытавшемуся организовать шумное наступление на фронте, иваново-вознесенские солдатки в сотнях писем на передовую и в караульные части страны писали правду о рабочем житье-бытье, о семейных нуждах и звали солдат домой «помочь наладить жизнь по-настоящему, а то богатеи хотят по-прежнему господствовать над рабочим людом». Такие письма способствовали большевистской агитации и подрывали усилия Временного правительства. И когда в августе 1917 года было снова созвано собрание солдаток, то оно

подтвердило, что политическое сознание женщин значительно возросло.

— У нас словно крылья за спиной выросли,— заметила Мелехина.— Маруся Шустова показала на этом собрании новое лицо нашей пролетарки. Помните, друзья, это выступление?..

— А как же!

— Такого не забудешь!

Дорогие гости старой ткачихи начинают припоминать слово по слову, выражение за выражением и восстанавливать речь Шустовой. И вот, спустя четыре десятилетия, воспроизводится это выступление:

— Какая разница,— заявила Маруся Шустова,— для нас, солдаток, между Николаем Вторым и правительством Керенского? Никакой разницы не вижу. Также продолжается война, также держат наших мужей в окопах, кормят тухлым мясом. Но зато требуют кричать: «Война до победного конца!» А нам эта война совсем не нужна.

— А я вот еще вспомнила,— добавляет одна из гостей,— она сказала тогда так: если убьют моего мужа, а через неделю будет заключен мир, на кой черт он мне станет нужен...

Улыбаясь и хитровато подмигивая, Гладышева обращается к своим молодым гостям:

— Кой-кто здесь думает: прибавляют, старые, в расказе. Власть Керенского живо сцапала бы руководителей такого собрания и союз наш разогнала... Руки уже на это были коротки! Союз солдаток знали в воинских частях Иваново-Вознесенска, Шуи, Кинешмы, Питера, Москвы, Ярославля и на фронте. Тронь только нас, сейчас же солдаты всколыхнутся в разных местах. А это буржуазии было не по вкусу.

— А историю с сотней поцелуев помнишь, Грипа?

Дружный смех раздался по комнате. И повела Агриппина Никифоровна новый разговор.

— Не забыла, расскажу! Нас солдаты из 199-го запасного пехотного полка, который стоял в Небурчиловских казармах, решили приветствовать. Мы многим из них бельишко перечинили, носками снабдили, табаком. И вот прислали в наш исполком с одним пареньком слова солдатской благодарности русской рабочей женщине. А в это время в исполком пришло много женщин. Бросились солдатки за искренние и душевные слова привета целовать

того паренька. Так и получил он сотню, если не больше, поцелуев!..

Не у одной Гладышевой молодо блестят глаза от волнующих воспоминаний. Как только в разговоре упоминаются имена Николая Жиделева и Василия Степанова, лица женщин расцветают доброй материнской улыбкой. Очень многое сделали эти замечательные организаторы и товарищи для укрепления авторитета и работы союза солдатских жен.

4

Скоро Агриппине Никифоровне исполнится 70 лет. За плечами огромный жизненный опыт. Восемнадцатилетней ткачихой и молодой матерью встретила она 1905 год, участвовала в знаменитой всеобщей стачке, слушала на Талке пламенные речи Балашова, Дунаева и Лакина. Читала сама и раздавала отпечатанные на гектографе отдельные работы Владимира Ильича Ленина, распространяла среди фабричного люда листовки и прокламации, пересылала их брату Горелкину, который руководил тогда забастовкой на писчебумажной фабрике «Горбатка» в Селивановском районе.

Рабский труд в темных, сырых и холодных корпусах, скудное питание подорвали здоровье работницы, и в 1916 году она заболела туберкулезом легких. Только советская власть спасла Агриппину Никифоровну от неминуемой смерти. Десять лет упорного лечения в советских санаториях восстановили здоровье.

Не только Гладышева выросла, работая в исполкоме солдаток. Союз солдатских жен воспитал многих работниц, это была для них первая революционная школа, и они стали впоследствии видными деятелями на советской, партийной и хозяйственной работе.

В первые месяцы своей деятельности исполком солдаток решил устроить проверку: кто, на каком основании получает пособие солдатской семьи? И выяснилось, что за именем солдатки скрывались иногда различные особы, желавшие избежать всяких ограничений. Гладышевой пришлось много поработать в районе Фряньково, где многих жительниц она знала лично...

В дни перед Октябрем солдатки живо откликнулись на предложение товарищей Жиделева и Кузнецова отпра-

виться к Небурчиловским казармам, чтобы выяснить окончательно настроение солдат.

Гладышева и ее подруги хорошо помнят, что шествие к солдатам было опасным. Командование воинских частей, в том числе и 199-го запасного полка, действительно имело в то время секретное, достаточно четкое распоряжение высшего командования: после одного-двух предупреждений стрелять в людские скопления на площадях, улицах и около казарм. (А под такое определение можно было при желании подвести любую совсем мирную демонстрацию.) Это секретное распоряжение было получено вскоре после замены части офицеров и фельдфебелей в 199-м полку. Замена была вызвана сильными большевистскими настроениями в части, благодаря которым полк с красным знаменем присоединился 3 марта 1917 года к рабочей демонстрации и заявил о своей поддержке дела революции.

Взяв с собой знамена и лозунги, оставив детей у соседей или у своих близких, пошли солдатки в район казарм, рискуя встречно получить пулю, найти смерть или увечье от ранения.

— Шла я,— рассказывает Агриппина Никифоровна,— оставив двух маленьких детей у соседки, а сердце нестерпимо ныло: неужели больше не увижу я своих ребятишек? Оглянулась на подруг: бледные идут, а поют, не хотят никому показать своего волнения... Ближе к казармам обрываться стала песня, но мы старались, чтоб она не погасла совсем. Только мы стали приближаться, часовой поднял тревогу, поднялся шум за высокими половинами казарменных ворот. Послышалась команда: «В ружье!» Ворота распахнулись, ну, думаем, сейчас... Стоят солдаты, винтовки прижаты к бокам. Увидели они наши плакаты, а на одном из них близкие солдатам слова: «Верните из окопов домой наших отцов и братьев, мужей и сыновей!» Тут фельдфебели строго крикнули. Замерли шеренги. А мы движемся тихо вперед, ближе... И вот строй солдат сломался, они бросились к нам, обнимали нас, целовали, говорили что-то, но в большом шуме не разобрать было первых слов. Фельдфебели ярились, офицеры так и не показалось, но ничего уже сделать не могли. Побратались мы с солдатами, передали им нехитрые гостинцы. По-рассказали о нашем житье. Попросили поддержать народ, как и в марте. Твердое обещание тогда солдаты дали и, верно, сдержали свое слово...

199-й запасной полк в дни Октября выступил на стороне народа и выполнял приказания Революционного штаба Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов.

5

Всю вчерашнюю ночь дождевые тучи висели над городом, словно зацепились за что-то. И сегодня весь день моросило... Только к ночи очистилось небо, на черном его шатре хорошо видна звездная россыпь.

Какой-то пронизывающий холод охватил молодую ткачиху, едва она вышла из калитки дома. Ни одного встречного не попало на пути. Город словно съежился, затаился старым воробьем под крышей. Грозное слово «стачка» хозяйствует в городе, на его фабриках и заводах...

Дом, где помещается Совет рабочих и солдатских депутатов, освещен в обоих этажах. В окнах часто мелькают тени, угадывается, что здесь собралась большая группа людей. У входа во двор, подле калитки стоит вооруженная охрана из недавно организованной Красной гвардии, проверяет документы у желающих пройти в Совет.

Худенькая работница у узелком в руках пытается догнать идущих к калитке двух плотных мужчин и слышит разговор старшего дежурного с подошедшими.

— Мы к Кузнецову.

— Вызваны?

— По личной инициативе.

— Пропуск нужен.

— Браток, пойми: срочное дело у нас.

— А что такое?

— Вопрос о снабжении фабрик сырьем.

— Та-ак. Ну, завтра днем и приходите.

— А Фурманов здесь? — спрашивает один из пришедших, надеясь получить быстро ответ на неожиданный вопрос.

— А еще чего знать хотите? — усмехается дежурный.

Двое подошли поближе к красногвардейцу, встали по сторонам, насупились. А он кашлянул, повернул чуть голову и сказал:

— Пантелей, давай...

Появился сбоку из темноты красногвардеец с карабином наперевес, за ним другой.

— Вот, граждане любопытные заявили...
Пришедшие сделали было шаг назад. И вдруг резкий приказ:

— Ваши документы?

— Мы не захватили, мы... не знали.

Незнакомцы быстро переглянулись и руки — в карманы.

— Поднять руки, ну?

— Для чего? — пробуют тянуть любопытные посетители Совета.

— Поднять сказано! Выполняйте!

И в упор на обоих наган и два карабина.

Руки подняты, из карманов пришедших вынуты револьверы, а с поясов под пальто сняты бутылочные гранаты. Маленькая работница, стоящая рядом, тихо охает. Старший дежурный крикнул вглубь двора:

— Готовцев, подойди с напарником!

Появляются еще двое вооруженных.

— Возьмите к дежурному. Хотели «друзья» пройти с этими гостинцами, но без документов.

— Да мы... собственно... — подает голос один из задержанных.

— Куда пятитесь? Двигайтесь вперед, в Совет, куда и хотели. Любопытные души! Вот сейчас и познакомитесь, с кем надо.

Задержанных уводят в дежурку, помещающуюся на первом этаже. Старший охраны теперь замечает стоящую в сторонке женщину.

— А тебе, милая, чего надо, на ночь глядя?

— К брату пройти, к депутату. Еду принесла. Сама — солдатка.

— Муж на фронте? На австрийском? Есть такой. А брат кто будет по фамилии?

— Горелкин Григорий Никифорович, с гарелинской фабрики. А мы с ним в одной партии.

Дежурный улыбнулся, как давней знакомой, взяв в руки красную книжечку, протянутую ему ткачихой.

— А почему ж ты Гладышева?

— По мужу.

— Не боишься ночью ходить?

— А чего?

— Буржуйские прихвостни обидеть могут.

Красногвардеец посветил фонарем на список.

— Горелкин? Есть такой, это ты верно сказала. Хоть и не полагается, но как сестра и партийная... — замылся дежурный.

— Пропусти, дорогой товарищ! Голодный брат с утра. Да и новости узнать надо, фабричные свои наказывали крепко.

— Ладно, иди. Но держись аккуратно и тихо.

— Я потихоньку... А только скажите: кто эти двое были?

— Дрянцо! Террористы паршивые, убивать за деньги нанялись, готовы и отца родного...

Гладышева одну картофелину отдала дежурному, и тот даже растерялся от подарка. Вскоре, стоя в дверях переполненного зала, забыв про еду для брата, слушает молодая большевичка, что говорят депутаты Совета. А речи — одна горячей другой.

И вдруг в зал быстро вбежал и энергично стал противиться к центру невысокий, красивый, с густой шевелюрой мужчина. Карие его глаза возбужденно блеснули. Громким чистым голосом, перебивая выступавшего, он крикнул:

— Временное правительство свергнуто!..

Зашумели люди, поднялись с мест. Взметнулись аплодисменты и радостные крики...

В перерыв добралась Агриппина Никифоровна до брата. Он прихватил друга, и в уголочке торопливо кушали два депутата мелкую подмороженную и потому сладковатую картошку и хлеб, испеченный из всякой невероятной смеси.

— Эх, чертовски вкусно. Где ты добыла?

— Сменяла на старую кофту. Сварила и вот к тебе. А что передать товарищам? — спросила сестра у депутата.

— Победа, милая сестренка. Власть богатеев опрокинута, сама слышала. Наше пришло время, наша теперь власть!

Шагая по пустынной ночной улице, совсем не чувствует холода Гладышева. Идет она не одна, вместе с ней представитель революционного штаба Совета, который займется с фабкомом налаживанием во время стачки рабочих охраны фабричного имущества и других ценностей, которые скоро будут принадлежать народу.

Около фабрики, несмотря на позднее время, многолюдно. Товарищи спрашивают:

— Ну, что узнала?

— Власть Советов теперь. Временных свергли и в... кутузку!

Гладышеву то и дело останавливают люди: всем хочется знать новости.

Семья хозяина поручила мастеру Косареву присматривать за народом, а то всякие волнения могут породить, бог весть, какой ужас на фабрике. Мастер стоит в сторонке, поджав губы, и слышит потрясающую новость. Воспользовавшись удобной минутой, он удирает.

А ему вслед, по утоптанному тысячами ног фабричному двору, пробивая ночную темь, разлилась боевая песня:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим!
Кто был ничем, тот станет всем!..

Песня международного пролетариата провожала в историю ночь 25 октября 1917 года в рабочем Иваново-Вознесенске.

6

Свершилась Октябрьская революция... Союз солдатских жен стал официальной массовой организацией женщин города. Ему начали выделять большие средства, но их уже не стало хватать. Количество членов союза подходило к семи тысячам.

— К нам обращались за поддержкой, шли в исполком не только солдаты. В нас видели защитниц женщин, и мы не могли оттолкнуть всех просительниц от себя, — приподнято говорила Мелехина.

На крепкие ноги становился союз солдаток.

Но усиленно заботясь о солдатских семьях, члены исполкома союза ощущали нужду в средствах.

— У себя на месте, в Иваново-Вознесенске, не добыли мы дополнительных средств. Побывали в Шуе, тогдашнем уездном центре. И там тоже не смогли нам помочь. Поехали большой группой в центр — во Владимир, — начала рассказ одна из подружек Гладышевой.

Приехали в начале 1918 года во Владимир делегатки, два дня ходили по различным учреждениям, но ничего не добились. В обещаниях недостатка не было, но ими по-

мощь не окажешь. Пошли в губернский партийный комитет и там неожиданно встретились с Дмитрием Фурмановым, приехавшим по вопросам выделения самостоятельной Иваново-Вознесенской губернии.

Вот так запомнила эту встречу Гладышева:

— Красивый, чернявый молодой человек, которого я видела на заседаниях Совета, приветливо нам улыбнулся, узнал нас. «А-а, землячки приехали! А чего хмурые? Выкладывайте сейчас же ваши беды и нужды». Слушал очень внимательно, улыбался широко. Потом успокоительно поговорил с нами. Сказал, что скоро будет своя губерния и тогда не придется ездить во Владимир с просьбами. Пообещал Фурманов достать союзу солдатских жен денег. Взял письмо и все расчеты. И что же вы думаете?.. Приехали мы домой, а нас уже дожидается извещение о переводе денег из Владимира и в сумме большей, чем просили... Но и этого нам стало мало, более значительному числу солдаток хочется помочь. А на какие средства? Вот и возникла у меня с Марусей Шустовой еще одна мысль. Исполком солдаток ее сразу одобрил. Так мы нашли новый источник получения средств и немалых...

Инициатива Шустовой и Гладышевой состояла вот в чем: по предложению исполкома союза солдатских жен Совет рабочих и солдатских депутатов решил установить двухпроцентное отчисление со всех процентовиков ежемесячно из заработной платы. Эти отчисления должны были пойти на помощь солдатским семьям. Заволновались забронированные, устроили свое собрание. На нем были прямые угрозы разогнать союз солдаток, поднялась ругань. Собрание высказало свое возражение против решения Совета.

Такое поведение заронило сомнение... Исполком солдаток внес быстро в Совет новое предложение: проверить состав забронированных — нет ли среди них чуждых рабочему классу людей и всяких буржуйских подхалимов в прошлом. Проверочная пятерка, в которую вошли две солдатки, обнаружила в среде процентовиков укрывшихся от войны сынков местной буржуазии и купечества и всяких других прихлебателей бывших фабрикантов. Все эти личности не имели высокой квалификации по ткачеству, многое они на производстве просто не понимали. После чистки часть разбронированных была отправлена на фронт против белогвардейщины. Потом снова созвали собрание про-

центовиков. Им рассказали, кто был обнаружен в их рядах. Тогда решение вопроса об отчислении в пользу солдатских семей не заняло много времени и было принято единодушно.

7

— Товарищи! Нужно топливо, иначе фабрики наши встанут. Говорить много нечего. Просим вас от имени Совета: организуйте срочно отряды по заготовке и доставке дров из ближних районов.

Горяча и коротка речь одного из руководителей Иваново-Вознесенского Совета товарища Кузнецова на собрании фабричных уполномоченных.

...В полдень к составу из нескольких теплушек и открытых платформ прибывают группами ткачи и ткачихи. На посадку уходит немного времени, и состав трогается, около часа идет на малой скорости и неподалеку от леса останавливается.

В глубоком снегу чуть заметны занесенные дрова давней и свежей кладки. Из нагретых по дороге теплушек народ сразу проваливается в глубокий снег и, отфыркиваясь, отряхиваясь, с руготней и с шутками прокладывает дорожку к поленицам. По цепочке, увертываясь от колючего морозного ветра, притопывая на месте для согрева, передают друг другу тяжелые метровые поленья.

Работа убыстряется, люди, согреваясь, чаще шутят, у некоторых появляется пот на лице. Разгоряченные работой, рабочие подгоняют весело один другого. Смех хоть и не греет, но подбадривает. Как медленно набираются на платформы дрова, много свободного еще места.

— А ну, песню! Чего головы повесили?

— Поесть охота!

— Всем, голова, охота. Сейчас костер разведем, согремся...

За дальним перелеском гаснет медленно день. Платформы, наконец, загружены, и к общему удовольствию наступает такая минута, когда по рядам работающих произносится:

— Садись, товарищи!

В сумерках поезд с топливом прибывает на станцию Иваново, где его ставят на один из запасных путей. К платформам с дровами выставляется охрана из фабрич-

ного люда: обыватели не прочь поживиться дровами...

Мороз к вечеру заметно крепчает. Люди с вокзала то-ропливо расходятся, стремясь попасть скорее домой, и уно-сят с собой в мешках древесную кору, которую разреша-лось собирать для себя. Около платформ всю ночь стоит охрана. Одета тепло, это — результат коллективных сбо-ров среди своих же рабочих: кто — старые валенки, кто — рукавицы, на фабриках добыли тулупы... Стерегут посмен-но караульные дорогое топливо для работы фабрик.

...С погрузкой дров надо спешить.

Мокрые и тяжелые поленья дров с платформ перебра-сывали на подводы. Совсем ослабевших товарищей стави-ли у телег: пусть укладывают дрова рядками, так больше разместить можно на одной подводе.

Медленно движутся сани на фабрику, подвозя топли-во, без него нельзя: остановится и замрет все производ-ство. Лошади малосильны от плохого корма, приходится помогать им и подталкивать в гору весь обоз: подводу за подводой.

Сгрузив в фабричном дворе дрова, забежав на минут-ку-другую погреться в цех, надо опять, не обращая вни-мание на кашель и ломоту в груди, ехать и получать ос-нову с фабрики бывшей Гарелина.

И снова навстречу мокрому снегу в непогодь выезжает с подводой молодая профсоюзная активистка. Медленно бредет усталая и худая лошадь. И медленно перебирает в мыслях свою жизнь Агриппина Никифоровна, осунувшая-ся, но с прежним огнем в глазах и быстрая в движениях.

...«Кто она теперь при родной советской власти? Довер-енное лицо рабочего коллектива!»

Душе становится теплей, кашель пропадает, и ломота в груди забылась. А ведь жизнь этой изнуренной нуждой и болезнью женщины — постоянная борьба за право созна-вать себя человеком, за существование детей. Еще год на-зад не могла и думать Гладышева, что маракушевская фабрика перестанет быть собственностью одного человека; еще год назад ткачиха избегала бы вспомнить прошлое, потому что настоящее на него было очень похоже. А теперь? «Сейчас не страшно вспоминать, сегодня не по-ходит на вчера. Пусть сейчас, в 1918 году, трудно, зато наше завтра совсем хорошее будет!»

...Дочь слесаря с фабрики Куваева, Агриппина Ники-форовна рано осталась с братом сиротами: девочке было

всего 12 лет, а брату — 15. Два года прожила маленькая сиротка в няньках у торговца одеждой Шеберстова. На четырнадцатом году жизни пришла на фабрику Гандурина ученицей. Через год, пробив на трудной «разбежной» паре станков (название — от частой беготни от станка к станку), стала ткачихой. А еще через два года семнадцати лет вышла замуж за Гладышева, ученика слесаря с куваевской фабрики.

Десять лет проработала Гладышева на гандуринской, а потом перешла на зубковскую фабрику.

Вспыхнула первая мировая империалистическая война, и осталась молодая женщина с двумя детьми солдаткой.

Вернулся с фронта муж, скупой приласкал детей, держался в семье угрюмо. Он узнал, что жена — активная общественница и вступила в ряды РСДРП(б). Пробовал грубо орать и топтать ногами, кулак было поднял. Но жена уже была не та — прежняя, безответная. Спокойно заметила, что дурить не следует, за побои судить будут. Стих перед неожиданной смелостью Агриппины муж, но появилась трещина в семейных отношениях. Хотя жили под одной крышей, но оба понимали, что прежней близости и взаимопонимания уже нет. Неужели так и станем чужими друг другу? Пугал такой вопрос мать двух детей, но отступить она не могла.

Вскоре подружки заметили у ткачихи синяк под глазом.

— Это он тебя? Ты только честно скажи, — допытывались у Гладышевой на фабрике.

Стыдно было признаваться в том, что ударил муж, требуя прекратить общественную работу.

— Нет, сама в темноте на угол двери налетела... Ночью к детям вставала.

Тем временем работа в союзе солдатских жён ширилась. Обследования, проверки и продвижения просьб о помощи одеждой, продовольствием отнимали немалое время почти у всех членов исполкома союза. Была установлена хорошая традиция: регулярно проводить собрания солдаток и семей фронтовиков, ставить на них доклады о международном и внутреннем положении страны, объяснять важнейшие мероприятия советской власти и Коммунистической партии.

Постепенно, с конца 1918 года, по мере возвращения солдат с фронта, исполком союза солдаток передавал соз-

данным органам социального обеспечения, охраны материнства и младенчества отдельные солдатские семьи под присмотр и заботу. Союз солдатских жен самораспустился в середине 1919 года, его обязанности стали успешно выполнять отделы Советов.

8

И поныне гордится одной своей инициативой Гладышева, о ней стоит особо рассказать...

Есть на центральном проспекте города Иванова против больших фабричных ворот небольшой серый двухэтажный дом. Нет на нем мемориальной доски, а следовало бы ее сделать. В этом помещении осуществлен замечательный почин: здесь были открыты первые ясли для детей текстильщиц Иваново-Вознесенска. Много нужно было приложить усилий, энергии в этом деле.

По фабричным семьям и друзьям, по знакомым и подругам знакомых ходила тройка женщин, возглавляемая Гладышевой, и просила помочь, просила: детские рубашонки и свивальники, марлю и вату, корытца и табуретки, кастрюли и бутылки. Взялись за плотников и столяров, чтобы поделали кровати. Бегали по учреждениям, чтобы выхлопотать мануфактуру на простыни и наволочки, на скатерти и занавески. Из выписанного с фабрик лоскута сами женщины, урывая время отдыха от рабочей смены на фабрике, кто — ночью, кто — днем, шили одеяльца.

Вспомнили о печках. Нашелся среди отцов будущих ясельных питомцев и печник. Пришлось ему после одной смены на фабрике выстоять другую в помещении будущих яслей.

В комнатах весь день были люди: приносили шитое, оборудовали кухню, спальни. В стране тяжело с продуктами, крохотная норма установлена для снабжения даже рабочих ведущих профессий.

— Что же нам, к Ленину ехать за поддержкой? — горячится тройка Гладышевой, ведя разговор в продовольственном комиссариате.

В дело организации первых детских яслей вмешивается губернский партийный комитет. И для питания детей и кормящих матерей были выделены продукты.

Сейчас совсем будничным кажется открытие детского сада или яслей. А в то время очень много трудностей сто-

яло на пути создания детских учреждений. Разруха и последствия империалистической войны давали о себе знать нехваткой продовольствия, промтоваров, всех жизненно важных предметов десяткам и сотням тысяч людей. Белогвардейщина стремилась усилить тяготы народа, сломить его стойкость, окружая огненным кольцом центральную территорию молодого советского государства.

— Но детям отказать нельзя! — так сказал Фурманов, и в короткий срок эта фраза облетела все фабрики и учреждения города.

Вскоре после выделения самостоятельной Иваново-Вознесенской губернии были открыты первые ясли для детей текстильщиков города.

— Думаете, как теперь, сразу и понесли детей? Ничего подобного! Нам приходилось уговаривать матерей и отцов, да и не один раз, — вспоминает Гладышева. — Кружила вокруг нас сплетня: заболеют ребята в такой скученности, порчу еще получают какую-нибудь. И кто лучше матери сумеет ухаживать за ребенком?..

Агриппина Никифоровна Гладышева стоит на пороге семидесятого года своей жизни. Но она продолжает вести общественную работу. Не подходит к ней слово старуха. Она энергична и не по годам подвижна. Пусть морщин много, пусть седина блестит в волосах, по-прежнему пылко и молодо смотрят глаза этой потомственной ткачихи и многое еще замечают...

Сын старой ткачихи погиб в Отечественную войну. Личное горе не согнуло, не выжало до конца духовные силы из этой женщины. Она бесценно несколько лет — председатель уличного комитета, поет в хору старых коммунистов. Казалось бы, вполне ей, персональной пенсионерке, можно отдыхать, — достаточно поработала... Но неостывшая любовь к народу, желание быть всегда его честным слугой толкают уважаемую прабабушку заботиться о семье погибшего фронтовика и о школе, где учатся правнуки, о сиротах и о заболевшей знакомой ткачихе.

Любуясь на правнуков, она не сидит без общественно-полезного дела и этим показывает прекрасный пример служения народу.

Мягко улыбаясь, вытирая пробившуюся наружу слезинку от воспоминаний, большевистской гвардии рядовая Агриппина Никифоровна Гладышева с чувством говорит:

— Сердце коммуниста должно хорошо биться.

С. МАКАРОВ

МОЛОДОСТЬ, ОТДАННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

В один из вечеров у Татьяны Васильевны Столбовой собрались ее подруги.

Всем им за шестьдесят. Каждая сорок лет в партии.

Приветливая хозяйка посадила убеленных сединами женщин за стол. Поставила перед ними по стакану дымящегося чаю, принесла конфеты, фрукты.

Но никто почему-то к ним не притронулся.

Тогда Столбова сказала:

— Девчата, а ведь скоро Октябрьский праздник. Вспомним молодость.

— Отчего же! Вспомним! Вот ты и начинай.

Столбова ненадолго задумалась и стала рассказывать.

Случайно оказавшись свидетелем этой необыкновенной встречи, я по привычке достал блокнот и начал записывать.

ОТКРЫТИЕ МИРА

Таня Лобанова осиротела в студеный февраль. Ее отец, работавший маляром на заводе, усталый возвращался домой. Он шел напрямик по шпалам и не услышал, как на-

летел поезд. Паровоз смял его, бросил на рельсы и отрезал ноги.

В родной дом его привезли мертвым.

Жена кинулась на грудь кормильцу, дико вскрикнула и рухнула на пол. Ее подняли и уложили в постель. А через час у нее родился ребенок. Один член семьи умер, новый появился. Жизнь как бы открыто всем заявила:

— Я неистребима.

Косая избушка, крытая соломой. Не пристроенная к делу мать. Четверо детей, и старшая из них — десятилетняя Таня.

Было очень тяжело.

Мать умела стегать одеяла и ходила по деревне, брала заказы. Зимой дочь помогала ей, а летом нанималась к богатым.

Шли годы. Подросла Таня и устроилась продавцом в потребительскую кооперацию. Жить стало легче. Но куда ни посмотри — горе и слезы. Приходили в лавку работницы соседней фабрики за мукой, а покупать часто было не на что.

— Танюша, отпусти,— просили.— Ребята голодные. Мы расплатимся, только погоди чуток...

Отпускала иногда продукты в долг, рискуя потерять с трудом найденную работу.

Думала девушка: «Почему люди не могут заработать на хлеб, ведь они трудятся не покладая рук».

Глаза на жизнь ей открыл большевик Тарас Столбов. Работал он на фабрике Красильщикова в Родниках. Еще в 1905 году он вступил в члены боевой дружины. Охранял ораторов, выступавших на митингах. Принимал активное участие в забастовках.

Услышала о нем Таня совсем неожиданно.

Как-то под вечер шли рабочие с гулянья. Шли селом, где жила Таня, и пели песню. Запевал баритон.

— Столбов поет,— заметила подруга Лобановой.

— Кто это?

— С фабрики Красильщикова.

Рабочие поравнялись с церковью. До девушки донесли слова:

Полицейский и поп
Обирают народ,
А дьякон с дьячком
В этом деле святом
Преусердно им помогают.

Вдруг песня оборвалась. Послышалась ругань. Это мужики, пившие у церкви вино, бросились на фабричных: им не по душе оказалась «богохульная» песня.

Таню удивила смелость рабочих парней. И обрадовала. Она сама с малых лет ненавидела попов. Религиозные родители нередко посылали ее в церковь. Надо было вставать рано, чтобы не опоздать к обедне. Часами стоять перед образами, класть земные поклоны. Ни пошалить, ни улыбнуться. А Таня с детства — озорная. Раз пришла в церковь, пробралась в передние ряды. Ей почему-то очень хотелось узнать, что находится в алтаре. И когда священник обратился к верующим с проповедью, она метнулась в алтарь. Служитель разгневался. Он нашел, что девчонка осквернила храм божий, и выгнал ее из церкви. Получила она нагоняй и в школе. Там выяснилось, что Лобанова не знает закона божьего. Ее оставили на второй год.

Припомнился и случай с отцом. Он пел на клиросе. Но в последний раз поругался со священником. Спевки происходили в школе. Однажды пришли туда зимой, а там холодище. Начали петь в шапках.

— Великий грех,— заметил поп.— Обнажите головы.

— Сначала школу натопите,— ответил Лобанов.

«Дерзость» певчего привела в ярость священника. Маяр тоже вскипел и покинул хор. На другой день отец погиб. Тане казалось, что это поп виноват в смерти отца. С тех пор на церковь она и смотреть не могла.

Песню, что пел Столбов, девушка запомнила надолго. Ей захотелось узнать побольше и о самом рабочем.

Вскоре Таня познакомилась с ним. Они стали встречаться.

Тарас Николаевич рассказывал о тяжелой доле рабочих, о притеснениях на фабрике, о нужде. Приносил брошюры. Среди них были такие, например, как «Пауки и мухи», «Поп — расстрига», «Куда расходуются народные деньги».

Таня читала книжки с большим интересом и уже другими глазами начинала смотреть на мир.

ПО ПУТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Столбов хранил запрещенные книжки у брата в сарае под кадушкой с овсом. Завернутые в черные тряпки, лежали они в углублении. Самые тщательные обыски не могли обнаружить их.

Библиотечка росла. Тайник стал маловат. Тарас Николаевич решил обратиться за содействием к Лобановой. Таня в это время уже работала кассиром-счетоводом кооператива. Однажды при встрече он сказал ей:

— Знаешь, книг у нас стало больше. Не согласишься ли взять часть их к себе?

— Конечно, соглашусь.

— А ты не торопись с ответом, сначала хорошенько подумай. Сама знаешь, какая это литература. Если найдут, попадешь в тюрьму.

— Не беспокойся, спрячу — никто не найдет.

Девушка забрала несколько брошюр и хранила их на чердаке. Так она стала оказывать прямое содействие большевистской организации.

Разразилась империалистическая война. Столбова сделали солдатом. Не часть, а уже вся библиотечка перешла к Лобановой. Таня украдкой читала брошюры с подругами, которым доверяла. Откуда пошло, но на селе ее стали звать «поликанкой», то есть политиканкой.

Через год по ранению приехал Тарас Николаевич. Таня очень обрадовалась. Снова встречи, беседы, разговоры. Но не успел фронтовик поправиться, как его арестовали за большевистскую пропаганду.

Урядник начал было придирается и к Лобановой.

— Что-то подозрительно часто вы встречались с обвиняемым, — сказал он как-то Тане. — Придется произвести у вас обыск.

— Пожалуйста, — смело взглянув на урядника ответила девушка. — Хоть сейчас.

А сама сильно испугалась.

Но урядник, видимо, только напустил страху. Обыска не было. В ту ночь, однако, Таня не спала. Она перенесла библиотечку с чердака во двор и спрятала ее в солому.

Известий от Столбова не приходило. Это удручало девушку. Только теперь, пожалуй, она поняла, что любит его. Всем сердцем она была с ним. Ей хотелось увидеть Тараса, приласкать его, подбодрить. И когда дошел слух, что Столбова отправляют из Кинешмы на каторгу в Сибирь, Лобанова рванулась к нему.

Нет, никто не мог удержать ее, даже милая мама.

И вот уже стоит Таня перед чугунной дверью тюрьмы. Высокий порог. Волчий глазок вверху. Как пройти?

Она стучится в дверь.

Открывается круглое отверстие. Слышится грубый голос:

— Что надо?

— К Столбову.

— Кто?

— Сестра.

— У него уже были сегодня.

И окошечко закрывается.

Девушка снова бьет по чугуну своими кулачками.

Опять басыще:

— Не стучите, все равно не пропущу.

— Мне нужно.

— Не положено.

— И снова тишина.

Таня ждет. Вдруг подходит человек. Его пропускают. Вместе с ним врывается и девушка. Окинув взглядом двор, Таня скорее сердцем, чем взглядом, узнает среди выведенных на прогулку Тараса. Хотела крикнуть, но не успела: ее вытолкнули обратно.

Теперь для нее не существовало никаких преград. Она потребовала, чтобы часовой вызвал начальника тюрьмы. Часовой отказался. Тогда Таня подняла шум. Начал собираться народ.

Лобанова добилась своего. Свидание разрешили.

Встретились в узенькой, тесной комнатухе. Сели на скамейку. Говорили тихо, чтобы не слышал стоявший рядом полицейский. Многие было понятно без слов, потому что они были молоды и любили друг друга.

На прощанье Столбов попросил любой ценой сохранить револьвер, спрятанный под приступками крыльца того дома, где он жил. Конечно, Таня обещала выполнить просьбу.

Они пожелали друг другу здоровья, счастья и тепло простились.

Тараса отправили на восток. Лобанова вернулась домой, в свою деревню Юдинку.

Время было тяжелое. В разгаре война. Голод. Нехватки. Дороговизна.

На ткацкой фабрике Орлова, что размещалась в Юдинке, вспыхивает забастовка. Рабочие требовали прибавки десяти копеек на каждый заработанный рубль. Фабрикант соглашался на две копейки. Ткачи возражали. Станки стояли уже пятнадцать дней.

Капиталист нес большие убытки. Он отдал приказ медленно пустить фабрику. Появились штрейкбрехеры. Рабочим было объявлено, что те, кто не встанет к станку, будут уволены.

Группа работниц пришла к Тане.

— Что делать? У нас ведь дети.

— Надо драться до конца. Только всем, как один, нужно наступать на фабриканта. Тогда мы одержим победу, — ответила девушка.

Но некоторые рабочие, испугавшись угроз хозяина, вышли на работу. Забастовка была сорвана.

Все чувствовали, однако, что долго так продолжаться не может. В отдалении слышались раскаты революции.

Таня продолжала трудиться кассиром-счетоводом в потребительской кооперации и, казалось, стояла в стороне от надвигающихся событий. Но это именно только казалось. Она перечитала всю библиотечку, оставленную ей Тарасом Столбовым. Под разными предлогами ходила на фабрику, подбодряла работниц душевным словом. После работы проводила с ними беседы о том, кому выгодна война, почему трудно живет рабочим, как добиваться лучшей доли.

В начале марта 1917 года в Кинешме открылись курсы по повышению квалификации счетоводов потребительской кооперации. Из Юдинки послали туда Лобанову. Таня не возражала: кому не полезно подучиться.

Села в поезд. Ей сразу бросилось в глаза, что в вагоне много солдат. Идут какие-то оживленные разговоры. В одном из купе развалился полицейский. Но с ним почему-то не особенно считались.

Из обрывков фраз девушка узнала, что в Петрограде революция, царь отрекся от престола. Радостно забилося сердце.

В Кинешме шумели митинги. Развевались красные знамена. Гремела песня:

Смело, товарищи, в ногу...

Галдеж стоял в общежитии, куда съехались счетоводы и из других мест. До курсов ли теперь!

Банты из алых лент появились на груди у Лобановой и ее новых подруг. Они ходили по городу, прислушивались к речам ораторов.

— Эх, Тараса бы сюда,— думала с грустью Таня.— Где он сейчас? Знает ли, какое событие произошло?

А народ продолжал ликовать.

В просторном здании собрались рабочие и фронтовики. Одного оратора сменяет другой. Тема одна — свержение царя и предстоящие задачи.

Ох, Таня, где ее только не носит! Забилась в угол, смотрит и слушает.

Кто-то предлагает разойтись по цехам фабрик и провести митинги рабочих. Голосуют. Поднимается лес рук.

И снова речи.

И песня. Такие знакомые, родные слова:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Таня поет вместе со всеми. И чувствуется, что она не чужая здесь и все для нее — друзья, товарищи.

Гордость за этих людей, за себя, за Столбова, страдающего где-то в таежных краях во имя светлого будущего, наполняет ее сердце.

ПОД ЗНАМЕНА РОДНОЙ ПАРТИИ

Домой ехала Таня полная свежих впечатлений. Когда добралась до Юдинки, спросила:

— Митинг был?

— Какой?

— Царя не стало.

— Да ну! А мы ничего не знаем.

Фабриканту сразу же донесли, что Танька Лобанова крамольные беседы ведет среди рабочих. Но что мог поделать теперь капиталист?

Ткачихи потянулись к девушке. Окружили ее как-то плотным кольцом. Таня произнесла свою первую большую речь, рассказав о событиях в Кинешме.

По соседству с Юдинкой — Горки-Павловы. Там крупная фабрика. Рабочие попросили Лобанову выступить и у них. Таня не могла не согласиться.

Народ переживал волнующие дни. Митинги вспыхивали то здесь, то там. Впервые в этих местах свободно звучало большевистское слово. На флаги шли красные полосы

от царских знамен, миткаль, сотканный самими рабочими, выкрашенный под цвет зари.

Наступала весна. Лобанова работала счетоводом уже в Родниковском отделении профсоюза текстилей. Вернулся из ссылки Тарас Николаевич, вскоре они поженились. Со свойственной энергией Столбов снова окупился в революционную работу.

Не отрывалась от рабочих и Таня. Она собирала взносы в профсоюз. Ходила на собрания текстильщиков. Не раз и сама выступала среди ткачей. Вот почему никто не удивился, когда ее избрали членом цехового комитета на фабрике Красильщикова.

В один из солнечных майских дней встретил на улице Татьяну Васильевну старый большевик.

— Не пора ли тебе в партию? — спросил он.

— Не думала я об этом, — ответила Столбова и смутилась, потому что сказала неправду.

Думала она о партии, которую создал Ленин. Ведь сколько ярких рассказов о коммунистах слышала она из уст Тараса! Сколько раз держала в руках «Правду»! Знакомилась по ней с революционным движением в России. Мысли о партии всякий раз занимали Таню, когда она видела, как жестоко расправляется царизм с ее членами, такими, например, как Столбов. Душой она была с ними, разделяла их взгляды. Но подать заявление в большевистскую организацию не решалась.

Вот сейчас перед ней поставили вопрос в упор:

— Не пора ли?

Надо было окончательно выяснить свои отношения с партией.

Конечно, она хочет идти под ее знаменами. Но что ее сдерживало до сих пор? Боязнь репрессии? О, нет. Она не из робкого десятка. В этом, кажется, многие могли уже убедиться. Считала себя неподготовленной? Может быть.

Возвращалась домой мимо Совета рабочих и солдатских депутатов. На здании — алое полотнище с призывом: «Рабочие, вступайте в РСДРП!»

И ниже — фамилии большевиков, кому следует подавать заявления. Многих из них Столбова отлично знала.

Да, несомненно, вне партии Таня больше жить не может, если не хочет потерять доверие близких ей людей.

На другой день она сказала Тарасу Николаевичу:

— Я вступаю в партию.

— Очень хорошо. Я давно жду от тебя этих слов.

Через неделю маленькая красная книжечка лежала у сердца Татьяны Васильевны. С того дня дочь рабочего слила свою судьбу с жизнью большевистской организации.

Она распространяла «Правду». Стояла в пикетах. Готовилась к решающим боям за власть, будучи в красногвардейских рядах.

Временное правительство, захватившее власть в стране, не изменило царской политики, да и не могло изменить, так как это было не в его интересах.

Грабительская война продолжалась. Цены на продукты резко возросли. Подступал голод. Нищенские заработки, невыносимые жилищные условия, грубейшие нарушения санитарно-гигиенических правил на фабриках — все это накалило обстановку.

Текстильщики Иваново—Кинешемского района начинают всеобщую стачку. В колоннах бастующих и Столбова. Она проводит сборы в стачечный фонд, участвует на митингах.

Напуганные решительным настроением рабочих, фабриканты сбежали в Москву. По их приказу с предприятий стали вывозиться готовые товары и сырье. Но текстильщики пресекли эти попытки. Ключи от контор, складов и фабричных корпусов забрал стачечный комитет, как это было сделано в Иваново-Вознесенске, Кинешме, Вичуге, Шуе. Были выставлены пикеты из рабочих. С винтовкой ходила тогда и Татьяна Васильевна, следя за тем, чтобы ничего не выносилось с предприятия.

Так прошло несколько дней. И вдруг в Родники примчалась радостная весть — Временное правительство низложено.

Просторную площадь заполнили тысячи людей. Всюду красные флаги. Снова алые банты на груди. У наспех подготовленной трибуны появился председатель районного отделения союза текстилей коммунист Тарас Столбов.

— Товарищи! — сказал он. — В Петрограде рабочие взяли власть в свои руки. Отныне народ управляет нашим государством. Надо теперь работать, засучив рукава...

Неслись крики приветствия. Гремело «ура». Славили Ленина.

С радостным настроением разошлись по цехам рабочие, готовые отдать все свои силы республике Советов.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Начиналась новая жизнь.

Татьяну Васильевну посылают в районный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Она заведует отделом социального обеспечения. Небольшая комната ее всегда переполнена. Идет пересмотр и назначение пенсий. Надо ответить на сотни вопросов. Побеспокоиться о детских яслях. Оказать материальную помощь остро нуждающимся семьям фронтовиков.

А тут районный комитет партии поручил Столбовой вести работу среди женщин. Татьяна Васильевна развертывает кипучую деятельность.

Создается секция женщин-коммунисток и им сочувствующих. Налаживается политическая агитация. Столбова выступает с речью на Первомайском митинге, читает текстильщицам доклад «Женщина в Советской России», проводит беседы среди работниц.

В мае 1919 года Татьяна Васильевна переезжает в Иваново-Вознесенск. Она — председатель бюро комиссий по агитации и пропаганде среди женщин при губернском комитете партии.

Это было время, когда освобожденная от гнета эксплуатации женщина приобщалась к бурной общественной жизни. «Наша задача, — отмечал в те дни В. И. Ленин, — состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины».

Своим организаторским умением женщина-работница должна помогать мужчине. В этом суть ее политической деятельности. Помощь Красной Армии, распределение продуктов, улучшение массового питания, постановка крупных опытных хозяйств, наблюдение за ними, — вот, где женщина может найти приложение своим организаторским способностям. Так учил Владимир Ильич.

Бюро комиссий по агитации и пропаганде, которым руководила Столбова, преследовало две цели: во-первых, просвещение женщин в политическом смысле, вовлечение их в ряды коммунистической партии; во-вторых, привлечение женщины к строительству экономической жизни, к новым формам хозяйства и воспитания.

Нечего и говорить, поле деятельности обширное. И это поле — целина. Нужно было настойчиво работать, учить других и самой учиться.

Многое дала Столбовой поездка в Москву на курсы красных агитаторш по вопросам материнства и младенчества.

Душой курсов являлась Александра Михайловна Коллонтай. Всегда скромно одетая, в черном платье с откидным белоснежным воротником, она выходила к слушательницам и читала пламенные лекции.

Шесть недель пролетели незаметно. Ведь всё представляло огромный интерес — и современный момент, и история партии, и организация работы в детских учреждениях, только зарождавшихся тогда, и Кремль, куда ходили на экскурсию.

Об одном мечтали, как бы увидеть Ленина.

Курсантки послали Владимиру Ильичу письмо, в котором обещали «заменить мужей, братьев и сыновей, ушедших в Красную Армию и погибших за дело коммунизма», и просили его приехать к ним. Послали письмо с небольшой надеждой, что оно дойдет до Ильича.

И вдруг разнесся слух:

— Ленин едет.

Татьяне Васильевне и еще двум женщинам поручили встретить великого вождя. Они спустились вниз и стали ждать у подъезда.

Подкатила машина и из неё вышел Владимир Ильич. Был он в темном зимнем пальто и черной барашковой шапке. Улыбнулся так, как умел улыбаться только он, чуть прищуренными глазами. Поздоровался.

Слушательницы провели его в зал. Встреченный радостными приветствиями, гениальный вождь стал говорить. Он напомнил обещание красных агитаторш и пожелал, чтоб они сдержали свое слово и создали крепкую армию тыла. Только с помощью женщины, заметил Ильич, ее вдумчивости и сознательности можно укрепить строительство нового общества.

ЛЕНИНСКОЙ ДОРОГОЙ

Эту простую, проникновенную речь Ленина Татьяна Васильевна запомнила на всю жизнь. Ясна стала дорога, по которой надо идти ей, выдвинутой на ответственный пост заведующей губженотделом.

Надо признаться, положение тогда было нелегким.

Шла война. Почти все мужчины на фронте, среди них и Тарас Николаевич. Женщины-коммунистки учились владеть оружием. Ведь защита завоеваний революции ложится на плечи не только мужчин, но и женщин. Нужно было разъяснить это коммунисткам, подтягивать среди них дисциплину, четко проводить военные занятия. И самой показывать пример.

Собирались женщины во дворе губкома партии. Вскидывали на плечи винтовки и с песней шли городом за Глинищево, к земляному валу.

Шли и пели популярную тогда песню:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Шагала в рядах вместе с прядильщицами и ткачихами Столбова. Вместе с ними ползла по-пластунски, делала перебежки, маскировалась, стреляла.

Домой приходила, а кушать нечего — кусок черного хлеба да вобла.

Но она не жаловалась на судьбу.

Изучали женщины и санитарное дело. Здесь не всё проходило гладко. Вспоминается Татьяне Васильевне таковая случай. Из Ярославля с санитарных курсов сбежала некая коммунистка Майорова. Почему? Видите ли, она не захотела заниматься самообслуживанием — мыть посуду, полы, готовить пищу... Дезертирство Майоровой вызвало законное возмущение среди коммунисток. Они потребовали, чтобы бюро комиссий по агитации и пропаганде разобралось во всём. Так и сделали. Решение приняли единодушное — изгнать Майорову из своей среды, а поступок ее считать позорным.

Работницы не жалели для фронта ни труда, ни сил. Они шили бойцам Красной Армии белье, вязали шерстяные носки и варежки, собирали подарки, ухаживали за ранеными в госпиталях.

Поистине материнскую заботу о детях проявляли делегатки из отделов Советов. Выбранные на рабочих собраниях женщины обходили склады и подбирали для детей обувь и одежду, из обнаруженных перин мастерили тюфячки, помогали обеспечивать детские учреждения продуктами.

Женщины вели героическую борьбу с сыпным тифом,

устраняли беспорядки в больницах, заготавливали топливо для города...

И чего только ни делали иваново-вознесенские текстильщицы в те тяжелые годы! Во главе их стоял губженотдел. В одном из воззваний его к работницам и крестьянкам говорилось:

«Участие в строительной работе даст нам энергию и счастливое сознание, что каждый день приближает к тому мгновению, когда по всему миру раскинутся наши красные знамена».

В конце сентября 1919 года в Иваново-Вознесенске с большим подъемом прошла губернская конференция коммунистов, число которых к тому времени уже достигало четырехсот.

Доклад на конференции о текущем моменте сделала секретарь губкома партии Ольга Афанасьевна Варенцова.

Конференция уделила много внимания работе среди крестьянок. Было решено, что работницы женотделов и все коммунистки обязаны объезжать села и деревни, проводить среди крестьянок беседы, лекции, доклады, давать ответы на все возникающие у них вопросы.

Не раз приходилось выезжать на село и Столбовой.

Еще не кончилась гражданская война, а Советское правительство, уверенное в победе революции, приступило к подготовке своей собственной, народной интеллигенции.

В Иваново-Вознесенске открывался рабочий факультет. На улицах висели отпечатанные в типографии объявления:

«Товарищи рабочие и крестьяне!

Рабочий факультет ждет вас. Идите туда. Там вам дадут могучее и последнее орудие для борьбы с буржуазией, там вы узнаете, как надо строить новую жизнь».

Как часто останавливалась Татьяна Васильевна у этих объявлений! Учиться — ее заветная мечта. Конечно, ей уже немало лет, но с каким удовольствием она бы села за парту. Да не время пока. Вон ее уже кличут.

— Таня, давно тебя ищут, — говорит молодая работница. — Вот на улице поймала. Слышь, в рабфак принимают. Я подойду?

— Конечно.

— Возьми уж тогда заодно.

И она подала заявление, написанное нетвердым почерком.

Десятки заявлений пришли в те дни от текстильщиц. Женщины тянулись к знанию, как к солнцу трава.

...Отгремели бои.

Большой светлый зал заполнили делегатки, приехавшие со всех концов губернии.

На трибуне Столбова.

— Первое делегатское собрание,— заявляет Татьяна Васильевна,— начинает работу в момент, когда военные действия окончены и нам предоставляется возможность перейти на фронт труда для организации хозяйства. Теперь каждая работница и крестьянка должны трудиться еще самоотверженнее. Ведь наше участие в строительстве нового, коммунистического общества, как говорит великий Ленин, особенно необходимо...

Женщины аплодируют. Они согласны с оратором. Они готовы работать не покладая рук.

Страна переходила на мирные рельсы. Вставали новые, сложные задачи.

Надо было и Столбовой подумать о повышении своего образования.

Она поступает в совпартшколу.

* * *

Вот так и пронеслась молодость Татьяны Васильевны. Теперь она персональная пенсионерка. Седая, чем-то похожая на Клару Цеткин. Не изменились, пожалуй, только глаза. Они такие же бойкие, с искоркой, как в те далекие годы. И смех. Звонко раздаётся он в просторной квартире.

Рассказ подошел к концу. А в руках старой коммунистки шелестит бумага. Это фронтовое письмо уже с последней войны.

Столбова ничего не сказала про свое горе. Она вырастила двоих сыновей — Володю и Борю. И оба они погибли в боях с фашистами.

В руках матери прощальные строки Володи. Это стихи, посвященные маме. Кончатся они так:

А в тяжелую минуту
Для страны своей
Вы послали с немцем биться

Своих милых сыновей.
Подлый враг глядит в могилу,
И его туда толкнут.
И любимые, родные
Сыновья домой придут.

Сыновья не вернулись. Вот почему шелестит в материнских пальцах последнее письмо.

Тяжело Татьяне Васильевне, но она умеет себя держать. Она не сдаётся.

Вся жизнь этой женщины прошла на виду у людей, в кипенье, в борьбе. И ей не хочется уходить на покой. Татьяна Васильевна поет в хоре старых коммунистов.

— Я еще послужу народу, — говорит она. — Нет большей радости, чем приносить пользу нашим советским людям.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

— Кто сложил эту грустную песню, — не знаю, — признается Ксения Федоровна Заховаева. — Наверное, сам ткачи. Пели мы ее часто после работы, иногда в обеденный перерыв. Нескладная немного песня была, но брала за душу. Потому что о жизни нашей горькой говорила.

Вот они слова-то:

В три часа народ фабричный
Пробуждается, встает.
Он завяжет корку хлеба
И на фабрику идет..

Пелось там дальше о тяжелом труде ткача, о притеснениях фабриканта, беспросветной доле рабочего.

Помню, такая строчка была:

Мы живем хуже скота,

Кончалась песня так:

Думашь, думашь, погорюешь,
Пойдешь сходишь в кабачок,
Выпьешь там на пятачок.

Да, многие рабочие топили тогда свое горе в вине. Слишком безрадостна была жизнь.

Себя в пример приведу. Я, можно сказать, текстильщица потомственная. У нас вся семья была фабричная — и отец, и мать, и братья.

Встала я к станку с четырнадцать лет. Нужда погна-
ла. Отца туберкулез свалил. А в семье пять человек. Кор-
миться надо, одеваться.

Работала на ткацкой фабрике у Ямановского. На себе
испытала хозяйский кнут.

Помню первое свое участие в забастовке. Случилось
это летом 1907 года. Революционная волна пошла на спад.
Заводчики опять стали вольничать. Ни с того, ни с сего
у нас вдруг повысили нормы, а расценки остались
те же.

Мы возмутились. А была я тогда бедовая девчонка,
сорви-голова.

Соседкам своим кричу:

— Остановливай станки!

— Как? Разве можно? Хозяин выгонит, — отве-
чают.

— Не посмеет, — говорю. — В обиду себя не дадим.

Пока разговаривали, ткачи и без нас выключили стан-
ки. Фабрика встала.

Все вышли во двор. Требуем:

— Хозяина!

Фабрикант немного замешкался, но спустился к нам.

— На бочку! — кричим.

А в середине двора уже стояла кадушка, опрокинутая
вверх дном. Поднялся на нее хозяин, важный, холеный.

— Чего шумите? — спрашивает.

— Как чего? Нормы повысили, а расценки заморози-
ли! Голодом хочешь уморить?

Настроение у нас было боевое. Видит хозяин, что ни-
чем не отговоришься. Прибавил по семь копеек на ку-
сок.

Успокоились мы, разошлись.

Помню зверский расстрел рабочих у Приказного мо-
ста.

Война. Голод. Недовольство. В городе появились боль-
шевистские листовки. В одной из них говорилось, что надо
смести всех палачей — от царя до урядника — и водру-
жить знамя свободы...

Полиция почуяла недоброе. Она арестовала передовых
рабочих.

Раз так, мы выбрали стачечный комитет. Пошли к
управе. Там собралась огромная толпа. Мы требовали ос-
вобождения из тюрьмы товарищей. Выпустили только

двоих. Среди них был Егор Степанович Зиновьев, по кличке «Федор». Помню и сейчас его, небольшого ростом, русского, в вельветовой кепке. Из тюрьмы он пришел на площадь, к нам. Пытался уговорить текстильщиков не ходить к тюрьме. Пролетится лишь рабочая кровь — предсказывал Зиновьев. Но слишком было велико возбуждение толпы. А тут еще поднялась на бочку худенькая ткачиха в белом вязаном платке.

— Пойдемте освобождать заключенных, — сказала она. — Солдаты не будут в нас стрелять. Солдаты, — обратилась она к стоящим рядом войскам, — вспомните ваши семьи! Все, кто тут собрался, — это братья, сестры и жены солдат...

А я стою и думаю, что тюрьма-то заперта. У меня даже ткацкого крючка с собой нет. Чем же будем отпирать ворота?

Народ двинулся к арестантской. Те, кто боялся, отходили в сторону. Не знаю как, но я очутилась в передних рядах, рядом с Зиновьевым. Он, видимо, решил не бросать нас.

Вижу — солдаты незнакомые. С управы — свисток. Прозвучала команда. Солдаты вскинули винтовки. Говорю соседке:

— Наклони голову, на ружья не смотри. Стрелять не будут.

Ошиблась. Слышу:

— Пли!

Егор Степанович сделал шаг вперед, раскинул руки и крикнул:

— На-те, стреляйте!

Грянул залп. Не охнув, Зиновьев повалился набок.

Второй залп, третий.

Все кинулись бежать.

С этого дня я будто переродилась. На глазах царские войска убивали рабочих. За что?

«АКТИВНАЯ ДЕРЕВЕНЩИЦА»

Расстрел ткачей поразил меня. Знала я, что среди них были и коммунисты, тот же Зиновьев. Думала — бороться за дело рабочих до конца можно только в рядах большевиков. В феврале 1917 года вступила в партию. Подошел

Октябрь. В Иваново-Вознесенске задолго до этого власть уже находилась в руках рабочих.

Нужно было закрепить успехи революции. Отбить атаки интервентов и белогвардейцев. Навести порядок в стране.

Хлеб! Вот в чем, прежде всего, нуждалась родина.

Ленин предложил создать в деревнях комитеты бедноты. Для чего? Для того, чтобы правильно распределить хлеб, забрать излишки зерна у кулака, сплотить бедноту.

Летом 1918 года вызывают меня в губком партии и говорят:

— Надо поехать на село, за Кинешму. Помочь организовать комитеты бедноты.

— Хорошо, — отвечаю.

Перебралась через Волгу. И приступила к работе.

Дел было много. Создавали комитеты бедноты. Собирали продразверстку. Отбирали лишний хлеб у богатеев. Вели политическую агитацию среди крестьян.

Отчаянно сопротивлялись кулаки. Они искусно прятали зерно. Мы находили его и между двойными перегородами, и за печью, и под полом. Они стреляли в нас. В одном из хуторов пуля случайно миновала меня и прошла через конец платка. В другом хуторе меня чуть не задушили.

Вернулась всё же живой. Поработала немного в губженотделе. И снова в деревню. Беседовала со мной Ольга Афанасьевна Варенцова, прекрасной души человек.

— Вам большое задание, — говорит.

— Какое?

— В Крапивновской волости орудует банда. Надо выяснить, кто в ней состоит. Это может сделать только женщина.

— Страшно.

— Конечно, страшно. Но мы тебе верим, ты справишься.

Тепло стало на душе от таких слов.

— Согласна, — говорю. — Была не была.

— Ну и отлично. Вот тебе документ, будто едешь ты насчет ликвидации безграмотности.

Поехала. Тридцать километров пешком пробиралась по лесу. Было это на пасху. Весна кругом. В лужах голубое небо отражается. Почки на деревьях набухают. А я на смерть иду. Жутко. За каждой сосной бандит чудится.

Добралась до волостного центра. Узнала, что три дня назад банда произвела налет на волостной исполком. Уничтожила дела. Председатель едва успел скрыться.

Секретарь исполкома пришел в ужас, когда увидел меня.

— Из Иваново-Вознесенска? Одна? В такое время? Узнают — непременно убьют. Уезжайте немедленно.

— Не могу. Поручение есть поручение. Ведь у вас, как нигде, плохо с ликвидацией безграмотности.

— Да вы что, шутите? Люди боятся на улицу выйти, а вы про ликбез. Уезжайте сейчас же. Плохо будет.

— Я же вам сказала, что не могу.

— Ну, как хотите. В таком случае я за вас не в ответе. Ночевать устраивайтесь так, чтобы никто не знал, у кого вы остановились.

— Хорошо.

Когда подходила к селу, я заметила заросли молодой рябины на межах. Туда и отправилась. Просидела там до ночи, а потом перебралась в ближайший овин.

Утром меня встретил удивленный секретарь волисполкома:

— Ничего не случилось?

— Нет. Не так страшен черт, как его малюют, — сказала я, скрывая тревогу.

— Ну, ну.

Взглянув в окно, я заметила пятерку вооруженных людей.

— Не из губчека ли?

— Не похоже, — ответил секретарь. — Пошли к дому председателя сельского Совета.

— Пойду и я.

— Сиди!

Послышался звонкий плач.

Вскоре всё разъяснилось. Вошел сосед и рассказал, что бандиты увели в лес председателя сельсовета и его сына.

Что делать? На счастье оказался милиционер. Я к нему. Прошу вмешаться, отбить у бандитов людей.

А он заявляет:

— С радостью бы, гражданка. Да патронов нет. Что ухват, что моя винтовка — одинаково.

Эх, никогда еще я не чувствовала себя такой беспомощной!

Увод руководителя Совета взволновал все село. Собра-

лись мужики. Начали поиски. Но безуспешно: бандиты загнали свои жертвы в глубь леса и расстреляли. Это выяснилось уже много позднее.

Вторую ночь я провела так же, как и первую.

О ликбезе я и не вспоминала. С трудом мне удалось узнать, что банда состоит наполовину из местных жителей, покинувших Красную Армию. Их подкармливали матери и жены. Дезертиры боялись доноса и поэтому расправлялись с теми, кто пытался каким-либо образом сообщить о них в губернский центр.

Однажды бандиты чуть было не прикончили и меня. Под вечер зашла в один дом. Захотелось по-человечески провести хоть несколько часов. Хозяин дома — благообразный старик — встретил вежливо. Поставил самовар. Внука послал на улицу, чтобы присматривал. Осторожность оказалась оправданной. Не успели выпить по чашке чая, как прибегает мальчишка и говорит, что четырнадцать бандитов ищут какую-то коммунистку. Они уже заходили в исполком.

Хозяин спокойно поднялся, открыл подпол и сказал: — Спускайтесь.

Я очутилась в полной темноте.

Через некоторое время послышался стук. То дезертиры хотели обыскать дом. Старик не пустил их, убедив, что у него никого нет.

Оставаться в селе мне больше было нельзя. На рассвете я покинула его. С чувством исполненного долга добралась до Иваново-Вознесенска. Мои сведения помогли быстро уничтожить банду.

Пожила немного в городе, а затем отправилась снова в деревню вести культурно-массовую работу. Отказываться не в моих правилах. Я ведь — коммунистка.

Однажды я решила поехать с красной повозкой. В моем распоряжении было пять агитаторов. Достали лошадь. Приспособили повозку из-под походной кухни. Погрузили на нее литературу, волшебный фонарь, граммофон с огромной трубой. Сами — пешком.

Приходилось нелегко. Но воодушевляло нас то, что мы несем в темные крестьянские массы пламенное слово Ленина, большевиков, помогаем деревне встать на новый путь.

Работали много: собирали крестьян, рассказывали, какая цель нашего приезда, выступали с лекциями, прово-

дли беседы. И не только это делали. Брала на учет семьи красноармейцев и практически помогали им: косили луга, убирали сено; жали хлеба, молотили; пилили дрова, развозили по домам. Вместе с нами трудились и активисты деревни.

Конечно, за это мы получали десятки, сотни благодарностей.

По воскресеньям давали большие концерты. Занимались для этого избы-читальню или пустующий дом. Пускали в ход волшебный фонарь, пели песни, декламировали. Заводили граммофон. Устраивали танцы.

Настойчиво боролись с религиозными предрассудками. Заранее узнавали, где и когда престольный праздник. В тот день мы непременно были там и вели работу всеми доступными нам средствами.

Не зря меня прозвали «активная деревенщица».

Да, так мы и жили тогда.

Сколько воды утекло с тех пор! Теперь мне шестьдесят пять годков. Привычка к общественной работе не дает покоя. Одной тошно. Вот, говорят, не пора ли хор-то оставить, устаеете, наверное. А ведь мы, старые коммунистки, живем хором. Увидишься друг с другом, и будто праздник на душе.

ПО ЗОВУ КРАСНОГО СОЛДАТА

В разговор включилась Мария Максимовна Сисина, невысокая старушка с широким добрым лицом. Она говорит, и я представляю, как плотная, коренастая работница дербеневской фабрики стоит в пикете с винтовкой в руке. Несутся насмешки прохожих:

— Что не в штанах?

— Может, закуришь?

— Волосы-то остричь забыла?

Я припоминаю один из документов, который недавно видел в областном партийном архиве. На пожелтевшем от времени листке кто-то вывел нетвердой рукой:

«Сисина Мария заявляет о обучении стрельбе из левовольвера» (так в документе: «левовольвера»).

В левом углу бумажки печать. Буквы можно разобрать с трудом. По кругу: «Рос. Комм. Партия Большев. Гор. Иван.-Вознесен.». В середине: «фаб. Дербенева. Комитет.»

Так вот она какая, Мария Максимовна!

Сорок лет назад коммунистка-ткачиха училась владеть оружием, чтобы умело бороться за Советскую власть.

Став в дни октябрьской стачки пикетчиком, Сисина безбоязненно и решительно выполняла партийное задание. Ни насмешки, ни площадная брань, сыпавшиеся на нее порой со стороны отсталых работниц, не поколебали воли передовой ткачихи.

Она мирилась и с неудобствами. Спала на полу. Не роптала на пищу. Как и все, ела в те дни редьку с водой в миске из-под клея.

Что она? Большие люди переносили лишения терпеливо.

Вот Фрунзе. Мария Максимовна нередко встречалась с ним, когда работала по хозяйству в губкоме партии. Вместе с ней Михаил Васильевич кушал мерзлую картошку.

Унывать было нельзя. Молодая республика только вставала на ноги. Новая жизнь давала буйные ростки. А враги наступали со всех сторон.

Уехал на фронт Фрунзе. Отправился туда же с отрядом иваново-вознесенских рабочих Фурманов.

Рвались на помощь Красной Армии и женщины.

В одном из номеров «Правды» Сисина прочитала тогда такие стихи:

Работница мать, сестра и жена!
Слышишь — зовет тебя красный солдат.
Ты припади чутким ухом к земле... Да, да,
Это зовет тебя муж твой и сын твой, и брат!

Слова задели за сердце.

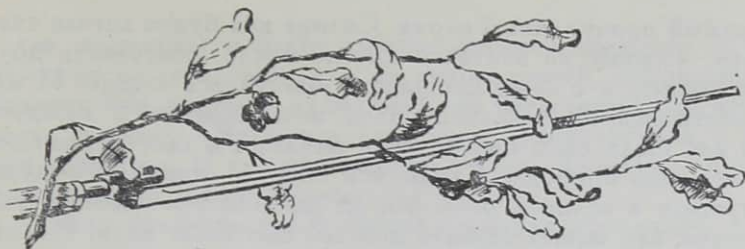
Мария Максимовна поступила на курсы медицинских сестер. Малограмотной ткачихе с трудом давались и русский язык, и латынь, и специальные предметы. Но она преодолела трудности и вскоре лечила раненых бойцов легендарного Котовского.

* * *

Беседа затянулась. Чай остыл.

Женщины забыли о времени.

Они ушли с головой в грозные, огненные дни революции, когда, не задумываясь, жертвовали молодостью, любовью, жизнью ради торжества светлого завтра.

М. МЕЗЕНИН

ЖИЗНЬ МОЕГО ДРУГА

Две недели кряду солнце неистово калило землю и казалось, что стоит июнь, а не сентябрь. Теплой была земля, теплой и ласковой была вода в реке. Только позолоченная листва деревьев напоминала об осени. Нас в этот день было трое. На вёсельной лодочке мы неторопливо поднимались вверх по реке, держась левого берега. Фарватер проходил ближе к крутому, заросшему лесом и потому более красивому правому берегу. По реке то и дело с большой скоростью шли вниз и вверх самоходные баржи, нагруженные зерном, нефтью, хлопком, машинами. Пассажирские пароходы старого типа и новые дизельэлектроходы, построенные для Большой Волги, названные в честь героев великих битв за счастье Родины «Доватор», «Гастелло», с такой могучей силой разрезали волжскую воду, что волны от фарватера неслись одна за другой и, пенясь, с шумом бились о песчаный берег. В такие минуты нам приходилось ставить лодку носом навстречу волне, налегать на весла и качаться, как в колыбели. Доплыв до реки Меры, что впадает в Волгу, нам захотелось отдохнуть. А солнце хоть и осеннее, но яркое, уходя всё дальше на запад и как бы предупреждая, что оно вот-вот скроется за горизонтом, посылало на землю свои удивительные краски и одевало ее

в самый причудливый наряд. Солнце как будто хотело сказать: «Ухожу до завтра в другие земли, обогревать других людей, а с вами прощаюсь. Любуйтесь люди!» И мы любовались. Любовались молча, зачарованные. У каждого из нас были свои мысли, свои желания и свое отношение к величию природы. Сходились мы в одном — в своих чувствах к великой реке. Мы ее любили так нежно и так горячо, как может любить добрый сын свою мать. Но мы уже сутки находились в лодке или бродили по болотам вблизи берега Волги и очень устали. Одному из нас было пятьдесят шесть лет, другому шестьдесят один и третьему шестьдесят пять. Охота наша была не очень удачной, но приятной. Четыре кряковых утки лежали в лодке. Очень хотелось полежать на мягкой, шелковистой отаве, и, чего греха таить, — солдатская фляжка была наполнена той влагой, которую всякий охотник берет с собой, чтобы выпить глоточек-другой «на крови». И мы причалили к берегу. В наших краях на берегах Волги недостатка в топливе нет. Всюду можно набрать сколько нужно дров и разжечь добрый костер. Так мы и сделали. И уже лежа на траве, любуясь лучами заходящего солнца, огнем костра, каждый из нас хотел сказать что-то хорошее о той жизни, которая шумела вокруг. Но все почему-то молчали. Самый старший по возрасту Василий Федорович Бабанов неторопливо орудовал у костра. Любитель крепкого чая, он следил за котелком, в котором с секунды на секунду должна закипеть вода. Михаил Васильевич Юрлов лежал на спине, раскинув руки, и пальцами теревил траву. Чувствовалось, что он устал больше всех, хотя не выходил на болота, не страдал охотничьей страстью, а просто сидел в лодке, любовался Волгой или балагурил, подшучивая над нами, когда мы «мазали», стрелял по пролетающим над нами уткам. Тонком человека, у которого иссякло терпение, Михаил Васильевич проговорил:

— Ты, Василий Федорович, как мой дед Мелетий, всё не спеша делаешь. Неужто у тебя сердца нет. Ведь у нас все внутренности перекрутились, и урчит там, словно в преисподней.

Очистив картофелину и посолив ее, Михаил Васильевич смотрел на Василия Федоровича, как тот медленно разливал водку в маленькие стаканчики, стараясь не налить больше, чем положено с его точки зрения. Нальет в стаканчик граммов тридцать-сорок, поднимет на уровень

глаза, посмотрит и опять добавит граммов двадцать. И не от скупости он это делал, а не любил людей, выпивавших больше, чем человеку надо. Василий Федорович при этом часто говорил: «Выпивать надо для удовольствия, а не для пьянства». И тут же напоминал слова Авиценны: «Вино друг трезвых и враг пьяных».

Стало смеркаться. От Волги потянуло прохладой, сыростью. Дрова в огне костра потрескивали. Уходить не хотелось. Достав из лодки ватные стеганые тужурки и маленький брезент, мы решили посидеть на берегу Волги. Чем больше смеркалось, тем красивее становилось вокруг от вечерней зари. Беседу завел опять Михаил Васильевич.

— Мой дед Мелетий после реформы 1861 года сел на землю. Земли в наших верхне-ландеховских местах хватало. Но урожай сам-четыре хороший считался. Лугов, лесу не было. У деда Мелетия сыновья подросли и в люди пошли. Старший Тимофей офеней-коробейником стал, средний, Егор, по плотничьей пошел, а младший, Василий, отец мой, продольным пильщиком-вершинником. Пилил недолго. Надорвался, слег и умер, как полагалось, под образами, на дубовой скамье. Дед Мелетий после этого стал сумрачный. Если и разговаривал, то только со мной. Посадит на свои косявые колени и, глядя голову мою, бурчит себе под нос что-то. У Степаниды Алексеевны, матери моей, после отца осталось двое сыновей — я и мой брат Николай. Мне пятый год шел, а брату второй. Дед уже не работал. Дряхлеть стал. Продать землю было нельзя. Она была общинной собственностью. Как тянула нас в жизнь Степанида Алексеевна и сейчас ума не приложу. Дед внушал матери: «Мишутку в город надо отправлять. Пушдай в люди пробивается».

Выпив кружку чая, Михаил Васильевич лег на правый бок, подперев голову рукой, и продолжал свой рассказ:

— Люди в деревне разные были. Одни от деревянной сохи сохли раньше времени и к Николаю угоднику на погост уходили, у других щеки румянились. Интересный человек у нас в деревне сотский был. В первую революцию в 1905 году ему было уже за шестьдесят. Молев была его фамилия, а звали его во всей деревне Моль-ябеда. Роста он был небольшого, лицо узенькое, румяное и борода местечкой. Ходил согнувшись и руки назад закладывал. На деревенскую улицу, где мужики и бабы любили посудачить на заваленке, Моль-ябеда всегда появлялся с задво-

рок. Появится, поклонится, скажет — «мир честному народу» и как будто чем-то липким обольет. Подсядет к мужикам или бабам, и все сразу притихнут. Посидит немножко, скажет несколько слов и опять за дворы уйдет. Иногда подвыпивший мужик спросит: «Что это ты, сотский, всё за дворами ходишь, али клад какой ищешь?». Моль-ябеда погладит бородку сверху вниз левой рукой, прищурится, посмотрит и ехидным шепотком молвит: «Воздух на задворках приятственный для меня, вот и завлекает туда». Боялись люди этого старикашки.

В 1905 году я учился в Симаковской одноклассной церковно-приходской школе, а в 1906 году уже закончил ученье с похвальной грамотой. Учитель наш, Степан Игнатьевич, был молодой, горячий. Кто он был по своим убеждениям — я не знаю. Но нас, ребят, кто посмышленнее, посылал с маленькими книжечками к крестьянам и велел читать. Но всякий раз предупреждал: «Остерегайтесь Моль-ябеды».

Михаил Васильевич натужно откашлялся и тихо сказал:

— Сыро стало, а астма сырости не любит. Подбрось, Федорыч, дровишек в костер.

— А ты рассказывай, не прерывай, о дровах не твоя забота. А потом я кое-что расскажу.

— А что рассказывать... Деда я очень любил, а к тому времени, когда я кончил школу, он уже лежал неподвижно. Мать выбивалась из сил, чтобы прокормить нас. По совету деда и отправили меня в Самару к купцу в ученье. «Ученье» было обыкновенное. Ночной горшок из-под старухи — матери купца вынести, подмести, принести... Часто в эти годы вспоминал деда. Умный был старик, думал я, а не всё, видно, знал. «В люди выйдет, приказчиком будет, — говорил дед, — что ему в деревне маяться». Несешь товар или моешь пол в купеческом доме и думаешь: «В люди выйдешь, а где же эти люди, когда одни подзатыльники, да работа такая, что к вечеру все кости болят». Сбежал я от этого купца. Сел на пароход и без билета до дому добрался. Мать в слезы. То ли радовалась, то ли горевала. Сразу я не понял. А потом говорит: «Есть нечего, сынок. Надо тебе идти искать работу». Пошел. В Юже работал на фабрике Балина, в Шуе у Павловых, в Кохме у Ясунинских, в Серееде на горбуновской фабрике, в Иванове... А... вспоминать не хочется. Всё приходилось делать, лишь

бы на кусок хлеба заработать. Щетки вязал, погреба чиновникам набивал льдом, чистил водонапорные коробки на фабриках, возил тележку с товаром. В Середи на подрядчика Королева проработал весь великий пост — семь недель. За все труды мои полагалось получить 10 рублей 35 копеек. Дает мне Королев 10 рублей. Я смотрю на него и жду. А он: «Что задумался, парень, аль невдомек что». Тридцать пять копеек, говорю, мне еще причитается с вас. Засмеялся Королев нехорошим смехом и говорит: «Ты что, в бога что ли не веришь. Твои тридцать пять копеек пойдут на свечку в храме божьем». Ну, что тут скажешь. А мне они, эти 35 копеек, очень нужны были. Домой, к матери, собрался на пасху. Вот и думал: «10 рублей матери принесу, а на 35 копеек наемся». Разменять десятку не решился, — Королев дал мне десятку-то золотую. Не поверят, думаю, когда менять буду, откуда у такого оборванца золотая десятка, скажут украл. Так и топал домой двое суток голодный. На пароходе пробирался зайцем. Даже перевозчику-лодочнику три копейки не заплатил. Нет, говорю, у меня, дяденька. Дяденька, конечно, матерно выругался, хотел веслом огреть, но я уже выпрыгнул на берег и был таков. Зато матери была большая радость. Кстати, полученная от Королева золотая десятирублевка была единственная в моей жизни. Больше золотых денег я в руках не держал ни разу.

Михаил Васильевич грузно поднялся на ноги, посмотрел вокруг и снова сел к костру, обхватив руками колени.

— Я вам сказал, что готов повторить жизнь заново. Настоящая жизнь началась позже. Ваш покорный слуга, дорогой Василий Федорович, в 1915 году благополучно избежал участи «положить живот свой за веру и царя-батюшку» по причине близорукости. Отправили меня в Туркестан для несения караульной службы при комендантском управлении города Ашхабада. Служба шла ни шатко, ни валко. Муштры хватало, но парень я был разбитной. Умел читать не только вывески магазинов, но и книжки. Ведь в людях-то до этого пожил, хребет свой потер. Поэтому смекалку свою проявлял сколько мог. А главное, сыт был. Там-то меня и застала Февральская революция. Дня на два позже мы узнали о том, что произошло в России.

Выпив стакан чаю, он продолжал:

— Все мы хорошо знаем марсельезу. Звуки этого чу-

десного гимна французов оглашали улицы Ашхабада с утра до темной ночи. Люди ходили как взбалмошные и пели революционные песни. И всюду митинги, митинги, митинги. Чего только ни говорилось на этих митингах и кто только ни выступал! Как сейчас всё вижу и слышу. На Скобелевской площади собрался большой городской митинг. На трибуне попик. Он разливается тенорком, говорит складно и заканчивает: «Сограждане! Государь император отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила. Да здравствует император Михаил Александрович!» Толпа кричит «ура». Но толпу пререзает зычный голос: «К черту императора Михаила! Власть Государственной думе!» И, казалось, что конца всем этим возгласам не будет. Всякий славил свое. Кто Михаила, кто Родзянко, а многие просто плакали от счастья. Без вина народ опьянел. Для нас, солдат, тоже сразу как-то послабление от офицеров стало. Еще до революции среди солдат много разговоров было, что во дворце хозяйничает Гришка Распутин.

Михаил Васильевич откашлялся. Его беспокоила астма. Но нам было понятно, что он растревожен пережитым за долгую жизнь. Мешать ему было нельзя.

— В марте в Ашхабаде возник городской Совет рабочих и солдатских депутатов. Орудовали там меньшевики и эсеры. Особенно ярым был эсер Додер. Гладко говорил, подлец. В гарнизоне был создан солдатский комитет. Такие комитеты образовались и в воинских частях. Большевиков в Ашхабаде было мало. Первое время солдаты толком и не знали, кто такие большевики. Ведь Ашхабад был далекой окраиной Российской империи. Только по смелым речам мы отличали большевиков. В солдатских комитетах заправляли меньшевики и эсеры. Это теперь молодым людям всё очень просто кажется: свергли царя, прогнали Временное правительство, отняли у капиталистов заводы и фабрики, а у помещиков землю — и да здравствует Советская власть. Не так это было.

Большую смелость придал солдатам знаменитый приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Приказ был получен в комендатуре Ашхабадского гарнизона около пяти часов дня по телеграфу. Произошло это в мое дежурство. Прочитал я длинную телеграмму и ахнул. Надо было немедленно поставить в извест-

ность коменданта города полковника Прозорова. Позвонил я ему на квартиру. И вот какой разговор произошел:

— Ваше высокоблагородие,— говорю я,— получена телеграмма. Прикажете прислать ее вам или прочитать по телефону.

— Читай,— говорит полковник.

В приказе говорилось, что солдаты имеют равные права со всеми гражданами, что солдата нужно называть на «вы», а титулования «Ваше благородие», «Ваше высокоблагородие», «Ваше превосходительство», «Ваше высокопревосходительство» — отменяются. Отдание чести офицерам не обязательно и т. д.

Читаю всё это полковнику, а у самого душа ликует. Не вижу, конечно, но чувствую, что по-другому понимает этот приказ полковник. Чем дальше читаю, тем больше, яснее слышу, что всё свирепее становится полковник и что-то мычит. А я стараюсь читать медленнее, с паузами, с выдержкой. Полковник негодует и перебивает:

— Читай быстрее, черт тебя возьми!

— Читаю, господин полковник!

— Что, что?! Кто это говорит?

— Дежурный писарь Юрлов, господин полковник!

— Да ты что, забыл, как тебя учили обращаться к офицеру?

— Никак нет, господин полковник! Так сказано в приказе.

— А, черт тебя возьми, в приказе! Ну, читай!

— Господин полковник, вы напрасно сердитесь.

— Да ну, читайте же вы, вы «господин полковник», «господин полковник»...

Чувствую, что мой полковник дошел до точки кипения. Я и говорю:

— Я уж лучше пришлю вам телеграмму домой, господин полковник.

— Не надо! — кричит полковник Прозоров.

Дело прошлое, но мы своего полковника Прозорова любили. Был он сухой, поджарый старик. Небольшая окладистая седая борода его всегда тряслась. Расчесывал он её надвое. Глаза у него были умные, пронизательные и очень ясные, молодые. Он не любил пьяниц офицеров. Стройный и бодрый не по возрасту, а ему было уже далеко за шестьдесят. В революцию, конечно, он не верил и свои верноподданнические чувства сохранял. Требователь-

ный, строгий. Если уж накажет, то за дело. Солдаты так и говорили: сам полковник наказал, значит не зря. За это его уважали. Солдат в обиду не давал.

Расскажу один случай. Когда я начинал военную службу, то был прикомандирован к управлению коменданта для писарской работы. С шести до девяти утра приходилось заниматься шагистикой на плацу, а с девяти писарскую работу выполнять в управлении коменданта. Прибежишь со строевой, вытащишь из-за голенища тряпку, оботрешь винтовку, а потом сапоги наярешь до блеску и несешься во весь взмах в управление. Так однажды я шел спорным шагом через сквер Скобелевской площади. Слева наперерез мне прилизанный, как херувимчик, щеголеватый прапорщик, а под руку с ним дама. Дама, надо сказать правду, смазливая, приятная. Вижу я, что прапорщик косит глазом на меня. Ясно, что ему лестно будет, когда солдат протопает мимо него строевым шагом, держа руку под козырек. Я прошел у прапорщика и его возлюбленной под самым носом и не козырнул. Что тут было! Прапорщик взбеленился так, что аж позеленел весь. И в самом деле: ему, офицеру, в присутствии дамы солдат не отдал чести.

— Солдат! — закричал прапорщик.

Браво сделав на ходу «налево кругом», подхожу к нему.

— Ты почему, сволочь, офицеру честь не отдаешь?

Уж очень они любили нас, солдат, сволочью называть. Даже женщин не стеснялись.

— Виноват, ваше благородие, я отдал вам честь. Вы были заняты дамой и не заметили.

— Ах, мерзавец, ты еще врать! Какой части?

— Управления коменданта, ваше благородие!

— Пойдем к коменданту.

Прапорщик петушился, кричал, а дама смеялась. Но идти прямо к коменданту, к полковнику Прозорову, мне было просто страшно. Прапорщик что-то сказал женщине, расшаркался перед ней и пошел впереди меня в комендантское управление. Ну, думаю, пропал Михаил Юрлов ни за понюшку табаку! Полковник был у себя в кабинете. Получив разрешение, прапорщик входит и мне приказывает идти за ним, а потом рапортует:

— Господин полковник, солдат вверенного вам управления не отдал мне установленной законом чести.

Полковник смотрел сверху очков то на прапорщика, то

на меня, а больше на него. Потом повернул голову в мою сторону, спокойно спросил:

— Как это ты, Юрлов, такой исправный солдат и не отдал прапорщику чести?

— Виноват, ваше высокоблагородие, я отдал их благородию честь, но они были заняты дамой и не заметили, — вырву напрапалую, а сам ем глазами начальство.

— Что? — полковник повысил голос. — Это верно, прапорщик?!

— Господин полковник, я действительно прогуливался по скверу с дамой...

— А ты, солдат, куда прогуливался? — спросил полковник, нажимая на слово «прогуливался».

— Со строевого занятия на занятия в управление, ваше высокоблагородие.

— Так, так... — в голосе полковника послышались угрожающие нотки, — солдат с занятия на занятия, а прапорщик с девкой гуляет да еще и чести спрашивает.

— Господин полковник, позвольте, я... — попробовал было разыграть возмущение юный донжуан, но как-то сразу осекся.

— Так вы шатаетесь да еще чести ищете, — гремел полковник, — десять суток домашнего ареста, прапорщик. Если еще хоть раз будете так «прогуливаться», я вас в двадцать четыре часа вышвырну из гарнизона.

Прапорщик сразу сник, растерялся. Он отлично понимал, что шутить полковник Прозоров не любит и может отправить с первой маршевой ротой на фронт. Мне в ту пору жалко стало юного щеголя.

В те времена всё было построено на обмане. Командир полка получал на довольствие солдат деньги. Надо было быть очень честным человеком, чтобы не впасть в искушение и не прикарманить лишнюю тыщонку. По договоренности с подрядчиками закупались продукты подешевле, значит и похуже, а «экономия» текла в карман «отцов» командиров. Полковник Прозоров очень придирчиво проверял, все ли, что полагается, доходит до солдат. И мы питались отлично. Заботливый был старик, хотя и строгий.

После такого разговора с полковником я повесил телефонную трубку и побежал в помещение команды. Там еще раз прочитали приказ № 1 и все точно полоумные пошли на улицы города «Отдавать честь». О том, что было, всего не расскажешь. Да и вспоминать не к чему.

Буржуазия была еще сильна. Помогали ей изю всех сил господа эсеры и меньшевики. Велось наступление на завоеванные в первые дни революции свободы. Приходил конец и солдатским свободам. Запретить сразу солдатские комитеты не решались, но объявили, что при передислокации частей солдатские комитеты распускаются, а на новом месте могут создаваться только по разрешению начальства. Началась переброска частей из одного города в другой. Беспокойных солдат отправляли на фронт. Из нашей части на кавказский фронт отправили буйного, горячего парня Лучко, а весельчак Вася Говердовский и Курилов уехали на германский. Из 5-го Сибирского запасного полка все чаще стали формировать маршевые роты. Меня невзлюбил капитан Билевич. И я оказался на гарнизонной медицинской комиссии. «Уж очень ты близорук, солдат,— сказали мне там,— увольняешься как негодный для несения воинской службы». Так начали чистить армию. Кого домой, а кого в дисциплинарный батальон или на фронт.

Подался я в родные края. Пока ехал по железной дороге до Самары, а от Самары пароходом, чего только ни повидал, чего ни наслушался. Диво-дивное, что происходило среди людей. Одни агитировали за войну до победного конца и кляли большевиков, другие против войны. До кулаков доходило. Приехал в родную деревню, а мать каждый день слезы льет. Мужиков в деревне не видно. Мать мне и говорит: «Съездил бы, сынок, на Каму, теперь все ездят туда за хлебом. Зима впереди, что есть-то будем». Пришлось съездить. Привез старухе два мешка зерна, а сам решил подаваться куда-нибудь. И случилось тут так, что вернулся из армии друг детства Тимофей Гусев. Он уже был почти целиком большевик. Он меня и взял под свое влияние. Но в наших верхне-ландеховских местах было тихо. Даже в центре волости, в самом Верхнем-Ландехе, больших изменений не произошло. Вместо волостного старшины стал председатель волостной земской управы, полицейского заменили милиционером. На штампе, который прикладывался в левом углу бумаг, тоже произошли небольшие изменения. Значилось: «Верхне-Ландеховского волостного правления, Гороховского уезда, Владимирской губернии». А сделали так: «волостного правления» вырезали и от руки вписывали: «Волостная земская управа». А печать так и осталась старая — с двуглавым орлом. Мы с Тимошей рьяно агитировали голосовать за список

№ 6 — большевиков. Тогда шла подготовка к выборам в учредительное собрание. Но поп Иван успеха имел в этой агитации больше нас. Мы как-то спросили тетку Дарью, за какой список она будет голосовать.

— За номер первый, кормильцы, за первый.

— Почему же, тетка, за номер первый?

— А уж потому, что так батюшка велел.

Вот и весь сказ. Темна была деревня, нищая, голодная. Променил солдатскую шинель на хлеб, оставил его матери, одел зипун, почти что дедовский, и пошел в Иваново-Вознесенск. На бирже труда было около пяти тысяч безработных. Стоял январь 1918 года. Холодно и голодно. Поступил на службу в городскую милицию. На квартиру меня взял к себе милиционер Белько. Хороший был мужик. Сам-то он жил у бабушки Митрофановой и меня пригрел. В комнате, которую сдавала бабушка, кроме нас, жили еще три девушки. Выдали мне в милиции старый козловый полушубок, ободранную пашку, полуметровый револьвер «Смит и Вессон». Казалось тогда мне, что вид я имел внушительный. Служба в рабоче-крестьянской милиции тогда была не та, что теперь. Мы охраняли революционный порядок, пресекали действия контрреволюции, диверсии, спекуляцию. Такая работа в милиции хорошо воспитывала. В феврале 1918 года я уже стал сочувствующим, а потом вскоре и членом РКП(б). Милиционеры все были честные рабочие парни, но грамоты у всех было на грош. Голодные, плохо одетые, в холоде, по несколько суток без отдыха работали, а никто не замарал свои руки о чужое добро. Иваново-Вознесенск жил трудно. Не было топлива, не было сырья, одна за другой останавливались фабрики, росла безработица. Контрреволюция не решалась на открытое выступление, но саботаж был чудовищный.

Фабриканты делали все, чтобы увеличить развал на производстве. Нате, мол, похозяйствуйте без нас, капиталистов, а мы посмотрим.

Весной 1918 года Иваново-Вознесенский городской Совет обложил буржуазию революционным налогом. Взыскание налога было возложено на милицию. Прихожу в дом Бурых на Воскресенской улице. Иду, конечно, с парадного хода. Не тут-то было. Заперто на все замки. Захожу со двора. Нам ведь не привыкать с черного-то хода ходить. Оказываюсь на кухне. У стола кухарка возится. Обращаюсь к ней:

— Скажите, пожалуйста, как мне увидеть Надежду Харлампьевну Бурьлину?

— А, вон, скажите Маше...

Кухарка взглянула на меня через плечо и тут же от-
вернулась.

У лестницы, ведущей на второй этаж, стояла хорошень-
кая горничная. Я к ней.

— А от кого вы? Что принесли? Давайте я передам.

— Я должен видеть саму Надежду Харлампьевну...

Девушка некоторое время молчит, смотрит на меня во
все глаза, а потом:

— Хорошо, я доложу экономке...

И опять пауза. Вот, думаю: в городе и во всей России
полный революционный порядок, а буржуи живут, как
жили, с экономками, горничными, кухарками. Пока я раз-
думывал, горничная снова появилась и вместе с ней солид-
ная особа. Она уже рассматривала меня с ног до головы.
Внешность моя явно не внушала доверия: стоптанные сол-
датские сапоги, драповое пальто, которое вполне было бы
подходящим для огородного чучела. Дама тихо промол-
вила:

— Молодой человек, Надежда Харлампьевна не мо-
жет вас принять. Если вы что принесли, передайте Маше,
Маша передаст мне, а я передам Надежде Харлампьевне.

Ну, думаю, чертovsky куклы, сейчас вы у меня закрути-
тесь. Распахиваю пальто, сажусь на стул и нарочно обна-
жаю полуметровый «Смит и Вессон» и тоном приказания
говорю:

— Идите и скажите вашей Надежде Харлампьевне, что
здесь на кухне ее ждет комиссар четвертого участка мили-
ции.

Как только всё это я сказал, у девушки от страха ок-
руглились глаза, хорошенький ротик открылся, и она пулей
влетела по лестнице вверх. Через несколько минут снова
появилась экономка.

— Пожалуйста, господин комиссар, Надежда Харлампьевна вас ждет!

Поднимаюсь на второй этаж. В маленькой комнате око-
ло письменного стола, держась за спинку кресла, стоит не-
вероятной толщины женщина. Такую толстую я видел
впервые. Болезненным голосом, напоминающим нытье, она
говорит:

— Пожалуйста, господин комиссар, садитесь.

Вежливо поблагодарив, я сказал о цели своего прихода. Н. Х. Бурлыгина должна была внести в кассу городского Совета 35 тысяч рублей. Внесла полностью.

Но не все вносили. Фабрикант А. П. Дарьинский отнесся иначе к решению Совета. Ему тогда было лет 35. Живой, энергичный, сильный, он завел со мной такой разговор:

— Ну, научите меня, комиссар, где взять денег. Мне тоже они очень нужны. Фабрика моя не работает, дома мои уже взяты Советами. Пока я был в армии, все остальное промотала жена. Научите меня, голубчик, где мне взять денег. Хотите я напишу чек на Московский банк...

Все это он говорил, делая серьезное лицо, а глаза его смеялись. Пришлось объяснить Дарьинскому, что все, что было у него в банке, давно принадлежит рабоче-крестьянскому государству. Ежели же он не внесет 35 тысяч, то будет арестован. Выслушав меня, Дарьинский встал со стула и, улыбаясь, сказал:

— Вы знаете, комиссар, что я живу в доме фабриканта Ф. Я. Фокина. Денег у меня нет. Жить я хочу весело. Дайте мне три дня отсрочки. За это время я пропью костюм, а потом сам явлюсь,— арестовывайте.

— Сбежать хотите,— спрашиваю я Дарьинского.

— Нет, сам явлюсь на Кокуй.

И, действительно, через три дня Дарьинский явился сам. Встретил я его на улице, он убирал навоз. Узнал меня и весело поздоровался:

— Вот, комиссар, теперь я при деле, а то не знал куда себя девать.

Дарьинский любил погулять, но и работы не боялся. Позже Дарьинский был использован советской властью на большой работе в текстильной промышленности. Толк в хозяйстве он знал. А вот с Гандуриными пришлось познакомиться. Сам Гандурин уже был посажен в тюрьму, а гандуриха и ее четыре картавых дочери крови мне испортили. Пришлось всё их имущество опечатывать и из дома выселять. Сколько визгу было! Буржуазия сопротивлялась отчаянно. Многие мои товарищи милиционеры погибли от руки террористов. Нами в ту пору руководил председатель Иваново-Вознесенской губчека старый большевик К. И. Фролов.

Весной 1919 года из милиции я перешел служить в Красную Армию и стал уже заправским агитатором. Ора-

торскому искусству мое поколение большевиков училось на митингах. Какие были митинги! И сколько их было! Некоторые из них заминались на всю жизнь. Вот один такой митинг. На Крутицкой улице в графском саду собралось столько народу, что ореху упасть негде. Приехали к нам в Иваново делегаты первого конгресса Коминтерна. Выступает Марсель Кашен. Его речь была похожа на гром во время сильной грозы. Он был в простой рубашке с открытым воротом и говорил по-французски. И не зная языка, мы понимали. Понимали! — я говорю, вы слушаете меня? Бывали у нас на митингах М. И. Калинин, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. Словом, учиться было у кого. И вот в эти горячие дни получаю такой приказ: «Красноармейцу 4-й роты Иваново-Вознесенского советского караульного батальона тов. Юрлову. С получением сего приказываю принять должность комиссара караульного батальона и об исполнении донести. Губернский военный комиссар Жугин».

Было это 4 сентября 1919 года. Прочитал я приказ и думаю: ну, Михаил Юрлов, держись. Дело в том, что командир батальона бывший прапорщик Николай Федорович Буреев не был дворянским сыном, но психология его была чем-то попорчена. Не любил он комиссаров. Это я знал. А права-то у комиссаров были больше. Дня два комбат не показывался в штабе. Но, как говорится, время — великий лекарь. Обломал я комбата. Были командиры рот, заявлявшие, что они не согласны с действиями Советской власти. Страшнее всего оказался голод. Красноармейцы получали полфунта хлеба и суп из ржавой селедки. Нередко приходилось слышать: «Что вы всё митингами кормите, лучше бы хлеба прибавили». Голодали все — и красноармейцы и рабочие. Красноармейцев то и дело приходилось отпускать дня на два, на три домой — «подкормиться». Почти все они были крестьяне ближних уездов. Однажды красноармеец Степанов мне рассказывал, вернувшись с побывки:

— Вот, значит, товарищ комиссар, приехали мы с Гришкой Петровым домой. Мать его обрадовалась страшно и сразу завернула целую опарницу блинов. На столе сметана, масло. Ну, Гришка, значит, сидит за столом, а мать подсыпает ему горячих блинов: «ешь, Гришенька, ешь, сынок». Она печет, а он ест, она печет, а он ест. В корчаге и опары уж больше нет, а Гришка из-за стола не

вылезает и спрашивает: «Мама, нет ли чего пообедать?».

— Что ты, сынок, — встревожилась мать, — мы эту сопарницу всей семьей не съедаем, а ты один управился. Господь с тобой. Столько-то блинов! Здоров ли ты, Гришенька..

— А что в них толку-то без хлеба-то, трава, трава и есть, — ответил Григорий.

Вот, ведь, как проголодался парень. Теперь такой рассказ похож на шутку. Нам тогда было не до шуток. Голод терзал всех.

К осени 1919 года отбили наступление Колчака. На юге навис Деникин. Лучшие сыны партии уходили на фронт. Проводилась «партийная неделя». Каждому трудящемуся открывалась возможность без обычных формальностей вступить в партию и идти на защиту молодой Советской Родины. Все знали, что коммунисты первыми отправятся на фронт. Не помню, сколько красноармейцев вступило тогда в партию, но как сейчас вижу: люди стоят в очереди и подают заявления. Шкурник, трус в такое время промолчит, отведет глаза в сторону.

Много ложилось груза на плечи коммунистов: организовывали коммуны в бывших имениях богачей, вели теоретические драки с эсерами, меньшевиками, боролись с бандами дезертиров.

В селе Семеновском-Лапотном эсер Забавин поднял мятеж. Туда отправился отряд под командованием коммуниста Гусакова. Когда мятеж уже был подавлен, Забавин, крупный подрядчик, заперся в своем большом доме. Из подполья дома на все четыре стороны выходили окошки — бойницы. Стоило красноармейцу появиться с любой стороны, раздавался выстрел, и боец падал замертво. Похоже было, что обороняется целый отряд. А отстреливался Забавин один. Он, как дьявол, носился от бойницы к бойнице. Когда его взяли живьем, перед нами стоял среднего роста крепкий мужчина с темнорусой окладистой бородой, с хитрыми злыми глазами. Смотришь в такие глаза и думаешь: вот сейчас оскалит зубы, бросится на тебя и сожрет.

Привезли Забавина в Иваново-Вознесенскую ЧК и по решению трибунала расстреляли. Оставь такого живым, он бы сотни людей уничтожил.

В 1919 году меня выбрали депутатом Иваново-Вознесенского городского Совета. Какое это было время! Де-

путату надо было делать всё и отвечать за всё. Председателем Совета у нас был старый большевик Иван Петрович Фирстов. Вызвал он меня и говорит:

— Вас, товарищ Юрлов, Совет включил в комиссию по организации субботника. Вместе с вами будет работать инженер Полушкин, товарищ Белов и другие. Надо поднять народ. Потрудитесь, чтобы всё было сделано по-большевистски.

Говорил Иван Петрович спокойно, даже улыбка у него не сходила с утомленного, измученного бессонными ночами и голодом лица. И сделали по-большевистски. На субботник 1 Мая 1920 года вышли десятки тысяч пролетариев города. Вышли с песнями, плакатами, а у самих в животах урчало от голода.

В июне 1920 года назначили меня председателем губернской комиссии по борьбе с дезертирством. Теперь многим и неведомо, что это такое — «губкомдезертир». Да и название покажется подозрительным. Губкомдезертир состоял из председателя, двух членов и двух уполномоченных. При губкомдезертире был свой трибунал. Права нам дали огромные. Решались вопросы не только имущественных репрессий, но и человеческих жизней. В уездах дезертиров были тысячи. В Тейковском и Гаврилово-Посадском уездах дезертиры объединились в вооруженные банды и нападали на сельские власти, громили кооперативы. «Зеленая» братия была труслива, но многочисленна. А страна вела войну с Врангелем, с белополяками. В некоторых уездах комиссии по борьбе с дезертирством работали плохо. Один мой подчиненный, председатель Тейковской уездной комиссии Яков Задумин, сам сбежал к дезертирам. У «зеленых» Яков Задумин болтался несколько месяцев. И вот в один прекрасный день появляется передо мной Яков и заявление на восьми листах подает. Ну, думаю, опомнился мужик, прорвало, ишь сколько написал. Читаю его заявление, а он сидит на табуретке и ждет. Что бы вы думали он написал? Повинную перед рабоче-крестьянской властью? — Нет. Наворочал целую гору доморощенной философии, весь смысл которой сводился к тому, что «убивать себе подобных противоестественно», а потому он отказывается и от службы в армии и от дезертирства. Ну, думаю, спятил мой Яков, где-то задвижка не так закрылась у него в башке. Посмотрел я на него и говорю:

— Слушай, Яков, человек ты семейный и, ради твоей

семьи, пошлю я тебя санитаром в госпиталь, здесь в городе... Вот и не будешь убивать.

— В госпитале, Михаил Васильевич, вылечивают раненых затем, чтобы потом их послать на фронт. Служба в госпитале тоже содействует убийству, — отвечает мне Яков.

— Так ты кто, Яков, — толстовец или дурак, а может из меня дурака хочешь сделать?

— Нет, Михаил Васильевич, я просто противник всякого убийства.

— Как же ты был председателем уездкомдезертира?

— Я ошибался.

— Вот что, Яков, если ты не выбросишь эту дурь из головы, я тебя расстреляю. Иди ко мне домой, согрей себе кипятку, напейся, промой мозги, а потом мы еще поговорим.

Вечером мы с ним сходили на митинг, попили чайку и улеглись спать на одной койке. Разговор вели почти до рассвета. Утром вместе отправились в губкомдезертир продолжать беседу. Твердит, сукин сын: «Служить не буду». Я и так, я и сяк его убеждаю, а он свое — не буду и всё.

— Ну, Яша, делать нечего, — говорю я, — придется тебя пустить в расход, дурак...

Вызвал Павла Гурычева — председателя трибунала — и передал Якова с напутствием: «Расстрелять». Когда Задумин понял, что его ведут всерьез на расстрел, — заорал благим матом, что он всё будет делать и служить будет... Мы его расстреляли. Все равно сбежал бы опять к «зеленым».

Изнурительна была эта работа. Тысячи дел, ежедневно десятки посетителей со слезами, с предложениями взять взятку. Спасала молодость. Больше всего все-таки мучил голод. Спасибо М. Э. Мануильскому. Он у нас губпродкомиссаром был. Хлеба не даст, а табачком выручит. Недавно умер он. В «Правде» работал долго, а потом в «Труде».

Не помню точно 10 или 11 марта в 1921 году, но помню, что это было в воскресенье. Вызывает меня в губком партии Ольга Афанасьевна Варенцова и говорит:

— Товарищ Юрлов, вам надо съездить в командировку.

— Куда, Ольга Афанасьевна?

— В Петроград. Там Кронштадт надо взять.

Милая Ольга Афанасьевна! Она всегда говорила с нами, как родная мать со своими сыновьями. Любили мы ее

несказанно. Сидит обычно усталая, в серенькой кофточке с глухим воротничком и смотрит на тебя умными всевидящими глазами. Жалко ей тебя, тоже измученного бессонными ночами, недоедающего, а виду не покажет, что сочувствует тебе.

— Когда ехать, Ольга Афанасьевна? — спрашиваю я.

— Да часа через три надо выехать.

Всё было просто, ясно и до боли сердечно. Эта женщина никого не понукала, никогда, сколько я её знал, не повышала голоса, но в каждом её слове было столько обаяния, властности... Э... да что говорить. И мы, семьдесят большевиков, лично отобранных Ольгой Афанасьевной, выехали через Москву в Петроград, — брат Кронштадт. Что произошло в Кронштадте, об этом сказал в свое время Владимир Ильич Ленин. Натура мелкого собственника не выдержала, взбесилась. На Украине, в низовьях Волги, в Тамбовщине, да и в других местах шла борьба с бандализмом, а в Кронштадте мятежники 2 марта выбрали свой, так называемый «Временный революционный комитет», во главе с писарем Петриченко, а он назначил царского генерала Козловского начальником обороны Кронштадта. Заводелами всего дела были меньшевики и эсеры — агенты иностранных разведок. Мятежники требовали «беспартийных Советов», «Свободы торговли». В Петроград мы прибыли без задержки. Нам давали, как теперь говорят, «Зеленую улицу». Вместе со мной прибыл и мой дружок Саша Громов. В этот день, когда его Ольга Афанасьевна вызвала в губком, чтобы послать в «командировку», у Саши родила жена. Об этом он Ольге Афанасьевне ничего не сказал. Работал он иваново-вознесенским губернским военкомом. Я его спросил:

— Саша, а как же жена?

— Что как же... Зашел домой проститься, целую её, сына, а она лежит на кровати, крестит меня и говорит: «Не поддавайся, Сашенька, врагам-то».

Саша был невысокого роста, на вид, можно сказать, даже невзрачный. После знакомства с нами в политуправлении Петроградского военного округа Саше предложили заведовать передвижной библиотечкой в Петрограде. Что было, если бы вы видели. Саша как-то мгновенно преобразился. «Вы что, говорит, товарищи, смеетесь надо мной? В германскую войну четыре георгиевских креста я получил за игру в лапу что ли. ВЦИК меня наградил

грамотой за спасение моста через Волгу в Ярославле, когда давили мятеж Савинкова и Перхурова. А вы предлагаете мне с тележкой по Невскому ездить». Разошелся Саша так, что питерские товарищи сразу поняли — перед ними боевой коммунист.

Направили нас с Сашей в 79-ю бригаду 27-й Омской дивизии. Военком Судин объявил, что я назначаюсь политруком роты. Мне тоже сначала показалось обидным. Маловато звание-то показалось. В молодости все мы петушимся. Построил я роту, стал расспрашивать бойцов, кто и откуда, и сразу понял, куда попал. Ладно, что дурь свою военкомбригу Судину не высказал: «Мало, мол, звание-то мне присваиваете». Бойцами роты были крупные политические работники — председатели губернских исполкомов, губвоенкомы. Все они, так же как и я, были посланы в «командировку».

Исходным рубежом наступления нашей дивизии был район Ораниенбаума. Теперь это город Ломоносов. 16 марта стало известно, что наступление назначено на час ночи. Было известно, с нами идут К. Е. Ворошилов и П. Е. Дыбенко. Врагами был пущен слух, что лёд вокруг Кронштадта взорван. Наша разведка этот слух опровергла. Все бойцы были одеты в белые халаты. По льду Финского залива предстояло пройти километров десять. Шли колоннами. Над головами шуршали снаряды дальнобойных орудий. Из мятежной крепости то и дело шарили по льду лучи прожекторов. Луч прожектора шарит, шарит по льду и вдруг задержится на колоннах идущих бойцов, а потом вздрогнет и бежит дальше. Теперь уже не помню, да и тогда вряд ли кто мог точно определить, когда мятежники открыли по нам ураганный артиллерийский огонь. Слишком велико было напряжение. Снаряды ударялись в лед, рвались, образовывали огромную полынью, и всё, что было в этом радиусе разрыва снарядов живого и мертвого, всё шло на дно залива. Но еще больший урон мы несли от дождя чугунных осколков шрапнели. Надо было как можно скорее вырваться из этого ада огня и воды. Колонны бойцов развернулись в цепи. Люди уже не шли, а бежали вперед. Я оказался во главе отряда прорыва. При подходе к фортам мы попали под сильнейший пулеметный огонь. С отрядом человек с полсотни мне удалось прорваться меж фортов в город. Но и тут по нам били из окон большого казарменного здания. Казарму эту

удалось взять уже ночью. Бои шли весь день 17 марта и в ночь на 18 марта. С северной стороны в крепость ворвались петроградские курсанты во главе с К. Е. Ворошиловым. Ночью к нам присоединились матросы с крейсера «Петропавловск».

Утром 18 марта Кронштадт затянуло густым туманом. Мятаж был подавлен. Главари улизнули за границу. 20 марта на Соборной площади состоялся парад. Потери у нас были большие. Наша бригада прямо с парада выступила на станцию Лигово. Когда мы спали, что ели, пили — не знаю.

Начал я разыскивать Сашу Громова. Одни говорят, что Саша вел свой взвод на штурм крепости и был убит, другие говорили, что он только ранен. Что бы с ним ни случилось, я должен был известить его жену. Так мы условились. Оказалось, что он очень тяжело ранен и за героизм награжден был орденом Красного Знамени. А ему хотели тележку с передвижной библиотекой дать.

Оторвусь малость от этих лет. Встретил я Александра Яковлевича в Ярославле в 1932 году и спрашиваю:

— Как живешь, Саша?

— Хорошо живу, Миша. Калека я, конечно, но по финскому заливу со взводом прошелся бы еще разок. Как горячо, как хорошо дрался! — Обнялись мы и заплакали посреди улицы. Люди идут мимо нас, а мы кулаками слезы вытираем.

Михаил Васильевич откашлялся, нагнулся к костру, снял очки, протер их полой гимнастерки и продолжал:

— В Лигове меня назначили помощником комиссара полка, а всю нашу бригаду отправили по маршруту: Петроград — Москва — Рязань — Тамбов — Саратов. Надо было «освободить» страну от антоновых, поповых и прочей дряни. В Саратове получили приказ. Полк был брошен на ликвидацию бандитизма. Об этом рассказывать уже не стоит. Бандитизму окончательный удар нанес X съезд партии, заменивший продразверстку продналогом. Крестьяне, вовлеченные в банды, истосковались по земле и распрощались со своими атаманами. «Нам пахать надо, — говорили мужики. — Большевики — эти за нас, за крестьян. Они войну с немцем прикончили, землю у помещиков отобрали и нам отдали и продразверстку отменили». И уходили по домам.

В июне 1921 года снова вернулся в Иваново. Где ни

броди, а в родные края тянет. Тут вроде каждая берёзка тебе кланяется. Но жизнь-то уже началась мирная. Учителем стал, пединститут окончил, и полюбилась эта работа с детворой. Многие сотни из детворы первых лет моего учительства «дядями», «тетями» стали. Вон какой случай во время Великой Отечественной войны был. Стою я на улице города Ломжи в Польше. Мимо машины с солдатами проходят. Вдруг слышу:

— Дядя Миша!

Озираюсь кругом и не пойму, мне это кричат или кому другому. Ну и слеповат я, конечно, стал. Не сразу и вблизи-то разглядишь. А они, черти, орут:

— Дядя Миша, здравствуй!

Машина уже остановилась, и целая ватага офицеров прет на меня. Спрашиваю:

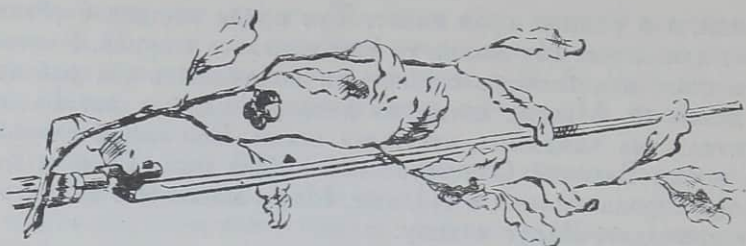
— Кого вам, меня что ли?

— Да, конечно же, дядя Миша, вас. Неужели не узнали? Учили мы у вас в 1929 году в пятом классе.

Ворчу на них... в двадцать девятом, в пятом классе... Разве узнаешь, когда перед тобой brave офицеры, и орденов у каждого из них на груди больше, чем у меня. Ну, конечно, обнялись, расцеловались — и каждый своей дорогой. Надо было добывать гитлеровцев.

...Жизнь голыми руками не возьмешь. Хитрая она. Её понять и полюбить надо. Есть такие люди, которые всю жизнь ходят по одной найденной тропинке. Стоит тропинке кончиться, и тогда в жизни у них тупик, растерянность. Куда идти дальше, они не знают. Мы знали и шли с открытыми глазами. С дороги не сбивались... Ну, что же, пожалуй, на весла надо. Завтра понедельник, работать. Погуляли по Волге-матушке и хватит. Давайте потушим костер. В другой раз ты, Федорыч, расскажешь про свою жизнь. Мне хочется послушать о Якове Михайловиче Свердлове. А ты с ним встречался. Возьмем с собой еще боймана линкора «Республика» — большевика Владимира Ивановича Козлова. Пусть он поведает нам, как ходил на штурм Зимнего дворца.

Мы поднялись на ноги. Было очень темно. Вдали виднелись тысячи электрических огоньков. То была древняя и молодая рабочая Кинешма.

Р. КОВНАТОР

ЗА ЖЕНСКУЮ ДОЛЮ

(Из воспоминаний)

Стояла осень 1918 года.

Однажды в общежитии укома партии в Кинешме, спозаранок, чуть свет, раздался оглушительный стук.

В коридоре слышны быстрые шаги, взволнованные голоса. Пришла Клавдия Частухина.

Дочь старого кинешемского рабочего-большевика, она является «ответственной дежурной» по уксму, а также «ответственным курьером», или, что звучит более торжественно, — «ответственной по поручениям».

Клавдия зря не придет! — Тысяча догадок молниеносно пронеслась в голове. — Звонили из какой-либо волости, — кулацкое выступление? Нападение белогвардейцев? Не так давно отгремел ведь ярославский мятеж. Несчастье в Москве?

— Товарищ Роза, вставайте поскорей!

У Клавдии Частухиной встревоженное, но радостное лицо, в руке листок бумаги.

— Звонили из губернского комитета, к нам приезжает знаменитый женский оратор, товарищ Коллонтай.

Как все настоящие кинешемцы, Клавдия говорит на «о», отчего и весь ее говор получается какой-то круглый,

необыкновенно «вкусный», а юное, совсем детское лицо излучает неподдельный восторг.

Известие о приезде А. М. Коллонтай производит огромное впечатление, ее имя хорошо известно.

В общежитии живут почти все «ответственные работники», и сразу начинается веселый спор: как встретить гостя, чтобы «не ударить лицом в грязь» — ведь кинешемцы гостеприимны и радушны, и где ее устроить, и куда ее повести в первую очередь.

Незадолго до Октябрьской социалистической революции при Петербургском комитете партии по почину А. М. Коллонтай была организована инициативная группа по созыву первой городской конференции работниц. В ее состав входили представители всех районных комитетов партии, профессиональных союзов, крупнейших предприятий.

Была и я членом этой группы. Ежедневно, по субботам, мы собирались в одном из рабочих клубов Петрограда. Неизменным, первым вопросом повестки дня были «доклады с мест».

В этих непосредственных, красочных, живых докладах ясно подтверждался рост влияния большевистской партии, под знаменами которой собирались и женские массы, готовые самозабвенно бороться за власть Советов.

Конференция открылась 18 (5) ноября. На ней присутствовало более 500 делегатов, представлявших около 80 тысяч петроградских работниц.

Уже прозвучал залп «Авроры». Среди делегатов необычайный подъём. Все речи проникнуты верой в то, что начинается новая жизнь, и женщины рабочего класса не будут стоять в стороне. Свои силы они отдадут для победы социалистической революции.

Бурными аплодисментами встречает конференция призывы к организации, к объединению вокруг лозунгов и программы партии. С необычайным воодушевлением принимается единогласно «резолюция об обеспечении материнства», предложенная народным комиссаром А. Коллонтай.

В этой резолюции первая петроградская конференция работниц, выражая чаяния и интересы трудящихся женщин всей молодой Советской республики, ставила вопрос об «изыскании средств для немедленного проведения в жизнь государственного обеспечения материнства».

Работа в инициативной группе, а потом и на самой конференции, выступления известных партийных деятельниц — Н. К. Крупской, А. И. Елизаровой-Ульяновой, А. М. Коллонтай, К. Н. Самойловой, речи петроградских работниц, воплощающих большой жизненный опыт, ознакомление со многими вопросами организационного и социально-бытового характера, всё это было для меня, тогда молодой коммунистки, крайне интересно и поучительно; многое запомнилось, на всю жизнь запечатлелось в памяти...

С А. М. Коллонтай в Кинешме мы встретились дружески, как «старые знакомые». Она приехала не одна, с ней была работница Грачева из Орехово-Зуева, которая поразила ее своим ярким агитационным даром.

Александра Михайловна рассказывает, что по постановлению ЦК партии она совершает агитационный объезд текстильных районов, где в большинстве работают женщины.

Молодая республика Советов переживает тяжелые дни. Империалисты вкупе с буржуазией, белогвардейскими и кулацкими бандами начинали свой крестовый поход против социалистической революции.

Спасение революции и страны было только в одном — в непреклонной борьбе и самоотверженном труде широких народных масс.

Без миллионов и миллионов женщин нельзя было защитить революцию, нельзя было совершить титаническую работу созидания новой жизни.

Организация огромной массы тружениц — крайне актуальная проблема для Иваново-Вознесенской губернии.

Знаменитый на всю страну край текстильщиков был, без преувеличения, центром женского труда.

Наряду с важнейшими декретами советской власти, в первые же дни своего существования провозгласившей суверенные права народов, уничтожение частной собственности на землю и средства производства, национализацию банков, были отменены «низкие и подлые» законы в брачном и семейном праве. Но от этого до подлинного «раскрепощения женщины», до осуществления фактического равноправия — было еще очень далеко. И мы это чувствовали на каждом шагу; очень мало женщин участвовало в общественной жизни.

Мы были уверены, что А. М. Коллонтай, замечатель-

ный оратор, сумеет расшевелить и зажечь работниц. Так оно и произошло на самом деле.

Сейчас, почти сорок лет спустя, помнятся яркие выступления А. М. Коллонтай на городском митинге, на Большой Томненской мануфактуре, на фабрике «Ветка» и на других предприятиях. После докладов живых, доходчивых, бравших за душу, женщины тесной гурьбой обступают Александру Михайловну. Они хотят ей так много рассказать и показать, как им трудно живется...

Об охране женского труда, об охране материнства и младенчества на колушаевско-разуваевских фабриках и не слышали (в Вичуге на Коноваловской мануфактуре существуют крохотные ясли, но это капля в море). Работницы тащат А. М. Коллонтай в казармы; и даже на нее, видавшую виды, они производят тягостное впечатление. Нередки каморки, в которых в огромной тесноте живут две и больше семей; показывают и общие комнаты, в которых на полу на ночь расстилаются половики, одеяла, платье, и на эти импровизированные постели ложатся рядом квартиранты: мужчины и женщины, взрослые и дети...

Сообщаем Александре Михайловне официальные статистические материалы. По данным 1909 года в Кинешемском районе из 100 родившихся мальчиков доживало до 21 года только 45 человек. Детская смертность была огромная, на одну тысячу родившихся умирало до года 356—365 ребятишек...

Все это говорило о мрачных днях власти капитала.

Поздно мы возвращаемся с собраний. Едем полями (ведь кинешемские фабрики были расположены далеко за городом — от 2—3 километров до 12). После душных помещений особенно приятен пьянящий воздух; дни стоят теплые, и нагретая земля хранит тысячи волнующих запахов. Мелькают редкие огни. А. М. Коллонтай только твердит: «Какой здесь непечатый край! Как много, много надо работать, сколько здесь нетронутых сил».

В своих воспоминаниях А. М. Коллонтай пишет:

«После большого митинга в Кинешме, где сотни работниц окружили меня, представителя ЦК большевистской партии, жалуясь на женскую долю и прося научить, что им делать, как жить, работница Анучкина пригласила меня, Розу Ковнатор и работницу Грачеву к себе в комнату чаевничать...» Идея созыва Всероссийского съезда работниц и крестьянок родилась в скромной комнатке тек-

стильщицы Анучкиной за чашкой чая, с черным хлебом и леденцами, вместо сахара... Говорили о трудностях жизни для работниц, о том, что революция хоть и принесла права для работниц, а на деле их надо еще завоевывать... И предложила т. Анучкина: «Созвать бы съезд работниц, да и крестьянок прихватить. Потолковали бы о том, как женщинам использовать свои права. Через съезд втянули бы женщину в советское строительство. Научили бы на деле, как самим себе помочь, да и власть удержать в руках рабочих и крестьян». А и в самом деле, почему не созвать такой съезд? Всем нам пришла в душу эта мысль».

Беседа в комнатке Анучкиной и высказанная старой кинешемской работницей мысль о необходимости созыва Всероссийского съезда, чтобы «обхлопотать женское положение», необычайно взволновали А. М. Коллонтай. Когда на другое утро мы встретились в уюме, Александра Михайловна сказала, что она всю ночь думала о предложении Анучкиной: «Вот уж, действительно, мысль, которая носится в воздухе». Александра Михайловна напомнила, как вскоре после блестяще проведенной первой петроградской женской конференции журнал «Работница» взял на себя инициативу по созыву Всероссийского совещания.

Я до сих пор хорошо помню наши заседания в редакции журнала; нами указывалась даже предполагаемая дата совещания — 8 марта 1918 года.

Члены редакции неспроста хотели приурочить его к первому женскому дню в Советской республике. Но тогда из этого ничего не вышло. Срок был очень маленький, и выдающиеся коммунистки слишком мало могли уделить времени этому делу, они были целиком поглощены важнейшей государственной и партийной деятельностью.

А время было крутое: самые трудные месяцы становления советской власти, брест-литовские переговоры, подготовка к VII съезду партии.

Тем не менее из близлежащих к Петрограду районов, а также из Московской области, приехало 15—18 делегатов.

Несколько коммунисток были даже приглашены на заседавший в эти дни VII съезд партии.

В редакции журнала «Работница» члены редколлегии А. И. Елизарова, К. Н. Самойлова, А. М. Коллонтай

поговорили с делегатками, порасспросили о «положении на местах», дали им много советов,— тем дело и ограничилось...

* * *

— Надо скорей ехать в Москву,— заторопилась Александра Михайловна.— Расскажу в ЦК о своей поездке, о возникшей идее Всероссийского съезда работниц.

А. М. Коллонтай считала результаты своей поездки, свои наблюдения и впечатления очень ценными.

Тепло провожали кинешемцы Александру Михайловну. В «ярко освещенной» двумя керосиновыми лампами столовой общепития укома, после скромного ужина, собрались все в тесный круг.

Александра Михайловна, оживленная, возбужденная, с интересом слушает рассказы старых коммунистов о замечательных делах кинешемских большевиков в годы подполья.

Героически вели себя и кинешемские работницы. С неподдельным юмором, красочно рассказывает коммунистка Павловская о стойкости женщин во время забастовки летом 1914 года. Чтобы сломить волю забастовщиков, фабриканты решились на крайний способ воздействия: разбросать плиты на кухнях (ведь рабочие и работницы жили в хозяйских казармах) и отнять у работниц возможность готовить себе пищу.

— Без горячих харчей рабочие и вовсе долго не продержатся,— таков был их поганный,— как говорит т. Павловская,— замысел.

Но работницы этого не испугались. С шутками, прибаутками, вместе с рабочими, даже детишки помогали, таскали они из ближайшего леса и роши хворост и раскладывали огонь. Три месяца промучились, но стачку выиграли.

А как прекрасно держались работницы в предоктябрьские дни во время большой стачки, охватившей весь Иваново-Вознесенский район. Работницы входили в стачечные комитеты и пикеты. Они горячо приветствовали победу Советов.

Поток рассказов кажется нескончаемым...

Потом поют протяжные волжские песни, читают стихи Скитальца:

Я хочу веселья,
 Радостного пенья...
 Я хочу рубиться,
 Мстить с безумной страстью —
 Оттого, что долго
 Был покорен злым.
 И хочу любви я,
 И хочу я счастья —
 Оттого, что не был
 Счастливым и любим!

Всё это звучит неожиданно и прекрасно. Оказывается, Скиталец здесь — поэт популярный. Здесь запросто поют его «Колокольчики-бубенчики»; и вот сейчас, расстроенные встречей и прощанием с А. М. Коллонтай — «товарищем из центра», печально и торжественно звучит песня на слова Скитальца:

Ну, товарищи, должны расстаться мы:
 Выпускают нас из матушки-тюрьмы...
 Поклонитесь вольной-воле да ветрам,
 Всем поволжским златоглавым городам,
 Поклонитесь Волге матушке-реке...

Здесь горды тем, что Скиталец в одном из своих произведений с любовью упоминает Кинешму за ее красивые берега, за изумительную, прозрачную тишину Волги в этом месте.

У А. М. Коллонтай блестят слезы на глазах, и ее смущение достигает небывалых размеров, когда на прощание ей и товарищу Грачевой преподносят по красной головке голландского сыру и несколько жестяных коробочек ландрина... В Кинешме и представления еще не имеют о том голоде, который уже переживают в Петрограде и в Москве.

Клавдия Частухина, несмотря на протесты, сует Грачевой кулечек сухарей: «Ну, как не совестно... Бери, бери, ведь это от всей семьи Частухиных...»

* * *

Едва ли неделя прошла после отъезда московских гостей, как из ЦК пришла телеграмма, в которой сообщалось, что я включена в члены бюро работниц при ЦК партии по созыву съезда работниц и крестьянок, и чтобы немедленно приехала в Москву.

На другой день я была уже у А. М. Коллонтай. Здесь

я впервые познакомилась с Инессой Федоровной Арманд. Ее благородное лицо, достоинство и простота обращения сразу подкупали.

А. М. Коллонтай в своих воспоминаниях об этих днях писала: «Работа закипела. Собиралось бюро у меня в комнате, в гостинице «Метрополь». Крыша здания протекала, и в комнате было очень холодно. Питались яблоками и чаем. Яблок было много, а хлеба не было. Благодаря вмешательству Якова Михайловича Свердлова нам отвели для работы пустой магазин в первом этаже 2-го Дома Советов. Не топленный. Стол круглый, ножка сломана, шатается. Ничего! И на таком столе писали наши первые воззвания, статьи в газеты, резолюции к Съезду».

Бюро в своей работе неизменно имело поддержку Я. М. Свердлова.

К. Т. Новгородцева вспоминает: «В его приемной, во ВЦИКе, рядом с наркомками, председателями губисполкомов, часто можно было встретить А. М. Коллонтай и В. П. Голубеву, они шаг за шагом вводили Свердлова в курс работы, вместе обдумывали первые инструкции, и в них не было и одного слова, не согласованного с Яковым Михайловичем».

Получив инструкции и, разумеется, мандат с полномочиями провести выборы на съезд по всей Иваново-Вознесенской губернии, я уехала обратно.

Весть о созыве съезда была встречена встревоженно.

Эту большую работу можно было провести в крайне ограниченные сроки только потому, что все партийные организации по указанию ЦК очень активно взялись за нее.

И в Иваново руководители губернского комитета и уездных комитетов партии помогали коммунисткам в организации и проведении собраний.

В органе губкома, в газете «Рабочий край», печатались заметки и была выделена даже целая страница, в которой и я поместила большую статью о задачах съезда. В Кинешме уком выпустил специальное обращение к работницам.

Выборы делегатов проходили на предприятиях, по профсоюзам, на городских митингах и конференциях.

На конференцию кинешемских работниц приехали даже представительницы из Пучежа и Юрьевца. Конференция прошла с большим подъемом, и, как сообщалось в

отчетах тех дней, «были посланы приветствия Бюро ра-
ботниц и Карлу Либкнехту».

Вместе с т. Анучкиной ездили в Вичугу. На собрание
пришло много мужчин. Представители «сильного пола»
встречают выбранных делегатов в штывки.

— Что же теперь нам, мужчинам, капут?

— А кто щи и кашу будет варить?

— А ребят пеленать? — раздается насмешливый голос.

— А стирку бабы отменяют? — в тон несется из дру-
гого угла.

Выступаем, разъясняем.

Ох, как злится Анучкина! Как ярко говорит она о
«загубленной женской доле». Рабочий страдал от поли-
тического бесправия, от жестокой эксплуатации фабри-
кантов.

— Но кто не измывался над нами? — в голосе ее зву-
чит горькая слеза.

— Этого больше не будет. Революция дала нам все
права, а женский съезд научит, как их использовать на
благо Советской республики, своей семьи, своих детей, ну
и мужиков, если они не будут дураками, — заканчивает
она под смех собрания.

Мы возвращаемся поздно, делимся впечатлениями, и
уже перед самым расставанием Анучкина говорит мне
устало и печально:

— Конечно, темнота женская большая — наша поме-
ха. Но я тебе скажу, великим тормозом среди женщин
является мужчина.

* * *

В Кинешме, помню очень ярко, выборы крестьянок-де-
легатов в нескольких волостях.

— Мы хотим поехать на съезд, а то мы до сих пор жили
темные, как бутылки, — сказала одна крестьянка на жен-
ском сходе в Комаровской волости.

Прошли выборы и в Семеновско-Лапотной и Георгиев-
ской волостях.

Женское собрание назначено в Шуе, большом пролетар-
ском центре. Здесь народу собралось так много, что не
только превзошло все ожидания организаторов (ведь все
еще был силен предрассудок, что женщина не интересуется
политикой), но нельзя было уместиться в большом по-

мещении Дома народа и пришлось устроить несколько собраний «по очереди». Сбились с ног от усталости, но удовлетворение было колоссальное. И здесь тоже зажигающие выступления, и во всех речах, пылких, тревожных, недоменных и даже просто жалобных, красной нитью проходит мысль: до чего же хорошо, что созывается Всероссийский съезд, который научит работниц и крестьянок строить новую жизнь.

Особенно мне запомнились Нюра Комарова, маленькая, подвижная, веселая девушка, работавшая в укоме, и ткачиха Шура Иванова. Шура Иванова была старше нас. Высокая, полногрудая, она потеряла мужа на войне и жила с матерью и дочкой. Я у нее ночевала, и, утопая в огромной, точно корабль, перине, слушала историю ее жизни. Она рассказывала, что после пережитого горя счастье ей готово опять улыбнуться, но с избранником сердца у нее нет согласия «по текущему моменту». Как быть? Под этот вопрос, горестный и искренний, я так и уснула.

Одна из избранных делегатов на прощанье вручила мне толстый лист бумаги со своим стихотворением «Мысль пролетарки». Заявляя, что она «чистокровная пролетарка», вместе с жалобами на одиночество, на то, что ей «тяжеленко», она писала: «но в борьбе я тверда, мысль одна у меня — жить!..»

Из Шуи проехала в Иваново. Здесь секретарь губкома РКП(б) Д. А. Фурманов много помогал коммунистам во всей предвыборной работе. И в письме, присланном мне, он сообщал, что выборы по фабрикам проведены, проведены беседы «по этому вопросу с представителями фабрично-заводских ячеек и комитетов», т. е. все партийные и профсоюзные организации были включены в эту важнейшую политическую работу. 8 ноября в «одной из обширнейших фабричных столовых», — как писал Фурманов, — должна была состояться моя лекция «Задачи женщины-работницы в Советской России».

Поезд страшно опаздывал, еле-еле полз. Стояла ранняя, неожиданно крепкая зима; в вагоне, освещенном копилкой, было холодно. Я грустно думала, куда я денусь ночью в незнакомом городе, тем более, что я насквозь продрогла в легком пальтишке и давно уже поела «хлебушка», который с большой душевной теплотой (но, к сожалению, в очень малом количестве) мне дали шуйские друзья..

Была уже ночь, когда поезд подошел к Ивановскому перрону. Не успела я сделать несколько шагов, как передо мной буквально выросла стройная фигура молодого человека, почти юноши. Он был очень хорош собой, подтянутый, с блестящими карими глазами, белозубый, разрумяненный от мороза. Это был Дмитрий Фурманов.

— Ну и задали вы нам хлопот! Наши женщины встречали вас утром, думали вы приедете из Кинешмы. Мы догадались потом позвонить в уком, нам сказали, что вы уехали в Шую. Я уже второй раз приезжаю на станцию. Опаздывают очень поезда, ничего не поделаешь, — со смущенной, как будто виноватой улыбкой сказал Фурманов. — Да зато я прокачу вас на губкомовском выезде, — шутя добавил он. И действительно, у вокзала стояли санки, которыми Дмитрий Андреевич правил сам.

Это было, как в сказке. Город спал, кругом лежал глубокий снег, кое-где мелькали отдельные огоньки. Пока мы ехали до губкомовского общежития, нам не повстречался ни один человек.

Ночлег мне был приготовлен в комнате заведующей общежитием. Дородная, добрейшая женщина истопила свою комнатку на славу. Кровать с двумя перинами и множеством подушек высилась точно трон, на стене много фотографий и карточек с цветами, а на столе, покрытом плетеной салфеткой, в голубой стеклянной вазочке-«сухарнице» лежал ландрин и на тарелке дымились еще теплые оладьи.

Угощение мне показалось великолепным, да и Фурманову оно было, видно, по душе. Отогревая свои озябшие пальцы о стакан чая, он выспрашивал, как прошли собрания в других районах, что говорили женщины, повторял наиболее удачные и меткие выражения из выступлений. Я показала Фурманову стихи «Мысль пролетарки», врученные мне шуйской делегаткой. С братской нежностью держал Фурманов этот листок в руках и несколько раз говорил: «Золотые, золотые у нас люди...»

Собрание в Ивановне явилось не только завершением, но как бы апофеозом всей нашей предвыборной кампании.

Оно было прекрасно организовано. Чистое, нарядно убранное помещение (флаги, зелень и даже цветы) было битком набито еще задолго до начала. Женщины нарядны, — которые постарше — в хороших шляпах, в добротных шерстяных платьях; на молодых — яркие кофточки,

пестрые юбки. Кроме докладчика, выступают представители губкома партии — старые ивановские большевики, работницы-текстильщицы. Всё очень торжественно, подёмно, красиво. Выбраны делегатки, но собравшиеся долго не хотят расходиться. Поют песни революционные, народные, даже в пляс пустились...

* * *

В Тейкове, Кохме, Середи, Родниках укомы также провели женские собрания, на которых были выбраны делегатки.

— Вот теперь мы уже сможем обхлопотать наше женское положение — таков лейтмотив всех выступлений. «Обхлопотать женское положение», — под этим подразумевается одно: научиться пользоваться правами, которые Великая Октябрьская революция дала работнице и крестьянке.

Ивановская делегация на съезде была довольно внушительной. Этот факт засвидетельствован и в партийных документах. Так, Центральный Комитет РКП(б) в инструкции «По созданию комиссий по агитации и пропаганде среди работниц», направленной всем комитетам, организациям РКП, после окончания съезда писал:

«Участие на съезде приняли почти все губернии Советской России. Особенно хорошо представлены были промышленные районы (текстильные, махорочные и пр.)».

* * *

Время было тяжелое, голодное. Из-за железнодорожной разрухи, из-за того, что в ряде мест хозяйничали кулацкие банды, — не верилось, что женщины рискнут отправиться в далекий, трудный и подчас не совсем безопасный путь. Самые ярые оптимистки считали, что соберется человек 300—400. Однако к их словам относились недоверчиво. Но жизнь опрокинула все наши расчеты и предположения и лишней раз показала, какие великие неизрасходованные силы, жаждущие своего применения, воплощения в делах, таятся в широких женских трудящихся массах.

На съезд прибыло 1147 делегаток. Делегатки представляли огромную армию, не менее миллиона женщин. Это

была изумительная демонстрация доверия народа к партии! В эпоху величайшего потрясения и страшной разрухи тысячи женщин из самых далеких, глухих углов — многие из них никогда не выезжали за пределы своего села, района или города — смело двинулись в Москву, чтобы там решить, как им перестроить свою жизнь по-новому.

Подавляющее большинство приехавших были работницы, но были делегатки и от крестьянок.

В настоящее время у нас и по внешнему виду трудно отличить городскую работницу от колхозницы. Рост духовной и материальной культуры, зажиточность благотворно сказались на обоих и почти уничтожили различие между ними. Не то было в 1918 году, когда крестьянки в массе были гораздо менее сознательными, гораздо более отсталами, нежели работницы.

Одетые по-зимнему, в самодельных тулупах, в лаптях, повязанные большими деревенскими платками, крестьянки на первых порах и держались как-то неуверенно, робко. Но это вскоре прошло, и на съезде они заговорили громким голосом. Они заявляли о своих нуждах, просили Советское правительство и Коммунистическую партию научить их бороться с деревенскими богатеями, кулаками-мироедами, на деле пользоваться своими правами, «упрочить свое женское положение».

Делегатки все прибывали. Никто не ожидал такого наплыва: разместить их представляло невероятные трудности. Наконец, устроили: по двое на одной кровати. Хлебный паек и питание были очень скудными, но никто не роптал.

В общежитии шумно, весело. Без конца рассказы и разговоры. Все понимают, что со старым покончено навсегда. И женщина больше никогда не примирится с подневольным трудом, с жизнью в четырех стенах «своего» дома. Нет, она хочет принять участие в строительстве новой советской жизни. Как это сделать? Все уверены: «Съезд научит!».

На одной кровати петроградская работница учит группу крестьянок петь «Интернационал».

Наконец, наступил торжественный день открытия съезда. Из общежития, где жили делегатки, со знаменами отправились к центру города. В Доме Союзов, тогда самом большом и красивом здании Москвы, должны были

происходить заседания первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок.

Можно сказать, что Москва впервые видела такое большое и организованное шествие женщин и восхищенно смотрела на него. И бывший зал Благородного собрания в своих стенах тоже впервые видел такое собрание женщин из народа.

Сохранился фотографический снимок съезда. Почти все сидят в верхней одежде, в платках: была суровая осень 1918 года, здания не отапливались.

На съезде много пожилых женщин, их лица изборождены морщинами, но как ясно и молодо блестели глаза.

Самым волнующим и значительным событием съезда было выступление Ленина. Уже в первый день в президиум полетели десятки, сотни записок. Все выражали огромное желание увидеть Ленина, послушать его. Ленин приехал на третий день работы съезда, 19 ноября. Трудно передать охвативший всех восторг и энтузиазм.

Ленин стоит на трибуне, но не может произнести слова. Съезд, точно море в час прилива, вскипает все новой и новой овацией в честь Ленина, самого великого и самого простого, самого человеческого из всех людей.

Когда, наконец, Ленин начинает говорить, в зале стоит непередаваемая тишина, ясные, чистые слезы радости застыли у многих. Мы не дышим, стараемся не пропустить ни одного слова.

Ленин заявил, что «не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия».

После речи Ленина весь съезд, стоя, поет «Интернационал».

Слова Ленина прозвучали гимном освобождения женщины и дали, по существу, программу деятельности.

Повестка съезда огромная. Был заслушан ряд общеполитических докладов: «Задачи работниц в Советской России» (А. М. Коллонтай), «Коммунистическая партия и работница» (К. Н. Самойлова), «Работница в хозяйстве народном и хозяйстве домашнем» (Инесса Арманд). Стояли и доклады, которые особенно близко затрагивали интересы женщин: «Семья и коммунизм», «О социальном воспитании детей», «Об охране материнства», «О детском труде», «Жилищный вопрос» и некоторые другие.

На съезде выступали ивановские работницы и даже одна крестьянка, делегатка Георгиевской волости, Кинешемского уезда. Добрым словом и дружескими аплодисментами была встречена текстильщица Анучкина, о которой справедливо и не раз упоминалось как об инициаторе этого замечательного съезда.

По поручению нашей Ивановской делегации я выступала в жилищной секции, которую вел т. Владимирский. Я рассказала о скученности и вообще о нездоровых жилищных условиях, в которых живут рабочие и работницы всей губернии, но так как мне более всего был знаком Кинешемский район, то я подробно говорила об отвратительной, неприглядной обстановке в рабочей казарме. Наши делегатки просили меня особенно настойчиво подчеркнуть необходимость построения новых светлых жилищ.

После констатирующей части «что рабочие продолжают по-прежнему жить в тех нездоровых и тесных помещениях и что рабочие не проявили достаточной самостоятельности в деле выселения буржуазии из их помещений и передачи их рабочим» был такой пункт:

«Необходимо, чтобы государство поставило своей задачей постройку новых зданий и целых поселков, и в первую очередь вблизи фабричных центров, расположенных вне городов».

Всесторонне, сперва в секции, а затем на пленарном заседании съезда, обсуждался организационный вопрос. Съезд нашел счастливую организационную форму — создание женских комиссий и секций при Советах, профессиональных союзах, крупных заводских и фабричных комитетах, создание делегатских собраний из работниц и крестьянок, которые затем, в течение многих лет, явились великолепной школой политического и культурного просвещения женщин.

Обновленные, с огромным приливом энергии разъехались делегатки по местам. Женщины, помня заветы Ленина, показывали чудеса героизма и самоотверженного труда. Съезд реально подвинул фактическое раскрепощение женщины: в первую очередь, в городе было организовано много яслей, детских садов, начата большая работа по борьбе с женской неграмотностью, по поднятию квалификации женского труда.

С энергией и присущим ивановским товарищам раз-

махом началась работа среди женщин по всей губернии. Был организован женотдел при губкоме, при уездных комитетах партии, в некоторых местах даже были выделены организаторы по работе среди крестьянок. Примером в организации этой интересной и крайне важной работы явилась Кинешма, где организатором по работе среди крестьянок крайне удачно была назначена старая ткачиха Павловская. Она скромно говорила о себе: Я знаю жизнь рабочую и крестьянскую». Человек большой жизненной хватки, глубоких наблюдений, она доказывала, что женские собрания и вообще организация крестьянок будут верным средством расслоения бедных и кулачек. Очень запомнился (тогда же записанный мною) один её рассказ:

«Кулачки на сход в шальях приходят, отдельно сидят. Как заговорят, сразу на них кричать начинают и говорить им не дают».

В одном районе волости должны были состояться перевыборы Совета. Велась предварительная агитация, и женщины в количестве 48 человек пришли на сход организованно, выставив одного кандидата. Мужчин пришло 50 человек, и под давлением кулаков был выставлен в кандидаты прижимала, бывший трактирщик. Крестьянки подняли шум против него.

— Да что вы, бабы, понимаете, он — добрый, в прежнее время 200 человек кормил.

— Да тем-то и плох, что 200 человек кормил, себя бы одного кормил».

В результате чрезвычайно энергичного и настойчивого поведения крестьянок им удалось привлечь на свою сторону несколько крестьян, и прошел кандидат «женской части схода». Весть о бабьей победе разнеслась по всей волости и дала толчок крестьянкам других районов и деревень ходить на сходы.

Женотдел ЦК в партийном издательстве «Коммунист» в начале 1919 года выпустил специальный сборник «Коммунистическая партия и организация работниц» (пособие для пропагандисток), посвященный Всероссийскому съезду. В нем были напечатаны резолюции съезда по всем обсужденным вопросам, а также более десятка статей виднейших деятельниц женского движения. Тут были статьи: Клары Цеткин — «Социальное обеспечение матери и ребенка в Советской России», Н. К. Крупской — «Работница

и народное образование», А. М. Коллонтай — «Как и для чего был созван 1-й Всероссийский съезд работниц», «Права работниц в Советской России», И. Ф. Арманд — «Работа среди женщин пролетариата», «Маркс и Энгельс по вопросу семьи и брака», «Женское рабочее движение и война» и др.

Ивановские товарищи были довольны, что в этом сборнике была помещена и статья автора этих строк «Положение работниц в Кинешемском уезде».

* * *

Мои связи с дорогими товарищами, с которыми мы провели такое интересное и важное дело, как подготовка к первому съезду работниц и крестьянок, не прекратились и после того, как я уехала из Кинешмы. Приятной и радостной неожиданностью явилось для меня письмо, полученное уже в 1921 году.

Вот лежит и сейчас передо мной пожелтевший лист бумаги, но всё еще сохранивший ясное, четкое письмо... И столько воспоминаний он рождает в душе, столько волнующих, щемящих переживаний...

«16. II. 21 г.

Добрый день, дорогой товарищ Роза. Передо мной сейчас лежит орган отдела ЦК ВКП по работе среди женщин «Коммунистка» № 1—2. Только что прочла вашу работу под названием «Красный уголок»¹ и задумалась... А также в свою очередь хочу и вам напомнить и о себе. Дорогой товарищ, вспомните Шую, Иваново-Вознесенской губ., и там работницу Иванову, вы еще у меня ночевали ночку и мы были так откровенны в моем рассказе про мою жизнь. Вы, наверное, не забыли и моей личной жизни, в которую я вас посвящаю. Первое, со мной в продолжение этого времени произошла перемена, а именно, я, наконец, сошлась с тем, которого любила... Муж мой очень хороший, сознательный, убеждения у нас одни, так что на почве партийности сталкиваться не приходится, и он мне очень и очень много дает духовной пищи...»

Шуйская ткачиха, которая счастлива, что она в браке обрела духовное единство с любимым человеком и не сталкивается с ним «на почве партийности» — это прекрасное

¹ Это была моя статья о Кинешме.

свидетельство новых глубокочеловечных отношений, которые создавала социалистическая революция.

Шура писала, что в октябре 1919 года она уехала с мужем в Оренбургскую губернию. Муж ее работал «по довольствию», а она организовала отдел по работе среди женщин; там она «сильно заболела сыпным тифом». Вспомним, что то было начало «крестового похода» передовых пролетариев за хлеб... Письмо, которое Шура прислала мне, было с Украины, где она тоже работала среди женщин. Шура очень красочно и ярко описывала тяжелое положение украинской селянки. С горечью она писала: «Несмотря на существующую советскую власть на Украине и на то раскрепощение женщины, каковые дала наша Коммунистическая партия, украинская селянка и до сих пор за спиной куркуля (кулака) изнемогает, а, главное, много переносит от закоренелого крепостника (мужа, брата, отца и т. д.).»

Все-таки, хотя и при тормозе, мы пробивали здесь дорогу к раскрепощению женщины. Все-таки мы, хотя и с трудом, но понемногу вызволяем её из-под опеки мужа и кулака».

Это письмо, кажется мне, прекрасно характеризует духовный облик нашей работницы, боевой женотделки 20-х годов, глубоко и тонко чувствующей, безраздельно преданной делу партии.

И еще раз с необычайной живостью прошли передо мной незабываемые дни подготовки к съезду работниц.

В начале 20-х годов, когда я уже работала в советской печати, мне пришлось быть в Госиздате в Москве, который тогда помещался на Рождественке.

— Ба, землячка! — слышу радостный голос Фурманова, — идемте, идемте, потолкуем.

Фурманов вводит меня в свой «кабинет», крошечный, напоминающий капитанскую рубку. Но он отличается от всех издательских комнат: поражают удивительный порядок, чистота, тишина. Даже нелепая фанерная перегородка кажется здесь у места.

После нескольких вопросов на «текущие темы», интересующие нас обоих, мы переходим к давнишним, бесконечно дорогим временам и нежно вспоминаем Иваново, Кинешму, Шую, дни нашей юности.

А. ГУРЬЯНОВ

СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ...

ПАДЕНИЕ ЦАРЯ

Об отречении от престола Николая кровавого и его возможных наследников местные власти с. Тейкова не спешили оповестить население.

— Авось, все образумится,— надеялись они,— неужто можно без царя?

Но шила в мешке не утаишь. 1 марта эта радостная весть пришла из Иваново-Вознесенска. Начались манифестации. Приехавшие из Питера студенты вместе с приказчиками разъезжали, как угорелые, по единственно большой улице села на извозчиках, обнимались на базаре с крестьянами, пели революционные песни, кричали: «Ура! Да здравствует свобода!»

Гимназисты прямо на улицах целовались с барышнями, а младшеклассники с поломанными козырьками фуражек в открытую тянули папиросы. Каждый свободу понимал по-своему.

Тейково — большое промышленное село, и неудивительно, что политическую жизнь населения направлял десяти тысячный коллектив рабочих текстильной фабрики.

Еще до революции 1905 года здесь создалось крепкое ядро большевистской организации. Помощник начальника жандармского управления докладывал в те дни своему шефу:

«В Тейкове целое социал-демократическое гнездо, причём людей, исповедующих не только Маркса, но и нового «пророка» Ульянова—Ленина...

К настоящему времени в Тейкове проживают социал-демократы: Шестагин, Коротков, Ашанин, Сучков, Соловьев, Махотин, братья Лебедевы, Козлов и другие»...

В день получения известия о свержении самодержавия в квартире большевика Фролова собралась партийная группа.

— Слов нет, радостно на душе, что нет больше тирана,— говорил Фролов, открывая собрание.— Да как знать: окончательная ли это победа? Сегодня через Иваново-Вознесенское общество потребителей «Единение — сила» получено известие о том, что меньшевистско-эсеровская верхушка Петроградского Совета пошла на сговор с буржуазией. Создано Временное правительство во главе с крупным помещиком князем Львовым. От него нечего хорошего ждать. Стало быть, революция только начинается. Мы обязаны рассказать рабочим и особенно крестьянам правду.

Партийная группа решила провести митинг. Выступить на нем поручили меднику механической мастерской фабрики Сучкову.

Громкий гудок фабрики Каретникова слышен в округе на десятки верст. Необычно долго гудел он на следующий день.

— Нет, это не на заработку,— говорили крестьяне, которые привыкли тоже жить по фабричному гудку. Так он обычно призывал к забастовке.

В стыке смен кончившие работу не уходили домой, пришедшие на смену оставались у ворот. Откуда-то появились на алых полотнищах знамена с призывами, выражавшими самые сокровенные, долгожданные чаяния народа: «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Хлеба!».

Потянулись к фабрике и приехавшие на базар крестьяне. Начался митинг. Забравшись на бочку, Сучков поздравил рабочих с падением самодержавия, с обретенной свободой. Его слова тонули в возгласах ликования пятитысячной толпы.

Сучков стоял смущенный, поглядывая на ликующую толпу, и не заметил, как к трибуне стали пробираться представители старой власти: становой пристав, полицейские, казаки...

— Кто разрешил собираться? Не позволю! — кричал казачий вахмистр. — Расха-адись!

Но эти слова уж никого не трогают, не пугает леденевшая раньше душу команда: «Казаки, разогнать!»

— Зря волнуетесь, господин казачий вахмистр, — говорил подошедший с группой рабочих Фролов. — Нет у нас больше ни царя, ни его наследника, ваше время прошло. Новое правительство едва ли успело приказать разгонять рабочие митинги. Чего ж вы торопитесь?

Подошедший к приставу управляющий фабрикой что-то шепнул на ухо. Тот закивал головой, откозырял и, повернувшись к полицейскому наряду и казакам, подал команду:

— Отставить службу... Вольно-о-о!

Митинг шел своим чередом...

— Царя уже нет и не будет, — произнес Сучков, — я думаю, мы и без него управимся?

— Конечно! — закричал кто-то из толпы. — Долой самодержавие, долой царя!

— Эх, хватился того, чего нет, — захохотали в толпе.

— А Сучков продолжал:

— Что прежде всего надо сделать, товарищи? Разоружить полицию и казаков. Охрану фабрики и порядка взять на себя.

— Правильно! — поддержали сотни голосов.

Партийная группа предлагает по примеру иваново-вознесенцев в 1905 году избрать Совет рабочих депутатов...

— Принять! Правильно! Действуйте! — выкрикивали из толпы, одобряя предложения партийной группы.

Митинг оглашался громкими возгласами. Больше всего кричали женщины. Война была всем ненавистна, и особенно женщинам-работницам, которые преобладали на митинге. Женщине война ненавистна вдвое, втрое, вчетверо, трудно даже сказать во сколько раз. Это она, женщина, страдает за мужа, за брата, за сына. Это она видит голодных детей. Это она получает похоронное известие, остается вдовой и матерью сирот.

— Мужиков с фронта! — все громче и громче кричат работницы. — Отцов к детям, до-м-о-ой!

— А землю-то нам как? — спрашивают присутствующие на митинге крестьяне. — Не забудьте к нам в деревню делегатов из большаков послать. Они, слышь, за землю мужикам.

После митинга началась манифестация. Заколыхались знамена, рабочие шли стройными рядами. У многих на груди появились красные бантики. По-новому, свободно неслись в весеннее небо революционные песни. Уж не далекой мечтой, а задачей сегодняшнего дня звучали слова первого рабочего марша:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Бывшие властители, полицейские, торговцы, все, у кого ценности водились в сундуках и кубышках, попрятались по домам. Зато вышла на волю беднота, дети, весь народ... Вышла из подполья и большевистская организация. Старое рухнуло.

На следующий день, выполняя волю рабочих, Сучков собрал уполномоченных больничной кассы, активистом которой он был с момента ее создания в 1912 году. На заседание уполномоченных больничной кассы, как единственной в то время общественной организации в Тейкове, были вызваны местные власти. Приставу Сучков предложил немедленно собрать на площади полицейских и казаков для сдачи оружия.

— Вчера вы слышали на митинге об этом. Такова воля народа, а это теперь высший закон.

Пристав согласился, но на всякий случай решил спросить разрешения у земского начальника. Земский начальник категорически воспротивился этому. Тогда Сучков, посоветовавшись с товарищами партийцами, земского начальника арестовал. Пристав, почувствовав силу на стороне рабочих, струсил, выстроил на площади полицейских и казаков, вокруг которых собралась многотысячная толпа. Пристав хотел было отдать рапорт Сучкову, но тот приостановил эту комедию и именем революции и народа предложил положить оружие. Не осмелились послушаться бывшие царские слуги. Отобранное оружие передали боевой дружине рабочих, зачисление в которую производилось тут же. Рекомендации в боевую дружину давали присутствующие коммунисты, а о тех, кто был мало известен, Сучков спрашивал у стоящих людей:

— Как ваше мнение, товарищи, достоин Петров быть дружинником и носить революционное оружие? — И если отвечали — достоин — «новобранцу» вручали оружие.

5 марта на делегатском собрании рабочих избрали Совет рабочих депутатов, в нем было обеспечено твердое большинство коммунистов. Председателем избрали только что вернувшегося из ссылки большевика Ивана Александровича Мухина. Ему же было поручено восстановить профсоюз, закрытый властями в 1910 году.

Не дремал и Невядомский — пайщик фабрики Каретникова. Приехав в Тейково, он в течение недели восстановил деятельность реакционных организаций вроде «союза приказчиков», «добровольной пожарной дружины», «союза торговцев», и на их базе создал комитет «общественной безопасности». Так уже после организации рабочей власти появился мертворожденный орган Временного правительства.

Рабочие прямо говорили, что этот орган — Временное правительство — не может обеспечить революционные цели, так как по рукам и ногам связано империалистическими путами англо-американского капитала. И как ни меняй его состав, антинародная и антиреволюционная сущность его останется. Министерской чехардой и парламентаризмом черного кобеля не отмоешь добела.

— Можно ли верить Временному правительству, — спрашивает Сучков на этом собрании, — если его органы на местах ведут двурушническую политику? Шуйские рабочие арестовали махрового монархиста, председателя местного союза Михаила архангела, а органы Временного правительства выпустили этого прохвоста, взяв с него слово сидеть дома и ходить только в церковь.

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ

В село Паршино съехались крестьяне двадцати деревень. Почитай, вся волость собралась слушать «делегата». Вместо трибуны — пожарная бочка. На ней Сучков разъясняет крестьянам программу большевистской партии по земельному вопросу.

— Скоро, — говорит он, — нам придется много людей выбирать. И гласных в волостное земство, и в Совет, как мы в городе выбирали... Так вот знайте: только одна пар-

тия, партия большевиков стоит за мир, за настоящую свободу, за землю крестьянству. Вот это и есть программа большевистской партии. От того, кому вы отдадите свой голос, будет многое зависеть...

— Большевики — это верно, что рабочая партия, а у нас, крестьян, есть своя, мужицкая...

Все обернулись. Это говорил прямо с лошади только что подъехавший человек в полувоенном костюме со стеклом в руках.

— Наша партия — это партия трудового крестьянства...

— Что это еще за партия! — раздались возгласы.

— Это партия социалистов революционеров, наша, крестьянская, она предлагает социализацию земли...

Оратор говорит хлестко, слова его жгучи, выражения крылаты, видно, выступает он не впервые. Слушают его внимательно, даже хлопают. А богатеи, что стоят в стороне у амбара, кричат:

— Правильно! Партию эсеров — к власти! А большевики — раз они за мир, мы не против них, только пусть они в городе власть держат...

«Вот прохвосты, ловкачи, — думает про себя Сучков. — А все-таки ничего у них не выйдет. Мужика дешево не возьмешь. Он фактам верит, ему земля нужна».

— Вот вам господин эсер понравился, — заявил Сучков. — Ничего не скажешь, складно он выступает. Только что это он вам не говорит, как они землю-то собираются крестьянам отдать: так или с выкупом?

— С каким выкупом? — заволновались крестьяне. — На какие это шиши?

— На какие шиши — дело хозяйское, — продолжал Сучков. — А как вы думаете: кто выкупную цену да сроки платежей назначать будет? Вы что ли? Как бы не так! Сами знаете, не бывать этому. Ну, раз не вы, так помещики все назначат и помощников себе найдут... Вот и выходит землю-то выкупят те, у кого капиталы есть. Хоть у вас, наверно, тоже припасено...

— Да, припасено! — кричит женщина, — как у Егорки бобыля: в одном кармане вошь на аркане, в другом — блоха на цепи.

Присутствующие хохочут, но все же как-то невольно оборачиваются в сторону, где стоят богатеи; показывая на них, мужик в солдатской шинели говорит:

— Ну эти — особая статья. Они не только землю вы-

купят, но и помещиков с потрохами заберут, дай им только волю. Если помещикам дать выкуп, они не останутся в накладе. За землю денежки получают, фабричку заведут или скупные лабазы откроют. Теперь такая мода повелась. С денежками-то помещик сумеет на мужика хомут одеть.

— А ты чей взялся? — кричит мужик от амбара.

— А! Не знаешь меня. В этом дива нет. Семь лет на царской за веру в царя и отечество отслужил. По чистой вышел. Солдаты наказывали: землю брать без всяких выкупов, фабрики рабочим отдавать безо всякого сомнения...

— Подавитесь землей, — закричали у амбара кулаки, — все равно впрок не пойдет... лежебоки...

— Это уж мы слышали, — ответили сразу несколько голосов. — Не в первый раз говорят, что бедняк от своей лениности беден. Только дабавить забывают, кто ж на кого работает: кулак на бедняка что ли?

К пожарной бочке не спеша пробирался пожилой человек. Наступила тишина. Видно, знали его и уважали во всей округе.

— Вот что, миряне... — начал говорить старик, — мне девять десятков годков стукнуло... Сам со счета сбился. Сколько царей пережил, министров разных, а урядников так пропасть. Крепостное право помню... Вот тут рабочий правильно говорил про землю-то. А что ему и не говорить правильно. Кто они, мил человек, рабочие-то? Наши ж парни. Поглядишь, идет, то с той, то с другой деревни... Да все беднота... Нам, мужики, земля нужна! — И, немного подумав, старик опять сказал: — Да, земля, без выкупа, немедля... А раз большевики за это, мы, значит, с ними.

— Правильно, дед Онисим, — раздался многоголосый крик, — а кто за землю с выкупом, пусть к эсерам идет.

— То-то! — продолжил, ободренный Онисим. — Оно, конечно, свобода и прочее там хорошо... Ничего не скажешь, правильно. Только вот революция, которая дает землю с выкупом, она, конечно, нам не с руки. Вроде бы Федот-то Федот, да не тот.

Оратор сменял оратора. Эсер не решался больше выступать.

Обратно Сучков возвращался вместе с эсером. Оба шли пешком. Эсер ворчал:

— Это нечестно с вашей стороны... Мы же с вами вместе идем... Мы же оба представляем трудовые партии...

— Так и давайте делать,— ответил Сучков,— то, что трудовому народу надо, а вы качаетесь, болтаетесь, под ногами путаетесь...

Эсер зло посмотрел на Сучкова, остановился, подтянул седло, вскочил на лошадь и ускакал. Сучков рассмеялся.

— Нервишки сдали. Ненадолго ж хватило, господин эсер...

Позднее стало известно, что крестьяне села Паршино проголосовали за список № 6, избрав в уездное земство большевиков, в числе которых был и Сучков.

В КАНУН ВЕЛИКОГО ДНЯ

В двадцатых числах августа, первого и последнего года «властвования» Александра IV — так прозвали рабочие Керенского,— Сучков делегатом от тейковцев выехал на Всероссийское демократическое совещание в Петроград.

Но совещание неожиданно было перенесено на конец сентября, а меньшевистско-эсеровские организаторы совещания признали полномочия Сучкова недостаточными. Присутствовавший при этом один из меньшевистских лидеров Дан так и сказал:

— Сколько же вас, рабочих, сюда понагнали большевики... Чего вам здесь делать? Без вас обойдемся. Поезжайте домой и спокойно ждите решения вашей судьбы.

— Как бы не так,— ответил Сучков,— уж коль вы нас, большевиков, представителей рабочих, не пускаете на совещание, то ждать от вас чего-нибудь хорошего не приходится.

— Нахал! С кем вы разговариваете? — злобно закричал Дан, не привыкший к такому резкому отпору.— Это безобразие!..— И, хлопнув дверью, выбежал из комнаты мандатной комиссии.

Но это не смутило Сучкова. Получив в городской думе ордер на проживание в лицее Георгия, Сучков все же решил добиваться мандата на совещание. В лицее жило около сотни солдат фронтовиков и матросов, также не допущенных на демократическое совещание. Правды и защиты они решили искать в Смольном, который в эти дни жил напряженной жизнью.

Перед входом в Смольный было бесчисленное количество людей — больше солдат, матросов и рабочих. Кто-то

кого-то окликал, кого-то звал, куда-то отправлял, кого-то ругал, встречал...

— Словно у нас перед фабричными воротами, — подумал Сучков, — как во время смены рабочих.

В Смольном помещался большевистский ЦК, Петроградский Совет рабочих депутатов. Несмотря на то, что из документа Сучкова явствовало, что он и большевик, и депутат Тейковского Совета, и облечен особым доверием рабочего митинга, все же красногвардейцы-путиловцы наотрез отказались его пропустить.

— Добивайся, товарищ, ярлычка, — сказали они нарочито официально. — А без него пропустить не можем. Сам понимаешь — революционный порядок.

Неожиданно в стороне Сучков заметил группу рабочих, перед которой выступал человек с небольшой бородой, в очках, очень напоминающий одного из подпольщиков, не раз приезжавших в Иваново. Дождавшись, когда знакомый человек куда-то отправил группу рабочих, Сучков окликнул его:

— Товарищ Макар? Ты что ль? Здорово! Чего здесь делаешь?

— А-а! Вы, Сучков, кажется? Здравствуйте, здравствуйте. Только теперь я не Макар, а снова как родителем окрещен. Стало быть, будем опять знакомы, — и он засмеялся, представляясь: — Ногин Виктор Павлович! Вы как сюда попали?

— Я вот, Виктор Павлович, на демократическое совещание приехал, от шеститысячного митинга рабочих наказ привез, чтобы, значит, всю власть Советам. Ну, а меня даже в Смольный к своим не пускают.

— Это мы сейчас все уладим, — ответил Ногин. — А что на демократическое совещание не пустили, так тут все ясно. Там не за власть Советов ратовать собираются. А вас мы живо к делу пристроим. Свои люди сейчас нужны до зарезу.

В Смольном так же, как и снаружи, кипела жизнь. Сучков увидел, как чуть ли не в каждой комнате кто-то с кем-то совещался, спорил. Висели записочки о том, что идет заседание фракции, комитета, комиссии или просто: «просим не входить: все спим». Попав в Смольный, Сучков так там и остался, выполняя различные поручения, чаще всего Ногина, а то и тех, кому он подвернется под руку в большевистской фракции.

На первом же заседании он вручил свой наказ кому-то, сидевшему за столом вместе со Свердловым, и остался послушать.

В день открытия демократического совещания выступил Керенский... У входа в Александринский театр собралась большая толпа. Правда, на улице не было слышно, что говорилось с трибуны совещания, но специальные люди, расставленные цепочкой из здания до площади, передавали основные мысли выступавших ораторов. «Передатчики», видимо, из эсеров, напирала на крылатые острые словечки, которыми была богата речь Керенского, адвоката по профессии и артиста по замашкам. Сучков пробрался к самому входу в момент, когда Керенский вышел из театра и стал садиться в открытую машину. В толпе раздались жидкие крики «ура!», видимо, кучки эсеров, людей в шляпах и пенсне. Но были тут люди и в простой рабочей одежде. Керенский встал в автомобиле, поднял руку и решил произнести речь. Едва он произнес: «Свободные, граждане России» — как его прервали взрывы смеха, свист, выкрики:

— Долой керенщину! Ты, актер, кончай войну! Кончай спектакль!

Это подавали свой голос рабочие, матросы, солдаты-фронтовики. Со всех сторон сыпались злобные выкрики. Громче всех шумели солдатки:

— Отдавай, сукин сын, нам мужей! Хлеба давай! Войну кончай! — наседала, забираясь в автомобиль, остроносая бойкая женщина. — Где наши мужики, спрашиваю, в окопах гниют?

После таких «приветствий» Керенский струсил. Решил, что его выступление перед этой аудиторией будет бесполезно. Он по-барски ткнул шофера в спину и поспешно уехал. Шкура была дороже вежливости. Настроение рабочих и матросов напоминало пороховую бочку, которая могла взорваться в любую минуту. Это быстро сообразил Керенский.

Сучков так увлекся выполнением заданий Ногина, что не заметил, как октябрь пошел к концу. События в Питере разворачивались со сказочной быстротой. Собрался уезжать и Сучков. И неожиданно перед самым отъездом встретился с Владимиром Ильичем Лениным.

Эта встреча была очень короткая... Но вместе с тем она осталась на всю жизнь в его памяти. Впоследствии Суч-

кову неоднократно приходилось слушать выступления Ленина, даже лично побывать у него по делам фабрики, но каждое слово первой встречи, каждый взгляд запечатлелись навеки.

Поздно ночью 24 октября, возвратившись после выступлений на солдатском митинге, Сучков около сотой комнаты в Смольном увидел группу людей, а среди них человека с завязанными зубами. Сучкова удивило то, что этот человек, у которого, казалось, так болели зубы, уж очень радостно улыбается. Когда он стал раздеваться и вместе с шапкой засунул в карман свой парик, окружающие чуть ли не в один голос воскликнули:

— Ленин! Ильич!

Вскоре Владимир Ильич в сопровождении группы товарищей зашел в комнату большевистской фракции, Сучков последовал за ними. В комнате за столом сидели Свердлов, Калинин и еще несколько человек, которых Сучков не знал. Владимир Ильич Ленин, оглядевшись кругом, сел и спросил:

— А что делается сегодня в предпарламенте?

Кто-то ответил Владимиру Ильичу, что сегодня, как и всегда, выступили эсеры, меньшевики, клеветали на большевиков.

— Это не наш орган,— бросил замечание Ильич.— И вообще эту шваль пора разгонять.

Сучков было с возмущением начал рассказывать о том, как его, депутата от шести тысяч рабочих, да еще с наказом передать всю власть Советам, не пустили на совещание...

— Потому-то и не пустили,— улыбаясь, заметил Ленин,— что за власть Советов.— И, встав, сказал: — это последние дни керенщины.— Затем, обратившись к Свердлову, спросил:

— Известно ли, Яков Михайлович, из каких губерний здесь есть большевики, которые еще на демократическое совещание приехали?

И когда Яков Михайлович ответил, что есть из Владимира, Твери, Украины, очень много прибыло матросов, солдат, то Владимир Ильич предложил разослать агитаторов на вокзалы, к Александринскому театру и к фронтовикам. Сучков со своим дружкой теяковцем Дадыкиным уже порадовались, что они сейчас получают задания и останутся в Питере, но неожиданно для них Владимир Ильич

рекомендовал приезжим из других губерний немедленно выехать на места с подготовленным специальным поездом.

— Неужели мы здесь лишние? — обиженно спросил Сучков.

— Нисколько, — быстро, повернувшись к нему, ответил Ленин. — Вы здесь были бы не лишние, но на местах вы более нужны. Поезжайте, товарищи, там большие дела вас ждут.

И по тому, что делалось в Питере, и по тому тону, с которым давал эти небольшие указания Ильич, Сучков понимал, что дело идет о чем-то большом, серьезном, долгожданном и решенном, что вооруженное восстание, о котором разболтали в «Новой жизни» предатели Зиновьев и Каменев, — дело не только решенное, но и практически осуществляемое.

Через час Сучков вместе с другими находились по дороге к Москве, а 26 октября он был уже в Шуе. Там ему подали мандат, в котором указывалось, что он очередным заседанием земского собрания избран кандидатом в гласные Владимирского губернского земского собрания... Мандат был подписан председателем Шуйской земской управы М. В. Фрунзе.

Перед отъездом во Владимир Сучков решил заехать на один день в Тейково. Во время его рассказа о петроградских событиях в партийный комитет пришли рабочие пикетчики и сообщили, что получено извещение об аресте министров Временного правительства и о заключении их в Петропавловскую крепость. Юнкера и офицеры разоружены.

Ночью Сучков уехал во Владимир.

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

С контролем над производством на фабрике Каретникова обстояло как будто благополучно. Рабочие исправно следили за тем, чтобы никто не тащил ни материалы, ни оборудование, за тем, чтобы вовремя заготавливалось и возилось топливо, чтобы не простаивало оборудование и укреплялась дисциплина.

Предприятие работало неплохо, и, казалось на первый взгляд, ничто не угрожало хозяйству. Однако беда подкралась негаданно. Банк все чаще и чаще стал задержи-

вать выплату заработной платы и оплату необходимых счетов за красители и хлопок. Обычно это объясняли тем, что управление фабрики, которое находится в Москве, не выставляет соответствующих кредитов. Действительно, фабрика была в Тейкове, а управление находилось в Москве. Управляющий фабрикой Невядомский был одновременно заправилкой и в московском союзе фабрикантов. Фабричный комитет и партийная организация предложили Сучкову выехать в Москву.

— Там, на месте, все посмотрите, разберитесь, отыщите дырку, куда уходят денежки, — напутствовал Сучкова Иван Иванович Коротков. — Невядомский там что-то колдует, надо обязательно вскрыть, что они замыслили.

Помещение правления фабрики находилось в том же доме, где и союз фабрикантов, на Никольской.

— Здравствуйтесь, господа! — подчеркнуто вежливо поприветствовал Невядомский рабочих, а Сучкова он встретил ехидной усмешкой.

— Здравствуйтесь, Алексей Михайлович, — с деланно-ласковой иронией ответил Сучков. — Что-то реденько стали заглядывать в Тейково. Аль зло имеете?

— Что вы, что вы! Как можно? А вы соскучились, решили проведать?

— Да, — продолжая игру, ответил Сучков. — Но мы не только проведать, жить и работать здесь собираемся.

— Я вас не понимаю, — озабоченно произнес Невядомский. — Что вы еще там затеяли?

— Да ничего Алексей Михайлович. Вы же знаете, я председатель рабочего контроля, это мои товарищи — члены комитета. Знакомьтесь, прошу вас.

И Сучков стал представлять всех по очереди, заставив тем самым Невядомского с каждым поздороваться за руку. Представляя товарищей, он тщательно называл имя, отчество, фамилию, а их рабочую специальность произносил как графский титул. Эта церемония бесила Невядомского, но сделать он ничего не мог. Обстоятельства обязывали быть корректным. После представления членов комитета Невядомский спросил:

— Долго вы намерены пробывать?

— Сколько потребует дело. Мы ведь здесь будем контроль осуществлять.

— А-а! Вон что, — деланно-радостно сказал Невядомский. — Пожалуйста, пожалуйста. По правде говоря, мы

вас ждем давно, да смотрим, что-то замешкались. Мы вам отведем специальное помещение.

— Нет, Алексей Михайлович, мы уж разместимся здесь, в вашем кабинете. Вы не беспокойтесь, мы не стесним вас. Мы ведь вместе будем работать.

— То есть как вместе? — удивленно спросил Невядомский.

— Да так. Мы же вас будем контролировать, как же порознь-то?

— Ну уж, если вы по-другому не можете контролировать, — ехидно сказал Невядомский, — то это как вам угодно. Пожалуйста, размещайтесь.

По распоряжению Невядомского в кабинет внесли несколько столов. В громадной комнате в одном углу разместился рабочий контроль, а в другом — сидели хозяева Каретников, Бангалло, Беляевский, Невядомский.

— Класс перед классом, — засмеялся Сучков, когда из комнаты вышел Невядомский, а потом заговорщическим голосом заявил: — А что же мы, братцы, все-таки делать-то будем? С чего начинать? Ведь как ни говори, а в этом деле мы, как в темном лесу. Зря не взяли никого из фабричных конторщиков. И самое, пожалуй, скверное, что Невядомский догадывается о том, что мы примитивно принимаем контроль. Ну, посмотрим, что будет завтра. Утро вечера мудренее, а пока потребуем бумаги, сделаем вид, что все в порядке, и будем писать.

— Чего писать? — спросил боязливо Смирнов.

— Чего хошь, то и пиши.

Бумаги принесли издевательски много, на целую жизнь хватит, да не таким писакам, как здесь собрались. А канцеляристы, принесшие бумагу, как бы невзначай обронили: «Пожалте, товарищи из шпионского комитета, пишите».

Это, по всей вероятности, уже была работа Невядомского. Члены рабочего контроля добросовестно сели за столы и погрузились в думы, делая вид, что каждый что-то пишет. На самом же деле кто рисовал чертиков, кто зайчиков, а Сучков без конца писал две-три фразы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

— Хоть домой поезжай, — проговорил Сучков, — и кричи на всех перекрестках, что не знаем, что делать.

Но решение все же напрашивалось: завтра идти в Московский комитет партии и попросить прислать кого-либо

в помощь. Кроме того, надо всем разойтись по фабрикам: тут ведь и Прохоровка, и Даниловка, и Циндель. У них, может быть, опыта больше, помогут. И обязательно надо послать телеграмму, чтобы прислали кого-нибудь из бухгалтеров.

Мысли прервал вошедший Невядомский. Посмотрев на старательно пишущих, он с издевкой спросил:

— Пишете? Не секрет, что?

— Нет, секретно, — ответил Сучков, перевертывая свой лист бумаги.

То, что подсказали коммунисты с московских фабрик и товарищи из Московского комитета, не было чем-то особенным, но буквально огорошило членов рабочего контроля.

— Вы что же, контролировать приехали работу управления или охранять своих хозяев? Сами-то ведь они ничего не делают, аппарат для этого есть. Они с вами любезничать даже будут, а их помощники вам всю фабрику развалят. Зеркало всех дел — бухгалтерия.

С этого и начали.

Достали по пачке махорки на брата и начали так трубокурить, что к вечеру Невядомский попросил разрешения перейти работать в другой кабинет.

Стало вольготнее. Можно было перекинуться словом, задать друг другу вопрос, просто поговорить, поделиться мыслями, а главное, не сидеть, как на иголках, и не рисовать козликов. Потом сами же над собой смеялись.

На следующий же день, словно по приглашению, правда еще с оглядкой: не видит ли кто — стали забегать, как бы невзначай, мелкие служащие. Они высказали свои личные обиды и мало помалу вводили членов контроля в курс дела. Они рассказали о важнейших разделах учета, о банковских операциях, о том, что и в каких книгах записано, где и на чем можно жульничать. Но особенно ценно то, что они рассказали, как в последнее время под видом зарплаты компаньонам текут деньги. А куда — неизвестно. Эти мелкие служащие мало что знали сами, но они могли натолкнуть на правильные мысли. В частности, от них Сучков узнал, что банк не имеет права оплачивать чеки управлений, не подписанные рабочим контролем, а сейчас кто-то за рабочий контроль расписывается, надо полагать, подставное лицо. Об этом рассказал младший кассир, заменявший старшего во время его болезни.

«Так вот оно в чем дело,— подумал Сучков.— Кажется тут-то и мы откроем зарытую собаку. Не здесь ли и есть та самая дырка, через которую наши народные денежки текут».

От радости Сучков пришел в такое волнение, что незаметно для себя начал свистеть. Тут же написали бумажку в банк о запрете оплачивать чеки со старыми подписями. Но встретилась новая трудность — бумагу надо было заверить. Пошли в наркомат промышленности, где заверили документ и узнали, что наркомом работает тот самый Ногин, которого Сучков встретил в Смольном в предоктябрьскую ночь. Вечером вся компания была у Ногина, он посвятил их в некоторые тайны экономики, и, самое главное, они вместе наметили программу действий. На прощанье Ногин сказал:

— В случае чего, товарищи, сразу ко мне.

На следующий день главный кассир управления, аккуратный старичок, служивший фирме верой и правдой около сорока лет, вернулся из банка необычно рано. Он не пошел, как всегда, за стеклянную перегородку, где стояли сейфы, не сел, как обычно, пересчитывать принесенные пачки денег, теперь уже исчисляемые в миллионных купюрах, а прошел прямо в кабинет правления к Невядомскому. Денег сегодня в банке ему не дали.

— Выходит в точку попали,— заметил Сучков.— Ну, друзья, надо держать ухо остро, не промазать, они другой выход искать будут.

Вскоре в кабинет рабочего контроля зашли Невядомский с Каретниковым и как-то подчеркнуто вежливо поздоровались со всеми. Держали они себя внешне спокойно, хотя по красным пятнам на лицах была заметна их большая взволнованность.

— Вот тут чеки, господа, надо завизировать,— сказал Невядомский.— Теперь порядок такой заведен.— Видно, он не догадывался, что Сучков по этому вопросу вполне в курсе дела.

— Какой чек? — спросил Сучков, едва сдерживая радостное волнение и думая про себя: «ага, голубчики...» — И снова спросил: — на какие надобности чек, Алексей Михайлович?

— Этот вот чек на зарплату служащим управления, а это авизо на зарплату рабочим фабрики.— И мы, члены правления, имеем право на зарплату.

— Ну как, товарищи члены рабочего контроля, подписываем оба чека? — спрашивает Сучков. — Потом он обращается к Невядомскому: — Алексей Михайлович, тут все правильно, промашки не будет?

— Что вы, помилуйте!.. Попрошу еще счет завизировать. Это за красители.

— А они получены? — спрашивает Сучков, хитро щура глаз. Он уже знает, что это «липа», так как за красители деньги платились уже два раза. Обращаясь к члену рабочего контроля, он добавляет: — Надо бы проверить. Товарищ Смирнов, сегодня же свяжись с фабрикой и узнай: откуда, какое количество, на какую сумму, когда получены и оприходованы красители. А то мы можем одно и то же по десять раз оплачивать народными деньгами.

— Как народными? — вспыхнул Невядомский. — Кто здесь хозяин?

И сразу же осекся, сник, очевидно, вспомнив, что самые важные счета и чеки еще не подписаны. Взяв себя в руки, он заискивающе проговорил:

— Иосиф Гаврилович, тут еще счет по перерасчету с фирмами за прошлые годы и на выплату зарплаты компаньонам фирмы.

Сучков даже вскинул глаза. В голове мелькнула мысль: «Признал, голубчик, имя, отчество вспомнил, значит силу нашу почувствовал. Много же тебе было надо сил собрать в себе, чтобы до этого дойти: Оську Сучкова, своего рабочего, называть по имени и отчеству». И посмотрев на счета, ответил спокойно:

— Не можем мы, Алексей Михайлович, оплачивать перерасчеты прошлых лет, ввиду полной неясности вопроса. Оплатить просит Ерема, а получать, может, придется Фоме. А что касается выплаты зарплаты компаньонам, да еще в таких огромных суммах, то простите, господин Невядомский, это дешевая работа, да и вас многовато. За дурачков нас считать изволите? О том, что вы хотите хозяевам дивиденды, которых, кстати нет, под видом зарплаты выдавать, так об этом ваш кучер Савватей и то догадается.

Невядомский вспыхнул, бросил чеки на стол и, схватившись за голову, выбежал: не выдержал роли. В жизни многое бывало, но такого он не помнил.

— Черт знает что такое, — истерично кричал Невядом-

ский в соседней комнате, — что это за правительство, распустили хамье, всюду лезут, до всего им дело. Брошу все к черту, пусть все гибнет, пусть большевики сами управляют промышленностью.

А Сучков в это время, многозначительно переглянувшись с товарищами, искренне радовался первому успеху и был счастлив, что дело пошло на лад, хотелось плясать, петь, делать что угодно, писать... «Да, да, — думал он, — немедленно надо послать телеграмму в Тейково, что все же удалось ползучего гада поймать, наступить ему на хвост... Пусть теперь извивается в истерике. Не дадим растащить добро, сердце не дрогнет и раздавить гадину».

Первая ступень, когда надо было караулить общее добро, не давать тащить через ворота, была пройдена. Теперь предстояло учиться бороться с растаскиванием ценностей через чековую книжку банка. Но это оказалось труднее. Правда, и тут как будто начали справляться.

— Только все-таки, друзья, — сказал Сучков, — без служащих нам будет трудно. Хозяева могут пойти в обход новыми путями, которые для нас неведомы. Они будут осторожны и впредь умнее. Правильно Виктор Павлович предупреждал, что служащие не все одинаковы. Из двухсот человек, глядишь, десятка три-четыре на нашу сторону встанут. А вот кто именно?

Вспомнили о том, что мелкие служащие называли пять фамилий крупных специалистов, не настроенных против рабочих и советской власти. Вот, если бы их перетянуть на свою сторону, тогда за ними пойдет добрая половина служащих.

Начали с того, что небольшой группе мелких служащих прибавили зарплату. А Невядомский по этому поводу покричал, покричал, но все же вынужден был подписать приказ.

Это подняло авторитет рабочего контроля. Вскоре произошел и другой случай. Рабочий контроль потребовал увольнения трех наиболее антисоветски настроенных служащих. Невядомский, зная по опыту, что Сучков настойчив, выполнил и это требование. Эффект был большой. Служащие стали открыто заходить в комитет контроля. Невядомский понял, что он промазал, но когда спохватился, было уже поздно.

Но надо было атаковать главную крепость — старших

бухгалтеров-плановиков. Пригласили «китов» и прямо без всякой дипломатии от имени рабочих обратились за помощью.

Прямое обращение неожиданно возымело действие. Оказывается, стоило высказать доверие, как часть честной интеллигенции пришла на помощь к рабочим. Правда, двое демонстративно ушли, а двенадцать остались, обещали помощь и сразу посоветовали:

— Возьмите на проверку, — говорил старый бухгалтер, — инвентаризационные описи и сделайте сверку с наличием. Вы обнаружите, что начался процесс разбазаривания наиболее ценного, почти не восстанавливаемого оборудования.

Они посоветовали проверить банковские счета. На первый раз этого было немало.

Потребовали инвентарные книги, их оказалось очень много. Теперь не смутить этим рабочий контроль. Во-первых, терпение и труд все перетрут, а самое главное — помогают служащие. И число их изо дня в день растет. Контора как-то раскололась на две части, причем, та сторона, где сидит рабочий контроль, растет, а та, которая саботирует, — уменьшается.

Так учились хозяйничать сами рабочие. В процессе проверки была вскрыта неприглядная деятельность Невядомского. Он успел не только выкачать ценности, равные своему паевому вкладу, но кое-что и за своих компаньонов. Будучи припертым к стенке, он обещал представить оправдательные документы, сославшись на то, что они у него находятся дома, а сам на следующий день исчез из Москвы навсегда. Он понимал, что морочить голову было уже бессмысленно. Вскоре его видели в Орле.

На своей квартире Невядомский оставил записочку:

«На сегодня моя карта бита, не с того козыря пошел. Но игра не проиграна, еще встретимся».

Правление фабрики после бегства Невядомского решили перевести в Тейково. Для этого дали одиннадцать вагонов.

— Увезли мы все, товарищи, — докладывал Сучков на заседании фабкома. — Но самое ценное: с нами часть служащих. Особенно отрадно, что нам стал помогать инженер Владимир Николаевич Кованько.

Так кончилась московская миссия рабочего контроля.

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА

После того, как основной пайщик и заправила фирмы Невядомский скрылся, рабочим ничего не оставалось делать, как принять на себя управление фабрикой. Дело осложнялось тем, что оставались другие пайщики, а декрета о национализации фабрики не было.

Фабрикой стал управлять фактически комитет рабочего контроля во главе с Сучковым. Под руководством фабкома и партийной организации быстро навели порядок. Восстановили демонтированную граверную мастерскую, вновь пустили отбельную, прекратили растаскивание ценностей, уволили саботирующих специалистов. Вместо главного механика стал с успехом работать слесарь Крайнов; вместо саботажников-заведующих фабриками выдвинули молодых техников Масленникова и Перегудова. Техническое руководство производством возглавил Владимир Николаевич Кованько.

Рабочие трудились с большим подъемом, как, пожалуй, не работали никогда, и жизнь вошла в привычную колею. Однажды пришло извещение о том, что в Нижнем-Новгороде можно получить хлопок, который еще прибыл с осени и не разгружен с барж. Сучков выехал туда немедленно. Со своими товарищами по комитету рабочего контроля он организовал отправку в Тейково двух эшелонов хлопка.

Но, несмотря на то, что фабрика хорошо работала, имелось сырье и топливо, полный комплект рабочих и склад был заполнен готовой продукцией, а банк не оплачивал счета. Чеки подписывались только комитетом рабочего контроля, но пока не было декрета о национализации фабрики, требовалась и подпись хозяев. Ее они ставить отказывались. Три месяца рабочим не выдавали заработной платы. Нечем было платить и крестьянам, привозившим дрова и торф. Однажды они крепко взяли «в топоры» Сучкова.

— Что ты за хозяин? Будешь платить? — наседали они. — Али опять обманешь?

— Будут деньги, товарищи, скоро будут, — говорил Сучков и как бы для правильности своего заявления добавил: — ей-богу, будут!

А сам в это время думал: «Откуда же им взяться? Разве мануфактурой расплатиться? — мелькнула у него мысль. — Ее-то у нас много. Нет, нельзя, государству нужна. Не имеем мы права сами распоряжаться...»

Обо всех нуждах партийный комитет написал комиссару промышленности Ногину. Тот не замедлил ответить, что в этом может помочь только Совнарком. Через несколько дней Ногин вызвал Сучкова телеграммой в Москву.

— Ну, что вы там, товарищи, намудрили?—спросил он его.— Нету денег у государства. Кто там из хозяев остался? И на моей ведь душе грех, знал о ваших делах, даже советовал. Надо идти к Владимиру Ильичу и рассказывать всё, как есть, начистоту.

Ногин тут же связался по телефону с секретарем Ленина. Узнав, что с Ногиним должен приехать рабочий из провинции, Владимир Ильич назначил встречу на 1 час дня. По дороге в Кремль Ногин наказывал:

— Ты смотри там, Сучков, молчи, а то наговоришь на свою и мою голову... Я уж сам, всё расскажу.

— Пожалуйста,— обиженно протянул Сучков,— обскажывай. Мне деньги надо... А Ленина мне бояться нечего.

В комнате перед кабинетом Ленина женщина, взглянув на часы, указала на дверь, приглашая пройти. Владимир Ильич встал из-за стола, обошел горку с газетами и книгами, поздоровался с пришедшими и пригласил сесть обоим в большие, глубокие мягкие кресла. Сам же вернулся к столу, сел в плетеное кресло и, расправляя рукой газету, приготовился слушать. Ногин начал докладывать.

— На Тейковской фабрике, Владимир Ильич, вот уже три месяца не выдают рабочим заработную плату.

Ленин даже вскочил с кресла. Недоуменно глядя то на Сучкова, то на Ногина и, опершись одной рукой на стол, как-то тревожно спросил:

— Что случилось?

— Да видите ли, Владимир Ильич, рабочие захватили фабрику,— сказал Ногин, вставая,— декрета о национализации нет. Правда, один из компаньонов бежал, но другие на месте...

— Как захватили? — задал вопрос Владимир Ильич. — Почему вы допустили такую анархию?.. Ведь это чистой воды анархия...

Владимир Ильич, заложив руки за спину, начал быстро ходить по кабинету. Время от времени он останавливался то перед Ногиним, то перед Сучковым, разводил руками, пожимал плечами, а потом, обратившись к Ногину, ска-

— Вы же, Виктор Павлович, комиссар... Вы отвечаете за эту анархию. Забрать фабрику не трудно, подписать ордер на ее конфискацию еще легче, а вот что с ней делать? С этим шутить нельзя. Придется за это виновных наказывать и вас, Виктор Павлович, в первую голову, как комиссара. Ну, а как хоть работаете-то? — неожиданно спросил он.

Сучкову очень хотелось сказать самому, что на фабрике вроде все в порядке. Рабочие трудятся с подъемом, как никогда, дисциплина на высоком уровне... Но, вспомнив строгий наказ Ногина, нахмурился. А Ногин стал пояснять:

— Не плохо работают, Владимир Ильич. И товару порядком наработано, сырье и топливо есть...

— Что хорошо работают — это замечательно, очень замечательно, — сказал Ильич, и в глазах его уже заискрилась улыбка, — и все же это анархизм. А вы кто? — вдруг спросил он у Сучкова.

— Я председатель комитета рабочего контроля, большевик. Фабрику не забрать нельзя было. Фабриканты начали разорять ее, демонтировать, приостанавливать работу, а потом главный компаньон сбежал. У нас дело-то вроде идет, только денег нет, банк не дает. Нам дрова мужик везет, доверяет, значит, нам, а платить нечем. Рабочие-то молчат, что не платим, сознательные, значит, а мужики наседают.

— Наседают, говорите? — уже, смеясь, спрашивает Ленин. — А вы, голубчик, думали, как же так? Нет, с мужиком так дело не пойдет. У него все ясно: дрова привез — плати деньги. — Подумав немного, Ильич снова обратился к Сучкову и с хитрецей спросил:

— А вот, если бы вам, рабочим, фабрикант не платил заработную плату три месяца, что бы вы сделали? А?

— Забастовали бы, Владимир Ильич, — ответил, ничего не подозревая, Сучков. — Непременно забастовали бы. Как можно три месяца!

— Ага! — улыбаясь, сказал Ленин. — Очень хорошо. — И, приблизившись к Сучкову, сказал: — Вот видите, что бы вы сделали... А советскому рабочему что прикажете делать? Тоже бастовать? Но ведь он этой возможности лишен! Бастовать-то против себя — бессмыслица. Ну, а если захватили фабрику, сумеете и удержать. Скоро сами будете управлять,

Во время беседы Виктор Павлович волновался, он то вставал, то садился, боялся, как бы чего Сучков не сказал лишнего.

Владимир Ильич взглянул на часы, видно, что-то вспомнил, начал прощаться.

— Смотри что вышло,— ворчал по дороге Ногин.— От Ильича нагоняй получили. Ты понимаешь от кого? От Ленина!

— Стало быть, за дело,— ответил Сучков.— А вот про деньги-то так и забыли сказать. Как я поеду без денег домой?

Когда они вошли в кабинет Ногина, на столе неистово звонил телефон. Виктор Павлович взял трубку.

— Слушаю... Да, я... С каретниковской фабрики? Здесь. А, что?.. По распоряжению председателя Совнаркома приказано выдать деньги? Сегодня же... Хорошо. Все сделаю... До свидания, товарищ Абрамов.

— Это главный бухгалтер банка,— сказал, улыбаясь, Виктор Павлович.— Владимир Ильич за вас поручился.

— Видал?— произнёс Сучков.— Мы вот от нагоняя расстроились и забыли о деньгах, а Ленин-то не забыл рабочих...

Через час Сучков получил денег два полных мешка, а через четыре часа он со своими товарищами ехал домой.

По приезде в Тейково партийным комитетом немедленно был созван митинг рабочих. Председательствовавший на митинге Иван Иванович Коротков предоставил слово Сучкову, который и рассказал обо всем, ничего не скрывая.

— Наука разная бывает,— начал свою речь Сучков.— Одна бывает за партой, другая— в жизни. Вот и пришлось мне прослушать персональный урок от Владимира Ильича. И думается мне, что весь смысл нагоняя, который нам дал Ильич, заключается не в том, что мы проявили инициативу и взяли фабрику в свои руки, а в том, что мы проявили недисциплинированность и самовольство. Инициатива-то у нас была хорошая, да вот государственной дисциплины не было.

— Понятно!— кричали рабочие. И добавляли:— надо просить Владимира Ильича национализировать нашу фабрику, да напишите, что не подведем мы советскую власть, без хозяина справимся.

Через месяц на имя Тейковского Совета пришел пакет

с постановлением Совета Народных Комиссаров о национализации каретниковской фабрики.

Так тейковские рабочие стали хозяйничать сами.

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ВЫСТРЕЛ

На одном из собраний, посвященных памяти Ленина, Сучков рассказал о предательском выстреле на заводе бывшего Михельсона.

...По делам рабочего контроля осенью 1918 года Сучкову пришлось почти на два месяца задержаться в Москве. В Московском комитете партии ему выдали пропуск на право посещения партийной фракции Московского Совета. Здесь Сучкову посчастливилось не один раз слушать Ленина. Однажды даже Владимир Ильич узнал его и спросил:

— Здравствуйте, как работает ваша фабрика? Справляется сами? Заработную плату рабочим платите?

— Справляемся, Владимир Ильич, и заработную плату платим. С топливом вот плоховато, ну да уж как-нибудь выкрутимся.

Пропуска на эти фракции Сучков и сейчас бережно хранит, как напоминание о незабываемых встречах с вождем революции.

Однажды, после очередного заседания фракции, было объявлено, что завтра, 30 августа, Владимир Ильич будет делать доклады на хлебной бирже, а вечером на заводе Михельсона о задачах советской власти. Как и всегда, активистам предложили побывать на митингах. Дни стояли тревожные. Утром получили известие об убийстве председателя Петроградской ЧК Урицкого. Контрреволюция поднимала голову. ВЧК раскрыла несколько заговоров.

Когда Сучков пришел на завод, митинг был уже в полном разгаре. Один оратор сменял другого, а Ленина все не было. Рабочие стали уже расходиться, но неожиданно разнесся слух, что Ленин сейчас выступает на хлебной бирже и скоро приедет на завод. Около 6 часов вечера приехал Владимир Ильич. Он быстрыми, торопливыми шагами, в расстегнутом пальто, прошел через расступившуюся толпу и, подойдя к трибуне, осведомился:

— Кто выступал? О чем говорили?

Заводские партийцы сообщили, что выступали рабочие, выступили интернационалист, меньшевик.

— Путаются под ногами, — заметил Владимир Ильич. — Сами не знают, убогие люди, чего хотят, мешают заниматься делом.

По лесенке Владимир Ильич поднялся на строительную вышку, которая заменяла в цехе трибуну. Быстро окинув взором присутствующих, он произнес свою знаменитую речь о диктатуре пролетариата и о диктатуре буржуазии. Он говорил около часа, и рабочие слушали с напряженным вниманием. В громадном корпусе было тихо-тихо. Казалось, пролети муха, и на нее бы злобно цыкнули.

По окончании речи Ленина разразился ураган рукоплесканий. Владимир Ильич сделал жест, как бы останавливающий эту бурю, приветливо помахав рукой в знак прощания, быстро сошел вниз. Ленина окружили рабочие, стали задавать вопросы. Владимир Ильич слушал их очень внимательно и подробно отвечал.

Так прошло еще около часа. Рабочие начали расходиться к станкам, а Ильич, окруженный небольшой группой активистов, направился к выходу. Около машины его снова остановили женщины, попросившие разъяснить, почему на железных дорогах реквизируют муку? Владимир Ильич терпеливо разъяснял, что это вызвано тем, что спекулянты дезорганизуют снабжение, искусственно усиливают трудности... В это время от будки из-за машины приблизилась фигура высокой женщины в пестрой шали. Такой она запомнилась Сучкову. Раздалось четыре выстрела, один за другим. Сучков вместе с другими инстинктивно рванулся к Ленину, который упал, прислонившись раненым плечом к машине. Все оцепенели и в первую минуту растерялись. Никому не пришло в голову сразу же погнаться за стрелявшей женщиной. А она, выиграв секунды, убежала через будку на улицу. За ней бежали вездесущие подростки, которые догнали ее и вместе с подоспевшими взрослыми рабочими задержали. Эсерка Фанни Каплан, выполнявшая приказ своего правоэсеровского ЦК, была задержана и приведена во двор завода.

— У, стерва! — неистово кричали женщины, сорвав с нее платок и терзая ее за волосы, уши. Смотри, что натворила, гадина!

А Ленин, терявший в это время силы, слабым голосом прошептал:

— Только никакого самосуда, товарищи... Это недостойно нас. Передайте ее в руки правосудия.

Машина выехала со двора. Пока за преступницей не приехали чекисты, работники продолжали ее терзать. Их злобные выкрики ничего хорошего не сулили жизни отщепенца, но разорвать ее на куски, в клочья, как требовало сердце, они не могли: Ленин не велел.

В эти дни все советские люди, все честные люди мира с замиранием сердца открывали газеты, подходили к листовкам, расклеенным на заборах, или к репродукторам и с трепетом сердца узнавали из очередного бюллетеня о состоянии здоровья Владимира Ильича.

В первые дни болезни, когда его жизнь висела на волоске, вспыхнула небывалая ярость народного гнева. По требованию народа был объявлен красный террор против тех, кто занес кровавую руку над революцией. С щемящей болью в сердце думали люди о Ленине, гоня от себя мысль, что его организм может не выдержать. Даже дети как-то притихли.

Но к счастью народа, его могучий организм победил и смертельный яд кураре,¹ хотя эта схватка была далеко не равной. Веселее и радостнее становились лица людей, читавших последние сводки.

— Ленину лучше... Ильич пошел на поправку... Ленин смерть победил... Ленин жить будет...

Это говорили люди при встречах, забывая даже сказать привычное «здравствуй». Так велика была радость народа от возвращения к жизни любимого Ленина.

Скоро Ленин вернулся к работе, а через несколько дней председательствовал на заседании Совнаркома... Правда, еще перевязанный. Но разве удержишь его, когда столько горячего дела?.. Это ведь был Ленин...

*
*

Маленький домик стоит на улице имени Батурина, комиссара Чапаевской дивизии, погибшего вместе со своим легендарным начдивом. В этом домике живет Иосиф Гав-

¹ Яд «кураре», которым была начинена пуля, вырабатывался южно-американцами из паразитического растения лиан.

рилович Сучков. Нередко на звонок выходит из домика пожилая женщина с приятным лицом и доброй улыбкой. Это супруга Сучкова Ольга Перфильевна, верная спутница всей его жизни.

— Иосиф Гаврилович дома? — спрашивают посетители.

— Ушел с утра, — отвечает хозяйка. — Обещал зайти пообедать, да что-то запоздал. А вы что, ребятишки, к нему?

— Мы тоже хотим попросить его прийти к нам на пионерский сбор и рассказать о том, как он у Ленина был.

Сверстники Иосифа Гавриловича удивляются на то, что он очень много времени уделяет молодежи.

Сучков постоянно и дома, и в клубах всегда с молодежью.

— Я жалею об одном, — с усмешкой говорит он, когда ему напоминают о его пристрастии к молодому поколению, — что я не могу с ребятишками в бабки играть. А думаете почему? Да только потому, что будущее в них. Когда живешь будущим, сам молодеешь. Посмотрите кругом — везде молодежь: на фабриках и на целинных землях, и в вузах, и солдатских казармах. Молодежь самая деятельная часть народа, задорная, порой озорная, смелая, верная помощница нашей партии. Она всегда на переднем крае борьбы.

Сучков двадцать пять лет работал директором таких крупных предприятий, как Тейковский комбинат, Большая Ивановская мануфактура, Родниковский комбинат «Большевик».

И он всегда опирался на молодежь. Но Сучков хорошо знает, что молодежь не рождается подготовленной к деятельности и борьбе, что дело революции не могло решаться усилиями одного поколения. Поэтому очень важно, чтобы старшее поколение передавало накопленные революционные и трудовые традиции.

Недавно, выступая на областном активе комсомольской организации, Иосиф Гаврилович сказал:

— Я вот старый человек, долгие годы провел в большевистском подполье. Всю свою жизнь осуществлял на практике гениальные указания товарища Ленина. Казалось, что знаю все его произведения. А вот и теперь, на склоне лет, перечитывая еще и еще раз его труды, я нахожу все новое и новое, что помогает понять лучше и прощ-

лое, и настоящее, и будущее. Хотите быть коммунистами, — сказал он в заключение, — учитесь работать и жить у Ильича. Хотите быть ленинцами, никогда не расставайтесь с томиками его гениальных произведений.

— Мы из ночи шли, — обычно говорит Сучков молодежи, — а вам придется народ вести к полной победе коммунизма. Для этого надо много учиться и прежде всего учиться в труде. Нам в подполье наука давалась дорогой ценой. За истинное знание правды приходилось платить годами долгой тюрьмы или даже жизнью. Был среди нас молодой товарищ — большевик Костя Козуев. За час до своего повешения он написал письмо. Сколько в этом письме было спокойствия и уверенности в правоте и победе нашего дела. А почему он был так убежден? Только потому, что он творчески, в тесной связи с жизнью усвоил истины марксистско-ленинского учения. Идеино закаленный человек — непобедим.

Кем бы Сучков ни был, членом ли больничной кассы рабочих, руководителем подпольной организации, председателем митинга или красным директором — он всегда был коммунистом.

Не случайно со времени подполья Иосиф Гаврилович избирается в партийные руководящие органы. Вот и теперь он активный член городского комитета партии, частый докладчик по волнующим вопросам.

За полувековую революционную и общественную деятельность Сучков награжден Правительством орденом Ленина.

Получая награду, он мысленно перебрал всю свою жизнь — все ли он сделал, все ли силы отдал общему делу? Нет, он еще может служить делу коммунизма. Разве пенсионная книжка дает право только на созерцание героических усилий народа? — Нет, сказал он, принимая драгоценный знак народной благодарности, — я остаюсь в строю. Никаких скидок на годы. Великое счастье коммуниста сознавать себя ленинцем и чувствовать себя солдатом великой ленинской гвардии. Только вперед! Только повседневная деятельность, движение! Остановка — это смерть. Большевик обязан жить, пока бьется сердце.

Иосифу Гавриловичу 72 года, а он продолжает вести большую общественно-политическую работу. В течение 40 лет он избирается в органы советской власти, являясь надежным слугой народа. Он и сейчас — депутат городско-

го и районного Советов. Про себя Иосиф Гаврилович вполне мог бы сказать словами ивановского поэта-ткача Блага:

Пусть на плечи ложатся года,
Жизнь прекрасна, душа молода!..

СОДЕРЖАНИЕ

	М. В. Фрунзе. <i>Дм. Фурманов</i>	5
	Дмитрий Фурманов. <i>Г. Горбунов</i>	24
	За власть Советов. <i>Н. Лобко</i>	59
	Красный военком. <i>В. Касаткин</i>	82
<i>Удальцов</i>	Председатель Совета. <i>Н. Девятъяров</i>	107
<i>Сорокин</i>	Организатор масс. <i>Ю. Глебов</i>	128
<i>Гатурин</i>	В тылу и на фронте. <i>В. Чижов</i>	156
<i>Галактичкин</i>	Боевые пути-дороги. <i>М. Жохов</i>	187
<i>Шаров</i>	На рассвете. <i>Ю. Пискунов</i>	216
<i>Кайши</i>	Юный герой. <i>А. Фролов</i>	237
<i>Редан</i>	С винтовкой наперевес. <i>А. В. Самарина</i>	258
<i>Мадон</i>	Большевицкой гвардии рядовая. <i>А. Курчавов</i>	274
<i>Голубов</i>	Молодость, отданная революции. <i>С. Макаров</i>	296 ³
<i>Улов</i>	Жизнь моего друга. <i>М. Мезенин</i>	315
	За женскую долю. <i>Р. Ковнатор</i>	336
<i>Суров</i>	Своею собственной рукой. <i>А. Гурьянов</i>	354

НА ЗАРЕ ОКТЯБРЯ

Редактор-составитель *Г. И. Горбунов*

Художник *В. А. Орлов*

Художественный редактор *А. В. Пелипенко*

Технический редактор *Р. Н. Боголюбова*

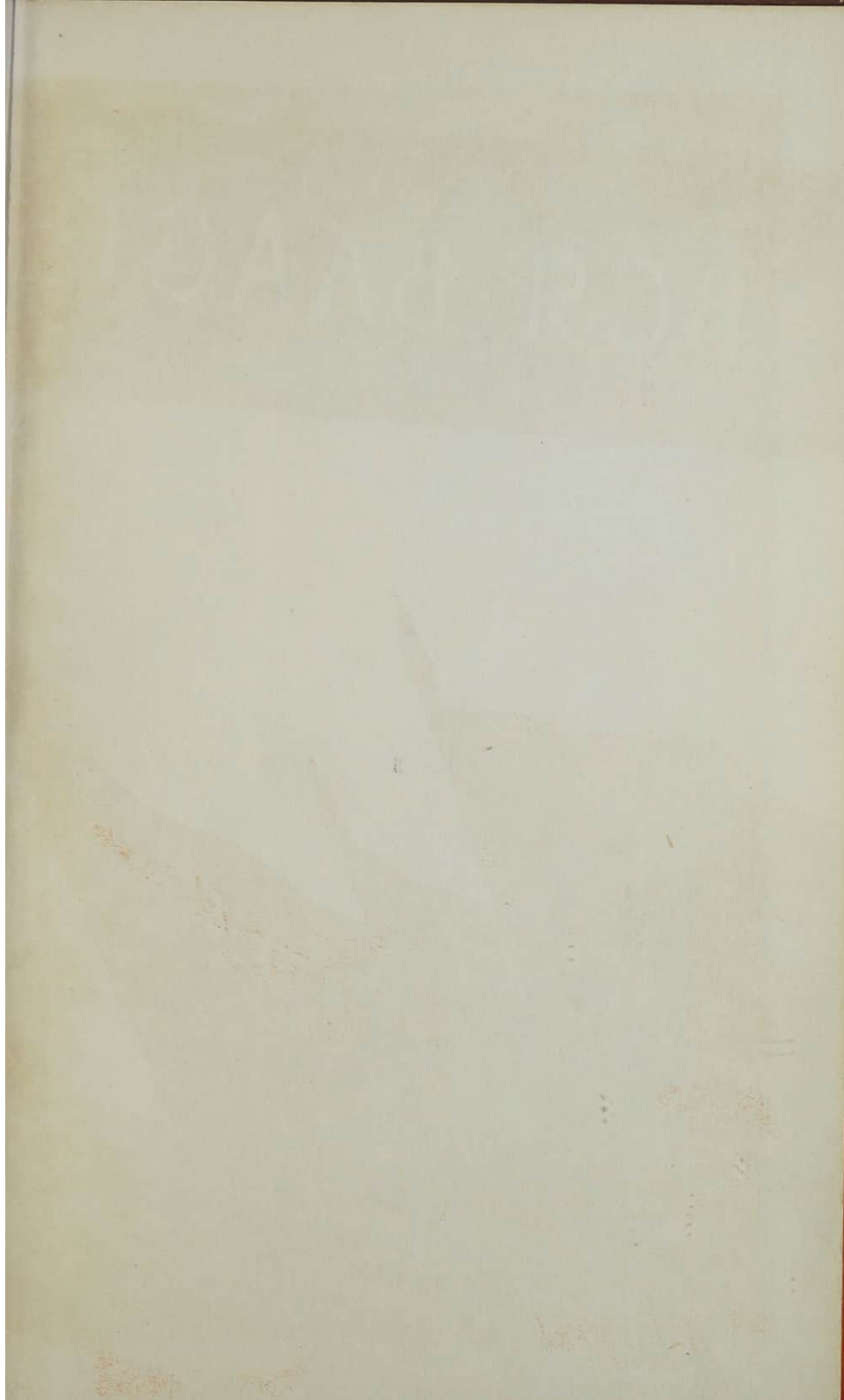
Корректоры *Н. А. Смирнова, Г. В. Маклашина*

Сдано в набор 7/III-1957 г. Подписано к печати 14/V 1957 г. Бумага $84 \times 108^{1/32} = 12$ печ. л. — 19,68 усл. печ. л., 19,52 уч.-изд. л. Тираж 15 000 экз. КЕ — 01766

Ивановская областная типография,
г. Иваново, Типографская, 6. Заказ № 1467.

Цена 5 руб. 85 коп.

Переплет 1 руб. 50 коп.

ВСЯ ВЛАСТЬ

COBETAM !

7р. 35к.

Ивановское
Книжное Издательство
1957

